

ИМПЕРСКОЕ
МЫШЛЕНИЕ

ГЕРМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ

Борис Соколов

ИМПЕРСКОЕ
МЫШЛЕНИЕ



Борис Соколов

От Бисмарка
до Гитлера

Германская
ИМПЕРИЯ



ЭКСМО

ЭКСМО





Борис Соколов

ГЕРМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ

От Бисмарка
до Гитлера



МОСКВА
ЭКМО
«АЛГОРИТМ»
2003



Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С.,
Поляков Ю. М., Сироткин В. Г., Третьяков В. Т.,
Ульяшов П. С., Уткин А. И.

Оформление художника Е. Пермякова

Соколов Б.

С 59 Германская империя: от Бисмарка до Гитлера. — М.:
Изд-во Эксмо, 2003. — 480 с.

ISBN 5-699-04272-5

Германская империя просуществовала 74 года: с 1871 по 1945 г., хотя она и восходит к империи Карла Великого и Священной Римской империи. Созданная волей «железного канцлера» Бисмарка, она объединила разрозненные немецкие земли в сильное централизованное государство, которое разбило Францию, захватило ряд колоний. Но уже в начале XX века потерпело поражение от стран Антанты. В дальнейшем Третий рейх под водительством Гитлера попытался взять реванш — он подчинил себе почти всю Европу, но, неосмотрительно напав на Россию, подписал себе смертный приговор. Так на протяжении менее столетия германская нация, возмечтавшая править миром, вследствие фашистской идеологии, была низвергнута с прежних высот.

ББК 63.3(4)



ЧТО ТАКОЕ ИМПЕРИЯ

Империя — это государство, правящий слой которого ориентирован на постоянное территориальное расширение. При этом основной массе населения государственная пропаганда прививает имперское мышление. Лейтмотив его обычно следующий: «Россия (Германия, Австро-Венгрия, Британия и т. д.) может быть только великой державой, или ее не будет вовсе!» Государство-империя, помимо основной государствообразующей нации, включает в себя территории, населенные преимущественно другими народами, составляющими национальные меньшинства в составе данной империи. При этом совокупная численность национальных меньшинств часто может превышать численность основных имперских наций. Так было, например, в Австро-Венгрии, где считавшиеся привилегированными нациями немцы и венгры насчитывали около 45 процентов населения, а прочие народы — около 55 процентов. Подобная же ситуация была и в Российской империи и в наследовавшем ее Советском Союзе, где под конец существования русские составляли чуть менее половины всего населения. При этом далеко не всегда национальные меньшинства находились в приниженном правовом и экономическом положении по отношению к основным имперским нациям. Так, например, в Российской империи остзейских немцев скорее можно было отнести к привилегированной этнической группе, если учесть долю представителей этой группы среди высшей бюрократии и военных, крупных землевладельцев, финансистов и промышленников, а также то обстоятельство, что немцы в России не были никоим образом ущемлены ни в гражданских, ни в политических правах. Аналогично чехи в Австро-Вен-

грии в последние годы существования Дунайской монархии не только являлись самым развитым в экономическом отношении народом, но и не претерпевали каких-либо притеснений со стороны немцев в политической или языковой сфере. А в Германской империи до 1918 года такие меньшинства, как эльзасцы и лотарингцы, обладали всеми правами подданных кайзера и имели возможность получать образование на родных языках.

Многие европейские империи имели заморские владения, называвшиеся колониями и населенные народами, принадлежащими к иным, чем европейская, цивилизациям. Наиболее известные здесь — Британская, Французская, а ранее — Испанская и Португальская империи. Оговорюсь, впрочем, что колониальные империи — это не вполне империи в классическом смысле слова. Классическими мировыми империями можно назвать империи вроде Римской, империи Александра Македонского, Карла Великого, Российской, Германской или Австро-Венгерской, которые представляли собой непрерывный массив суши, не разделенный значительными морскими и океанскими пространствами.

Весьма специфической была Японская империя. Япония, подобно Англии, является островным государством. В виде империи она существовала еще более короткий период времени, чем Германия. В 1895 году японцы завладели китайским островом Тайвань и установили свой контроль над Кореей, положив основание своей империи, а после безоговорочной капитуляции в 1945 году Японская империя навсегда перестала существовать. На пике своих успехов Япония контролировала обширные территории: значительную часть Китая, Корею, Индокитай, Бирму, Индонезию, Филиппины, часть Новой Гвинеи, многие более мелкие острова Тихого океана. Все эти территории были отделены от собственно Японии морскими и океанскими просторами, и в этом отношении Японскую империю можно уподобить Британской. Однако сами японцы в общем-то воспринимали эти владения не как колонии, а как часть «Восточно-Азиатской сферы процветания». Покоренные азиатские народы рассматривались в Токио как подчиненные его воле младшие

партнеры, но не как колониальные туземцы, которых предстоит цивилизовать. Да и сама японская цивилизация когда-то отпочковалась от более древней, китайской. Главное же, все оккупированные территории вместе с японскими островами образовывали единый сплошной массив, без каких-либо вкраплений владений других государств. В этом отношении Японская империя очень напоминала континентальные империи Европы, вроде Австро-Венгрии или России, или ту же Германскую империю в том же 1942 году на пике военных успехов вермахта. В то же время Рейх при Гитлере приобрел также и черты колониальной империи, поскольку к территориям, населенным «недочеловеками»-славянами, предполагалось относиться как к туземным колониальным народам. Только их собирались не цивилизовать, а частью уничтожить, в основном посредством голода, частью германизировать, а частью превратить в бесправных рабов «сверхчеловеков»-немцев. В какой-то мере Японская и Германская империи сочетали в себе черты классических и колониальных империй: первая — в большей, вторая — в меньшей степени.

Основные империи, претендовавшие на мировое господство, возникли в Европе. Из неевропейских империй Средневековья и Нового времени, также имевших вселенские притязания, можно отметить Оттоманскую и Арабскую империи, из неевропейских империй древности — Персидскую империю и возникшую на ее месте недолговечную империю Александра Македонского. Эти империи также включали европейские территории, но по отношению к сердцу империй они представляли собой периферию. Основные ресурсы указанных государств все же были сосредоточены в их азиатских владениях. Единственное исключение здесь, пожалуй, — Турецкая империя, столица которой располагалась на окраине Европы и для которой Балканские провинции в период наибольшей экспансии, в XVI—XVII веках, играли важнейшую роль. В античности же великой европейской империей был Рим, а в Средневековье — Византия, территория которой позднее почти полностью вошла в состав Оттоманской (Турецкой) империи, и империя Карла Великого, в политичес-

ком отношении выступавшая наследницей Римской империи античности.

К империи Карла Великого в идеологическом смысле восходит и Германская империя, о которой рассказывается в этой книге. В период с 1871 по 1918 год она называлась Второй империей, или Вторым рейхом. При этом имелось в виду, что Первый рейх — это империя Карла Великого и непосредственно наследовавшая ее Священная Римская империя, во главе которой наиболее продолжительный период была австрийская династия Габсбургов. Третьим рейхом, соответственно, называли иногда империю Гитлера, хотя официальное название государства было другое — Великогерманский рейх, поскольку оно включало все территории с немецким населением, в том числе Австрию, Судеты, Богемию и Моравию. Еще Гитлер и его соратники говорили о Тысячелетнем рейхе, который будет воссоздан силой германского оружия и просуществует, как и Священная Римская империя, по меньшей мере тысячу лет. Что же касается периода Веймарской республики, с 1918 по 1933 год, то его иногда относят ко Второму рейху, непосредственной правопреемницей которого она являлась, сохранив и прежнее официальное название — Германский рейх. Однако в годы Веймарской республики политика Берлина носила отнюдь не имперский характер. Германское правительство главной своей задачей видело облегчение репарационного бремени, однако не выдвигало официальных территориальных претензий, не строило завоевательных планов.

Всего же Германская империя существовала 74 года — с 1871 по 1945 год. В этническом отношении она была наиболее монолитной из всех известных империй. Немцы в ней всегда абсолютно преобладали, как численно, так и в культурном отношении. Однако в историю Германская империя вошла в первую очередь достижениями своей науки и техники и вооруженных сил. Достижения же собственно культуры в узком смысле слова, т. е. литературы и искусства, были скромнее, хотя лучшие из них, например романы Томаса Манна, Эриха Марии Ремарка и Лиона Фейхтвангера, а также пьесы Герхарта Гауптмана тоже вошли в культурную со-

кровищницу человечества. А в пользу немецкого историка античности Теодора Моммзена в 1902 году Комитет Нобелевских литературных премий отверг кандидатуру самого Льва Толстого. Правда, там определяющую роль сыграли политические мотивы. Отлученный от православной церкви религиозный еретик Толстой находился не в самых лучших отношениях с российскими властями, и шведские академики, во избежание дипломатического скандала, решили не рисковать и выбрали вполне политически благонадежного Моммзена, никаких проблем с имперским правительством Германии не имевшего. Большинство же германских писателей, что характерно, и с кайзеровскими, и в особенности с национал-социалистскими властями находились в весьма напряженных отношениях и в разное время вынуждены были или покинуть родину, как Лион Фейхтвангер, Томас и Генрих Манны, Леонгард Франк, Бертольт Брехт, Анна Зегерс, Герман Гессе, или уйти в своеобразную внутреннюю эмиграцию, как Герхарт Гауптман и Ганс Фаллада, первоначально даже приветствовавшие приход Гитлера к власти. Моммзен все-таки был историком, да и умер в 1903 году, до всех тех бурь, что пронесли над Германией в первой половине XX века, а вот судьбы выдающихся германских писателей показательны. Из четырех немецких писателей, ставших нобелевскими лауреатами в 1901—1946 годах: Пауля фон Хейзе (скончавшегося перед самым началом Первой мировой войны и сейчас основательно забытого главы мюнхенского кружка поэтов — поборников «чистого искусства»), Герхарта Гауптмана, Томаса Манна и Германа Гессе, двое последних вынуждены были эмигрировать, причем Гессе — еще в кайзеровские времена. Всего же после прихода к власти Гитлера и до начала Второй мировой войны Германию покинули около двух тысяч видных деятелей культуры, причем отнюдь не большинство среди них составляли евреи, которым расовая политика национал-социалистов грозила физическим истреблением. Германская империя, с ее культом армии и милитаризма, была не самым лучшим местом для художественного творчества. Вот естественные науки, особенно связанные с вооружениями и военной техникой, в эпоху Германской

империи развивались бурно. Достаточно назвать одного из отцов квантовой механики Вернера Гейзенберга, главу германского ядерного проекта при Гитлере, и Вернера фон Брауна, творца германской, а потом американской ракетно-космической программы. Германская империя родилась в пламени войн, построена «железом и кровью». В огне войны от железа союзников она и сгнула, залив кровью Германию и весь мир. Миссия Рейха в истории свелась к войнам и насилию, и она не могла длиться долго. Можно сказать, что Германская империя родилась слишком поздно. Она появилась на свет в то время, когда век империй уже подходил к концу. Развитие экономики в наиболее передовых странах мира, тех, где была сосредоточена основная экономическая и военная мощь (в наше время их называют «золотым миллиардом»), настоятельно требовало экономической интеграции, не считавшейся с политическими границами. Анахронизмом постепенно становились колониальные империи. Две наиболее промышленно развитые страны в начале XX века настоятельно требовали допустить их к свободной экономической и торговой конкуренции в заморских владениях других стран. И уже после Первой мировой войны стало ясно, что колонии превращаются в обузу метрополий, никак не повышая уровень жизни англичан, французов, итальянцев, испанцев и португальцев. Уже в 30-е годы колониальные державы разрабатывали проекты предоставления независимости своим крупнейшим колониям (Англия — Индии, США — Филиппинам, Франция — своим владениям к югу от Сахары и т. д.). В 1901—1910 годах стали фактически независимыми британские доминионы Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз. Да и германские и турецкие владения державы-победительницы взяли в свое управление лишь в качестве подмандатных территорий, рассчитывая через какое-то время предоставить им независимость. Проблема была только в выборе подходящих правительств, лояльных к новым хозяевам. Вторая мировая война, скорее, даже затормозила, а не ускорила этот процесс, который и без нее завершился бы не позднее 1960-х годов, а быть может, и еще раньше, распадом колониальных империй, в которых у

метрополий уже не было больше нужды. Ведь производство все усложнялось, в нем росла техническая и интеллектуальная составляющая стоимости товара и, соответственно, снижалась доля сырьевой и топливной составляющей. А колонии могли поставлять только сырье и топливо. Новые независимые страны, как стало ясно уже после Второй мировой войны, оказались во все большей технологической зависимости от «золотого миллиарда» и потому не могли безоглядно диктовать цены даже на такое дефицитное топливо, как нефть, хотя порой и получали за счет монопольного владения ресурсами огромные сверхприбыли.

Но и в Европе время империй в начале XX века неумолимо приближалось к двенадцати. Потребности экономического развития, определяемые крупными корпорациями, требовали все большей интернационализации рынка цивилизованных стран, ликвидации политических барьеров, препятствовавших хозяйственной деятельности. С этой точки зрения идеальными представлялись не громоздкие многонациональные империи, а компактные национальные государства. Именно такие национальные государства, как США, Англия и Франция, а также более слабая Италия в результате Первой мировой войны спровоцировали распад Австро-Венгерской, Османской и Российской империй и отторгли от Германской империи почти все территории с преимущественно негерманским населением и колонии. Произошел ли бы распад этих государств-империй без войны в столь короткие сроки — большой вопрос. Что касается Оттоманской империи, то «больной человек Европы» скончался бы довольно быстро и без Первой мировой войны. А вот Австро-Венгрия имела шанс уцелеть, преобразовавшись в триединое государственное образование конфедеративного или федеративного типа. В этом случае в составе Дунайской монархии к Австрии и Венгрии добавилась бы либо Чехословакия, либо Югославянское королевство в составе Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины и сербских земель Венгрии. Германия в случае, если бы сараевский кризис не разразился войной, имела все шансы сохраниться в прежних границах и с прежними колониями на довольно долгий срок. Перспективы Российской империи не кажутся столь радужными, но

все-таки и у нее были шансы уцелеть, возможно, поступившись Финляндией и этнически польскими землями. Однако вероятность того, что противостояние блоков в Европе 1910-х годов не завершилось бы мировой войной, представляется чрезвычайно малой. Агрессивная политика Германии, непоколебимое стремление Франции к реваншу, решимость Англии не допустить появления опаснейшего конкурента на морях, равно как и противоречия России и Австро-Венгрии на Балканах оставляли не много надежд на мирное урегулирование споров.

Главным архитектором, подлинным создателем Германской империи был «железный канцлер» князь Отто фон Бисмарк, подлинно великий государственный деятель, чье наследие отразилось в законах и принципах построения нынешней Федеративной Республики Германии. А могильщиком Германской империи стал фюрер Адольф Гитлер, человек тоже, безусловно, великий, но с огромным знаком минус. Как справедливо заметил американский историк Уильям Ширер, «Адольф Гитлер, вероятно, последний из великих авантюристов-завоевателей, действовавших в духе Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона, а Третий рейх — последняя из империй, решившая вступить на путь, ранее пройденный Францией, Древним Римом и Македонией. Занавес был наконец опущен на данной исторической стадии в результате создания водородной бомбы, баллистических ракет и ракет, способных достичь Луны». Что же касается кайзера Вильгельма II, немало сделавшего для того, чтобы Германия ввязалась в Первую мировую войну в самых невыгодных для себя условиях, то из-за своей волевой, нравственной и интеллектуальной ничтожности он сегодня не воспринимается в качестве какого-либо значимого символа и целиком принадлежит истории. Бисмарк же и Гитлер и сегодня остаются политически актуальными фигурами: первый — для национально ориентированных консерваторов, сторонников законности и порядка, второй — для ультраправых радикалов, ненавистников инородцев, верящих в величие германской расы.

Часть первая

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ



«ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ»: НАКАНУНЕ

Борьбу за объединение Германия вела как революционная социал-демократия, так и монархи двух крупнейших германских государств — Пруссии и Австрии. Вплоть до 1860-х годов предпочтительным считался вариант Великой Германии — с включением в ее состав германских земель Австрийской империи, которая должна была занять в новом государственном образовании господствующее положение. Лишь поражение Австрии в австро-прусской войне 1866 года привело к реализации варианта Малой Германии — объединения германских государств вокруг Пруссии и без участия Австрии.

Осенью 1862 года, едва став прусским канцлером, Бисмарк сразу же заявил австрийскому посланнику в Берлине: «Наши отношения должны стать либо лучше, либо хуже. Я готов вместе с вами попытаться улучшить их. Если это не удастся из-за вашего отказа, то не рассчитывайте, что нас можно будет связать фразами о дружбе и союзе. Вам придется иметь дело с нами как с великой европейской державой; параграфы Венского заключительного акта 1815 года не в состоянии задержать исторического развития Германии». «Железный канцлер», за которым была военная и экономическая мощь Пруссии, дипломатически переиграл своих австрийских партнеров по всем статьям, сначала поманив Вену призрачной перспективой австро-прусского союза, а затем добившись ее изоляции. Но прусской дипломатии решающим образом помогло то обстоятельство, что Пруссия, получив в 1815 году промышленное сердце Германии — Рур и другие

рейнские провинции, к 1860-м годам была самым развитым в экономическом отношении из германских государств. Экономическая мощь, учитывая давние милитаристские традиции Пруссии, легко трансформировалась в мощь военную. Прусская армия превосходила австрийскую по всем статьям: по численности, уровню подготовки личного состава и вооружению. К тому же прусская армия была почти монолитна в национальном отношении, за исключением сравнительно немногочисленного польского контингента, в надежности которого были основания сомневаться. Австрийское же командование не могло рассчитывать на безусловную лояльность чехов, словаков, итальянцев, румын, да и венгров, вместе составлявших более половины императорской армии.

Бисмарк предлагал Вене для начала «по-братски» разделить всю Германию на сферы влияния: признать гегемонию Пруссии в северогерманских государствах, а Австрии — в южногерманских. Австрийцы эту идею отвергли, рассчитывая сохранить собственное доминирование в Германском союзе. Впрочем, пойдя они на это предложение, Бисмарк, можно не сомневаться, нашел бы способ вытеснить ослабляемую межнациональными противоречиями и уступающую по военному и промышленному потенциалу бурно растущей Пруссии Австрийскую империю и из Южной Германии и вынудил бы Вену согласиться на создание Германской империи под прусским главенством. В дальнейшем, как известно, Пруссии удалось привлечь Австрию к войне против Дании за Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. Северная часть Шлезвига, присоединенного в конце концов к Пруссии, была населена преимущественно датчанами. Таким образом, в составе Германской империи оказалось немногочисленное датское национальное меньшинство в добавление к уже существовавшему в составе Пруссии польскому меньшинству. Позднее к ним добавились эльзасцы и лотарингцы, населявшие отторгнутые от Франции провинции. Однако в целом все упомянутые меньшинства не подрывали немецкий по преимуществу характер империи. Из них только поляки доставляли немало хлопот имперскому правительству в Берлине, активно отстаивая свою религию и культуру, сопротивляясь германизации

и выступая за возрождение независимого Польского государства.

Для создания Германской империи под своим главенством Пруссии был необходим как минимум благожелательный нейтралитет России. Описывая свое посещение Петербурга в 1862 году, Бисмарк особо отмечал в мемуарах: «Для германского будущего Пруссии позиция России была вопросом первостепенного значения. Дружественное по отношению к русской политике благоприятствовало бы оживлению русско-французских связей, к развитию которых стремились при случае со времени Парижского мира и даже раньше; дружественный по отношению к русско-французскому союзу... поставил бы тогдашнюю Пруссию в затруднительное положение... Из доверительных бесед, которые я вел частью с князем Горчаковым, частью с самим императором, я мог заключить, что Россия сама не давала никаких гарантий относительно того, что не будет браться с Польшей. Император Александр не прочь был тогда отдать часть Польши; он сказал мне это без обиняков, по крайней мере — по поводу левого берега Вислы, причем, не делая на этом особого ударения, он исключил Варшаву, которая, как место расквартирования войск, имела для армии свою привлекательность и стратегически входила в укрепленный треугольник на Висле. Польша представляла, по его словам, источник беспокойства и европейских опасностей для России, а русификация ее неосуществима из-за различия вероисповеданий и из-за недостаточных административных способностей русских властей. Нам, немцам, удалось бы, по его мнению, германизировать польские области, у нас есть средства к тому, ибо немецкий народ культурнее польского. Русский же человек не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками; следует ограничиться тем минимумом польского населения, какой допускает географическое положение, т. е. границей по Висле и Варшавой, как предместным укреплением».

В тот момент, да и в дальнейшем между Пруссией и Россией не было никаких неразрешимых, антагонистических противоречий. Обе державы не были заинтересованы в вос-

создании независимого Польского государства. И для Российской империи, и для Прусского королевства главным потенциальным противником представлялась Франция. Петербург не мог забыть унижительного поражения в Крымской войне. Только ослабление Франции позволило бы России восстановить свой военный флот на Черном море и вновь начать играть важную роль в восточном вопросе — дележе наследства Оттоманской империи, «больного человека» Европы. Берлину же необходимо было преодолеть французское сопротивление, чтобы провести объединение Германии. Сделать это без военного столкновения с Францией было невозможно. Император Александр II и руководитель внешнеполитического ведомства князь А.М. Горчаков не видели непосредственной угрозы российским интересам в установлении гегемонии Пруссии в Германии. Тем самым была бы унижена Австрия, которой правящие круги Российской империи не могли простить «предательства» в дни Крымской войны, когда под угрозой открытия военных действий со стороны австрийской армии русские войска вынуждены были оставить Дунайские княжества и отказаться от похода на Константинополь. К тому же Россия издавна была рынком сбыта для дешевой промышленной продукции Пруссии, тогда как последняя получала русское зерно и сельскохозяйственное сырье. Все эти обстоятельства побудили Петербург соблюдать благожелательный для Пруссии нейтралитет во время всех войн за объединение Германии.

История того, как «железный канцлер» Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен Бисмарк благодаря мощи прусской армии и собственному дипломатическому искусству объединил Германию вокруг Пруссии, слишком хорошо известна, чтобы излагать ее сколько-нибудь подробно. Задача Бисмарка заключалась в том, чтобы вовремя обрести союзников, в том числе и среди будущих противников, и обеспечить нейтралитет прочих великих держав. Сначала в союзе с Австрией Пруссия отняла у Дании германские герцогства Гольштинию и Шлезвиг. Затем в союзе с Италией и армиями Северогерманского союза пруссаки сокрушили Австрию. И, наконец, присоединив к себе северогерманские государства, Пруссия

во главе Северогерманского союза и в альянсе с южногерманскими государствами разгромила Французскую империю Наполеона III. Во всех этих конфликтах был определенный риск, связанный прежде всего с вмешательством других великих держав. Дании могла прийти на помощь Англия, и тогда надежды союзников на молниеносную победу и быструю оккупацию спорных провинций сразу бы испарились. А если бы на стороне Австрии в 1866 году пришла бы Франция, Пруссии пришлось бы воевать на два фронта с очень сомнительными шансами на успех. Не случайно накануне австро-прусской войны Бисмарк утверждал: «Борьба предстоит тяжелая. Не исключено, что Пруссия проиграет, но в любом случае она будет сражаться отважно и с честью... Если нас разобьют, я не вернусь сюда. Я погибну в последней атаке. Умереть можно лишь однажды, и побежденному лучше всего умереть». В 1945 году, на развалинах поверженного Берлина и Нюрнберга, многие немцы наверняка с горечью и ужасом вспоминали эти слова своего великого канцлера.

**«ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ»:
АВСТРО-ПРУССКО-ДАТСКАЯ ВОЙНА**

Эта война началась из-за споров о наследстве датского короля Фредерика VII, умершего в 1863 году бездетным. В состав Датского королевства с середины XV века входили населенные преимущественно немцами герцогства Шлезвиг, Гольштейн, находившиеся в личной унии с датской короной. Гольштейн одновременно являлся также членом Германского союза. В 1816 году Пруссия уступила Дании княжество Лауэнбург в обмен на территории в Померании. Незадолго до кончины Фредерик VII издал указ о присоединении Шлезвига к Дании и о введении самостоятельного управления для Гольштейна. По инициативе Австрии и Пруссии Сейм Германского союза пригрозил Дании «экзекуцией», т. е. вводом войск Союза в Гольштейн и Лауэнбург. После же смерти Фредерика и с прекращением прежней династии, по мнению Австрии и Пруссии, поддержанному другими германскими государствами, исчезли основания для личной унии Шле-

звига и Гольштейна с Данией. При их поддержке герцог Фридрих Августенбург в ноябре 1863 года провозгласил себя герцогом Шлезвига и Гольштейна Фридрихом VIII. В декабре 1863 года по решению Сейма саксонские и ганноверские войска вступили в Гольштейн и Лауэнбург, не встретив сопротивления со стороны датской армии. В случае окончательного включения Шлезвига в состав Дании Пруссия и Дания грозили ей войной. Союзный Сейм не решился поддержать предложение об оккупации Шлезвига. Тогда 14 января 1864 года Австрия и Пруссия предъявили Дании ультиматум об отказе от включения Шлезвига в состав Дании. 16 января было заключено соглашение об оккупации Шлезвига в качестве залога соблюдения Данией условий Лондонского протокола 1852 года об административном единстве Шлезвига и Гольштейна. 18 января датчане отвергли ультиматум. В ответ австрийские и прусские войска начали готовиться к боевым действиям. Запоздалое обещание датского правительства в течение шести недель пересмотреть пункт конституции о Шлезвиге не помогло. 1 февраля 1864 года войска союзников вторглись в Шлезвиг. Вена и Берлин заверили Лондон, Париж и Петербург, что не покушаются ни на существование датской монархии, ни на собственно датскую территорию.

Фельдмаршал Пауль фон Гинденбург вспоминал, как в 1864 году он и другие прусские кадеты восприняли войну с Данией: «Насчет политических причин, приведших к войне, мы голову себе еще не ломали. Но у нас уже было гордое ощущение, что в тусклое и шаткое существование Германского союза наконец-то ворвался освежающий ветер и что дело снова должно значить больше, чем слово и всякие папки с бумагами».

Австро-прусская армия по численности превосходила противника почти вдвое, но датчане упорно сопротивлялись, особенно на море, где слабому прусскому флоту не удалось справиться с опытными датскими моряками. Численное превосходство союзников частично компенсировалось превосходством датского флота, обстреливавшего позиции неприятельских войска, и небольшой протяженностью линии

фронта на Ютландском полуострове. Высадить морские десанты и тем самым обойти датские укрепленные позиции австрийцы и пруссаки не могли из-за господства датчан на море (австрийский флот, оставшийся на Средиземном море, участия в войне не принимал).

Датский король Христиан IX обратился к посредничеству Англии, Франции и России для прекращения войны. Англия угрожала послать свой флот на помощь Дании, но не решалась действовать без поддержки со стороны Франции, а Наполеон III в тот момент был явно не готов к войне с двумя великими германскими державами да к тому же рассчитывал за благожелательный нейтралитет получить территориальные компенсации от Пруссии на левобережье Рейна. Россия же, мечтавшая о восстановлении позиций, утраченных после Крымской войны, тем более не проявляла никакой склонности выступать против Австрии и Пруссии на стороне своих вчерашних противников.

К марту 1864 года датская армия была вытеснена из Шлезвига. В ответ датчане пригрозили захватывать в море прусские и австрийские торговые суда. Тем временем войска прусского фельдмаршала Врангеля без санкции правительства вторглись в Ютландию и заняли датский город Кольдинг. Фельдмаршал направил телеграмму королю, где грозился отправить на виселицу дипломатов, сдерживающих победоносный марш прусских войск. За самовольство Врангель по требованию Бисмарка был смещен. Но сам «железный канцлер» к тому времени пришел к выводу о необходимости перенести боевые действия в Ютландию, чтобы принудить датчан к миру. 6 марта 1864 года Австрия и Пруссия подписали соглашение о продолжении войны на датской территории. 18 апреля союзники захватили важную позицию датчан у Дюбеля. 25 апреля пруссаки овладели Фредериссией.

12 мая 1864 года было заключено перемирие. Но на конференции в Лондоне вопрос о Шлезвиге и Гольштейне не удалось урегулировать из-за неуступчивости датчан. 25 июня военные действия возобновились. 29 июня прусские войска овладели островом Альзен в проливе Малый Бельт — важной базой датского флота. Уже 6 июля Дания через посредниче-

ство бельгийского короля Леопольда I заявила о желании начать мирные переговоры с Пруссией и Австрией, поскольку датская армия терпела поражение на поле боя. 15 июля Бисмарк согласился на переговоры. Уже 1 августа 1864 года в Вене были подписаны условия перемирия и предварительные условия мира. Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург полностью отторгались от Дании. До подписания окончательного мира австро-пруссские войска оставались в Ютландии.

30 октября 1864 года в Вене был подписан окончательный мирный договор. К тому времени Пруссия добилась вывода ганноверских и саксонских «экзекуционных» войск из Гольштейна и Лауэнбурга. Дания отказывалась от прав на эти герцогства, а также на весь Шлезвиг, включая его северную часть с преимущественно датским населением, в пользу Австрии и Пруссии. В герцогствах устанавливался австро-пруссский кондоминиум (совместное управление). Такая ситуация не слишком устраивала Австрию, не заинтересованную в этих отдаленных от основной территории империи провинциях. В августе 1865 года по Гаштейнской конвенции Австрия получила в свое управление Гольштейн, а Пруссия — Шлезвиг и Лауэнбург. За последний Берлин уплатил Вене 2500 тыс. датских риксдалеров. Киль был объявлен общей гаванью Германского союза. Однако Пруссия отвергла все предложения Австрии обменять свои права в Гольштейне на территориальные уступки в прусской Силезии. Из-за этих противоречий и возникла австро-прусская война, в которой решился вопрос, какая из двух держав объединит Германию.

В австро-пруско-датской войне пруссаки потеряли убитыми 422 человека, австрийцы — 227, а датчане — 1422 человека. Кроме того, было ранено 1705 пруссаков, 812 австрийцев и 3987 датчан. О числе умерших от ран есть данные только для Пруссии и Дании — соответственно 315 и 836. Число умерших от ран в австрийской армии можно оценить в 160 человек. В прусской армии умерло от болезней 738 человек, а в датской — 2258 человек. Число умерших от болезней в австрийской армии неизвестно, но, учитывая плохое состояние австрийской санитарной службы, оно должно было быть

значительным и, во всяком случае, было вряд ли меньше, чем число умерших от болезней в прусской армии. И это при том, что австрийцы выставили против датчан вдвое меньше войск, чем пруссаки. Общее число погибших и умерших пруссаков можно оценить в 1,5 тыс. человек, австрийцев — в 1,1 тыс. и датчан — в 4,5 тыс. человек.

**«ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ»:
АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА**

Союзником Пруссии выступала Италия, стремившаяся отвоевать североитальянские земли. На стороне Австрии сражались войска ряда германских государств — Баварии, Бадена, Саксонии, Ганновера, Гессена и Вюртемберга. Решающая битва произошла у деревни Садова (Кёниггрец) в Чехии. 9 апреля Пруссия внесла в Союзный Сейм предложение созвать Национальное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права, для обсуждения реформ Германского союза. Кроме того, Пруссия выступала за независимость Шлезвига-Гольштейна во главе с прусским принцем. Вена выступила против этих предложений, грозивших устранить ее от всякого участия в германских делах. 1 июня 1866 года Австрия отвергла требования Пруссии о передаче ей Гольштейна и передала австро-прусский спор на рассмотрение Сейма Германского союза. Пруссия в ответ силой вытеснила австрийские войска из Гольштейна. 14 июня Австрия потребовала, чтобы Германский союз объявил войну Пруссии, нарушившей условия Гаштейнской конвенции. Пруссия в ответ объявила Германский союз распавшимся. Прусские войска под командованием генерала фон Мольтке закончили сосредоточение и вторглись в Богемию 15 июня, сразу же с объявлением войны. Одновременно пруссаки заняли Ганновер, Саксонию, Кургессен и Нассау. Сознывая полную незаконность этого вторжения, Бисмарк впоследствии заявил по этому поводу, что, когда речь идет о самом существовании Пруссии как государства, он не знает ограничений, накладываемых международным правом. Но, конечно же, ни Ганновер, ни Саксония, ни крошечный Кургессен,

ни даже союзная им Австрия в тот момент уже не угрожали реально ни независимости, ни территориальной целостности Прусского государства. Просто Бисмарк постеснялся признать, что нарушал нормы права, будучи одержим идеей создания Германской империи во главе с Пруссией. Но в целом он не кривил душой. «Железный канцлер» верил, что война с Австрией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, исход которой казался непредсказуемым. Бисмарк готов был погибнуть в случае неудачи. 15 июня, в день предъявления ультиматума Ганноверу, Кургессену и Саксонии, он сказал английскому послу: «Борьба будет серьезной... Если нас разобьют, я не вернусь. Я погибну в последней атаке. Можно умереть только один раз; и побежденному лучше умереть». Об этом невеселом афоризме немцам пришлось вспомнить дважды в своей истории — в 1918-м и в 1945-м.

Вторжение пруссаков в Саксонию побудило Австрию 17 июня объявить войну Пруссии. 18 июня Пруссия и Италия объявили войну Австрии. Австрийский главнокомандующий генерал Бенедек запоздал с развертыванием своих сил и вынужден был догонять неприятеля. После нескольких частных столкновений, не давших решающего успеха ни одной из сторон, две армии 3 июля сошлись у Кёниггреца. Перед этим, 27—29 июня, при Лангензальце пруссакам удалось разбить союзную австрийцам ганноверскую армию. Бенедек не организовал разведки местности и не смог наладить взаимодействие своих корпусов. Сказалось и превосходство пруссаков в артиллерии. К тому же в многонациональной австрийской армии многие народы не горели желанием воевать за Габсбургов. Сотни и даже тысячи итальянцев и румын дезертировали прямо на поле боя у Садовой. Расстроенная австрийская армия не выдержала прусских атак и в беспорядке отступила, потеряв вместе с союзными саксонскими войсками 23 тысячи убитыми и ранеными и 21 тысячу пленными и дезертирами, а также 187 орудий. Потери пруссаков не превышали 9 тысяч человек. От полного уничтожения австрийцев спасли контратаки их кавалерии и мощный заградительный огонь 700 орудий, позволившие полуокруженной армии отойти за Эльбу.

По политическим причинам прусские войска, по рекомендации канцлера Бисмарка, не стали преследовать противника и идти на Вену. Итальянские союзники пруссаков потерпели тяжелое поражение в битве у Кустоцы, а итальянский флот был почти полностью уничтожен в морском сражении при Лиссе в Адриатическом море 20 июля. Австрийское правительство передало под контроль Франции Венецианскую область и перебрасывало армию с итальянского театра в Богемию, когда было достигнуто перемирие с пруссаками. Условия его были довольно мягкими.

После победы при Садовой Бисмарк воспротивился захвату прусскими войсками Вены, на чем настаивали король и генералы. В мемуарах он так объяснял свою позицию: «Для наших дальнейших отношений с Австрией мне было важно предотвратить оскорбительные для нее воспоминания... Победоносное вступление прусских войск в неприятельскую столицу, конечно, было бы весьма отрадным воспоминанием для наших военных, но для нашей политики в этом не было надобности: самолюбие Австрии было бы тем самым, как и уступкой нам любого из исконных владений, уязвлено... Я уже тогда не сомневался, что завоеванное в этом походе нам придется защищать в дальнейших войнах... Что французская война последует за австрийской, вытекало из исторической логики даже в том случае, если бы мы могли предоставить императору Наполеону те небольшие компенсации, которые он ожидал от нас за свой нейтралитет. И в отношении России можно было сомневаться, какова будет реакция, если там ясно представят себе, какое усиление заключается для нас в национальном развитии Германии. Как сложатся дальнейшие войны за сохранение добытого, не поддавалось предвидению, но во всех случаях было важно, будет ли настроение, в каком мы оставим наших противников, непримиримым, и окажутся ли раны, которые мы нанесем их самолюбию, неисцелимыми». И результат мудрой политики Бисмарка оказался вскоре налицо. Австрия не только не выступила против Пруссии, но и через несколько лет стала единственным надежным союзником Германской империи.

После разгрома Австрии при Садовой (Кёниггреце) Бисмарк настоял на том, чтобы не унижать поверженного противника, не делать из него заклятого врага перед становившимся неизбежным столкновением с Францией. К тому же был риск, что французы немедленно выступят на стороне австрийцев. Поэтому Бисмарк принял посредничество Наполеона III и, преодолев аннексионистские устремления прусского короля Вильгельма I, пошел на заключение неунизительного для Вены мира. По предварительному Никольсбургскому мирному договору 26 июля 1866 года Австрия лишилась только Гольштейна и обязалась более не принимать участия в делах Германии. Германский союз, в котором она играла ведущую роль, был упразднен. По окончательному Пражскому миру 23 августа Пруссия обязалась предоставить населению Северного Шлезвига право на самоопределение. Однако вплоть до поражения Германской империи в Первой мировой войне это обязательство так и не было выполнено.

Италии досталась Венецианская область.

Прусская армия в австро-прусской войне насчитывала 437 тысяч человек, из которых 3473 погибли в бою или умерли от ран, главным образом в сражении при Садовой, а 459 пропали без вести. Кроме того, 12 675 пруссаков было ранено. Потери Италии были еще меньше. Из армии в 200 тысяч человек было убито и умерло от ран 1633 итальянца. Австрийская армия насчитывала 407 тысяч человек. Ее потери в войне против Пруссии составили 7631 убитый и умерший от ран, а в войне против Италии — 1492 человека. Общие потери германских союзников Австрии достигали 1147 убитыми и умершими от ран, в том числе саксонцев — 660, а совокупная численность их армий не превышала 120 тысяч человек. Число раненых в австрийской и саксонской армиях составило 30 418 человек, пропавших без вести (в основном — дезертиров) — 12 494 человека, а пленных — 22 040 человек. Кроме того, в прусской армии от болезней умерло 5219 человек, в австрийской — 10 079 человек и в саксонской — 126 человек. Соотношение потерь доказывает подавляющее качественное превосходство прусской армии над своим противником. Все-

го в австро-прусской войне погибло на поле боя и умерло от ран и болезней около 19,2 тыс. австрийцев, примерно 1,3 тыс. германских союзников Австрии, 9,2 тыс. пруссаков и, вероятно, около 7 тыс. итальянцев, с учетом умерших от болезней. Принимая во внимание, что санитарное дело в итальянской армии было поставлено довольно плохо, можно предположить, что там умерло от болезней не меньше людей, чем в прусской, которая превосходила итальянскую по численности более чем в два раза. Если уровень смертности от болезней в итальянской армии был примерно таким же, как в австрийской, то от болезней должно было скончаться примерно 5 тыс. итальянцев.

СОЗДАНИЕ СЕВЕРОГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

Политическим результатом войны 1866 года стал окончательный отказ Австрии от объединения германских государств под своим началом и окончательный переход гегемонии Германии к Пруссии, возглавившей Северогерманский союз. Победу Пруссии в войне с Австрией предопределило объединение германских государств вокруг Берлина. Впоследствии Гитлер утверждал, что «подлинное единство Германии родилось не в боях под Парижем, как думали многие, а родилось в Кёниггреце». Уже 18 августа 1866 года подавляющее большинство германских государств вступило в возглавляемый Пруссией Северогерманский союз, подписав в Берлине «договор о наступательном и оборонительном союзе для сохранения независимости и территориальной целостности, а также внутренней и внешней безопасности». Вскоре Пруссия заключила договоры о взаимопомощи с государствами Южногерманского союза. Фактически все германские государства, кроме Австрии, заключили военно-политический союз, оформить который в единое государство позволила победа над Францией.

Когда в 1867 году в Берлине новосозданный рейхстаг обсуждал конституцию Северогерманского союза, Бисмарк призвал депутатов: «Господа, давайте работать быстро. Посадим Германию в седло. Скакать уж она сумеет».

Что развязка близится и Северогерманский союз является прелюдией к образованию единого Германского государства, чувствовали и в прусской армии и на флоте. Адмирал Тирпиц вспоминал: «Когда в 1867 году на наших кораблях спустили красивый флаг с орлом, а вместо него подняли флаг Северогерманского союза, похожий на британский, мы, гардемарины, пожалели об исчезновении прусского флага, но, предчувствуя великий исторический переворот, осушили свои бокалы в противоречивом настроении. 1871 год еще больше отодвинул прусские воспоминания, мы стали офицерами императора, а военный флот получил черно-бело-красную кокарду».

Компетенция Северогерманского союза распространялась на сферу промышленности, финансов, торговли, железнодорожного и морского транспорта, почтовую и телеграфную связь, таможи и частично — на судебную систему. Подданные всех государств, вошедших в союз, имели единое гражданство. Единственным союзным министром был канцлер — он же министр-президент и министр иностранных дел Пруссии Бисмарк. Текущими делами управления занималось ведомство союзного канцлера, которое возглавил ближайший соратник Бисмарка Рудольф фон Дельбрюк. А с января 1870 года прусское министерство иностранных дел стало одновременно министерством иностранных дел Северогерманского союза. Рейхстаг Союза избирался всеобщим прямым и тайным голосованием и обладал всей полнотой законодательной власти, но никак не влиял на назначение союзного канцлера и тем более — на министерские назначения в отдельных государствах. Верхней палатой союзного парламента стал Союзный совет (бундесрат), который утверждал принятые рейхстагом законы. В бундесрате заседали представители всех германских государств. Число делегатов зависело от численности соответствующего королевства, курфюршества или герцогства. Из 43 голосов в бундесрате Пруссия, на которую приходилось 4/5 населения и 5/6 территории Союза, имела только 17 мест, что было очевидной уступкой амбициям других германских государств. Однако вместе с тесно связанными с ней мелкими государствами Пруссия

контролировала 23 места в бундесрате, т. е. абсолютное большинство. Кроме того, Пруссия получила право вето на законы, касающиеся вооруженных сил и налогов, — как государство, чья армия составляла основу военной мощи Союза и откуда в союзный бюджет поступало больше всего налогов.

21 июля 1869 года Бисмарк писал историку Готфриду Кинкелю: «Я не настолько самоуверен, чтобы считать, что наш брат политик может делать историю. Моя задача состоит в том, чтобы наблюдать за ее течениями и вести среди них свой корабль наилучшим образом. Руководить течениями я не в состоянии, еще менее — вызывать их». Можно сказать, что во второй половине XIX века «железный канцлер» был самым искусным капитаном и штурманом в океане мировой политики.

Бисмарк в высшей степени умело создал повод для войны с Францией. В ходе споров вокруг оказавшегося вакантным испанского престола министр иностранных дел Франции герцог Антуан де Грамон захотел получить от находившегося в Эмсе короля Вильгельма I заверения, что после провала кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена претенденты из дома Гогенцоллернов не будут выдвигаться на испанский трон. Когда 13 июля 1870 года французский посол граф Винсент Бенедетти поставил перед королем этот вопрос, Вильгельм отказался дать столь унижительные гарантии, ограничившись сообщением, что кандидатура Леопольда окончательно снята. Вечером того же дня подтверждение этого поступило в официальном письме отца Леопольда герцога Карла Антона. Вильгельм уведомил Бенедетти об этом письме через своего адъютанта, но отказал послу в приеме, считая вопрос исчерпанным. Уезжая из Эмса на следующий день, король сказал послу, что обсуждение испанской проблемы продолжится в Берлине между правительствами двух стран. Депеша прусского тайного советника Генриха Абекена, ближайшего помощника Бисмарка в МИДе, о свидании посла и короля в Эмсе дала возможность Бисмарку спровоцировать войну. Канцлер отредактировал депешу в оскорбительном для французов духе.

Опубликованный в газетах текст звучал так: «После того как императорское правительство Франции получило от королевского правительства Испании официальное уведомление об отказе принца Гогенцоллерна, французский посол еще предъявил в Эмсе требование его величеству королю, чтобы он уполномочил его телеграфировать в Париж, что его величество обязуется никогда не давать согласия на возобновление кандидатуры Гогенцоллернов. Тогда его величество решил не принимать вторично французского посла и уведомил его через дежурного адъютанта, что его величеству больше нечего сообщить послу». Получалось, что Бенедетти просто выставили. Такого унижения Наполеон III вынести не мог, и Бисмарк, равно как и начальник прусского Генерального штаба граф Гельмут Мольтке, не сомневался, что объявление Францией войны Пруссии и Северогерманскому союзу — вопрос дней. Это произошло 19 июля. Дальнейшее известно.

«ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ»: ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

Французский император Наполеон III Бонапарт стремился не допустить объединения Германии под скипетром прусского короля Вильгельма I Гогенцоллерна. Прусский король и его канцлер князь О. Бисмарк ставили своей целью не только завершить процесс объединения Германии, но и отнять у Франции пограничные провинции с немецкоязычным населением. Поводом к началу войны послужили споры о кандидатуре на испанский престол. Занять этот престол был приглашен дальний родственник Вильгельма принц Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген. Наполеон был резко против этой кандидатуры, опасаясь, что Испания в перспективе станет союзницей Пруссии. Он добился, чтобы принц Леопольд отказался от заманчивого предложения, и потребовал, чтобы этот отказ подтвердил и прусский король. Прусская армия была лучше французской подготовлена к войне и превосходила потенциального противника численностью. Поэтому Бисмарк стремился как можно скорее спровоциро-

вать начало войны. Телеграмму Вильгельма, где тот подтверждал отказ Леопольда, прусский канцлер при публикации изменил таким образом, что она приобрела оскорбительный для французской стороны смысл. Возмущенный Наполеон 14 июля 1870 года объявил Пруссии войну.

На стороне Пруссии сражались армии возглавляемого ею Северогерманского союза, а также войска южногерманских государств — Баварии, Бадена и Вюртемберга. Франция же оказалась в полной дипломатической изоляции. Даже Австрия отнюдь не собиралась добиваться реванша за поражение в войне 1866 года. Позднее Адольф Гитлер в «Моей борьбе» так охарактеризовал позицию Австрии и австрийцев по отношению к франко-прусской войне: «Если бы война 1870—1871 годов не превратилась в сплошное победное шествие Пруссии, то венский двор наверняка попытался бы ввязаться в кровавую игру и отомстить за Садовую. Но, когда с поля битвы стали приходиться изумительные, сказочные и тем не менее совершенно точные известия о германских победах, тогда «мудрейший» из монархов понял, насколько неблагоприятен момент для каких бы то ни было попыток реванша. Габсбургам ничего не оставалось, как сделать хорошую мину при плохой игре.

Но героические победы 1870—1871 годов совершили еще одно великое чудо... Для немецкого народа Австрии победы немецкого оружия стали настоящим праздником. С глубоким воодушевлением и подъемом австрийские немцы следили за тем, как великая мечта отцов снова становилась прекрасной действительностью». На самом деле император Франц Иосиф и его министры не имели планов вмешательства в конфликт даже на тот случай, если бы франко-прусская война затянулась. Австро-Венгрия еще не оправилась от катастрофы при Кёниггреце и не переварила последствия компромисса 1867 года, когда Австрийская империя превратилась в двуединую Австро-Венгрию. Австрийские политики окончательно отказались от мысли объединить Германию вокруг Вены и каких-либо причин желать победы французам, ничего не сделавшим в 1866 году для помощи Австрии.

Французская армия уступала противнику в полтора раза

в численности и еще больше — в уровне боевой подготовки. Положение усугублялось тем, что французские войска действовали в двух разобренных группировках, которые так и не смогли соединиться и были разгромлены по частям мощным ударным кулаком прусской армии и ее союзников.

Армия французского маршала Базена была блокирована в крепости Мец. 23 августа ей на помощь двинулась вновь сформированная 120-тысячная армия другого маршала — П. Мак-Магона. У Бомона 30 августа войска Мак-Магона столкнулись с Маасской и 3-й германской армиями и потерпели поражение. Французы отступили за Маас к крепости Седан.

1 сентября началось сражение при Седане, как и Канны, ставшем символом успешного окружения войск одной из сторон. Мак-Магон располагал 120 тысячами человек и 419 орудиями. Противостоявшие ему прусские войска, которыми командовал начальник штаба германской армии генерал Г. фон Мольтке, насчитывали 245 тысяч человек при 813 орудиях. К тому же французы были лишены путей отхода. Путь на Кариньян преграждала Маасская армия, а на Мезьер — 3-я германская. Отступление же в Бельгию через Илли привело бы к капитуляции Мак-Магона перед бельгийской армией, занявшей позиции на границе еще 31 августа. 1 сентября баварский корпус атаковал французскую дивизию, оборонявшую деревню Базей на левом берегу Мааса. На правом берегу пруссакам удалось занять деревню Ла-Монсель. Здесь в 6 часов утра был ранен Мак-Магон. Он передал командование генералу Дюкро. Тот, видя угрозу окружения, приказал главным силам отходить на Мезьер, не зная, что именно там их ожидает прусская армия. Этот отход остановил командир 5-го корпуса генерал Вимпфен, потребовавший передачи ему командования как старшему начальнику. Дюкро подчинился.

Вимпфен решил, что больше шансов на успех даст прорыв на Кариньян. Для этого надо было оттеснить баварцев от Базей, а затем разбить правое крыло неприятеля. Однако французское наступление было остановлено превосходящими силами германских войск. В полдень 12-й саксонский и гвардейский корпуса заняли долину ручья Живон и, устано-

вив артиллерию на левом склоне живонского оврага, начали обстреливать французские войска на восточном склоне и в Гаренском лесу. Дорога на Кариньян была окончательно перерезана, но и прорываться к Мезьеру было уже поздно. 5-й и 11-й прусские корпуса обошли левый фланг французов и вышли в окрестности Седана, замкнув кольцо окружения. Армия Мак-Магона подвергалась жестокому перекрестному обстрелу и несла большие потери. После нескольких безуспешных попыток прорыва, предпринятых пехотой и кавалерией, французские войска в Гаренском лесу сложили оружие. Сдалась и крепость Седан, где находился Наполеон. На следующий день, 2 сентября, французский император подписал капитуляцию.

В сражении при Седане потери французов составили 3 тысячи убитыми, 14 тысяч ранеными, 84 тысячи пленными (из них 63 тысячи сдались в крепости Седан). Еще 3 тысячи солдат и офицеров были интернированы в Бельгии. Пруссаки и их союзники потеряли 9 тысяч человек убитыми и ранеными.

После разгрома при Седане во Франции 4 сентября пала Вторая империя. К власти пришло Временное правительство национальной обороны, объединившее все оппозиционные бонапартистам силы. Для германских войск была открыта дорога на Париж. Город был осажден 16 сентября 1870 года. А 27 октября 173-тысячная армия маршала Базена, потеряв все надежды на помощь извне и испытывая острую нехватку продовольствия и боеприпасов, капитулировала в Меце. Немецкие войска заняли весь северо-восток Франции. К концу года французское правительство смогло сформировать к югу от Парижа новую Луарскую армию, но она была слишком слаба, чтобы прорвать кольцо блокады. В самом Париже насчитывалось до полумиллиона вооруженных людей, в подавляющем большинстве — бойцов стихийно сформированной Национальной гвардии. Ее составляли главным образом юноши и пожилые парижане непризывного возраста, необученные и слабо дисциплинированные. Они не могли противостоять 235-тысячной группировке германских войск, осаждавших французскую столицу. Однако для того, чтобы избежать значительных потерь в уличных боях, прусское ко-

мандование предпочло взять Париж измором, периодически бомбардируя его из тяжелых орудий. В январе 1871 года жителям осажденного города выдавали лишь по 300 граммов хлеба в день. Несколько раз в Париже вспыхивали мятежи, спровоцированные слухами о намерении правительства капитулировать. Власти Франции действительно вели тайные переговоры о заключении перемирия. В январе 1871 года положение Парижа стало безнадежным и французское правительство форсировало заключение перемирия, соглашение о котором было подписано в Версале 28 января 1871 года. По его условиям, немецкие войска занимали форты Парижа. Им также передавались запасы оружия, хранившиеся в городе.

26 февраля избранное Национальным собранием правительство во главе с правым республиканцем Адольфом Тьером представило депутатам условия мира, продиктованные Бисмарком и предусматривающие уступку новосозданной Германской империи Эльзаса и Восточной Лотарингии и уплату 5 миллиардов франков контрибуции.

В ответ в Париже 18 марта вспыхнуло восстание пролетариата, передавшего власть Парижской коммуне — органу городского самоуправления. Правительство Тьера бежало в Версаль. Восстание было подавлено правительственными войсками 28 мая 1871 года, причем тысячи коммунаров были расстреляны без суда. Ранее по распоряжению Коммуны были расстреляны сотни заложников из числа имущих классов, в том числе архиепископ Парижский. Германские войска пропустили через свои позиции французские войска, штурмовавшие Париж, предоставили в распоряжение Тьера французских солдат, досрочно отпущенных из плена, и запасы вооружения и снаряжения. Мир, завершивший франко-прусскую войну, был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 года.

Потери французской армии в войне 1870—1871 годов составили 55 тысяч убитыми и умершими от ран, 63 тысячи умершими от болезней, 19 тысяч умершими в плену и во время интернирования в Швейцарии и Бельгии. Пруссаки и их союзники потеряли 21 тысячу убитыми, 11 тысяч умершими от ран и 15 тысяч умершими от болезней.

Часть вторая

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПЕРВЫЙ МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД



ВРЕМЯ БИСМАРКА

И вот свершилось. Франция повержена, и 18 января 1871 года, ровно через 170 лет после того как бранденбургский курфюрст Фридрих III провозгласил себя прусским королем Фридрихом I, в Зеркальном зале королевского дворца в Версале было провозглашено создание Германской империи. В самой дате таился глубокий смысл. Именно Фридрих III первым из прусских монархов создал по-настоящему сильную профессиональную армию и достаточно развил промышленность и торговлю, чтобы обеспечить своих солдат, не прибегая к внешним займам. Прусское королевство стало независимым от могущественных соседей как в военном, так и в финансовом отношении. Теперь же Пруссия, разгромив считавшуюся лучшей на континенте французскую армию, возглавила союз из 4 королевств, 6 великих герцогств, 12 герцогств и 3 вольных городов. Все королевства, герцогства и вольные города сохранили внутреннюю автономию, а два государства бывшего Южногерманского союза — королевства Бавария и Вюртемберг — получили разрешение иметь собственные министерства иностранных дел, почт и телеграфа, а также самостоятельные армии и военные министерства.

Различные германские государства при вступлении в состав Северогерманского союза, а затем и Германской импе-

рии оговаривали некоторые особые условия своего членства. Так, вольный ганзейский город Гамбург и в 1867, и в 1871 году сохранил свою экономическую самостоятельность и не присоединился к Германскому таможенному союзу. Лишь в 1888 году под давлением имперских и прусских властей Гамбург все же присоединился к таможенному союзу.

Формально Германская империя была федеративным государством — союзом добровольно объединившихся в единое целое государств, сохранивших свою внутреннюю автономию и широкие государственные права. Высшим законодательным органом империи был рейхстаг — парламент, избиравшийся всеобщим прямым, равным и тайным голосованием. Однако принятые рейхстагом законы вступали в силу только после их утверждения бундесратом — союзным советом, куда делегировали своих представителей парламенты земель пропорционально численности населения соответствующего королевства или герцогства. Поскольку население Пруссии составляло две трети всего населения Германской империи, прусские депутаты преобладали как в рейхстаге, так и в бундесрате. Главное же — президентом Германии, согласно Конституции, принятой рейхстагом 21 апреля и вступившей в силу 4 мая 1871 года, навечно объявлялся прусский король, которому отныне присваивался титул германского императора. Он, и только он, обладал правом назначения имперского канцлера, которому подчинялись все гражданские чиновники Германии. Император также являлся главнокомандующим армией, и ему подчинялись все военные чины в империи. Канцлер же был ответственен только перед императором, а не перед рейхстагом.

Таким образом, во многих отношениях Германская империя фактически была ближе к централизованному, а не к федеративному государству. Пруссия могла без большого труда навязать свою волю другим государствам — членам империи благодаря своему преобладанию в чиновничьем и военном аппарате. Император же, получивший власть от бога, считался ответственным только перед богом.

Германская империя получила в результате франко-германской войны Эльзас и Восточную Лотарингию. Бисмарк

был сторонником аннексии Эльзаса. Он считал, что Франция все равно никогда не станет другом Германской империи и поэтому ее надо ослабить отторжением Эльзаса с развитой черной металлургией и машиностроением и месторождениями каменного угля. Канцлер учитывал, что эльзасцы, хотя и считали себя подданными Франции, сохранили немецкий язык и сравнительно легко могли подвергнуться германизации. Хотя среди них преобладали католики, но было и немало кальвинистов — потенциальной опоры для прусского влияния. Иное дело лотарингцы, для которых давно уже родным был французский язык и которые почти сплошь были католиками. Бисмарк предвидел большие трудности в интеграции этого народа в состав империи и потому выступал против аннексии Восточной Лотарингии. Но потерпел поражение. Перевесили доводы прусского Генерального штаба о стратегическом значении крепости Мец — столицы Лотарингии и экономические соображения — богатые запасы железной руды и каменного угля в лотарингских недрах. К ним прислушался император Вильгельм I и на этот раз рискнул не поддержать позицию «железного канцлера».

Площадь Германской империи составляла 540 тыс. км², население — 41 млн. человек. Но очень скоро она получила существенное приращение, когда 10 мая 1871 года во Франкфурте-на-Майне между Германией и Францией был подписан окончательный мирный договор. Парижу пришлось уступить весь Эльзас и часть Лотарингии и уплатить контрибуцию в 5 млрд. франков, до уплаты которой германские оккупационные войска оставались во Франции. Эльзас и Лотарингия, ставшие имперской провинцией, также фактически оказались под контролем Пруссии, так как управлялись сначала подчиненным имперскому канцлеру и назначенным императором обер-президентом, а с 1879 года — назначенным императором наместником (штатгальтером).

Как отмечал социал-демократ Карл Каутский, «конечно, Германия совершила большую ошибку в 1871 году, насильственно отторгнув от Франции эльзасцев и лотарингцев против их воли и толкнув тем самым Францию в объятия России. Французская жажда реванша, воссоединения с оторван-

ными, поработанными братьями, с течением времени начала принимать более мягкие формы, тем более что перспектива французов в случае войны с Германией очевидным образом ухудшалась. Численность населения Франции почти не возрастала, между тем как население Германии стремительно росло, и благодаря уже одному этому Германия все более приобретала перевес над Францией. В 1866 году на территории позднейшей Германской империи проживало 40 миллионов человек, а на территории Франции — 38 миллионов. Если бы в 1870 году Франции противостояла, как она надеялась, только одна Пруссия, тогда противник ее располагал лишь 24 миллионами жителей. Напротив, в 1910 году Франция насчитывает только 39 миллионов жителей, Германия же — свыше 65 миллионов...

Вследствие взаимной вражды Германии и Франции Россия после 1871 года чувствует себя в роли их арбитра и, следовательно, господином всей континентальной Европы. В надежде на это Россия решается в 1877 году на войну с Турцией и в конце концов встречает препятствия в использовании своей победы лишь со стороны Англии и Австрии. На Берлинском конгрессе 1878 года Бисмарк вынужден был выбирать между двумя этими державами и Россией. Он освобождается от зависимости от царизма и поддерживает Австрию и Англию. С этих пор Россия начинает отдаляться от Германии и завязывает все более тесные отношения с Францией».

Парадокс германского объединения заключался в том, что оно могло состояться только если не при прямом участии, то хотя бы при благожелательном нейтралитете России. Однако возникшая всего за какие-нибудь 5—7 лет Германская империя в геополитическом плане сразу же стала опасным соперником Российской империи в борьбе за контроль над Восточной Европой. К тому же в Пруссии и в других германских землях были сильны антирусские настроения, подогреваемые эмигрантами из прибалтийских губерний России.

Так, остзеец Виктор Хен писал в дневнике, изданном в 1892 году: «Казаки придут на своих лошадях с плетками и все

затопчут. У них нет никаких потребностей, они мастера разрушений, ведь у них нет сердца, и они бесчувственны. И вместо убитых сотен тысяч придут другие сотни тысяч, ведь они как саранча. И опять грядет решающая битва при Халене (где были остановлены отряды Батыя в XIII веке. — Б. С.), об исходе которой никто не знает. Все это уже было. Монголы, пришедшие из глубины Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться лишь у Атлантического океана. Пока их уничтожает только алкоголь, который в данных обстоятельствах может стать благодетельным для человечества».

Земли бывшего Ливонского ордена, входившие в состав Российской империи, многими в Германии рассматривались как первоочередной объект для завоеваний, как естественное продолжение германских земель. В частности, прусский генерал Фридрих фон Бернгарди, сам уроженец Петербурга, писал в 1892 году в анонимной брошюре: «Нам необходимо обширное побережье с большим населением для развития своего военного и торгового флота. Мы нуждаемся в Балтийском море, оно должно стать германским морем, чтобы создать прочную основу для нашей торговли. Только в борьбе с Россией мы можем достигнуть желаемого. Все обстоятельства подталкивают нас к неизбежному конфликту...

Грядущая историческая эпоха пройдет под знаком борьбы германского духа с панславизмом. Русские являются нашими национальными врагами... Они грубо подавляют все немецкое. Антирусская позиция не является следствием сиюминутного политического положения. Напротив, сегодняшняя политическая ситуация непосредственно подводит нас к войне, которая станет необходимым выражением состояния, имеющего глубокие корни... Вся наша политика должна быть пронизана основной мыслью: рассчитаться и помириться с Францией, чтобы бросить все силы народа на весы решения больших германских культурных задач в борьбе против России».

Однако, пока у руля Германской империи стоял мудрый Бисмарк, враждебность к России ограничивалась в основном выходцами из остзейских земель, мечтавших воссоедин-

нить свою «малую Родину» — Эстляндию, Лифляндию и Курляндию с «большой Родиной» — Германской империей.

Антирусские настроения были также довольно сильны в среде германской социал-демократии. В период революции 1848 года в царской России германские революционеры видели врага, который противодействует объединению Германии и может предпринять интервенцию для подавления революции и восстановления абсолютистских монархий. В одной из листовок, распространявшихся в Берлине в марте 1848 года, заявлялось, например: «Русские уже здесь! Смерть русским!.. Помните ли вы со времен освободительных войн наших друзей? Спросите своих отцов, дядей, тетюшек, бабушек и дедушек, как великолепно эти наши друзья умели воровать и грабить, мародерствовать и угонять. Помните ли вы еще казаков на низких лошадях с высокими седлами, увешанных котелками, чайниками, сковородками, утварью из серебра и золота? Всюду, где они побывали, они оставляли за собой разрушение, вонь и насекомых. И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т. д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рожденную свободу, нашу культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности... Сокровища Германии приманивают русские орды, подстрекаемые религиозным фанатизмом».

Здесь, обращаясь к эпохе войны с Наполеоном, революционеры допускали сознательный пропагандистский перефраз. Тогда русские войска, в том числе и казаки, выступали союзниками Пруссии и ряда других германских государств в борьбе против французской оккупации. Конечно, те же казаки и бойцы азиатской иррегулярной кавалерии порой совершали эксцессы против мирных жителей, особенно на территории тех германских княжеств, правители которых длительное время оставались на стороне Наполеона. Однако насилия и грабежи отнюдь не приняли характера всеобщего нашествия азиатских орд, как это рисовалось в листовке. К тому же русское командование, в том числе и сам донской атаман Мат-

вей Платов, сурово карало тех, кто был уличен в убийствах, изнасилованиях и грабежах. И «русские насилия» по масштабу отнюдь не превосходили те, которые совершали французские войска и их союзники в германских землях.

Германские социал-демократы унаследовали традиционный образ России и русских как воплощение азиатской деспотии, угрожающей свободе Германии. Наиболее авторитетный вождь социал-демократии Август Бебель уже в эпоху Германской империи заявил: «Если дело дойдет до войны с Россией, я сам возьму в руки винтовку!», хотя ранее клялся: «Ни единого человека, ни единого гроша этой системе!» По замечанию западногерманского публициста Себастиана Хаффнера, «в 1914 г. СДПГ в действительности была уже парламентской, а вовсе не революционной партией. Она больше не стремилась разрушить существующее государство. Она хотела вместе с другими парламентскими партиями — либералами и партией Центра — врать в него. Массовые манифестации и красные знамена являлись не более чем традиционным ритуалом». А «русская угроза» стала хорошим предлогом, чтобы поддержать правительство в войне под лозунгом защиты «демократических ценностей» от самодержавной Российской империи. Демократические Франция и Англия в этом плане для создания «образа врага» не годились.

Дабы сгладить противоречия между Российской и Австро-Венгерской империями, Бисмарк организовал «союз трех императоров». Это позволило Берлину некоторое время дружить одновременно с Москвой и с Петербургом, но глубокие противоречия между Россией и Австро-Венгрией на Балканах и в польских землях, усиливаемые панславистскими настроениями российской элиты, рано или поздно должны были вынудить Берлин сделать выбор. И выбор этот должен был быть неизбежно не в пользу России. Допустить расчленение Австро-Венгрии и создание у своих границ крупного славянского государства, покровительствуемого Россией, будь то Польша или Чехословакия, Германия не могла. Так что в перспективе союз с Россией был вряд ли возможен. Однако сохранять по отношению друг к другу более или менее дружественный нейтралитет Германская и Российская импе-

рии могли бы, если бы руководители их внешней политики проявили должное дипломатическое искусство. При Бисмарке это удавалось, при его преемниках — уже нет. С русской стороны баланс российско-германских интересов удавался лишь в то сравнительно короткое время, когда российской внешней политикой фактически руководил С. Ю. Витте. После его отставки в 1906 году дрейф Петербурга в сторону теснейшего союза не только с Францией, но и с Англией уже ничто не могло остановить. А это означало дипломатическую изоляцию Германии и невозможность для нее одержать победы в любом широкомасштабном вооруженном конфликте со столь мощной коалицией.

Пока же Бисмарку удавалось сгладить австро-русские противоречия. 6 июня 1873 года императоры Александр II и Франц Иосиф I подписали в Шенбрунне секретный договор, к которому 23 октября присоединился Вильгельм I. Стороны обязались проводить взаимные консультации в случае возникновения разногласий или угрозы нападения извне. Ранее, в мае 1873 года, в Петербурге была подписана русско-германская военная конвенция с обязательствами прийти на помощь друг другу в случае нападения со стороны третьего государства. Целью конвенции провозглашалось упрочение европейского мира и уменьшение возможности возникновения новой войны.

Обосновывая идею «Союза трех императоров», Бисмарк писал в мемуарах: «Географическое положение трех великих восточных держав таково, что каждая из них оказывается в стратегически невыгодном положении, как только на нее нападают обе другие державы, даже если ее союзником в Западной Европе является Англия или Франция. В особенно невыгодных условиях была бы Австрия, очутившись в изоляции перед лицом русско-германского нападения. В наименее тяжелых — Россия против Австрии и Германии. Но и Россия была бы в начале войны в затруднении при концентрическом движении обеих немецких держав к Бугу. Для Австрии в борьбе против обеих соседних империй, при ее географическом положении и этнографической структуре, обстоятельства складываются особенно неблагоприятно по-

тому, что французская помощь едва подоспела бы своевременно. Если бы Австрия сразу же была побеждена германо-русской коалицией, если бы вражеский союз был взорван путем умно заключенного мира между тремя императорами или же хотя бы лишь ослаблен поражением Австрии, в таком случае германо-русский перевес оказался бы решающим».

Здесь «железный канцлер» довольно точно предсказал будущий ход Первой и Второй мировых войн. В 1914 году Россия смогла в течение трех лет выдерживать натиск Германии и Австро-Венгрии, имея союзниками Англию и Францию. В 1941 году Германия, напав на СССР, имела своими союзниками государства, ранее входившие в состав Дунайской монархии. Однако Советский Союз в течение трех лет смог противостоять германскому вторжению, в то время как его союзники, Англия и США, вели лишь ограниченные боевые действия в Северной Африке и Италии.

Бисмарк не исключал возможности нанесения превентивного удара по Франции. Так, в конце 1873 года он говорил британскому послу Одо Расселу: «Если французы думают о реванше, то я предпочел бы довести дело до конца и объявить им войну уже завтра, а не ждать, пока они подготовятся к нападению на Германию». Мольтке же во время «военной тревоги» 1875 года заявил английскому послу, что «желает войны не та держава, которая ее начинает, а та, которая своим образом действий заставляет других начать войну», что, кстати сказать, полностью подходило для характеристики действий Пруссии в канун войны 1870—1871 годов. Однако канцлер, в отличие от фельдмаршала, слишком хорошо понимал, что новую войну против Франции Германия не дадут развязать другие великие державы. И Россия, и Австро-Венгрия, и Англия опасались, что новая победа приведет Германию к гегемонии на Европейском континенте. Демарши, предпринятые ими в 1874 и 1875 годах во время публичных угроз с германской стороны применить против Франции военную силу, это наглядно показали. Хотя, скорее всего, провоцируя кризис 1873—1874 и особенно 1875 годов, Бисмарк рассчитывал лишь добиться определенных дипломатических уступок от Парижа и прошупать позицию других

держав, но не собирався всерьез нападать на Францию. В мае 1875 года Бисмарк убеждал Горчакова: «Приписывать мне агрессивные намерения по отношению к Франции равносильно обвинению меня не просто в отсутствии ума, но в идиотизме... У Германии нет никакой причины нападать на Францию... Организация французской армии не является для этого достаточным основанием». Однако Бисмарк здесь забыл об основном законе дипломатии: всякая угроза действительна лишь тогда, когда реально ее выполнение. Французы быстро поняли, что нападать на них Германия не собирается, и не пошли ни на какие уступки. Бисмарк потерпел первое в своей жизни чувствительное дипломатическое поражение.

«Союз трех императоров» подвергся суровым испытаниям в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Тогда Англия и Австро-Венгрия стремились не допустить российской гегемонии на Балканах. Германия попыталась примирить интересы своих партнеров по «Союзу трех императоров», став инициатором созыва Берлинского конгресса для рассмотрения условий Сан-Стефанского мира между Россией и Турцией. 19 февраля 1878 года, выступая в рейхстаге, Бисмарк заявил: «Содействие миру я не мыслю таким образом, чтобы мы в случае расхождения мнений изображали третейского судью и говорили: «Должно быть так, и за этим стоит мощь Германской империи». Я мыслю его скромнее... скорее как посредничество честного маклера, который действительно хочет совершить сделку... я льщу себе, что при известных обстоятельствах мы можем с таким же успехом быть доверенным лицом между Англией и Россией, как уверен в том, что мы являемся им и между Россией и Австрией, если они сами не смогут договориться».

Но русский канцлер князь Александр Горчаков отнюдь не во всем верил Бисмарку. И на то были веские причины. Он надеялся на поддержку со стороны Германии российских планов в отношении Балканского полуострова на Берлинском конгрессе, но там Бисмарк фактически соблюдал нейтралитет. В результате против России объединилась, по словам Горчакова, «злая воля почти всей Европы» и Петербургу

пришлось уступить многое из того, что было добыто кровью русских солдат. После конгресса Горчаков писал Александру III, что «было бы иллюзией в будущем рассчитывать на союз трех императоров».

Бисмарк же считал, что «из-за Балкан Германия не жертвует ни одной костью померанского гренадера», и не хотел ввязываться в «восточный вопрос» ни на стороне России, ни на стороне Австро-Венгрии. И на итоги Берлинского конгресса он смотрел совсем иначе, чем глава русской дипломатии: «На самом деле на Берлинском конгрессе не было высказано ни одного русского пожелания, принятия которого не добилась бы Германия, иногда даже путем энергичных шагов перед английским премьер-министром... Вместо того чтобы быть за это признательным, нашли соответствующим русской политике продолжать... работать над дальнейшим взаимным отчуждением России и Германии, в чем нет необходимости в интересах как одной, так и другой из великих соседних империй. Мы ни в чем не завидуем друг другу и нам нечего приобретать друг у друга, что могло бы нам пригодиться». Справедливости ради необходимо признать, что на тесный союз с Россией Германия пойти в принципе не могла. В этом случае из-за остроты русско-австрийских противоречий против них немедленно бы сложилась мощная коалиция в составе Англии, Франции и Австро-Венгрии (между этими тремя державами не было никаких противоречий), а заодно и Турции, война против которой не сулила бы никаких шансов на успех. Добиться больших уступок России, чем это было сделано в Берлине, Бисмарк при всем желании не мог, ибо это означало бы радикальным образом поссориться как с Англией, так и с Австро-Венгрией. Германская дипломатия рассчитывала, напротив, заключив более тесный союз с Дунайской монархией, заручиться по меньшей мере благожелательным по отношению к Германии нейтралитетом Англии. В конце 1870-х годов это было еще возможно, а два десятилетия спустя, с нарастанием англо-германского промышленного, торгового и военно-морского соперничества, надежды на нейтралитет Англии в любом серьезном кон-

фликте между Германией и Францией потеряли под собой какие-либо серьезные основания.

Но Бисмарк был прав в том, что Германская и Российская империи могли существовать только вместе, не вступая в вооруженный конфликт друг с другом. Их участие в Первой мировой войне в составе враждебных коалиций предопределило крах как Романовых, так и Гогенцоллернов. Поражение же возглавляемой Германией коалиции предопределило и крах Австро-Венгрии. Дунайская монархия в последние четыре десятилетия своего существования не способна была ни к какой серьезной дипломатической активности без германской поддержки. Сохранить контроль над разноплеменным населением двуединого государства Вена и Будапешт были в состоянии только при условии, когда можно было дипломатическим и военным путем ограничить притязания государств, стремившихся к отделению от Австро-Венгрии ряда ее провинций. К числу этих государств относились Сербия, Италия и Россия. Противостоять даже коалиции всего лишь России и Сербии Габсбургская империя в одиночку уже не могла. Это роковое обстоятельство вызвало необходимость германского вмешательства в австро-сербский конфликт в 1914 году и спровоцировало мировую войну, равно гибельную как для Габсбургов, так и для Гогенцоллернов. Бисмарк ясно видел подобную трагическую перспективу и всеми силами старался предотвратить развитие событий в этом направлении. Однако новое поколение политиков, бизнесменов и военных, пришедшее вместе с новым императором, опьяненное успехами германской промышленности, растущей мощью германской армии и флота, опрометчиво решило, что империи по плечу противостоять всему остальному миру, добиваясь торгово-промышленного первенства.

Тем не менее император Вильгельм II, отправивший Бисмарка в отставку, первоначально пытался найти какой-то «модус вивенди» с Россией. Он считал Берлинский конгресс основной причиной охлаждения отношений с Россией. В мемуарах изгнанный из своего отечества кайзер писал: «Однажды князь сказал мне, что его главная цель состоит в том, чтобы не допустить соглашения между Россией и Анг-

лий. На это я позволил себе ответить: «Момент, чтобы отодвинуть возможность такого соглашения на очень долгое время, был бы почти налицо, если бы в 1877—78 гг. русских пустили в Стамбул. Тогда английский флот немедленно выступил бы на защиту Стамбула, и конфликт был бы налицо. Вместо этого русским навязали Сан-Стефанский договор и принудили их к отступлению перед воротами города, к которому они подошли после кошмарных боев и трудностей и который они уже видели перед собой. Это породило в русской армии неугасимую ненависть к нам... Вдобавок еще уничтожили и этот договор и заменили его Берлинским, еще больше опорочившим нас в глазах русских, как врагов их «справедливых интересов на Востоке». Таким образом, желанный для князя конфликт между Россией и Англией был отодвинут на долгое время.

Князь не разделял этой критики «своего» конгресса, результатами которого он, как «честный маклер», так гордился, и серьезно заметил, что он обязан был предотвратить всеобщий пожар и предложить свои услуги для посредничества».

Еще до начала Берлинского конгресса русский уполномоченный граф Петр Шувалов в беседе с Бисмарком затронул перспективы русско-германского оборонительного и наступательного союза. Бисмарк вспоминал: «Я откровенно обсуждал с ним трудности выбора для нас между Австрией и Россией в случае, если тройственный союз восточных держав оказался бы непрочным. В споре он, между прочим, сказал: «У вас кошмар коалиций», на что я ответил: «Поневоле». Самым верным средством против этого он считал прочный, непоколебимый союз с Россией, так как с исключением этой державы из коалиции наших противников никакая комбинация, угрожающая нашему существованию, невозможна.

Я с этим согласился, но высказал опасение, что если германская политика ограничит свои возможности только союзом с Россией и согласно русским пожеланиям откажет прочим государствам, то она может оказаться в неравном положении по отношению к России, так как географическое положение и самодержавный строй России дают последней возможность легче отказаться от союза, чем могли бы это

сделать мы, и так как сохранение старой традиции прусско-русского союза всегда зависит только от одного человека, т. е. от личных симпатий царствующего в данный момент русского императора...

Я сказал ему, что если бы мы упорочению союза с Россией принесли в жертву наши отношения со всеми остальными державами, то при нашем открытом географическом положении мы оказались бы в опасной зависимости от России в случае резкого проявления Францией и Австрией стремления к реваншу... Я отклонил тогда «выбор» между Австрией и Россией и рекомендовал союз трех императоров или, по крайней мере, сохранение мира между ними». Однако австро-русские противоречия на Балканах делали этот союз непрочным и недолговечным.

Берлинский конгресс помог предотвратить опасное для России столкновение с Англией и Австро-Венгрией, к которому она была совершенно не готова. Однако уступки, на которые неизбежно вынужден был пойти Петербург, российское общественное мнение поставило в строку не столько даже Вене, сколько Берлину, который-де не оказал русским той поддержки, на которую они рассчитывали. Между тем для Германии совершенно невозможно было стать на сторону России, рискуя получить против себя в перспективе мощную коалицию Англии, Франции и Австро-Венгрии, при том, что в случае войны с Англией и Францией на содействие России рассчитывать не приходилось.

Реальный политик, «железный канцлер» лишь в поддержке «европейского равновесия» видел залог сохранения и процветания Германской империи. Он стремился не допустить формирования сильных антигерманских коалиций, но при этом сам формировал континентальный союз, который объективно оказался направлен и против России, и против Англии. Хотя у Бисмарка были совсем иные стремления.

В рамках формирования центральноевропейского союза — того, что потом, в годы Первой мировой войны, стали называть Срединной Европой, — «железный канцлер» в 1879 году заключил секретный союзный договор с Австро-Венгрией, который был опубликован лишь в 1888 году. Этот дого-

вор должен был, по замыслу Бисмарка, с одной стороны, гарантировать двуединую монархию от российской экспансии, а с другой стороны, позволял Германии ограничивать австро-венгерские аппетиты на Балканах и тем самым уменьшать вероятность новых конфликтов между Веной и Петербургом. Как отмечал «железный канцлер» в мемуарах, на повестку дня встало «заключение органического союза между Германской империей и Австро-Венгрией; этот союз не расторгался бы, как при обыкновенном договоре, а был бы включен в законодательство обеих империй и подлежал бы расторжению не иначе, как путем специального законодательного акта». На практике данный союз в конечном счете привел к тому, что не Германия умерила активность своего союзника на Балканском полуострове, а, наоборот, Австро-Венгрия заставила своего старшего партнера втянуться в локальный австро-сербский конфликт с самыми печальными последствиями для обеих центральноевропейских империй.

С Россией же вопрос о столь тесном союзе никогда не стоял на повестке дня. Более того, Бисмарк подчеркивал в своих мемуарах, что договор с Австрией «заключен нами для совместной защиты от русского нападения». При этом он, однако, сетовал, что австро-германский союз не содержит тех гарантий на случай войны с Францией, которые имеются в нем на случай войны с Россией. Между тем, как справедливо полагал Бисмарк, война с Россией более вероятна для Австрии, тогда как Германии в будущем следует скорее ожидать конфликта с Францией. При этом «железный канцлер» оставался в убеждении, что «между Германией и Россией не существует такого расхождения интересов, которое заключало бы в себе неустранимые зародыши конфликтов и разрыва. Напротив, совпадающие интересы в польском вопросе (связанные с недопущением воссоздания независимого польского государства. — Б. С.) и последствие традиционной династической солидарности в противоположность стремлениям к перевороту создают основы для совместной политики».

В какой-то мере австро-германский союз послужил толчком к возобновлению «Союза трех императоров» — российского, германского и австрийского (последний по совмести-

тельству — апостольский король Венгрии). Теперь он был оформлен специальным соглашением, заключенным в январе 1881 года в Берлине и призванным успокоить Россию в связи со сближением Германии и Австрии (в 1884 году его продлили еще на три года). Договор о «Союзе трех императоров» предусматривал благожелательный нейтралитет его участников в случае, если один из них вступал в конфликт с другой великой державой. Три государства также обязались учитывать интересы друг друга на Балканах и допускать изменения статус-кво в этом регионе только по взаимному согласию. Однако договор, направленный на укрепление «династической солидарности», очень скоро превратился в клочок бумаги из-за все более расходившихся между собой интересов трех империй. После опубликования секретного прежде австро-германского соглашения, явно направленного против России, даже формальное сохранение «Союза трех императоров» стало невозможным. Убеждая русского посланника в необходимости такого союза, германский канцлер говорил: «Поверьте мне, не в ваших интересах сеять раздор между Германией и Австрией. Вы слишком часто недооцениваете, как важно находиться на шахматной доске Европы втроем... Вся политику можно свести к формуле: попытайтесь держаться втроем, пока сомнительным равновесием распоряжаются пять великих держав (три вышеназванных плюс Англия и Франция. — Б. С.). Вот настоящая гарантия против коалиций». «Железный канцлер» считал, что в Европе Германия уже достигла своих естественных границ и ее дальнейшее территориальное расширение не только бессмысленно, но и опасно. В 1887 году ему удалось заключить с Россией так называемый «договор перестраховки», по которому обе стороны обязались придерживаться благожелательного нейтралитета, если на партнера будет совершено неспровоцированное нападение. Однако он остался фактически только на бумаге, поскольку вступал в противоречие как с франко-русским, так и с австро-германским союзами. А уже в 1890 году Вильгельм II отказался продлевать этот договор, нерасчетливо ликвидировав даже столь слабую подпорку русско-германской дружбы, возведенную «железным кан-

щлером» в последней попытке предотвратить раскол Европы на две враждебные коалиции.

В 1882 году Бисмарку удалось привлечь к австро-германскому союзу Италию. Три страны заключили оборонительный Тройственный союз против Франции. Однако дружба с Италией оказалась короткой. Итало-французские противоречия из-за Туниса, непосредственно спровоцировавшие Рим на сближение с Берлином и Веной, были в конце концов преодолены, а основные территориальные претензии Италии были совсем не к Франции, а к Австро-Венгрии, поскольку в австрийских владениях проживало значительное число этнических итальянцев. Поэтому в ходе Первой мировой войны Италия так и не выполнила своих обязательств по Тройственному союзу, резонно отметив, что германское нападение на Францию отнюдь не подпадает под пункты союзного договора. Наоборот, в 1915 году итальянцы без всякого повода напали на Австро-Венгрию, которая даже перед этим выразила готовность уступить неверному союзнику Трентино, а через год объявили войну и Германии.

Под конец жизни Бисмарк уже не сомневался, что Россия превратилась во врага Германии, в том числе благодаря неуклюжей политики Вильгельма II и его окружения. Но еще в сентябре 1879 года канцлер писал королю Баварии: «Если император Александр, не желая войны с Турцией, все же вел ее под влиянием панславистов, то, учитывая усиление внимания этой партии, можно опасаться, что панславистам удастся получить подпись императора для дальнейших военных предприятий на Западе... Я не могу отделаться от мысли, что в будущем и, быть может, даже в близком будущем, миру угрожает Россия и притом только Россия. Сведения, которые, по нашим донесениям, Россия за последнее время собирала, чтобы выяснить, найдет ли она, в случае если начнет войну, поддержку во Франции и в Италии, дали, конечно, отрицательный результат. Италия признана была бессильной, а Франция заявила, что в настоящее время не хочет войны и в союзе с одной Россией не чувствует себя достаточно сильной для наступательной войны против Германии». В действительности главной угрозой миру в начале XX века стала

именно Германская империя, чего «железный канцлер», отдадим ему должное, всеми силами пытался избежать.

Бисмарк прекрасно понимал, что судьба Австро-Венгрии тесно связана с судьбой Германской империи. Особенно уповало на Берлин политическое руководство венгерской части Дунайской монархии. В 1884 году Бисмарк говорил князю Бернгарду Бюлову: «Здесь, между Дунаем и Карпатами, сидят венгры. Для нас это то же самое, как если бы там были немцы, потому что их судьба тесно связана с нашей. Они держатся и падают вместе с нами. Это существенно отличает их от славян и румын. Венгрия является для нас самым важным фактором на всех Балканах, которые, как известно, начинаются сразу же за венской Ландштрассе». Однако германо-венгерское сближение объективно еще больше ограничивало возможности Берлина в рамках австро-германского союза. Венгрия, для которой балканские проблемы были вопросом жизни и смерти государства короны Святого Стефана, решительно выступала против поощряемой Сербией пропаганды югославянского единства, склонна была опираться на германскую помощь в предотвращении сербского ирредентизма. Берлину никак нельзя было устоять под совместным нажимом Вены и Будапешта в пользу его участия в балканских делах Габсбургской монархии.

После обнаружения австро-германского договора дружба Германии и России превратилась в призрак. Но Бисмарк по-прежнему верил, что «непосредственная угроза миру между Германией и Россией едва ли возможна иным путем, чем путем искусственного подстрекательства или в результате честолюбия русских или немецких военных вроде Скобелева, которые желают войны, чтобы отличиться прежде, чем слишком состарятся». Имелось в виду возможное воздействие военных групп влияния на своих императоров в пользу будущей войны. Однако жестокая ирония судьбы сказалась в том, что именно германская военная группировка получила самое мощное политическое влияние и спровоцировала мировой пожар.

Между тем в Германии среди значительной части элиты сохранялся скептический взгляд на ценность Австро-Вен-

грии как союзника, и на то были свои резоны. Так, 16 августа 1891 года прусский посланник в Ольденбурге граф Антон Монте писал князю Бернгарду Бюлову о внутреннем положении Дунайской монархии, точно предсказав ее печальный конец: «Двуединство (Австрии и Венгрии. — Б. С.) при ближайшем рассмотрении представляет собой самое жалкое произведение, которое когда-либо было создано легкомысленными дилетантами. Как долго еще армия сможет оставаться воплощением государственного единства?.. Магьяры мадьяризируют только немцев и евреев, т. е. как раз те элементы, которым они в интересах государства не должны были бы запрещать пользоваться немецким языком; в то же время они совершенно беспомощны перед румынами, хорватами и словаками. Если магьяры достигнут своей цели, т. е. личной унии (имеется в виду ограничение связи двух частей Австро-Венгерской империи личной унией и упразднением общеимперских институтов. — Б. С.), то распад Австрии неизбежен. Но вместе с тем территория Венгрии сократится наполовину. Я сомневаюсь, что после этого мы будем еще достаточно сильными для того, чтобы без прямого присоединения этого католического чурбана поддержать в оставшейся Австрии влияние, необходимое для нашего самосохранения, и обеспечить себе в будущем достаточно сильное влияние в Венгрии, Хорватии и Трансильвании. Если же мы останемся между двумя жерновами — Францией и Россией, мы погибли. Уже сейчас количественное соотношение сил весьма неблагоприятно. На Италию и так рассчитывать не приходится, а одна французская армия численно превосходит нашу... А сколько мы должны были бы оставить на восточной границе, хотя бы для того, чтобы оказать австрийской армии моральную поддержку!.. У нас есть два явных смертельных врага, а у Австрии только один... Если Германия будет разрушена, европейская цивилизация погибнет. До Одера будет простираться объединенное славянское государство, перед лицом которого остатки Германии и Франции потеряют всякое значение». Германский дипломат очень точно предсказал геополитическую ситуацию, сложившуюся после Второй мировой войны. Только в действительности крах Герман-

ской империи привел не к гибели, а к консолидации европейской цивилизации, к преодолению вековой германо-французской вражды и созданию Евросоюза.

Не настраивало германских политиков на оптимистический лад и то, что австрийская армия с 1859 года не выигрывала ни одной военной кампании. В случае европейской войны не было оснований верить в то, что она сможет один на один противостоять Российской империи и сковать все силы русской армии, пока Германия будет разбираться с Францией. Становилось ясно, что часть германских войск придется выделить против России, ослабив Западный фронт. Это уменьшало шансы на успех блицкрига и повышало вероятность вступления в войну Англии. В случае же затяжной войны внутренняя нестойкость Австро-Венгрии становилась ахиллесовой пятой германской коалиции. В Антанте же подобным слабым звеном была Российская империя. Однако на стороне последней были огромные людские ресурсы и обширная территория, что не позволяло сокрушить ее в ходе всего одной военной кампании. Поэтому чисто теоретически союз с Россией для Германии был бы предпочтительней, избавив ее от Восточного фронта, который Австро-Венгрия, даже оказавшись она в Антанте, вряд ли бы рискнула создать. Но германская солидарность и растущая близость Петербурга и Парижа толкали Берлин в объятия Вены.

Когда в конце 80-х годов германские военные стали настаивать на превентивной войне против оправившейся от поражения 1871 года Франции, Бисмарк выступил против. За два года до отставки, 6 февраля 1888 года он заявил в рейхстаге: «Не страх настраивает нас столь миролюбиво, а именно сознание собственной силы, сознание того, что и в случае нападения в менее благоприятный момент мы окажемся достаточно сильны для отражения противника... Любая крупная держава, которая пытается оказать влияние и давление на политику других стран, лежащую вне сферы ее интересов, и изменить положение вещей, приходит в упадок, выйдя за пределы, отведенные ей богом, проводит политику власти, а не политику собственных интересов, ведет хозяйство, руководствуясь соображениями престижа. Мы не собираемся этого делать... Мы больше не домогаемся любви ни во

Франции, ни в России. Русская печать, русское общественное мнение указали на дверь старому могучему и надежному другу, каким мы были; мы себя не навязываем. Мы пытались восстановить старые близкие отношения, но мы никому не набиваемся в друзья... Нас легко расположить к себе любовью и доброжелательностью — может быть, слишком легко, — но уж, конечно, не угрозами. Мы, немцы, боимся бога, но больше ничего на свете; а уж богобоязненность заставляет нас любить и сохранять мир».

Пока Бисмарк был канцлером, ему удавалось различными дипломатическими комбинациями поддерживать мир на Европейском континенте, не допуская объединения против Германии в одной коалиции Франции, Англии и России.

Бисмарк завещал своим преемникам поддерживать систему европейского равновесия. Они это завещание не выполнили. И «железный канцлер» в последние годы жизни чувствовал, что Германская империя стремительно утрачивает те дипломатические позиции, которые приобрела в годы его, Бисмарка, руководства внешней политикой. В заключительном томе мемуаров он с грустью писал: «Для того чтобы общественному мнению стали ясны ошибки, допущенные во внешней политике, как правило, требуется период, равный человеческой жизни, а «греки, которым приходится расплачиваться» (здесь Бисмарк процитировал строку из «Посланий» Горация, полный текст которой звучит так: «За все безумства царей приходится расплачиваться грекам». — Б. С.), не всегда бывают непосредственными современниками этих ошибок. Задача политики заключается в возможно более правильном предвидении того, как поступят другие люди при данных обстоятельствах. Прирожденная способность к такому предвидению редко встречается в таком объеме, чтобы обойтись для своего проявления без известной степени делового опыта и знания людей. Я не могу отрешиться от чувства тревоги, когда думаю, в какой степени эти качества утрачены нашими руководящими кругами».

Предчувствия не обманули Бисмарка. Но вряд ли он подозревал, что всего через каких-нибудь двадцать лет после его смерти его любимое детище — Германская империя окажется поверженной на обе лопатки.

ГЕРМАНСКИЕ КОЛОНИИ: БЛАГО ИЛИ ОБУЗА

Быстрый индустриальный рост укреплял позиции сторонников «мировой политики». После образования Германской империи на ее землях началась «грюндерская лихорадка» — массовое основание предпринимателями финансовых и промышленных предприятий. Правда, «перегрев рынка» привел к финансово-промышленному кризису, сопровождавшемуся длительной депрессией. В 1875 году к нему добавился аграрный кризис, вызванный падением мировых цен на зерно. Тем не менее последующий подъем вывел Германию в число передовых промышленных держав.

Окрепшая германская буржуазия стремилась к заморской экспансии, к созданию опорных пунктов для германской торговли, к контролю над источниками сырья. Как и другие великие державы, Германия в конце XIX века начала создавать собственную колониальную империю. В 1884—1897 годах под контроль Германии перешли в Африке нынешние Намибия, Камерун, Того, Руанда, Бурунди, Танганьика (основная часть нынешней Танзании), а на Тихом океане — китайский порт Киао-Чао (Циндао), Каролинские и Марианские острова и Западное Самоа. Однако в сравнении с колониальными империями Англии и Франции германская выглядела довольно скромно. Из колониальных империй великих держав ее можно было сравнить с империей США, состоявшей из Филиппин, Аляски, Гавайев, Пуэрто-Рико, Гуама и некоторых других островов Вест-Индии и Тихого океана. Интересно, что американская колониальная империя, сформировавшись в самом конце XIX века, уже в 30-е годы XX века, когда было принято решение предоставить независимость Филиппинам, находилась в состоянии трансформации. После отпадения Филиппин остальные территории превратились либо в штаты (Аляска, Гавайи), либо в самоуправляющиеся территории (Пуэрто-Рико, Гуам, Восточное Самоа). Отказавшись от удаленных и густонаселенных народами иных культур Филиппинских островов, Вашингтон органически интегрировал в состав метрополии почти все свои остальные владения.

Возможна ли была подобная трансформация германской

колониальной империи в случае, если бы не было Первой мировой войны? Вряд ли. Америка издавна была океанской державой, и все ее владения рассматривались во многом как продолжение метрополии на океанские просторы. Кроме того, население американских владений, за исключением Филиппин, было немногочисленным и довольно быстро смогло вписаться в жизнь собственно США. Выходцы из этих стран сравнительно легко могли, поселившись в Америке, усвоить американскую культуру и найти работу. Этому помогало и то обстоятельство, что США возникли как государство иммигрантов. К тому же по площади все колонии были в десятки раз меньше территории метрополии и интереса как земли, где могло бы найти приют избыточное американское население, никогда не представляли. Самая же крупная по территории и самая малонаселенная, равно как и самая неблагоприятная по климатическим условиям, Аляска располагалась на континенте, в непосредственной близости от основной территории США, и ее с самого начала собирались присоединить к Американскому государству. Открытие золота Клондайка стимулировало колонизацию, но и без этого Аляске суждено было бы рано или поздно превратиться в американский штат. А на Гавайях благоприятный климат стимулировал колонизацию, в результате чего лица европейского происхождения довольно быстро превысили по численности собственно гавайское население.

Напротив, Германская империя возникла как континентальное, ориентированное на Европу государство. Колонии в несколько раз превышали по площади метрополию, однако весьма трудно было бы переместить туда в значительных количествах «избыточное» немецкое население. Большинство из них не подходило по климатическим условиям из-за экваториального климата (Того, Камерун) или из-за того, что почти вся территория представляла собой пустыню (Юго-Западная Африка). Только Германская Восточная Африка (нынешние Танзания, Бурунди и Руанда) по своему климату годилась для жизни европейцев. Однако именно эта колония имела многочисленное туземное население. Владения же в Полинезии, хотя и с «райским» климатом, были слишком

удалены от метрополии и невелики по площади. Да и не так уж много немцев выражали готовность уезжать в далекие заморские земли. Даже в период кризисов гораздо надежнее было дожидаться нового промышленного подъема и найти работу в быстро растущей индустрии. Германские колонии не были богаты энергоносителями и полезными ископаемыми и отнюдь не были жизненно важными для существования империи. Вероятно, если бы не было Первой мировой войны, немцы избавились бы от колоний еще быстрее, чем американцы.

Поэтому, объективно говоря, прав был Бисмарк, когда говорил, что Германия не должна слишком увлекаться колониальными захватами, иначе она рискует уподобиться польскому шляхтичу, у которого есть старинная родовая медвежья шуба, но под шубой нет белья — продукта современной промышленности. Канцлер верил, что обширная заокеанская торговля Германской империи вполне переживет отсутствие обширных заморских колоний, требующих значительных средств на свое содержание и создающих новые очаги конфликтов с великими колониальными державами — Англией и Францией (а позднее — и с Японией). Известному путешественнику Ойгену Вольфу «железный канцлер» еще в 1888 году говорил: «Ваша карта Африки и вправду очень хороша, но моя карта Африки расположена в Европе. Здесь расположена Россия и здесь расположена Франция, а мы посередине; вот моя карта Африки».

Однако предприимчивость германских купцов и промышленников, их стремление овладеть новыми торговыми базами и источниками сырья заставили Бисмарка смириться с неизбежным. В бытность его канцлером была создана германская колониальная империя площадью почти 3 млн. км² и с населением более 12 млн. человек. Однако с началом Первой мировой войны колонии Германии негодились. Почти все они, кроме Восточной Африки, были быстро захвачены английскими, французскими, южноафриканскими и японскими войсками. Только в Танганьике германские войска, возглавляемые искусным полководцем генералом Паулем фон Леттов-Форбеком, продержались до конца вой-

ны. Вытесненные с территории Танганьики, они совершили смелый рейд по британским и португальским колониям. Отряд Леттов-Форбека нанес ряд поражений двадцатикратно превосходившим его по численности британским и южноафриканским войскам, но спасти германскую колониальную империю эти успехи, разумеется, уже не могли. Сам Леттов-Форбек писал: «Маленькая горстка людей, не превышавшая 3 тыс. европейцев и 11 тыс. аскари (вспомогательных солдат из числа африканцев), в течение всей войны приковывала к себе во много раз превосходящего врага... Против нас было выставлено около 300 тыс. человек с тысячькою автомобилей и многими десятками тысяч верховых и вьючных животных, и эти войска были снабжены всем, чем располагал мир, объединившийся против Германии, с его неистощимыми средствами борьбы. Однако, несмотря на подавляющее численное превосходство противника, наш маленький отряд, насчитывавший к моменту заключения перемирия едва 1400 бойцов, все-таки держался и был готов к бою, воодушевленный высоким духом предприимчивости и крепкими узами внутреннего единения». По словам Леттов-Форбека, только европейцев и индусов в рядах британских войск погибло более 20 тысяч, а туземных солдат — не менее 40 тысяч.

«КУЛЬТУРКАМПФ»: БОРЬБА ПРОТИВ КАТОЛИКОВ

В 1871 году по инициативе «железного канцлера» в Германской империи был начат «культуркампф» — борьба с влиянием католической церкви. Католики традиционно преобладали в Южной и Западной Германии и отличались гораздо более сильной приверженностью к своей религии, чем прихожане протестантских церквей. Поэтому, несмотря на то что большинство населения империи проживало в протестантских по преимуществу землях, активно верующих католиков в общем было не меньше, чем протестантов. Процент атеистов среди протестантов по рождению был гораздо выше, чем среди католиков. А централизованная, подчиненная Ватикану католическая церковь представляла собой серьезную политическую силу в Германии. С ней была тесно связа-

на крупнейшая в стране партия Центра. К тому же католики преобладали в Эльзас—Лотарингии и в польских землях Пруссии, где религиозная рознь с пруссаками-протестантами усугублялась рознью языковой и национальной.

Партия Центра и католическая церковь сопротивлялись прусской гегемонии в Германской империи. И Бисмарк решил с ними разобраться. В декабре 1871 года рейхстаг дополнил уголовный кодекс параграфом о церковной кафедре. Священникам отныне запрещалось затрагивать в проповедях вопросы государственной политики «в форме, угрожающей общественному спокойствию». Прежде всего этот пункт затрагивал эльзасских и лотарингских священников, призывавших прихожан молиться за воссоединение «имперской земли» с Францией. В марте 1872 года в Пруссии начал действовать закон о школьном надзоре, согласно которому инспекции над школами стали осуществлять не священники, а чиновники. Это нововведение затронуло также интересы протестантских церквей Германии, лишившихся важного инструмента влияния на умы верующих.

По отношению к полякам «культуркампф» проводилась особенно активно. Бисмарк пустил в ход тезис о том, что в польских землях Пруссии происходит «ополячивание» немцев, которые принимают католическую веру и усваивают польский язык. На практике сколько-нибудь широкого «ополячивания» немцев, или, как говорил Бисмарк, «подавления немецкого элемента», в Силезии, Познани и Западной Пруссии не было, хотя и наблюдался определенный рост влияния польской католической церкви и переход в католичество части немцев-протестантов (но отнюдь не полная ассимиляция). На самом деле Бисмарк опасался агитации в пользу независимости, которую вели польские ксендзы среди своих прихожан. Канцлер считал, что сепаратистские настроения свойственны только шляхте и католическому духовенству, а польские рабочие, ремесленники и крестьяне остаются лояльными подданными прусского короля и германского императора. Так, 18 апреля 1872 года Бисмарк, отвечая на верноподданнический адрес императору от жителей одного из польских городов, присланный ему сапожником

Сверконским, писал: «Его величество питает полное доверие к благодарности и преданности своих польских подданных; но их депутаты до сих пор не выражали этого чувства. Сердцу короля одинаково близки все подданные — те, кто говорит по-польски, и те, кто говорит по-немецки...» Были приняты, однако, достаточно жесткие меры против всего польского населения. Так, в Познани (Позене) в средней и начальной школе преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего, было переведено с польского на немецкий язык.

Следующим шагом в ходе «культуркампа» стал запрет в Германии в июне 1872 года деятельности иезуитов и родственных им орденов и конгрегаций. А в мае 1873 года прусский ландтаг принял серию законов, ограничивавших деятельность всех церквей, но прежде всего затрагивавших интересы католической церкви. Отныне священники в Германии должны были в обязательном порядке иметь германское подданство, тогда как многие католические пастыри были подданными Ватикана, Италии, Австрии или Франции. От них требовалась также трехгодичная учеба в одном из германских университетов и сдача специального экзамена. Кроме того, теперь священники назначались в свои приходы только с разрешения государственных властей. Ватикан утратил дисциплинарную власть внутри католической церкви в Германии. Все конфликты в этой сфере должен был разрешать прусский королевский суд. Отстаивая эти законы, Бисмарк обвинял партию Центра в попытке создать государство в государстве, во главе с «князем церкви» в Риме: «Если бы эта программа была осуществлена, мы имели бы... вместо прежнего сплоченного прусского государства, вместо создаваемой ныне Германской империи два параллельно функционирующих рядом друг с другом государственных организма: один со своим генеральным штабом во фракции Центра, другой — со своим генеральным штабом в руководящем светском принципе и в правительстве и особе его величества императора». В католиках и их партии он видел угрозу единству главного своего детища и потому столь эмоционально выступал против католической церкви.

Новые законы облегчили подданным Германской импе-

рии выход из церкви. В 1874 году был введен обязательный гражданский брак в Пруссии, а к концу 1876 года — по всей Германии. Священники, не подчинившиеся «майским законам», которые Ватикан объявил недействующими, выслались из Германии. В Пруссии были прекращены государственные субсидии католической церкви до тех пор, пока она не подчинится церковному законодательству. Были запрещены все монашеские ордена, кроме тех, кто занимался уходом за больными, и установлен государственный контроль над управлением церковным имуществом.

Однако в целом «культуркампф» провалилась. Католическая церковь сохранила свои позиции как в имперских провинциях Эльзасе и Лотарингии, так и среди польского населения империи. Сколько-нибудь заметной германизации поляков так и не произошло. В немецких же землях партия Центра получила дополнительную поддержку и в 1874 году вдвое увеличила число голосов, завоеванных на выборах в рейхстаг. Превращение католической церкви в объект гонения вызвало рост симпатий к ней и активную солидарность со стороны верующих, в том числе и тех, для кого религия раньше занимала отнюдь не первое место в числе жизненных потребностей.

И здесь Бисмарк признал свое поражение. Но сначала он обратился против нового «внутреннего врага» — социал-демократов. Параллельно с борьбой против социал-демократов шло постепенное примирение Бисмарка с католической церковью. Он нуждался в поддержке партии Центра для введения протекционистских таможенных пошлин, закон о которых был принят рейхстагом в 1879 году. В том же году министр по делам культов Фальк, яростный сторонник «культуркампф», ушел в отставку. Направленные против католиков законы были смягчены в 1880 и 1882—1883 годах, а в 1882 году были восстановлены отношения Берлина с Ватиканом. В 1886—1887 годах новые прусские «законы о мире» отменили государственный экзамен для священников, королевский суд по церковным делам и запрет церковных орденов. «Культуркампф» закончилась фактическим поражением прусских

властей. Католическая церковь сохранила свои позиции. Новый поход против нее был предпринят уже во времена Гитлера.

С польским же национализмом решили бороться с помощью административных мер, направленных не против церкви, а против представителей польской этнической группы, не имеющих германского подданства, но проживающих на территории Пруссии. В 1886—1887 годах прусский ландтаг принял ряд антипольских законов, предусматривающих высылку из Пруссии поляков, являющихся австрийскими и российскими подданными. Бисмарк, выступая категорически против независимости Польши, выдвинул программу германизации польских земель: «Нам остается постараться улучшить соотношение между польским и немецким населением в пользу немцев. Это соотношение можно улучшить, с одной стороны, увеличением немецкого населения, с другой стороны — уменьшением польского». Этой цели должны были служить депортация поляков, не являющихся подданными Пруссии, и поощрение германской колонизации в польских землях, которые следовало экспроприировать у польской аристократии. При этом Бисмарк призывал прусских поселенцев, чиновников и военнослужащих не вступать в брак с поляками, дабы не подвергнуться «полонизации». Однако реально сколько-нибудь масштабных депортаций произведено так и не было, в частности, из-за протестов двух других империй — Российской и Австрийской, отнюдь не стремившихся приютить у себя революционные элементы, которые пытались выслать с прусской территории.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН: БОРЬБА С «КРАСНОЙ ОПАСНОСТЬЮ»

19 октября 1878 года рейхстаг по настоянию Бисмарка, воспользовавшегося как предлогом двумя неудачными покушениями на императора Вильгельма, принял «исключительный закон» против социалистов, официально именовавшийся «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии». Он предусматривал запрет организаций, ставящих целью «посредством социал-демократических, со-

циалистических или коммунистических стремлений свергнуть существующий государственный или общественный строй». На практике полиция и местные власти получили право запрещать «нежелательные» собрания, ограничивать распространение печатных изданий и даже высылать лиц, «опасных для общественной безопасности». Закон, продлевавшийся четырежды, действовал 12 лет, однако не привел к краху социал-демократии. Газеты и брошюры печатались за границей и широко распространялись в Германии. На местах создавались нелегальные партийные организации, а их деятельность координировала социал-демократическая фракция рейхстага. В конце 1880-х годов произошел резкий рост забастовочного движения. Неэффективность «исключительного закона» становилась очевидной.

Бисмарк считал, что правительство должно бороться против социалистов не только посредством «исключительных законов», но и заботясь о социальном обеспечении народа и тем самым выбивая из рук социалистических агитаторов сильное пропагандистское оружие. В 1883—1889 годах в Германской империи была принята система законов о социальном страховании трудящихся — на случай болезни, от несчастных случаев, по старости и инвалидности. Еще раньше, в 1881 году, было смягчено действие «исключительного закона» против социалистов. Рабочие получили право создавать профсоюзы, кассы взаимопомощи, выпускать газеты (правда, они должны были быть свободны от социалистических идей). Окончательно же «исключительный закон» перестал действовать уже при Вильгельме II. Он оказался бесполезен в борьбе с движением, отражавшим реальные интересы пролетариата — растущего класса общества.

Весной 1889 года во время 150-тысячной забастовки в Вестфалии кайзер постарался выступить в роли посредника, примиряющего рабочих и предпринимателей. Вильгельм писал в мемуарах: «На основании всех поступивших в течение весны и лета донесений накопился материал, свидетельствующий, что не все в порядке в промышленности. Многие требования рабочих имели свои основания и должны были быть подвергнуты благожелательному рассмотрению как со

стороны работодателей, так и со стороны властей... Во мне созрело решение созвать коронный совет и привлечь к участию в совещании работодателей и рабочих для рассмотрения под моим личным руководством рабочего вопроса... Я настаивал на своем предложении, приводя принцип Фридриха Великого: «Я хочу быть королем бедняков». Это мой долг — позаботиться об используемых индустрией детях моей страны, защитить их силы и улучшить условия их существования». Несмотря на оппозицию Бисмарка, кайзер потребовал от промышленников удовлетворить требования рабочих по улучшению условий труда, сокращению продолжительности рабочего дня и повышению зарплаты. Вильгельм решительно отверг предложение канцлера применить против социалистов силу, если они выйдут на улицы, заявив, что не может запятнать первые годы своего царствования кровью «своих детей». По словам императора, разница взглядов между ним и Бисмарком на рабочий вопрос послужила причиной разрыва между ними. В действительности «железный канцлер» не был столь кровожаден. Он лишь предлагал существенно ограничить демократические свободы, введя уголовные наказания за пропаганду классово-вражды, за нападки на религию, монархию, брак, семью, собственность и т. д. Реальная причина отставки Бисмарка была в стремлении править самостоятельно, что в тени столь сильного канцлера не было никакой возможности сделать. Правда, как очень скоро выяснилось, к самостоятельному правлению Вильгельм II оказался не пригоден, и это трагическим образом сказалось на судьбе Германской империи.

Хотя кайзер не стал продлевать в 1890 году «исключительный закон», но никаких симпатий к социал-демократии не питал. Наоборот, он готов был установить диктатуру для подавления рабочих волнений. Об этом в 1899 году писал близкий к императору граф Филипп Эйленбург статс-секретарю МИДа князю Бернгарду Бюлову: «Когда телеграф сообщил о рабочих волнениях в Аугсбурге и других местах... телеграмма агентства Вольфа очень взволновала императора. Он чрезвычайно серьезно отнесся к рабочим волнениям и был чрезвычайно доволен. «Это хорошо, — говорил он, — пускай, пускай! Наступит момент, когда нужно будет действо-

вать... Я тогда ни перед чем не остановлюсь, и даже министерство не удержит меня; оно просто полетит, если не пойдет со мной... Германская буржуазия совершенно обанкротилась! Правительство должно действовать, иначе все пойдет прахом! Если при серьезном конфликте во внешней политике создастся такое положение, что половина армии будет использована внутри страны вследствие всеобщей забастовки, то мы пропали! Во время последней всеобщей забастовки в Гамбурге уже чувствовалось, что тут замешана Англия. Эта попытка удалась ей неплохо. Поэтому пора действовать... Военный министр мне сказал, что я в любое время могу объявить осадное положение во всей империи. Прежде чем солдаты не выведут из рейхстага социал-демократических вождей и не расстреляют их, нельзя надеяться на улучшение положения. Нам нужен закон, по которому можно было бы каждого социал-демократа сослать на Каролинские острова... Было сказано, что есть надежда, что начнутся грабежи, и тогда, но только после того, как разграбят несколько сот буржуазных предприятий, надо будет произвести очень сильное кровопускание. Я сказал только, что у социал-демократов слишком хорошая организация и вряд ли теперь возможны грабежи в Берлине и в других больших городах. «Тогда не остается ничего другого, как объявить всеобщее осадное положение», — ответил император».

К счастью, в данном случае воинственным амбициям кайзера явно не хватало амуниции в виде решимости действовать жестко и беспощадно. Но трагедия Второй империи заключалась в том, что в решающий для ее судеб момент международного кризиса лета 1914 года первоначальная воинственность Вильгельма II получила мощную поддержку политиков и генералов, и тогда, когда кайзер поостыл и вроде бы готов был пойти на попятную, он уже не смог этого сделать, находясь под мощным воздействием своего окружения. Слабовольный человек во главе мощной империи, облеченный большой властью, обычно приводит державу если не к краху, то к весьма существенным материальным и моральным потерям. Но Вильгельм II мог радоваться хотя бы тому, что, в отличие от своего коронованного собрата Николая II, по крайней мере, пережив крушение империи, остался жив.

ВРЕМЯ ВИЛЬГЕЛЬМА II

Наследовавший Вильгельму I его сын, либерально мыслящий Фридрих Вильгельм III, страдал раком горла и прожил на престоле всего 99 дней. 15 июня 1888 года последним германским императором стал сын Фридриха Вильгельма III Вильгельм II, человек неглупый, но слабовольный и взбалмошный.

Проблема взаимоотношений рейхсканцлера и императора заключалась в том, что, как подчеркивал Вильгельм II, по конституции у кайзера не было никаких рычагов заставить канцлера проводить угодную монарху политику, за которую глава правительства не готов был нести ответственности. Оставался единственный инструмент — отставка, но в кризисные периоды это было обоюдоострым оружием и грозило destabilизировать германское государство. Вильгельм II рискнул, и 20 марта 1890 года отправил в отставку Бисмарка. Горькую пилюлю «железному канцлеру» подсластили титулом герцога Лауэнбургского и фельдмаршалским чином. Но это не меняло сути принципиальной перемены. Новый кайзер и его генералы склонны были полагаться не на дипломатическое искусство, а на грубую силу. В итоге против Германии сложилась мощная коалиция государств, тогда как у Берлина остались только сравнительно слабые союзники.

Вильгельм II охарактеризовал различия между позицией Бисмарка и своей собственной по рабочему вопросу, ставшие весомой причиной отставки, следующим образом: «Бисмарк был слишком великий политик, чтобы не понимать важности рабочего вопроса для государства. Но он смотрел на все это дело исключительно с точки зрения государственной целесообразности. Государство, по его мнению, должно заботиться о рабочих постольку, поскольку правительство найдет это необходимым. Об участии самих рабочих в деле социального законодательства почти не было речи. Подстрекательства к мятежу, как и сами восстания, должны сурово подавляться, в случае необходимости — даже силой оружия. Попечение — с одной стороны, железный кулак — с другой, — вот в чем состояла социальная политика Бисмарка. Я же хотел завоевать душу немецкого рабочего... Я был пре-

исполнен ясным сознанием своего долга перед моим народом, а следовательно, и перед трудящимися классами. Рабочие должны были получить то, что им следовало по закону и справедливости; при этом там, где кончались желание и возможности работодателей, раз это было необходимо, рабочие должны были получить помощь со стороны государства...

Я достаточно знал историю, чтобы не впасть в иллюзию, будто можно осчастливить весь народ. Мне было ясно, что один человек не может сделать счастливым целый народ. Счастлив только тот народ, который доволен или, по крайней мере, хочет быть довольным. Последнее желание предполагает известную степень понимания возможного, т. е. деловитость, которой, к сожалению, часто не хватает. Я отчетливо понимал, что при безграничных требованиях социалистических вождей беспочвенные ожидания будут все больше и больше разгораться. Но именно для того, чтобы можно было убедительно и с чистой совестью выступить против неосновательных домогательств, нельзя было отказывать в признании законных требований и содействии им.

Политика, имеющая своей целью благо рабочих, при конкуренции на мировом рынке, несомненно, наложила на всю промышленность Германии, благодаря законам об охране труда, тяжкое бремя, — особенно в сравнении с промышленностью Бельгии, где дешевая зарплата могла выжимать до последней капли все соки из человеческих ресурсов страны, не чувствуя при этом ни угрызений совести, ни сострадания при виде падающей нравственности истощенного, беззащитного народа. Такое положение, какое было в Бельгии, я, благодаря моему социальному законодательству, сделал невозможным в Германии».

Беда, однако, заключалась в том, что удовлетворение нужд трудящихся и внутреннее умиротворение достигалось только для нужд внешней экспансии, для завоевания той же Бельгии. В этом отношении Гитлер стал достойным наследником Вильгельма II.

А ведь еще совсем недавно будущий император Вильгельм II почтительно писал Бисмарку 10 мая 1888 года в ответ на его письмо от 9 мая: «Я всецело придерживаюсь мне-

ния вашей светлости, что даже при удачном ходе войны с Россией нам не удастся привести в полное расстройство ее военные средства. Все же я полагаю, что в случае неудачной для России войны, в результате внутренних политических неурядиц, характер бессилия этой страны будет совершенно иным, чем в любом другом европейском государстве, включая Францию. Напомню о том, что после Крымской войны Россия в течение почти двадцати лет была обессилена, прежде чем она настолько оправилась, что оказалась в состоянии воевать в 1877 году. Военные средства Франции в 1871 году не были в достаточной мере расстроены, так как на глазах и даже с помощью благосклонного победоносного противника могла создаваться и формироваться новая армия для того, чтобы победить Коммуну и спасти страну от полной гибели; парижские укрепления, находившиеся в руках победителя, не были сравнены с землей и даже не были полностью разрушены; флот был оставлен Франции, которая не была уничтожена, а только политически унижена. Эти только что приведенные факты с очевидностью доказывают, что мы были далеки от действительного уничтожения врага («40 миллионов французов! И Европа!» — со скептической иронией прокомментировал этот пассаж Бисмарк в своих мемуарах. — Б. С.), что мы сохранили ему основу для тех огромных военных средств на суше и на море, которые ныне угрожают нам со стороны республики. С военной точки зрения это было неправильно, но с политической вполне соответствовало положению вещей в Европе и для того момента было правильно.

Чем больше крепла республика, тем большую склонность — несмотря на самые лояльные намерения и поведение царя — проявляла Россия, хотя Германия не нанесла ей ни малейшего ущерба, воспользоваться удобным моментом, чтобы в союзе с республикой напасть на нас. Это угрожающее положение возникло и существует не в результате войны, которую мы по собственной инициативе вели с Россией, а вследствие общей заинтересованности панславистов и республиканской Франции в уничтожении Германии как оплота монархии.

С этой целью обе нации систематически усиливали свои

военные средства на решающих границах, не будучи чем-либо спровоцированы с нашей стороны на это неслыханное поведение и не приводя для этого каких-либо веских объяснений.

Отчасти по этой причине руководимая вашей светлостью мудрая политика моего усопшего деда добилась создания союзов, которые весьма содействовали тому, что обеспечили нас от нападений нашего прирожденного врага на Западе. Эта политика сумела также расположить в нашу пользу властелина России. Влияние этого сохранится до тех пор, пока теперешний царь действительно обладает властью для осуществления своей воли. Но как только он лишится власти — а многие признаки этого имеются налицо, — то вполне вероятно, что Россия уже не позволит отделить себя от нашего прирожденного врага и вместе с ним начнет против нас войну в момент, когда военные средства обоих покажутся им достаточно сильными, чтобы безнаказанно нас уничтожить.

При таких обстоятельствах ценность наших союзников возрастает: крепко привязать их к нам и в то же время не допускать сколько-нибудь значительного их влияния на империю остается великой и, следует признать, трудной задачей осторожной германской политики. Но при этом надо принять во внимание, что один из наших союзников принадлежит к романскому племени и его правительственный механизм не обладает такой абсолютной прочностью, как у нас. Поэтому едва ли можно рассчитывать на длительность этого союза, и для нас лучше раньше начать войну, в которой мы рассчитываем на помощь союзников».

В этих словах уже таились зародыши того авантюризма германской внешней политики, который привел мир к катастрофе Первой мировой войны. Трагедия Вильгельма II и Германии заключалась в том, что кайзер не сознавал собственной непригодности к тому, чтобы единолично править империей, верил в собственное великое предназначение и не хотел никого терпеть рядом с собой даже в качестве советников, а тем более — в качестве самостоятельно действующих политиков. Вильгельм II не понимал, что только с такими людьми, как Бисмарк или близкие к нему по масштабу лич-

ности, есть шанс сохранить монархию и Германскую империю.

После своей отставки Бисмарк следующим образом оценивал перспективы русско-германских отношений: «Вероятность войны на два фронта со смертью Каткова и Скобелева несколько уменьшилась: совсем необязательно, чтобы французское нападение на нас с той же неизбежностью повлекло выступление против нас России, с какой русское нападение повлечет выступление Франции; однако склонность России оставаться спокойной зависит не от одних только настроений, а еще больше от технических вопросов вооружения на море и на суше. Когда Россия сочтет, что в отношении конструкции своих ружей, качества своего пороха и силы своего Черноморского флота она уже готова, тон, в котором разыгрываются ныне вариации русской политики, быть может, уступит место более вольному».

Вместе с тем Бисмарк подчеркивал, что между Россией и Германией нет неразрешимых противоречий: «Германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война против Германии; самое большее, русский победитель мог бы оказаться в более благоприятных условиях, чем германский, в отношении суммы военной контрибуции, да и то он едва ли вернул бы свои издержки. Идея о приобретении Восточной Пруссии, проявившаяся во время Семилетней войны, вряд ли еще найдет приверженцев. Если для России уже невыносима немецкая часть населения ее прибалтийских провинций, то нельзя предположить, что ее политика будет стремиться к усилению этого считающегося опасным меньшинства таким крупным дополнением, как Восточная Пруссия (германский канцлер, хоть и называвшийся «железным», и в страшном сне не мог вообразить, что реальностью Второй мировой войны станут массовые депортации населения и что Восточная Пруссия станет-таки российским владением, но там не останется ни одного немца. — *Б. С.*). Столь же мало желательным представляется русскому государственному деятелю увеличение числа польских подданных царя присоединением Познани и Западной Пруссии. Если рассматривать Германию и Россию

изолированно, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны... Я не думаю также, что Россия, когда она будет подготовлена, нападет без дальнейших околичностей на Австрию; еще и теперь (в 1890-е годы. — Б. С.) я придерживаюсь того мнения, что концентрация войск в западной России имеет в виду не прямую агрессивную тенденцию против Германии, а только защиту в случае, если бы действия России против Турции побудили западные державы к репрессиям».

Бисмарк предупреждал своих преемников: «В будущем потребуются не только вооружения, но и правильный политический взгляд, для того чтобы вести германский государственный корабль через потоки коалиций, которым мы подвержены вследствие нашего географического положения и нашего исторического прошлого. Любезностями и экономическими подачками дружественным державам мы не предотвратим опасностей, скрытых в лоне будущего, а только усилим вожелания наших временных друзей и их расчеты на наше чувство вынужденной необходимости. Я опасаюсь, что на этом пути наше будущее будет принесено в жертву мелким и преходящим настроениям настоящего. Прежние монархи ценили больше способности, чем послушание своих советников. Если послушание оказывается единственным критерием, то к универсальным дарованиям монарха предъявляются такие требования, которым не удовлетворил бы сам Фридрих Великий, хотя в его время политика в период войны и мира была менее сложна, чем теперь.

Наш престиж и наша безопасность будут тем устойчивее, чем больше мы будем воздерживаться от вмешательства в споры, которые нас непосредственно не касаются, и чем различнее мы будем ко всяким попыткам возбудить и использовать наше тщеславие».

К предупреждению Бисмарка его преемники не прислушались. И спровоцировали мировую войну, ввязавшись в австро-сербский спор в связи с убийством эрцгерцога Фердинанда. Вообще мировая политика создала для Германии слишком много противоречий, которые с наличными воен-

ными, экономическими и дипломатическими ресурсами империи не было возможности удовлетворительно разрешить. Она порождала новых врагов — прежде всего Англию и США, но не позволяла приобретать сколько-нибудь сильных союзников. Германия оказалась обречена спина к спине с дряхлеющей Австро-Венгрией бороться против едва ли не всего мира. Старая и молодая континентальные империи сражались против двух старейших колониальных империй — Англии и Франции и третьей континентальной империи — России. Лишь поддержка первой промышленной державы мира — США позволила Антанте одержать победу. Но вступление в войну американцев было predeterminedено всей предвоенной германской политикой. В гегемонии Франции на Европейском континенте в Вашингтоне видели меньшую угрозу для себя, чем в победе Германии, собиравшейся поставить под свой контроль не только Европу, но и океаны.

Единственно правильной политикой для Германской империи в период до 1914 года была бы, если так можно выразиться, умеренность и аккуратность. Надо было стараться удержать то, что было завоевано у Франции, сохранить единство государства, не допустить образования против империи коалиции Франции, России и Англии, но не пытаться при этом создать обширную колониальную империю и мощный военный флот, способный соперничать с британским. Колонии Германии, чьи основные интересы лежали в Европе, объективно не были нужны. В крайнем случае можно было ограничиться захватом некоторых территорий в Африке, но не стремиться к их расширению и не провоцировать на этой почве конфликты с Англией и Францией. Ничтожна была и вероятность, что британский военный флот будет пиратским образом чинить препятствия германскому торговому судоходству. Подобное вопиющее нарушение международного права сплотило бы против Британской империи не только блок континентальных держав, но и США. Германии достаточно было бы иметь такие военно-морские силы, которые совместно с силами береговой обороны смогли бы отразить попытку британского флота атаковать германское побережье и высадить там десант, — и только. В этом случае вероят-

ность возникновения мировой войны свелась бы к минимуму и ничто не смогло бы помешать бурному росту германской промышленности. Тогда открылся бы путь к подлинной интеграции в состав Германской империи если не польских земель Пруссии, то по крайней мере Эльзаса и Лотарингии. Мирное «вращение» эльзасцев и лотарингцев в Германию, в свою очередь, снизило бы остроту германо-французских противоречий. И открылась бы дорога к европейской интеграции. Европа могла бы получить «Общий рынок» и Евросоюз лет на 20—30 раньше, чем это произошло в действительности! Главное же — континент был бы избавлен от двух мировых войн и гибели десятков миллионов людей. От подобных перспектив просто дух захватывает! Но ни Вильгельм II, ни его советники, министры и генералы, к несчастью, не оказались действительно здравомыслящими политиками. Никто из них не смог трезво оценить сложившееся международное положение и выбрать правильный курс для германского государственного корабля. И Германия упустила шанс стать мотором европейской экономической и политической интеграции. Сегодня же именно этим шансом она не без успеха пытается воспользоваться.

А так бы Германию и Европу могло ждать счастливое время уже во втором десятилетии XX века. Бюргеры бы мирно потягивали пиво, играли в кегельбанах, кушали бы традиционную свиную ножку с клецками и кислой капустой и гороховый суп с копченостями. Слушали бы «милого Августина», тихо спали бы в теплых ночных колпаках. Помирились бы с французами и с удовольствием вкушали бы «бордо», а французы — «рейнвейн». Открылись бы границы, и все народы свободно перемещались бы от Атлантики до Польши, от датских проливов до Италии. Мирная идиллия начала века тогда могла бы сохраниться и до его конца. Ни Германии, ни ее соседям воевать было бы не с кем и незачем. И прошлое столетие не вошло бы в историю человечества как самое бурное и кровавое.

Может быть, Россия, Германия и Австро-Венгрия смогли бы договориться друг с другом, создав буферное Польское государство и превратив аморфный «Союз трех императо-

ров» в основу «Пан-Европы». Тогда Россия бы навсегда стала частью единой Европы и вкусила бы все блага европейской экономической и культурной интеграции. Тогда была бы полная демократизация всех трех империй на пути превращения их в безусловно конституционные монархии. Всеобщий мир был бы обеспечен. Но не получилось.

Бисмарк считал, что «преимущество, которое дает германской политике отсутствие прямой заинтересованности в восточных вопросах, противостоит невыгодность центрального и открытого расположения Германской империи, с ее растянутыми на все стороны линиями обороны и с легкостью формирования антигерманских коалиций. При этом Германия является, может быть, единственной великой державой в Европе, которую никакие цели, достижимые только путем победоносных войн, не могут ввести в искушение (тут опытный государственный деятель проявил поразительную политическую наивность. — *Б. С.*). Наши интересы заключаются в сохранении мира, в то время как у всех без исключения наших континентальных соседей имеются тайные или официально известные желания, которые могут быть выполнены только путем войны. Сообразно с этим мы должны соизмерять нашу политику. Это означает по возможности препятствовать войне или ограничивать ее. В европейской карточной игре мы должны сохранять за собой последний ход, и никаким нетерпением, никакой услужливостью за счет страны, никакому тщеславию или дружественным провокациям мы не должны позволять, чтобы они преждевременно вынудили нас перейти из стадии выжидания в стадию действия...

Цель нашей сдержанности не в том, чтобы со свежими силами напасть на кого-либо из наших соседей или возможных противников, после того как другие были бы ослаблены. Напротив, мы должны стараться честным и миролюбивым использованием нашей мощи ослабить недовольство, вызванное нашим превращением в подлинно великую державу, чтобы убедить мир, что германская гегемония в Европе полезнее и беспристрастнее, а также менее вредна для свободы

других, чем гегемония французская, русская или английская».

«Железный канцлер» утверждал: «За время своей служебной деятельности я три раза советовал вести войну: датскую, богемскую (против Австрии. — Б. С.) и французскую, но всякий раз я предварительно уяснял себе, принесет ли война, если она окажется победоносной, награду, достойную тех жертв, каких требует каждая война; а в настоящее время эти жертвы несравненно тяжелее, нежели в прошлом столетии. Если бы я предполагал, что по окончании одной из этих войн нам пришлось бы с трудом измышлять желательные для нас условия мира, то едва ли я убедился бы в необходимости таких жертв, пока мы не подверглись физическому нападению. Международные споры, которые могут быть решены только войной народов, я никогда не рассматривал с точки зрения обычаев геттингенского студенчества и личной чести дуэлянта, а всегда взвешивал последствия этих споров на притязание немецкого народа вести, наравне с прочими великими державами Европы, автономную политическую жизнь, насколько это возможно при свойственных нашей нации внутренних силах».

Но к голосу отставного «железного канцлера» уже никто не прислушивался. Он обрекался на роль Кассандры. Бисмарк был последним и единственным политиком-реалистом в Германской империи. После него у руля германского государственного корабля оказывались люди с ярко выраженными авантюристическими наклонностями, склонные переоценивать германскую военную и экономическую мощь и недооценивать мощь ее потенциальных противников. И войну они рассматривали не как крайний, а как один из законных способов, наряду с другими, разрешения международных споров и обеспечения национальных интересов. Кончилось это двукратным неспровоцированным нападением на соседей, геноцидом «расово неполноценных народов» и полным и окончательным крахом Германской империи в 1945 году.

1 августа 1898 года над гробом Бисмарка император Вильгельм II пообещал «то, что великий канцлер создал при им-

ператоре Вильгельме Великом, хранить и приумножать, а если понадобится, защищать любой ценой». Он не думал тогда, что через каких-нибудь 20 лет империя пойдет прахом, а ему придется искать убежища в Голландии.

Как отмечает немецкий публицист Себастиан Хаффнер, «внутриполитическая атмосфера вильгельмовской Германии в целом отличалась от той, что характеризовала эпоху Бисмарка. Она была менее напряженной, более свободной, менее жесткой и строгой. Германия на рубеже веков была страной более счастливой, чем в 80-е годы. В Германии Бисмарка царила удушливая атмосфера. Вильгельм II распахнул окна и дал ворваться свежему воздуху. Чувство благодарности, которое он сумел внушить, и большая популярность, которую он завоевал в первые годы, были совсем не случайны. Благотворная разрядка внутренней напряженности была достигнута благодаря тому, что накопленная энергия и избыточное внутреннее давление были направлены в область внешней политики, так сказать, за счет внешнего мира, который не захотел мириться с этим слишком долго. Расплатой за нее в итоге стала война».

Также адмирал Альфред фон Тирпиц после Первой мировой войны констатировал, что подлинное величие империи было достигнуто еще при Бисмарке и благодаря «железному канцлеру»: «Народное сознание по справедливости приписывает не военным, а государственному деятелю Бисмарку главную заслугу в победоносных войнах, которые сделали нас свободными, объединенными и зажиточными. Пока наш народ оставался здоровым и верным, а наша оборона непреодолимой, как это было в первые годы мировой войны, наше государственное искусство имело достаточно политических, военных и морских средств, чтобы с честью выйти из войны с Англией, в которую мы были втянуты».

Император Вильгельм II вспоминал свою гимназическую юность, пришедшуюся на первые годы существования империи: «Молодежь того времени преимущественно занимала мысль, как бы сделать карьеру чиновника. Достичь звания юриста или ассессора всегда считалось самой достойной целью. Это объясняется тем, что быт старой Пруссии еще чувство-

вался в Германской империи. Пока государство состояло преимущественно из правительства и чиновничьего аппарата, стремление немецкого юношества к чиновничьей карьере было понятно и обоснованно; в чиновничьем государстве это и был для молодого человека настоящий путь к служению отечеству. Уверенные в себе, сильные, благодаря спорту, британские мальчики... уже тогда говорили о колониальных завоеваниях, об экспедициях для исследования новых земель, о распространении британской торговли, стремясь к тому, чтобы в качестве пионеров своего отечества, посредством практической деятельности, а не в качестве государственных служащих, увеличить и укрепить Британскую империю. Англия давно уже была мировым государством, в то время как мы оставались еще чиновничьим... Но после того, как Германия также вступила в качестве ценного фактора в мировое хозяйство и мировую политику, круг идей немецкого юношества должен был бы меняться быстрее... Мысль о том, что можно служить отечеству вне госслужбы, свободным соревнованием, еще не укрепилась у всех в головах».

Кайзер надеялся направить энергию «детей империи» в колонии, во флот, в развитие торговли и промышленности, для чего полагал необходимым сделать Германскую империю по-настоящему мировой державой, способной на равных соперничать с Британской империей. На самом деле преимущественно континентальная политика сулила Германии больше гарантий безопасности и более благоприятные условия для экономического развития.

Противоречие между свободным соревнованием индивидуумов и стремлением государства подчинить это соревнование своему контролю было одним из основных во все время существования Германской империи, исключая Веймарский период. При Гитлере, несмотря на декларируемую нацистами приверженность всестороннему развитию личности, в противоположность «коммунистическому коллективизму», подавление прав личности государством достигло невиданного для Германии уровня. Но и в кайзеровские времена немцы чувствовали себя менее свободными, чем англичане, французы, итальянцы, американцы...

Самому выдающемуся из числа преемников Бисмарка на посту рейхсканцлера Германской империи князю Бернгарду Бюлову международное положение к началу XX века представлялось следующим образом: «Нашим западным соседом был французский народ — самый беспокойный, честолюбивый, тщеславный, самый милитаристский и самый шовинистический из всех народов (несомненно, теми же самыми эпитетами награждали французы немцев. — *Б. С.*); со времени последней франко-германской войны этот народ был отделен от нас пропастью, которую, как писал в 1913 г. один выдающийся французский историк, ничто, абсолютно ничто не могло уничтожить. На востоке нас окружали славянские народности, исполненные неприязни к немцу, который был для них учителем высшей культуры и которого они преследовали с той жестокой и злобной ненавистью, которую питает непокорный и грубый воспитанник к своему серьезному и достойному учителю. В большей мере, чем к русским, это относилось к чехам, а в особенности к полякам, которые еще со времени основания Болеславом Храбрым великого Польского государства, т. е. с X века, посягали на наши восточные земли (с точки зрения поляков, наоборот, немцы посягали на западные польские земли. — *Б. С.*). Взаимоотношения между немцами и англичанами в течение столетий менялись не раз и не два. В общем и целом Джон Буль всегда стоял на той точке зрения, что бедному немецкому родственнику можно оказывать покровительство и протекцию, при случае использовать его для черной работы, но никогда нельзя становиться с ним на равную ногу. По существу, никто нас не любил. Такая антипатия существовала еще до того, как зависть к созданным Бисмарком мощи и благосостоянию нашей страны обострила неприязнь к нам. Это неблагоприятное отношение к нам объяснялось между прочим и тем, что мы недооценивали значения внешней формы. Еще греческий философ указывал на то, что люди в подавляющем большинстве судят и воспринимают не по существу вещей, а по внешнему виду. Такая установка с трудом усваивается немцем, всегда серьезным, глубоким, смотрящим в корень вещей, а потому равнодушным к внешней оболочке».

Бюлов всеми силами пытался восполнить недостаток любви к Германии со стороны ее соседей, но у него не очень получалось. Возглавив внешнеполитическое ведомство в 1900 году, Бюлов, по его собственному признанию, «вскоре понял, что решающая для нас точка находится на берегах Невы. Еще Фридрих Великий писал в своем завещании: «Из всех соседей Пруссии самым опасным является Россия, как по своему могуществу, так и по географическому положению. Правители Пруссии после меня будут иметь достаточно оснований поддерживать дружбу с этими варварами»... Бисмарк смог добиться освобождения эльбских герцогств в 1864 г., отделения Австрии от Германии и прусской гегемонии в Северной Германии в 1866 г. лишь потому, что он с гениальным равнодушием к чувствам людей с самого вступления на свой пост благодаря правильному отношению к польскому вопросу сумел обеспечить себе тыл со стороны России. В германо-русских отношениях он только раз допустил большую ошибку... На Берлинском конгрессе 1878 г. Бисмарк плохо отнесся к русскому канцлеру Горчакову... Это привело к тому, что Горчаков начал настраивать против Германии императора Александра II и русскую «интеллигенцию»... Бисмарк слишком быстро и слишком стремительно провел в жизнь союз с Австрией (можно подумать, что у этого союза была какая-то реальная альтернатива. — Б.С.). Однако, после того как ошибки уже были совершены, князь приложил все усилия изобретательного и гибкого ума, чтобы оздоровить испортившиеся отношения с Россией. В этом деле он нашел полное понимание и поддержку со стороны своего старого государя, который на смертном одре завещал своему внуку и наследнику: «С Россией поддерживай только хорошие отношения, это принесло нам много пользы». В этих словах звучал не только опыт десятилетий, в них звучала вся история Пруссии.

Однако предотвратить франко-русское сближение канцлеру не удалось. Это можно было сделать в 1900-е годы уже только весьма радикальными мерами, на которые германское общество согласиться не могло. Чтобы разрушить Антанту, требовалось либо уступить Франции Эльзас и Лота-

рингию и тем умиротворить ее, либо отказаться от союза с Австрией и тем завоевать любовь и дружбу России. Англию же умиротворить в принципе не было никакой возможности. Даже если вообразить себе на мгновение немислимое: Германия отказывается от создания колониальной империи и резко ограничивает темпы роста своего военно-морского флота. Однако все равно в случае начала войны против Франции план Шлиффена неукоснительно требовал захождения наступающего правого крыла германских армий через территорию Бельгии. А нарушение бельгийского нейтралитета Германией неизбежно провоцировало вступление Британской империи в антигерманскую коалицию. Круг замыкался. И единственным способом избежать изоляции Германии оставалось наладить диалог с Россией.

По убеждению Бюлова, «большинство французского народа видело в союзе с Россией если не единственную, то все же очень важную гарантию против нападения Германии. Нечего было и думать, что Россия откажется от этого союза и отвернется от Франции. Ни одно русское правительство не осмелилось бы, да еще при таком слабом государе, как Николай II, расторгнуть союз с Францией. Таким образом, нам ничего не оставалось, как в рамках этого союза и невзирая на него, поддерживать с Россией такие отношения, которые предохранили бы нас от столкновения с ней. Это было вопросом дипломатического такта и ловкости. «На западе кипяток может пролиться через край, но я не думаю, что мы подвергнемся нападению с востока, если только наша дипломатия проявит ту ловкость, на которую она способна», — сказал 10 июля 1892 г. старик в Саксонском лесу делегации почитателей из Вюртемберга».

Бюлов, по его утверждению, «всегда твердо держался убеждения, что Франция обратится против нас, как только мы не поладим с Россией. И в этом отношении я был прав». Отношениям же с Англией новый канцлер придавал куда меньше значения, чем отношениям с Россией, и это в конечном счете оказалось ошибкой: «Безусловно, наши отношения с Россией были еще более важны, чем отношения с Англией... Вопрос о наших отношениях с Россией был для нас

вопросом жизни и смерти... Немцев в Англии общественность никогда не любила. Но после того как в течение многих лет они в качестве невинных мечтателей были больше предметом насмешки, чем ненависти или зависти, наши оглушительные победы 1866 г., а еще более 1870 г., вызвали по ту сторону Ла-Манша изумление и некоторое беспокойство. В первой половине 70-х годов многие мои английские коллеги и друзья читали фантастический роман «Сражение при Доркей», в котором со смелым полетом фантазии весьма ярко изображалось внезапное нападение тевтонских полчищ на Англию, ставшую слишком беззаботной, слишком ленивой, а главное — слишком пацифистски настроенной; чтение это сопровождалось преимущественно юмористическими, но иногда уже тревожными комментариями... В 80-е годы впервые пробудилась британская зависть к блестящему и бурному, пожалуй слишком бурному, экономическому развитию ринувшейся вперед Германии. Порожденное этой завистью распоряжение, чтобы все германские товары снабжались пометкой об их происхождении: «Made in Germany», оказалось промахом. Эти принудительные этикетки действовали не как отпугивающее клеймо, а, скорее, как приманка или рекомендация. Германская конкуренция не ослабевала, а усиливалась, и вместе с ней усиливалась английская зависть».

Программа Бюлова, занимавшего кресло канцлера в 1900—1909 годах, по его словам, сводилась к следующему: «Для меня не могло быть никаких сомнений, что мы должны создать защиту для тех миллиардных ценностей, которые мы все в большем количестве доверяли морю, для нашего судоходства, нашей торговли и гигантски развивающейся промышленности. Индустриализация Германии совершилась бурными темпами, которые можно было бы сравнить только с темпами развития Соединенных Штатов. Еще в конце 70-х годов сельское хозяйство давало в Германии заработок такому же числу лиц, как и промышленность и торговля, вместе взятые. К моменту отставки князя Бисмарка количество людей, занятых в сельском хозяйстве, было уже на один миллион меньше, чем число занятых в одной только промышлен-

ности... Мы обязаны наилучшим образом охранять те отрасли хозяйства, от которых зависит благосостояние миллионов немцев. Возможно ли это без столкновения с Англией? Это будет не очень легко, как видно из той политики, которую Англия всегда вела против своих экономических конкурентов».

Как писал Бюлов в мемуарах, «я был твердо убежден, что мы сможем провести в жизнь строительство необходимого для нашего самосохранения оборонительного флота, не втянувшись в войну с Англией, при условии, что воздержимся от каких-либо эксцентричных выступлений. С другой стороны, мы всячески должны избегать враждебных отношений или серьезных конфликтов с Россией, чтобы не давать таким образом Англии повода для успешного нападения на нас».

Однако даже в период русско-японской войны и первой русской революции, когда позиции Петербурга были слабы как никогда, Германии, даже ценой поддержки России в войне с Японией и предоставления германским капиталом займа на эту войну, не удалось добиться сколько-нибудь длительного русско-германского сближения. И во многом потому, что Берлин ничего не сделал для того, чтобы умерить амбиции Вены на Балканах.

Ведь еще в 1902 году был возобновлен без каких-либо изменений договор о Тройственном союзе. Бюлов, добившийся этого, так прокомментировал взаимоотношения союзников: «В Вене желали, чтобы Германия еще теснее и определеннее связала себя с габсбургской монархией на случай разногласий Австрии с Россией, с одной стороны, и с балканскими государствами — с другой. В Италии, наоборот, хотели ослабить обязательства, налагаемые Тройственным союзом. Я стремился к возобновлению Тройственного союза в совершенно неизменном виде не только ради влияния на остальной мир, но и для того, чтобы иметь узду на наших союзников. Я давно уже понимал, что, обладая германской поддержкой, Вена стала бы хозяйничать на Балканском полуострове еще более успешно и бесцеремонно, чем до сих пор, и что в австрийском генеральном штабе существовала тенденция при первом удобном случае напасть или на Ита-

лию, по традиции ненавидимую в Вене, или на Румынию и Сербию, частью презираемые венграми, частью вызывающие у них недоверие. Я так же хорошо знаю, что итальянцы, в свою очередь, полны решимости защищать свою свободу, что они стараются застраховать себя от всяких случайностей, что они по своему обычаю стремятся иметь в запасе много разных средств».

В Германской империи в конце XIX — начале XX века наблюдался бурный научно-технический прогресс, особенно в отраслях, связанных с военно-промышленным комплексом. К 1893 году по объему промышленного производства Германия вышла на третье место в мире, пропустив вперед только США и Англию. На тот момент объем промышленного производства был следующим:

Страна	Объем промышленного производства, млн. руб.	Объем промышленного производства на душу населения, руб.
США	18 349	263
Англия	8234	207
Германия	6486	122
Франция	5602	141
Россия	3672	28
Австро-Венгрия	3083	75
Италия	1786	56
Испания	1137	65
Бельгия	1109	179
Швеция и Норвегия	582	85
Голландия	461	103
Швейцария	385	132

Как легко можно убедиться, по душевому показателю промышленного производства Германия еще занимала довольно скромное, 6-е место среди 12 держав, обладавших наибольшим объемом промышленного производства. Россия же по производству промышленной продукции на душу

населения замыкала этот список, и такое положение сохранялось для нашей страны на протяжении всего XX столетия.

Внутри Германской империи возникли и укрепились другие империи — финансово-промышленные. Крупнейшей и наиболее известной, ставшей символом германского милитаризма, была империя Круппа. В начале XX века она включала в себя сталелитейный завод в Эссене, машиностроительный и литейный заводы в Буккау, верфь «Германия» в Киле, сталелитейные заводы в Аннене, три угольные шахты и 4 доменные печи, а также более 500 железных рудников в Руре. Бывший канцлер Бернгард Бюлов писал в мемуарах: «Крупповское предприятие уже давно перегнало железодельные и машиностроительные заводы Шнейдера — Крезо, составлявшие гордость Франции. Крупп распространил честь и славу германской промышленности и труда по всему миру, который завидовал тому, что у нас есть такое мощное предприятие. Еще более заслуживающим уважения является широкий, едва ли где-нибудь в другом месте достигнутый размах, с каким фирма Круппа проявляла заботу о своих рабочих и служащих, для которых она строила жилые дома и больницы, потребительские магазины, школы домоводства и технические училища. Вот где была настоящая социальная политика, вот где было проведение в жизнь истинного христианства!.. Крупповские предприятия были издавна бельмом на глазу германской социал-демократии именно потому, что рабочие и служащие этой фирмы были довольны своим положением и... в большинстве своем на выборах не голосовали за социал-демократических депутатов».

Однако все эти социальные начинания финансово-промышленных магнатов пошли прахом в результате Первой мировой войны. Уже одно это обстоятельство ставит под сомнение давний тезис марксистов о том, что эта война была развязана в интересах монополий, прежде всего германских. Конечно, правящие круги Германии, как и других стран-участниц, за исключением Англии, рассчитывали на скорую и победоносную войну. Однако бизнесмены, в отличие от политиков, всегда лучше знают цену риска и привыкли закладываться на самые неблагоприятные обстоятельства. На-

верняка тот же Крупп догадывался, что война не только может затянуться, но может окончиться для Германии самым неблагоприятным образом. А высокие военные прибыли создают лишь видимость успеха, поскольку нивелируются инфляцией и вовсе сгорают в огне поражения или даже просто затяжной войны. Ведь даже у победителей катастрофически растет внутренний долг, перекладываемый на те же финансово-промышленные группы. И даже после победы внутренние долги, равно как и внешние, никогда не выплачиваются в полном объеме. Поэтому часть военных прибылей банкиров и промышленников сгорает бесследно.

Время Второй империи было временем расцвета германской науки. Быстро растущая промышленность нуждалась в ее достижениях и стимулировала научные исследования. Важную роль сыграло стремление властей к повышению престижа империи. Вильгельм II утверждал: «При все ожесточавшейся борьбе за мировой рынок и районы сбыта повелительно выдвигалась необходимость использовать в этих целях знания корифеев немецкой науки, предоставивши им больше свободы, покоя, возможностей работать и материальных средств. Многим выдающимся талантам учебная деятельность мешала в их исследовательской работе, и для последней в их распоряжении оставались только каникулы. Это положение создавало переутомление и переобремененность работой, которые необходимо было устранить. В первую очередь надо было оказать содействие развитию химии. Учитывая сложившееся положение, министр фон Трот и директор департамента Альтгоф помогли мне основать «Общество императора Вильгельма» (с 1949 года в ФРГ — это система институтов имени Макса Планка, которая сродни современной Российской академии наук, и хотя объединяет значительно меньше ученых, но зато — первой величины. — Б. С.) и набросали устав этого общества. За короткое время своего существования последнее сделало много полезного... Был основан ряд новых лабораторий; некоторые старые лаборатории, благодаря взносам члена общества, получали материальную поддержку».

Германская империя обогатила мир многими техниче-

кими достижениями. В 1876 году кельнский служащий Николаус Август Отто изобрел первый двигатель внутреннего сгорания, а в 1886 году инженеры Готлиб Даймлер и Карл Бенц создали первый автомобиль. Большой прогресс наблюдался также в судостроении и авиации. А в 1897 году немец Рудольф Дизель изобрел самый эффективный из двигателей внутреннего сгорания, названный его именем. Карл Фердинанд Браун стал одним из изобретателей радио наряду с Гульельмо Маркони и Александром Поповым, за что и был удостоен Нобелевской премии. Во всем мире были известны имена немецких физиков Генриха Рудольфа Герца, Вильгельма Конрада Рентгена. Фердинанд фон Цеппелин изобрел самые большие в мире дирижабли, а Гуго Юнкерс в 1915 году создал первый цельнометаллический самолет. Не случайно из первых 25 лауреатов Нобелевской премии по физике в 1901—1921 годах 8 были выходцами из Германии, в том числе творец теории относительности Альберт Эйнштейн. За тот же период из 19 нобелевских лауреатов по химии немцев оказалось 9, а по физиологии и медицине — 4 из 17. Эти цифры говорят сами за себя. Научный и промышленный прогресс в Германской империи шли нога в ногу.

Также и система управления в Германии считалась едва ли не образцовой для Европы. Германская империя — что при кайзерах, что в период Веймарской республики, что при Гитлере — держалась на вышколенной бюрократии, работавшей не за страх, а за совесть на благо великого германского государства. Адмирал Тирпиц свидетельствовал в мемуарах: «Шварцкопф указал мне на выгодность приобретения его акций, которые в результате получения заказов флота должны были утроить свою стоимость. Я, разумеется, не стал покупать акций и уволил бы всякого чиновника, который поступил бы иначе...

Когда я был статс-секретарем, мне приходилось частично покрывать расходы на представительство из собственных средств. Само собой разумеется, что наше чиновничество работало ради чести. При минимуме затрат государство получало от нас максимум творческого труда. Поэтому государственное управление в старой Пруссии-Германии было таким

дешевым и бескорыстным, как нигде на свете. Растрата государственных средств и создание массы синекур, для замещения которых требуются не столько деловые способности, сколько определенные политические убеждения, заставляют опасаться, что новое государство (Веймарская республика. — Б. С.) не может сравниться со старым. Старое прусское государство, управлявшееся посредственностями в период величайшей опасности, стало слабым и неустойчивым; но германский народ погибнет лишь тогда, когда исчезнет бескорыстие прежнего государственного аппарата. Продажный немец еще хуже продажного итальянца или француза, которые по крайней мере никогда не продают свою родину.

Немец не может позволить себе отказаться от честности, являющейся щитом нашего старого чиновничества, ибо он лишен других государственных способностей, которые компенсируют склонность к коррупции почти у всех других народов. Уже в предыдущем поколении в высших кругах германского общества можно было наблюдать пагубное влияние проникшего в него материализма; оно проявлялось в исчезновении сильных характеров и ослаблении того идеалистического плюса, в котором германский народ всегда будет нуждаться для самосохранения. Ибо только самоотверженность и гордая преданность государству могут компенсировать такие минусы, как неудачное географическое положение, плохие границы, недостаток земли, враждебные соседи, церковный раскол, незрелость и неопределенность национального чувства».

Думаю, что относительное бескорыстие прусских и других германских чиновников в эпоху Второй империи по сравнению с их коллегами в период Веймарской республики объясняется довольно просто. После потрясений революционного 1848 года жизнь в Пруссии и других германских государствах отличалась стабильностью на протяжении шести с половиной десятилетий — вплоть до Первой мировой войны. Это побуждало чиновников полагаться на поддержку со стороны государства в обмен на лояльное исполнение своих обязанностей и не рисковать потерей места. Немалую роль играл для чиновников и феодальный кодекс чести, унаследо-

ванный еще со времен «просвещенного абсолютизма». Напротив, все короткое существование Веймарской республики было отмечено почти непрерывной политической и экономической нестабильностью. Чиновники, не зная, что с ними будет завтра, стремились любой ценой обеспечить себя и свои семьи «на черный день», и в результате коррупция достигла невиданных доселе размеров. К этому надо добавить, что прежние монархические символы лояльности были уничтожены революцией, и для многих стимулом к службе государству остался один только голый материальный интерес.

Что же касается утверждений Тирпица насчет невыгодности географического положения, границ, нехватки земли и враждебности соседей, то такого рода сентенции свойственны апологетам любых империй. Земли империи никогда не хватает, будь то более скромная по площади Германская империя, или Британская империя, над территорией которой никогда не заходило солнце, или занимавшая одну шестую часть суши Российская империя, или Римская и Османская империи, контролировавшие почти все Средиземноморье. Пока у империй были силы, они стремились к завоеваниям, к захвату новых территорий. И границы всегда, по мнению политиков-империалистов, всегда оказываются невыгодны, уязвимы и потому требуют спрямления за счет территориальных приращений «в целях безопасности». И из соседей очень легко сделать своих заклятых врагов. Ведь, если подойти к делу объективно, разве можно было по совести сказать, что Германская империя в начале XX века была окружена сплошь заклятыми врагами? Только Франция была действительно непримиримым противником из-за аннексии Эльзаса и Лотарингии. Россия в первые годы существования Германской империи была почти что союзником, но и в дальнейшем не стала безусловным и непримиримым противником Берлина. Территориальные противоречия и соперничество за влияние на Балканах у Петербурга существовали лишь с германской союзницей Австро-Венгрией, еще одним германским соседом, но и здесь вооруженный конфликт отнюдь не был предreshен. С Англией у Германии не было су-

хопутных границ, и ни одно столкновение интересов в колониях не обещало немедленной войны. Только угроза, что германский флот в скором времени поставит под сомнение британское доминирование на море, и успешная конкуренция германских товаров с британскими толкнули Англию в ряды антигерманской коалиции. Если бы Германия несколько умерила свои аппетиты, с Лондоном можно было бы договориться. Но кайзер и многие германские политики, не говоря уж о военных, полагались на бронированный кулак и мечтали о гегемонии в Европе. И агрессивная политика Берлина сделала Первую мировую войну неизбежной.

Кайзер Вильгельм II пытался управлять страной непосредственно в обход правительства, но очень скоро потерпел в этом деле фиаско. Как подчеркивал канцлер Бюлов, «императорские кабинеты играли при императоре Вильгельме II гораздо большую роль, чем при его деде. Идеалом Вильгельма II была бы система управления через посредство личных кабинетов в чистом ее виде. Будучи искренне убежден, что таким образом можно быстрее всего устранить все затруднения и препятствия, мешающие его стремлениям, которые, как ему казалось, могли только осчастливить страну, император предпочитал все военные дела решать через свой военный кабинет, хотя бы даже наперекор военному министру и генеральному штабу. Флот он хотел строить при содействии своего морского кабинета и потом распорядиться им всецело по своему усмотрению, внутреннее же управление осуществлять гражданским кабинетом. Как и многие другие планы и желания императора, эти стремления, увлекавшие его в первые годы царствования, потерпели неудачу, столкнувшись с «коварной» действительностью. При тех условиях, которые существовали в Германии в 1890 году, даже Фридрих Великий не мог бы править тем способом, о котором мечтал Вильгельм II, увольняя в отставку князя Бисмарка.

С тех пор императору пришлось сильно поразбавить водой вино своих амбиций, но императорские кабинеты сохранили большое влияние во все время его правления. Во время войны хозяйничанье этих кабинетов немало способствовало нашему поражению».

Как отмечал в мемуарах князь Бюлов, «отношение Вильгельма II к величайшему министру, какого только имела Германия, трудно охарактеризовать в нескольких словах. Император ненавидел Бисмарка, но не мог не признать, что он великий человек. Он хотел уподобиться ему и по возможности даже превзойти его, но убедился, что это не так-то легко, и это озлобляло его. Он никогда не мог понять, что гения нельзя скопировать».

Разумеется, никакие личные кабинеты кайзера не могли заменить гения Бисмарка. Они представляли собой только дополнительную бюрократическую структуру, лишь осложнявшую процесс управления, поскольку соответствующие министры часто были не в курсе рекомендаций, которые давали кайзеру его личные кабинеты.

Однако и главы имперских военного и морского ведомств, и руководители военного и морского кабинетов кайзера были едины в том, что Германская империя должна наращивать свои вооружения, чтобы в гонке за мировое промышленное первенство не подвергаться угрозе нападения или вооруженного шантажа со стороны отстающих участников. Это был верный путь к мировой войне, но творцы данной политики не осознали ее пагубности даже после катастрофы 1918 года. Создатель германского «Флота открытого моря» гросс-адмирал Тирпиц утверждал в мемуарах: «Вопрос шел о том, не опоздали ли мы принять участие в почти уже заканчивавшемся разделе мира; о принципиальной возможности сохранить на длительный срок искусственные темпы развития, доставившие нам наше место в концерте великих держав; о том, не последует ли за быстрым подъемом еще более стремительный крах (и ведь последовал, еще как последовал! — *Б. С.*); легко захлопывающиеся «открытые двери» были для нас тем же, чем являются для великих держав их обширные пространства и неистошимые природные богатства. В соединении с вынужденным и небезопасным сухопутным характером нашего государства это обстоятельство укрепило меня в том мнении, что попытку создания морского могущества необходимо было предпринять без всяких проволочек, ибо только флот, союз с которым представлял

бы ценностью для других государств, т. е. боеспособный линейный флот, мог дать нашей дипломатии инструмент, способный при условии целесообразного использования его дополнить наше могущество на суше... Нужно было стремиться к такому соотношению сил, которое сделало бы маловероятными атаки против нашего экономического расцвета и нанесение ему ущерба, а также заменило бы обманчивый блеск нашей мировой политики действительно самостоятельным положением в мире».

13 февраля 1896 года Тирпиц писал бывшему главе морского ведомства и своему учителю генералу фон Штошу: «Я считаю, что на протяжении тридцати лет нам надо создать современный флот». Однако история не отпустила Германской империи этого срока, чтобы достичь военно-морского паритета с Британской империей. Да и вообще крайне сомнительно, достижима ли была в принципе эта цель или она была лишь манящим фантомом, влекущим в бездну. Ведь другие морские державы, та же Британская империя, США или Япония, не сидели сложа руки, наблюдая за ростом германского флота. И даже между британским и германским флотами во все время существовал значительный разрыв в пользу первого, который немцам никак не удавалось преодолеть.

В декабре 1899 года Тирпиц заявил в рейхстаге, что «общий тоннаж и состав германского флота должны быть рассчитаны на ведение войны в самых неблагоприятных условиях. Такие условия создадутся в случае столкновения с крупнейшими из возможных противников на море. На этот случай необходимо создать флот, способный в ходе оборонительной войны в Северном море дать морское сражение противнику». По утверждению адмирала, «мы стремились к тому, чтобы силы нашего флота достигли такого уровня, при котором столкновение с нами стало бы для британского флота рискованным при всем его превосходстве над германским флотом». Но даже до подобного «уровня риска» соотношение военно-морской мощи Германской и Британской империй к 1914 году все еще не дошло.

Тем не менее немцы создали весьма сильный флот, осо-

бенно по качеству кораблей и уровню подготовки экипажей, и единственное крупное морское сражение в Первую мировую войну, Ютландское, провели довольно удачно, нанеся превосходящим силам противника значительно большие потери, чем понесли сами. Однако это никак не повлияло на исход войны. Даже в случае продолжения Ютландского сражения уничтожить Гранд-флит у «Флота открытого моря» не было никаких шансов. Иметь немецкий флот, достаточный для нанесения больших потерь британскому флоту, могло пригодиться для того, чтобы Англия не предпринимала в одиночку враждебных действий против Германии. Но в условиях войны коалиционной, когда борьба шла не на жизнь, а на смерть, Германскую империю от краха мог бы спасти только флот, способный уничтожить британского соперника и прорвать блокаду. На такую роль германский «Флот открытого моря» претендовать не мог. А для всех других целей десятки его дорогостоящих дредноутов и линейных крейсеров были заведомо избыточны и практически означали омертвление весьма значительных финансовых, материальных, да и людских ресурсов без существенной стратегической отдачи. Для отражения весьма гипотетического британского десанта на северогерманское побережье хватило бы эсминцев, броненосцев береговой обороны, подводных лодок и береговых батарей. На самом деле деньги, потраченные на дредноуты, целесообразнее было бы израсходовать на сухопутную армию и подводный флот. Последний действительно порой ставил Британию почти в критическое положение, как в Первой, так и во Второй мировых войнах. Но германские адмиралы и политики грезили гигантскими океанскими кораблями, гонялись за призраком военно-морского превосходства.

По убеждению Тирпица, «в 1900 году повсюду чувствовалось, что Германия намеревается сделать неизбежный для перехода к мировой политике шаг, с тем чтобы ее торговля впредь хоть приблизительно следовала за ее флагом. Чем меньше громких слов было бы при этом произнесено, чем меньше перспектив открыто... тем лучше было бы для нас (замечу, что втайне обычно готовятся не к обороне, а к нападению. — Б. С.). Поскольку я желал, чтобы воля к превраще-

нию в мировую державу, основанная на стихийном развитии экономики и естественном перемещении сил, получала вследствие программных деклараций ложное освещение, принимая характер сознательного решения и порыва, я выразил свои убеждения в следующих словах, обращенных к кайзеру в Роминтене: «Когда цель будет достигнута, вы, Ваше величество, будете располагать такой эффективной силой, как 38 линейных кораблей со всем, что к ним относится. Этот флот будет уступать только английскому. Однако географическое положение, система обороны и мобилизации, миноносцы, тактическая подготовка, планомерная организационная работа и единое руководство обеспечат нам хорошие шансы на успех при столкновении с Англией.

Когда условия борьбы станут для нас не безнадежными, Англия потеряет всякое желание напасть на нас, исходя из политических соображений общего характера и трезвой точки зрения делового человека; тогда она согласится на такое увеличение нашего престижа на море, при котором наши справедливые заморские интересы не будут уже страдать. Из четырех мировых держав — России, Англии, Америки и Германии — две уязвимы только с моря; поэтому могущество на море все больше выдвигается на первый план...

Поскольку морское могущество Германии отстает особенно сильно, для нас становится необходимым наверстать упущенное... При таком развитии торговли и промышленности растет число точек соприкосновения и столкновения с другими народами; поэтому Германии необходимо морское могущество, иначе она быстро придет в упадок». В то же время Тирпиц сообщил кайзеру, что «наша судостроительная программа никогда не сможет стать настолько обширной, чтобы угрожать Англии нападением на нее».

Тирпиц или лукавил, или добросовестно заблуждался, когда утверждал в мемуарах: «К 1914 году наш флот стал слишком внушительным для того, чтобы Англия пожелала напасть на него без особенно веских причин... Германский флот с 1912 года все более и более действовал как фактор, способствовавший сохранению мира; ни один английский государственный деятель, когда он бывал честным, не со-

мневался в мирных основах нашей политики и в чисто оборонительном назначении нашего флота». На самом деле в Англии никогда не оставались равнодушными к тому, что германский флот рос как на дрожжах, и всерьез опасались, что через десять-пятнадцать лет Германия может лишиться Британскую империю господства на море. «Флот открытого моря» был уже достаточно грозен, чтобы британский Гранд Флит не мог надеяться в одиночку разбить его. Но это значило лишь только то, что для сокрушения Германии требовалось сформировать мощную коалицию, каковой с начала XX века, с присоединением к ней Англии, и стала Антанта.

Создание мощного флота, казалось, отвечало интересам защиты германской торговли. Однако канцлер Бюлов опасался, что «Тирпиц, концентрировавший все свое внимание на флоте, будет склонен развивать его за счет армии; между тем армия по-прежнему оставалась тем Атласом, на плечах которого, так же как в эпоху великого короля, покоились Пруссия и Германия». Но при этом канцлер верил, что «если бы германский флот был пущен в дело и отправлен на врага в самом начале войны в августе 1914 года, то Германия не только бы находилась в совершенно ином положении, чем сейчас, но и мнение о Тирпице было бы у многих теперь совершенно иное. Роковая боязнь императора рисковать своими любимцами — огромными кораблями, которые были так дороги его сердцу, раболепство и мягкость тогдашнего начальника морского кабинета адмирала Мюллера и наконец ослепление фон Бетмана, который главным образом был озабочен тем, чтобы «не раздражать» англичан, помешали морскому сражению, которое, по мнению значительного большинства наших морских офицеров, имело большие шансы на успех, если бы оно было дано в надлежащий момент».

Однако успех такого сражения для немцев на самом деле выглядел более чем сомнительным. Перевес Англии в тяжелых надводных кораблях был слишком велик, чтобы можно было рассчитывать вывести из строя британский флот в ходе одного сражения. В результате реализации кораблестроительной программы Тирпица получилось так, что к 1914 году германский флот был явно избыточен для выполнения чисто

оборонительной функции — защиты германского побережья, но слишком слаб, чтобы нанести решающее поражение британскому флоту и избавить Германию от ужасов блокады. Задним числом можно сказать, что, если бы средства, истраченные на постройку новейших дредноутов, в свое время пошли на развитие подводного флота и укрепление сухопутных войск, шансы Германии на более благоприятный исход Первой мировой войны существенно повысились бы.

А перед этой войной германский флот использовался в основном для полицейских акций за морем для подавления разного рода восстаний в колониях и зависимых странах. Кроме того, он стал средством, с помощью которого сумасбродный кайзер и его не слишком разумные приближенные пугали мир. Так, когда 18 июня 1900 года в Китае восставшими членами «Союза кулака» (в честь которого восстание назвали «боксерским») был убит германский посланник барон Кетгелер, Вильгельм II 29 июня, выступая в Бременсхафене перед отправлявшимися в Китай войсками, заявил: «Пощады не давать, пленных не брать! Подобно тому как тысячу лет назад при короле Этцеле (Атилле) гунны оставили по себе память о своей мощи, до сих пор сохранившуюся в преданиях и сказках, точно так же имя немцев благодаря нашим деяниям должно запомниться в Китае на тысячу лет, так чтобы никогда китайцы не посмели даже косо взглянуть на немца». Князь Бюлов, пытавшийся воспрепятствовать публикации наиболее рискованных выражений из этой речи, впоследствии убеждал императора, что «такие «промахи» льют воду на мельницу тем, кто желает представить страну Гете, Шиллера, Гумбольдта и Канта как страну варваров и язычников, а нашего императора, который в глубине души, как я по-прежнему убежден, хороший христианин и добрый человек, не желающий ничего дурного, они будут изображать в виде кровожадного завоевателя, кем его величество, слава богу, отнюдь не является... Отпуская меня, император подал мне руку и сказал: «Я знаю, что вы желаете мне только добра. Но я уж таков, каков я есть, и переделать себя не могу».

А еще раньше, при обсуждении в рейхстаге 6 декабря

1897 года законопроекта о строительстве флота, Бюлов прямо заявил: «Германию с самого начала не следует исключать из соревнования за господство над другими странами, обладающими богатыми перспективами. Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому — море, а себе оставлял небо, где царствует чистая теория, — эти времена прошли... Короче говоря, мы никого не хотим отодвигать в тень, но и для себя мы требуем места под солнцем».

Став канцлером, Бюлов пытался продолжать линию Бисмарка на умиротворение России и сглаживание ее конфликтов с Австро-Венгрией, но не преуспел в этом. В мемуарах Бюлов писал: «Для меня с самого начала стояло вне всякого сомнения, что наша политика на Востоке должна быть прежде всего устойчивой... Вопрос о восточных провинциях является для нас не только вопросом о положении поляков в Германии, но также и вопросом о положении немцев среди поляков... Немцы не проявляют в национальной борьбе желательной сопротивляемости; они очень легко подвергаются в этой борьбе опасности утратить свою народность, если государство не стоит позади них в качестве опоры... Мы не обладаем свойствами, позволившими французам ассимилировать по крайней мере высшие слои эльзасского и лотарингского населения и сделать Ниццу и Корсику французскими. Во что превращались немцы, если государство не опекало их, показывала Австрия... Немцы Чехии, Моравии, Крайны и Южной Штирии оказывались прижатыми к стене, и их влияние стало падать, как только Вена перестала их поддерживать; в Галиции и Венгрии они вытеснялись и поглощались другими нациями, как только лишились опоры в Вене... А как обращались сами поляки с русинами в Галиции! Разве русины на Карпатах и на Пруте не выступали против поляков с еще более резкими, а главное, с более основательными жалобами, чем эти последние на Варте и Висле против нас? У меня никогда не было сомнения в том, что если полякам удастся подчинить себе немцев, то они будут управлять этими несчастными с величайшей жестокостью и с подлым высокомерием...

Одной из предпосылок для сохранения дружественных

отношений с Россией (это было так важно для нас и так трудно после того, как мы сами допустили неловкий шаг — порвали связь с Россией и сделали возможным заключение русско-французского союза) был твердый курс в нашей польской политике. Всякая слабость и уступчивость по отношению к великопольской агитации в наших пределах порождали недоверие в Петербурге... Я всегда держался того мнения, что мы всячески заинтересованы в том, чтобы избежать войны с Россией. Я был убежден, что такого конфликта избежать можно, и притом вполне сохраняя свое достоинство. Главное же, я был убежден, что для нас не может быть большей беды, чем восстановление самостоятельной Польши».

Одна из последних попыток достичь урегулирования русско-германских и русско-французских отношений была предпринята в 1905 году, после поражения России в войне с Японией (в ней Германия, напомним, не только соблюдала благожелательный для России нейтралитет, но и предоставила остро необходимый Петербургу заем) и в разгар русской революции. Бюлов вспоминал: «Когда Витте возвращался из Америки после заключения Портсмутского мира в Европу, он попросил у меня конфиденциального свидания. Я пригласил Витте обедать в знаменитый издавна ресторан Борхарта, где с 8 часов до полночи мы основательно переговорили обо всех интересующих нас вопросах. Идеалом Витте все еще был германо-русско-французский союз, направленный против Англии. Он пытался меня убедить, что если бы мы вернули французам Лотарингию, то такая группировка не была бы невозможной. Он прибавил, что в этом случае французы, пожалуй, будут готовы снести укрепления Меца. Я ответил ему, что для любого германского канцлера, как и для любого германского императора, было бы очень трудно отдать Мец, из-за которого было пролито столько немецкой крови... Затем я спросил его, действительно ли он уверен, что если французы снова получают Мец, то они честно и искренне откажутся от Страсбурга. Витте, как все серьезные политики, презирал всякие мелкие происки, уловки и неправду и ответил мне после короткого размышления: «Нет! На другой же день они станут возлагать венки к подножию

статуи Страсбурга, восклицая: «А Страсбург? Страсбург?» Он пытался убедить меня в том, что континентальный блок против Англии при нашем отказе от Эльзас—Лотарингии будет добыт не слишком дорогой ценой. Я должен был ему объяснить, что отказ Германии от Эльзас—Лотарингии не так легко осуществить, как оставление Сахалина или даже Кореи. Можно спорить задним числом о том, предвидел ли Бисмарк все последствия уступки Эльзас—Лотарингии Германии. Может быть, он и сам в 1871 году недооценивал страстную настойчивость французского патриотизма, чувство единения у французов и значение духовных нитей воспоминаний, связывающих Эльзас и Лотарингию со времен Французской революции с Францией. Но после того как этот шаг был сделан уже целое поколение назад и немецкий флаг развевается на Страсбургском соборе и на валах Меца, ревизовать Франкфуртский мир не представляется возможным». На этом главы германского и русского правительств и разошлись.

Бюлов до самой своей отставки в 1909 году противился поползновениям Австро-Венгрии вовлечь Германию в конфликты с Россией и на Балканах, чреватые мировой войной. Он вспоминал: «Я не имел намерения дать подобным проискам вовлечь Германию в войну неизмеримых масштабов, относительно которой лишь одно было достоверно: мы выиграли бы от нее немного и притом то, что могли бы получить в результате естественного развития вещей также и без войны. Рисуем же мы чудовищно многим. Ставим на карту неизмеримые ценности... Я сказал австрийскому послу Сегени, старому опытному дипломату... что девять шансов против одного, что австрийское вторжение в Сербию означает войну с Россией, девяносто девять шансов против одного, что война с Россией означает мировую войну. Пойти на такую чудовищную партию я мог бы только тогда, когда все возможные для нас козыри были бы заранее введены в игру Центральных держав».

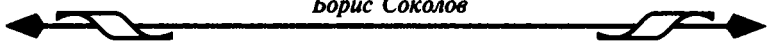
Бюлов был хорошим оратором, неплохим дипломатом-тактиком, но был лишен сколько-нибудь значительных стратегических способностей во внешнеполитических делах и недооценивал подлинную опасность международного поло-

жения Германии, невыгоды которого он так и не смог исправить. Впрочем, для кардинальных перемен в этой области требовалось пойти на действительно стратегические уступки кому-то из потенциальных противников, скорее всего России. А делать такие уступки был явно не готов сам Вильгельм II. Также стоит отметить, что к концу канцлерства у Бюлова зародились большие сомнения в необходимости безудержного развития германского военного флота, которое было для Англии вроде красной тряпки для быка. Своему преемнику Теобальду фон Бетману-Гольвегу Бюлов завещал: «Мы теперь в качестве морской державы уже настолько сильны, что даже для Англии было бы небезопасно без нужды с нами связываться. Но нам не следует упускать из виду, что при современном мировом положении вещей серьезный европейский конфликт может привести к мировой войне со всеми ее необозримыми последствиями. Я сказал Бетману: «Всякий серьезный конфликт был бы для нас борьбой не на живот, а на смерть, причем мы поставим на карту огромные ценности. От войны мы ничего не выиграем. Насильственное присоединение датчан, швейцарцев, голландцев или бельгийцев только дураку могло бы прийти в голову. Расширение империи на восток было бы не менее рискованно. У нас уже достаточно поляков, их более чем достаточно внутри наших черно-белых пограничных столбов. Нам не следует форсировать наше судостроение! И в особенности, и прежде всего не следует форсировать сооружение броненосцев! Проникнитесь тем, что я в этом смысле настойчиво и твердо писал на этот счет в моей последней серьезной переписке с Тирпицем относительно опасности морской политики, односторонне направленной на строительство все новых и новых броненосцев и дредноутов. Вы найдете мои предостережения и увещевания, мои докладные записки и меморандумы... Еще Бисмарк, как рассказывал мне об этом сам Тирпиц, считал рискованным постройку исключительно лишь крупных судов. Усиливайте лучше сооружение миноносцев и подводных лодок. С другой стороны, нам непременно и без всякой грошевой экономии надо заботиться о том, чтобы в нашем сухопутном вооружении не было пробелов, чтобы в этом от-

ношении мы были на большей высоте или по крайней мере на одном уровне с Францией. Франция была и останется элементом беспокойства... Французский народ, несмотря на его блестящий патриотизм, вряд ли долго будет переносить трехгодичный срок военной службы. Если Франция откажется от этих неестественно тяжелых вооружений, видя, что в военном отношении нас все равно нельзя опередить, то тогда будет создана возможность для продолжительного мира. Не обращайтесь внимания на глупую болтовню о нашем зигзагообразном курсе... Когда Одиссей благополучно пробрался между Сциллой и Харибдой, то его тоже кто-нибудь из ворчунов на его судне мог бы упрекнуть в зигзагообразном курсе. Другая политика была бы возможна лишь в том случае, если бы мы хотели превентивной войны, но такая война была бы преступлением, потому что, как я буду это постоянно повторять, время работает на нас».

Между тем мирному развитию Германской империи в 1914 году, казалось, ничто не угрожало. У нее не было агрессивных противников среди соседних держав. Во Франции, конечно, никуда не исчезли мечты о возвращении Эльзаса и Лотарингии, но французская армия была слишком слаба, чтобы нападать на Германскую империю. Англию все больше беспокоила германская торговая и морская экспансия, но не настолько, чтобы из-за этого начинать войну. У России же и Германии так и не появилось серьезных противоречий.

Германское общество надеялось на мирное развитие империи. Среди германских левых, политическая поддержка которых все возрастала, были сильны надежды на постепенное укрепление в стране демократических институтов, что должно было также значительно уменьшить риск вовлеченности империи во внешнеполитические авантюры. Как вспоминал один из лидеров германской социал-демократии Филипп Шейдеман, «перед войной германская социал-демократическая партия рассчитывала, политически и тактически, на мирную эволюцию к демократии и через демократию к социализму. Результаты выборов в рейхстаг позволяли говорить с уверенностью, что в относительно близком времени значительное большинство германского народа будет



поддерживать социал-демократию. Уже в 1912 году из каждых трех избирателей один голосовал за социал-демократов... Социал-демократия постоянно считалась с возможностью войны, но также и с тем, что вероятность ее избежания превосходит ее возможность». Однако социал-демократы не имели никакого влияния на германское правительство, и рейхстаг в системе управления империей вообще играл подчиненную роль. Что же касается внепарламентских действий — демонстраций и забастовок, которые теоретически могли бы предотвратить войну, то большинство социал-демократических лидеров были противниками подобных акций, опасаясь как репрессий со стороны властей и возвращения к эпохе «исключительного закона», так и того, что масса может выйти из-под контроля и в стране воцарятся анархия и насилие.

Война, возникшая внезапно, как казалось современникам, из ничего, из ничтожного повода, перечеркнула все надежды и обрекла германский народ на нищету и страдания.

Часть третья

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ



КАК ВОЗНИКЛА ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Поводом к войне, как известно, послужило убийство в Сараево 28 июня 1914 года сербским террористом Гаврило Принципом наследника австрийского и венгерского престолов эрцгерцога Фердинанда. Австро-Венгрия, подталкиваемая Германией, предъявила Сербии ультиматум, требуя не только прекратить антигабсбургскую пропаганду, но и допустить высшего австрийского полицейского чиновника к расследованию покушения. Сербские власти выразили готовность принять все требования, за исключением одного — о допуске австрийской полиции к расследованию покушения. То, что террористы из организации «Молодая Босния» были связаны с начальником сербской разведки полковником Драгутином Димитриевичем по кличке «Апис», австрийское следствие неоспоримо доказало. А вот действовал ли «Апис» по собственной инициативе, организуя покушение на наследника австро-венгерского престола, или с ведома сербского правительства — это большой вопрос, окончательный и однозначный ответ на который, возможно, никогда не будет получен. Самого полковника в 1917 году расстреляли по абсолютно ложному обвинению в заговоре и государственной измене. Однако до сих пор неясно, кого убрал со своей дороги сербский принц-регент Александр: то ли опасного соперника в борьбе за реальную власть в стране, то ли опасного свидетеля причастности сербских властей к преступлению, спровоцировавшему Первую мировую войну.

С одной стороны, правительство Сербии должно было понимать, что убийство Франца Фердинанда приведет к непредсказуемым последствиям, в том числе, вполне возможно, к австро-сербской войне. Оставить подобный вызов без ответа в Вене и Будапеште не могли, поскольку слабость в этом вопросе грозила усилению центробежных тенденций в Дунайской монархии. Полномасштабную войну один на один с Дунайской монархией крошечная Сербия, естественно, вести не могла. Однако, с другой стороны, в Белграде не было сомнений, что Россия, перед этим отступившая в боснийском кризисе 1908—1909 годов, связанном с австро-венгерской аннексией Боснии и Герцеговины, на этот раз поддержит Сербию. А это почти наверняка делало войну мировой, в которой победа австро-германского блока, с учетом могущества выставленных против него сил, была более чем сомнительной. В случае же поражения Австро-Венгрии последовал бы либо ее распад, либо компромиссный мир, в котором Габсбурги лишились бы ряда территорий. В первом случае Сербия могла рассчитывать на реализацию идеи великой Югославии, в которой бы Сербия в политическом отношении абсолютно доминировала. Во втором же случае в Белграде могли надеяться как минимум на существенные территориальные приращения. Как выяснилось уже в ходе войны, даже помощь союзников, отвлекавших на себя основные германские и австро-венгерские силы, не спасла сербскую армию от разгрома, а территорию королевства — от оккупации неприятелем. Однако ради создания великой Югославии или великой Сербии белградские политики могли пойти на риск военных неудач в будущей мировой войне, если конечный результат ее уже тогда представлялся благоприятным для Антанты.

Но в любом случае, даже если рассматривать сараевское убийство как сознательную провокацию войны сербским руководством (а для такого вывода, строго говоря, нет достаточных оснований, и он, вероятно, навсегда останется гипотезой, непроверяемой и недоказуемой), маленькая Сербия никак не могла сыграть решающей роли в развязывании мирового военного конфликта. Без страстного желания герман-

ских руководителей отвоевать себе «место под солнцем» война бы не началась. И равным образом она не случилась бы, если бы руководители Австро-Венгрии не горели столь же страстным желанием утвердить ветшающий престиж Дунайской монархии за счет максимального унижения Сербии. Если бы Вена и Будапешт удовлетворились тем, что Белград принял почти все условия ультиматума, или если бы австрийцы и венгры, в конце концов, постарались путем дипломатического давления при поддержке Германии вынудить сербов в той или иной форме все-таки признать спорный пункт ультиматума, хотя бы в компромиссной форме международного участия в полицейском расследовании на сербской территории убийства эрцгерцога, мировой войны удалось бы избежать.

Карл Каутский в своей книге «Как возникла мировая война», написанной на основе документов германского МИДа в 1919 году по горячим следам, возлагает главную вину за войну на кайзера. Один из вождей германской социал-демократии справедливо утверждал: «Не существует ни одного толкования этой войны (как и любой другой. — Б. С.), которое бы нашло себе всестороннее признание. И нет языка более двусмысленного и более рассчитанного на чтение между строк, более поддающегося самым разносторонним толкованиям, чем язык дипломатов, с которым мы почти исключительно имеем здесь дело. Только кайзер не пользуется дипломатической формой выражений. Его манера выражаться в отношении точности не оставляет желать ничего лучшего. Вильгельмовские замечания на полях доставляют народу редкое удовольствие видеть хоть раз своего кайзера нагишом».

По мнению Каутского, во всех предвоенных дипломатических кризисах «Вильгельм всякий раз, когда нужно было превратить угрозу в действительность, трусил и оставлял на произвол судьбы тех, кому обещал свою защиту. Так, в решительный момент оставил он султана Марокко и особенно позорно буров. Последнее вело лишь к тому, что к ненависти против Германии присоединилось еще и презрение».

30 июня 1914 года германский посол в Вене фон Чиршки

докладывал Вильгельму: «Граф Бертольд (австрийский министр иностранных дел. — *Б. С.*) сказал мне сегодня, что по всем имеющимся признакам нити заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, сходятся в Белграде. Дело было так хорошо задумано, что для выполнения преступления умышленно были подысканы совсем молодые люди, к которым могут быть применены только более мягкие меры наказания («Надо надеяться, что не будут», — прокомментировал на полях кайзер. — *Б. С.*). Министр с горечью отзывался о сербских замыслах.

Здесь, даже со стороны серьезных людей, я неоднократно слышу пожелание, что нужно раз и навсегда («Теперь или никогда», — добавил Вильгельм. — *Б. С.*) основательно свести счеты с сербами. Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований и, если она их не примет, действовать энергично. Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов («Кто его уполномочил на это? — возмутился кайзер. — Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии, думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!! Пусть Чиршки сообразовалит оставить этот вздор! С сербами нужно покончить, и именно сейчас!» — *Б. С.*).

Прежде всего нужно себе уяснить, чего именно хотят, потому что до сих пор я слышал лишь весьма неясные намеки. Затем следовало бы тщательно взвесить шансы какого-нибудь выступления и иметь в виду, что Австро-Венгрия не стоит обособленно в мире. Необходимо, наряду с вниманием, уделяемым собственным союзникам, обязательно принять еще в расчет и общеевропейское положение, специально имея в виду поведение Италии и Румынии во всех вопросах, касающихся Сербии («Все это само собой разумеется и представляет собой избитые истины», — раздраженно заметил Вильгельм, сам, однако, отнюдь не собираясь следовать этим «избитым истинам». — *Б. С.*).

Как справедливо заметил гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц, одной из причин, почему в 1914 году Германия оказалась вовлечена в мировую войну в невыгодных для себя ус-

ловиях, был «промах имперского руководства, заключавшийся в уверенности, будто австро-сербское вооруженное столкновение могло быть локализовано». Однако в действительности и Вильгельм II, и канцлер Бетман-Гольвег, и прусский генеральный штаб вполне считались с возможностью, что на защиту Сербии встанет Россия, а той, в случае вступления в войну Германии, поможет Франция. Но с двумя членами Антанты в Берлине надеялись справиться, а вот вступления в войну Англии действительно не ожидали.

Граф Лихновский, бывший германский посол в Лондоне, в своих мемуарах утверждал: «Впоследствии я узнал, что во время решающего совещания 5-го июля (в Потсдаме, где кайзер, канцлер и один из руководителей внешнеполитического ведомства Циммерман встретились с австро-венгерским послом в Берлине графом Сегени. — Б. С.) венский вопрос нашел себе безусловное одобрение со стороны всех авторитетных лиц, с оговоркой, что не беда, если из-за этого возникнет война с Россией. Так, по крайней мере, говорится в австрийском протоколе, полученном графом Менсдорфом в Лондоне».

Сегени, в свою очередь, свидетельствовал: «Вильгельм высказал мнение, что не следует слишком долго медлить с выступлением против Сербии... Если бы дело даже дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия по привычной союзнической верности будет стоять на нашей стороне. Россия, впрочем, при данном положении вещей еще ни в коем случае не готова к войне и, несомненно, должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем апеллировать к оружию. Однако она будет всячески подстрекать против нас другие державы Антанты и раздувать пламя на Балканах... Он, Вильгельм, будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный момент (для сокрушения Сербии. — Б. С.)».

В записке помощника статс-секретаря барона фон Бусше от 30 августа 1917 года, адресованной тогдашнему его начальнику Циммерману, содержится свидетельство о том, что сразу же после приема Сегени Вильгельм в Потсдаме провел совещание с военными, представлявшими руководителей

военного и морского министерств и Генеральный штаб. На этом совещании на всякий случай было решено предпринять подготовительные меры к войне. Затем были отданы соответствующие приказы. Факт этого совещания подтверждает и Тирпиц, отмечая, что в нем участвовал военный министр фон Фалькенгайн и что было решено пока «избегать мероприятий, способных вызвать политический скандал или причинить особые затраты». Очевидно, в тот момент речь шла лишь о войне против Сербии и России. Впрочем, у германских политиков еще теплилась неосновательная надежда, что из-за плохой подготовки к войне Россия не рискнет выступить в защиту сербов. Судьбу же Сербии Вильгельм и его министры считали предрешенной.

По свидетельству графа Вальдерзее, начальника императорского военного кабинета, Вильгельм II сообщил генералу фон Бертрабу, представителю начальника Генерального штаба генерала Мольтке, для передачи последнему, отдохнувшему в тот момент в Карлсбаде, что он «обещал императору Францу Иосифу поддерживать его всем могуществом Германии, если бы в результате задуманного Австро-Венгрией выступления против Сербии возникли осложнения». Фактически это означало, что Берлин не остановится перед риском мировой войны.

В германском правительстве летом 1914 года господствовала недооценка серьезности ситуации. Сохранялась совершенно неосновательная надежда на то, что не только Англия, но и Франция из-за неготовности к войне постараются убедить Россию не вмешиваться в австро-сербский конфликт. Так, заместитель статс-секретаря Циммерман полагал, что «как Англия, так и Франция, для которых война в данный момент вряд ли желательна, будут воздействовать в примирительном духе на Россию. Кроме того, можно надеяться на то, что блеф является одним из любимейших бутафорий российской политики и что хотя русский и рад угрожать мечом, однако в решительный момент он неохотно обнажает его в пользу других».

Когда же стало ясно, что локализовать будущую австро-сербскую войну не удастся, Берлин безоговорочно и безог-

лядно встал на сторону Вены. Граф Лихновский вспоминал: «Достаточно было бы одного намека из Берлина, чтобы побудить графа Бертольда, успокоившись на сербском ответе, удовлетвориться дипломатическим успехом. Этого намека, однако, не последовало. Напротив, настаивали на войне... Все более усиливалось впечатление, что мы желаем войны во что бы то ни стало... В Берлине стояли на одном: Сербии должна быть устроена кровавая баня».

Получив из Вены сообщение, что «энергичный тон и точно сформулированные требования австрийской ноты застигли сербское правительство совершенно врасплох», Вильгельм написал на полях депеши: «Браво! Признаться, от венцев подобного уже не ожидали!» А завершил кайзер чтение телеграммы совсем уж непарламентским пассажем, не оставляющим сомнения, что все его миролюбие на публике и в мемуарах — не более чем фикция: «Каким дутым оказывается все это так называемое сербское великодержавие. Так обстоит дело со всеми славянскими государствами. Только сильнее наступать на мозоли этой сволочи!» От подобных антиславянских пассажей — один шаг до признания славян «недочеловеками», как это и случилось в гитлеровском Третьем рейхе.

26 июля телеграмму фон Чиршки из Вены кайзер сопроводил откровенно антирусским комментарием: «Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя».

В тот же день Бетман-Гольвег телеграфировал кайзеру: «Если бы Россия решила пойти на конфликт с Австрией, то Англия имеет в виду попытаться посредничать и надеется при этом на французскую поддержку. Пока Россия не предпринимает никаких враждебных действий, я полагаю, что наша позиция, имеющая целью локализацию, также должна оставаться спокойной. Генерал Мольтке, возвратившийся сегодня из Карлсбада, разделяет это мнение».

Слово «локализация» Вильгельм сопроводил восклицательным знаком, а против слов «должна оставаться спокойной» начертал саркастическую резолюцию: «Спокойствие — первый долг гражданина. Спокойствие, всегда только спо-

койствие!! Ведь спокойная мобилизация есть тоже нечто новое».

Немцы торопили австрийцев с открытием военных действий против Сербии. Еще 25 июля Сегени доносил в Вену: «Здесь все предполагают, что на возможный отрицательный ответ Сербии сейчас же последует с нашей стороны объявление войны, сопровождаемое военными операциями. Здесь видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав. Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед «fait accompli» (свершившимся фактом)».

Германия категорически отвергала идею посредничества Англии в австро-сербском конфликте. 27 июля Сегени сообщил Бертольд: «Статс-секретарь (фон Ягов. — Б. С.) строго конфиденциально, очень решительно заявил мне, что, возможно, в ближайшие дни германское правительство доведет до сведения Вашего превосходительства предложения посредничества Англии. Германское правительство категорически заявляет, что оно ни в коем случае не солидаризируется с этими предложениями; более того, оно решительно против принятия их во внимание и передает их дальше, лишь чтобы удовлетворить просьбу Англии».

Сообщая Чиршки о посредничестве, предложенном главой британского МИДа сэром Эдуардом Греем, Бетман прямо давал ему понять, что мнимая готовность Германии содействовать этому посредничеству — всего лишь обман собственной и мировой общественности: «После того как мы уже отклонили одно английское предложение о конференции, нам невозможно отклонить заранее и эту английскую инициативу».

Вследствие нашего отказа от всякого посредничества весь мир сделал бы нас ответственными за всеобщий пожар и изобразил бы нас настоящими зачинщиками войны. Это поставило бы нас в невозможное положение и в нашей собственной стране, где мы должны делать вид вынужденных воевать. Наше положение тем более затруднительно, что Сербия, по-видимому, сделала большие уступки. Поэтому мы не можем отклонить роли посредника и должны, учитывая по-

стоянное влияние Лондона и Парижа на Петербург, поставить английское предложение на обсуждение венского кабинета». Это, естественно, побуждало Вену сохранять жесткую позицию в отношении Сербии и не предпринимать шагов, которые могли способствовать дипломатическому урегулированию кризиса. Лондону же Бетман продолжал втирать очки, телеграфируя: «Мы немедленно предприняли посредническое выступление в Вене в желаемом для сэра Эдуарда Грея смысле».

Неудивительно, что Вена британское посредничество проигнорировала и уже 28 июля объявила войну Белграду. Это автоматически привело в действие цепочку союзов. Россия 29 июля объявила всеобщую мобилизацию. Вечером того же дня всеобщая мобилизация была заменена частичной — только против Австро-Венгрии. 30 июля, под влиянием Генерального штаба и МИДа, император Николай II вновь вернулся к указу о всеобщей мобилизации.

Германские политики горячо приветствовали эту войну. Они не боялись также вести войну с Россией и, на крайний случай, с Францией. Только вступление Англии в войну по настоящему пугало и кайзера, и Бетмана, и Мольтке, и Тирпица.

28 июля Вильгельм писал Бетман-Гольвегу: «После прочтения сербского ответа, полученного мной сегодня утром, я считаю, что в общем и целом требования Дунайской монархии выполнены. Несколько оговорок, сделанных Сербией по отношению к отдельным пунктам, могут быть, по моему мнению, легко выяснены при переговорах. Но капитуляция — самая позорная, провозглашенная в ней *urbi et orbi*, и потому отпадает всякий повод для войны».

Тем не менее этому клочку бумаги, как и его содержанию, следует придавать условное значение, пока оно не будет превращено в дело.

Сербы — народ восточный, а поэтому лживый, коварный и мастера тянуть канитель. Чтобы эти прекрасные обещания стали действительностью, превратились в факты, надо осуществлять деликатное насилие. Последнее можно было бы осуществить таким образом, чтобы Австрия, с целью заста-

вить выполнить обещания, оккупировала в качестве залога Белград и удержала его до тех пор, пока требования не будут приведены в жизнь. Это необходимо еще для того, чтобы дать в третий раз зря мобилизованной армии внешнее удовлетворение, создать для нее видимость успеха перед границей и сознание, что она, по крайней мере, побывала на чужой земле... В случае согласия Вашего превосходительства с моим взглядом я предложил бы заявить Австрии, что отступление Сербии, в очень унижительной форме, достигнуто, и мы поздравляем австрийцев с этим. Разумеется, этим самым отпадает уже самый повод к войне. Но все же необходимы гарантии, что обещания будут выполнены. Последнего можно было бы легко добиться временной военной оккупацией части Сербии, подобно тому, как мы в 1871 году оставили во Франции войска, пока миллиарды контрибуции не были выплачены. На такой основе я готов посредничать в пользу мира у Австрии».

Смягчение позиции кайзера, вероятно, было вызвано как соображениями внутренней политики, так и неопределенностью в отношении английской позиции. Германское общественное мнение, казалось, сложно будет убедить в том, что Германии необходимо будет вступать для поддержки Австрии в войну как минимум с Россией только по причине того, что Вена не удовлетворилась почти полной капитуляцией Белграда. Да и настойчивое предложение со стороны Англии посредничества наводило на мысль, что Лондон совсем не обязательно останется нейтральным, если дело дойдет до мировой войны. Однако требование занять Белград в качестве залога фактически открывало зеленый свет австро-сербской войне. Ведь невозможно было допустить, что сербы без боя сдадут свою столицу. Однако эта суть германских рекомендаций скрывалась за внешне примирительным тоном германских рекомендаций, рассчитанным на успокоение общественности.

В том же примирительном духе Бетман телеграфировал фон Чиршки в Вену в тот же день, 28 июля, еще до объявления Австрией войны Сербии: «Далеко идущая уступчивость Сербии... в случае абсолютно непримиримой позиции ав-

стро-венгерского правительства может привести к тому, что общественное мнение всей Европы постепенно повернется против него.

По данным австрийского Генштаба, активное наступление против Сербии будет возможно лишь 12 августа. Вследствие этого германское имперское правительство попадает в чрезвычайно затруднительное положение, так как оно тем временем получает предложения посредничества и конференций со стороны европейских правительств, и если оно будет по-прежнему не отзываться на такие предложения, то, в конце концов, даже в глазах германского народа на правительство ляжет клеймо виновности за мировую войну. А на таком фундаменте нельзя начать успешной войны на три фронта. Настоятельной необходимостью является, чтобы ответственность за возможное распространение конфликта на непосредственно заинтересованные державы пала при всех обстоятельствах на Россию...

Если российское правительство не признает правомерности этой точки зрения (о захвате Белграда в качестве залога. — Б. С.), то и против него будет общественное мнение всей Европы, которое уже начинает отворачиваться от Австрии. Дальнейшим результатом этого будет весьма существенный сдвиг общего дипломатического, а вероятно, и военного положения в пользу Австро-Венгрии и ее союзников».

Объявление Австрией войны Сербии изменило ситуацию. Да и могла ли Вена поступить иначе, раз Берлин до самого последнего момента торопил ее с началом боевых действий, а запоздалого давления в направлении умеренности так и не успел оказать, и пожелание Бетмана и Вильгельма так и не было доведено до сведения австро-венгерского правительства.

Уже ночью 29 июля Вильгельм получил телеграмму от русского императора Николая II. Царь писал: «В этот, столь серьезный момент убедительно прошу Тебя помочь мне. Недостойная война (здесь Вильгельм поставил два восклицательных знака, явно выражающих возмущение. — Б. С.) объявлена слабой стране. Негодование по этому поводу в России неописуемо и разделяется мною полностью. Я предвижу,

что очень скоро должен буду уступить давлению, на меня оказываемому, в результате чего я вынужден буду предпринять такие шаги, которые приведут к войне. В попытке предотвратить такое несчастье, как европейская война, я прошу Тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все возможное, чтобы помешать твоему союзнику зайти слишком далеко («В чем это выражается?» — изобразил удивление Вильгельм. — *Б. С.*)».

Направляя телеграмму царя канцлеру, кайзер снабдил ее следующим комментарием: «Признание его собственной слабости и попытка взвалить ответственность на меня. Телеграмма содержит в себе скрытую угрозу и просьбу, похожую на приказ — одернуть союзника... Впоследствии всегда еще найдется время для переговоров, быть может и для мобилизации, к чему теперь у России нет никаких оснований. Вместо того чтобы ставить нам ультимативное требование одернуть союзника, Е. В. следовало бы обратиться к императору Францу Иосифу и с ним вести переговоры, чтобы ознакомиться с намерениями Е. В.».

Вильгельму стало окончательно ясно, что вмешательства России в войну на стороне Сербии избежать не удастся и что Петербург не потерпит захвата части сербской территории в качестве залога. Всякие попытки умерить австрийские аппетиты были оставлены. Кайзер, канцлер и Генеральный штаб взяли курс на европейскую войну, причем как можно скорее, чтобы с помощью Шлиффена молниеносно разгромить наиболее доступного для разгрома из главных противников — Францию, чтобы принудить Англию остаться нейтральной, а затем обрушиться на Россию. Франция представляла собой заманчивую добычу, как из-за небольшой по площади территории, которую в принципе всю можно было оккупировать в ходе всего одной военной кампании, так и из-за относительно малочисленной, по сравнению с германской, армии. Немцев пугали необъятные просторы России и казавшиеся неистощимыми ее людские ресурсы.

Однако внутривнутриполитические соображения и прежде всего — необходимость обеспечить поддержку войне со стороны социал-демократической фракции рейхстага заставили

поторопиться с объявлением войны России, отнюдь не необходимой с военной точки зрения. И с дипломатическим обоснованием объявления войны Петербургу получилось не так уж здорово.

29 июля германский Генеральный штаб направил записку в МИД. В ней говорилось: «Бесспорно, что всякое государство Европы отнеслось бы к конфликту между Австрией и Сербией не иначе как с чисто человеческим интересом, если бы в него не была внесена опасность всеобщего политического осложнения, которое уже сейчас грозит мировой войной. Уже более пяти лет Сербия является причиной европейских осложнений... Только после последнего кошмарного преступления Австрия прибегла к крайнему средству, чтобы каленым железом выжечь нарыв, угрожающий постоянно отравлять тело Европы. Следовало ожидать, что вся Европа будет ей за это благодарна... Но Россия стала на сторону преступной страны. Лишь в виду этого австро-сербский конфликт превратился в грозовую тучу, которая угрожает ежеминутно разразиться над Европой».

Германские генералы обращали внимание дипломатов на то, что Россия приняла решение о мобилизации, что, в свою очередь, вынуждает Австрию проводить мобилизацию уже не только против Сербии, но и против России, вследствие чего австро-русское столкновение становится неизбежным. А такое столкновение «представляет для Германии *casus foederis* (случай, подпадающий под действие союзного договора). Только чудо могло бы еще предотвратить войну». И завершали свой меморандум следующей лицемерной сентенцией: «Германия не желает вызвать этой ужасной войны. Однако германское правительство знает, что если бы оно не захотело прийти на помощь своему союзнику в момент, когда решается его судьба, то это роковым образом нарушило бы глубоко укоренившиеся чувства союзнической верности — одну из прекраснейших черт немецкой души и, следовательно, пошло бы вразрез со всеми чувствами своего народа». Получается, что генералы собирались начать мировую войну под давлением «народных чувств».

И тут же германский Генштаб поторопил политиков с

началом войны: «По имеющимся сведениям, и Франция, по-видимому, проводит подготовительные мероприятия к возможной мобилизации. Ясно, что Россия и Франция идут рука об руку в своих мероприятиях.

Следовательно, Германия, если столкновение между Австрией и Россией станет неизбежным, произведет мобилизацию и готова будет вести войну на два фронта.

Для предполагаемых нами, в случае необходимости, военных мероприятий чрезвычайно важным является возможно скорее точно узнать, намерены ли Россия и Франция пойти на войну с Германией. Чем скорее подвигаются вперед приготовления наших соседей, тем быстрее они смогут завершить свои мобилизации. Военное положение становится из-за этого со дня на день все более неблагоприятным и может привести нас к роковым последствиям, если наши предполагаемые противники будут в полном спокойствии подготавливаться и впредь!»

В тот же день, 29 июля, Лихновский сообщал из Лондона о своей беседе с Греем: «Британское правительство желает поддерживать и впредь существующую с нами дружбу и оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. («Это значит, что мы должны оставить Австрию. Неслыханная пошлость и дьявольское фарисейство — зато чисто по-английски!» — возмущался кайзер на полях телеграммы. — *Б. С.*). Но если бы мы и Франция были вовлечены в войну, то дело сейчас же приняло бы иной оборот, и британское правительство считало бы себя, пожалуй, вынужденным принять спешные решения («Уже приняты», — мрачно заметил Вильгельм. — *Б. С.*). В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать («Т. е. они нападут на нас», — со скрытым ужасом подытожил Вильгельм. — *Б. С.*). Когда разразится война, то это будет величайшей катастрофой, какую когда-либо видел мир...

Сэр Э. Грей добавил еще, что его правительство («Мы тоже», — заметил Вильгельм. — *Б. С.*) должно считаться и с общественным («Новоиспеченным!» — иронизировал кайзер. — *Б. С.*) мнением («Если правительство захочет, ему легко управлять и вертеть общественным мнением, ибо пресса

его беспрекословно слушается», — откровенничал кайзер, невольно признавая, что свобода германской прессы была отнюдь не столь безусловна, как свобода прессы британской. — *Б. С.)*».

Эту телеграмму Вильгельм сопроводил следующим не слишком парламентским пассажем: «Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами. Наглым обманом являются направленные в мой адрес слова короля в разговоре с принцем Генрихом: «Мы останемся нейтральными и постараемся поддерживать это состояние так долго, как это окажется возможным». Грей уличает короля во лжи, и этот разговор с Лихновским является лишь проявлением угрызений совести по поводу промелькнувшего у него сознания, что он нас обманул. Вместе с тем это по существу угроза, соединенная с блефом, чтобы разъединить нас с Австрией, помешать мобилизации и взвалить вину за войну на нас. Он знает определенно, что, стоит ему только произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы! Это следует публично установить».

А уже на следующий день, 30 июля, Вильгельм, комментируя донесение германского посла из Петербурга, впервые высказал мысль о необходимости «революционизировать» страны Антанты: «Наши консулы в Турции и Индии, агенты и т. п. должны разжечь среди мусульманского мира пламя восстания против этого ненавистного, лживого и бессовестного народа торгашей. Если нам суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна потерять Индию».

Еще 25 июля Австро-Венгрия начала мобилизацию восьми армейских корпусов, что неизбежно вызвало частичную мобилизацию в районах, прилегающих к австрийской границе, и со стороны России. 31 июля оба государства от частичной мобилизации перешли к общей. Французский посол в

Петербурге Морис Палеолог в этот день сообщал в Париж: «На основании всеобщей мобилизации Австрии и предпринимаемых Германией в течение 6 дней тайных непрерывных мобилизационных мероприятий издан был приказ о всеобщей мобилизации российской армии».

На русскую мобилизацию Германия ответила собственной мобилизацией. Дальше сработал эффект домино. 1 августа объявили мобилизацию Франция и Англия. Германский посол в Париже сообщал в этот день: «Премьер-министр заявил мне, что только что изданный здесь приказ о мобилизации вовсе не означает агрессивных намерений. Это подчеркнуто и в самом приказе. Все еще имеется возможность продолжать переговоры на основе предложения сэра Эдуарда Грея, к которому Франция присоединилась и которое она горячо поддерживает».

Против столкновений на границе с французской стороны предприняты меры предосторожности — установлением 10-километровой зоны. Премьер-министр все еще не может отказаться от надежды на мир».

Тем временем Бетман направил России ноту, которая никак не могла быть принята Петербургом. Россию обвиняли в том, что она мобилизовала свои войска, и требовали прекратить все военные приготовления в течение 12 часов. К Австрии же, чья мобилизация и война против Сербии вызвали русскую мобилизацию, никаких требований не предъявлялось. В случае, если Россия не отменит мобилизацию, Германия угрожала начать свою мобилизацию.

Германскому послу Шену в Париж были посланы инструкции, не оставлявшие сомнения, что война против России дело решенное. Бетман рассчитывал, что в этом случае Франция придет на помощь своему союзнику и сама объявит войну Германии, пойдя навстречу германским планам. Канцлер писал: «Несмотря на наше все еще продолжающееся участие в посредничестве и несмотря на то, что мы сами не приняли никаких мер к мобилизации, Россия издала приказ о мобилизации по всей своей армии и флоту. Следовательно, она мобилизовалась и против нас. Ввиду этого мы объявили об угрозе военным положением, за которым должна после-

довать мобилизация в случае, если Россия в течение 12 часов не прекратит всех военных мер против нас и Австрии. Мобилизация неизбежно означает войну. Прошу запросить французское правительство, намерено ли оно остаться нейтральным в русско-германской войне. Ответ должен последовать в течение 18 часов. Немедленно телеграфировать час предъявления запроса. Необходима крайняя спешность!»

1 августа Николай II телеграфировал Вильгельму II: «Я понимаю, что Ты вынужден мобилизоваться, но я желал бы от Тебя такой же гарантии, какую я дал Тебе — что эти мероприятия не означают войны и мы будем продолжать вести переговоры на благо наших стран и всеобщего мира, столь дорогого нашему сердцу. Нашей давно испытанной дружбе должно посчастливиться, с божьей помощью, помешать кровопролитию. Исполненный доверия, срочно ожидаю Твоего ответа».

В ответ на свою миролюбивую телеграмму царь получил объявление войны, мотивированное началом российской мобилизации. Правда, 9 часов спустя кайзер отправил, по совету и проекту Бетмана, примирительную телеграмму. Авторы были настолько взволнованы, что не осознали всего идиотизма ситуации: «Немедленный, ясный, недвусмысленный ответ Твоего правительства — единственный путь избежать бесконечного несчастья... Я должен самым серьезным образом потребовать от Тебя немедленного издания приказа по Твоим войскам, чтобы они ни при каких условиях не совершили ни малейшего нарушения наших границ». Разумеется, этот внезапный взрыв глупости, спровоцированный подсознательным страхом перед великой войной, в которую авторы злополучной депеши толкали Германию, не имел никаких последствий.

Для скорейшего объявления войны Франции, которого требовал план Шлиффена, прибегли к откровенным фальсификациям. К ноте, направленной послу Шену, было послано важное дополнение: «Если бы французское правительство заявило готовность остаться нейтральным — чего нельзя предполагать, — соблаговолите, Ваше превосходительство, заявить французскому правительству, что мы должны потре-

бовать как залог нейтралитета передачи нам крепостей Туль и Верден, которые мы займем и отдадим после окончания войны с Россией». Однако французское правительство дало германскому послу неопределенный ответ и тем избавило от необходимости оглашать заведомо неприемлемое требование. Шен телеграфировал 1 августа: «На мой неоднократный определенный вопрос, останется ли Франция в случае русско-германской войны нейтральной, премьер-министр заявил мне, что Франция сделает то, что ей продиктуют ее собственные интересы». Три дня спустя, 4 августа, Ягов честно признался бельгийскому посланнику барону Байяну: «Чтобы не быть истребленной самой, Германия должна прежде всего истребить Францию, а потом повернуться против России».

3 августа Франции была отправлена нота с объявлением войны. Этот шаг мотивировался тем предлогом, что французские самолеты будто бы нарушили нейтралитет Бельгии, а также совершили облет германских городов и пытались бомбить железную дорогу: «Вчера утром, 2 августа, Франция открыла враждебные действия. Французские военные части перешли уже вчера германскую границу при Альтмюнстеролль и по горным путям Вогезов и находятся еще на германской территории. Французский летчик, который, вероятно, должен был пролетать над бельгийской территорией, уже вчера был подстрелен при попытке разрушения железнодорожного моста при Везеле. Несколько других французских аэропланов были вчера определенно установлены над территорией Эйфеля. И они, очевидно, должны были пролетать над бельгийской территорией. Вчера французские летчики сбросили бомбы на железнодорожные пути при Карлсруэ и Нюрнберге. Таким образом, Франция привела нас к войне».

Все эти инциденты были фантазией чистой воды. Никакие следы бомбардировок так и не были предъявлены. А французские войска, отведенные на 10 километров от границы, никак не могли ее перейти, о чем Бетман был прекрасно осведомлен. Магистрат же Нюрнберга в апреле 1916 года подтвердил: «Командованию 3-го баварского армейского корпуса, исполняющему здесь должность генерального командования, ничего не известно о том, что когда-нибудь до и после

начала войны неприятельскими летчиками были сброшены бомбы на перегоне Нюрнберг — Киссинген и Нюрнберг — Ансбах». Гитлер в августе 1939 года пошел дальше — для большей убедительности организовал провокационное нападение на радиостанцию в Глейвице людей в польской форме, набранных, по некоторым данным, из числа германских уголовников.

2 августа немцы оккупировали Люксембург под ложным предлогом, будто Франция «открыла враждебные действия с люксембургской территории». Немцы торопились приступить к осуществлению плана Шлиффена. 4 августа германские войска без объявления войны вторглись в Бельгию под предлогом, что туда готовятся вступить французские дивизии. Английское правительство потребовало от Берлина к исходу 4-го числа дать ответ, готов ли он соблюдать бельгийский нейтралитет. Германский статс-секретарь фон Ягов заявил, что не может дать таких обязательств, поскольку военные соображения выше всех иных. В тот же день Англия объявила Германии войну.

То, почему Англия не сразу выступила в поддержку Франции, хорошо объяснил Карл Каутский: «Если даже Эдуард Грей и предостерегал Германию, то тем не менее он не мог с полной определенностью обнадежить Францию на счет своей поддержки, несмотря на все симпатии к французскому делу. Это колебание ставилось ему в большой упрек — одни видели в этом несостоятельность, другие — двусмысленность. Критики Грея забывают, что он был министром парламентской и демократической страны и совершенно не был уверен в согласии народа на войну. Если бы даже он нашел в парламенте большинство за войну против Германии, то эта война стала бы очень сомнительным делом, если бы масса рабочих и особенно многочисленные и влиятельные в Англии круги буржуазных пацифистов оказали бы ему энергичное сопротивление.

С другой стороны, ни у кого, знающего хоть немного англичан, не могло быть никакого сомнения, что громадное большинство нации с воодушевлением ринется в войну, как только могущественная армией и флотом Германия овладеет

Бельгией и тем самым непосредственно будет угрожать Англии».

И Германия дала столь неоспоримый повод для британского участия в войне. 29 июля от Мольтке в МИД поступил составленный еще 26 числа меморандум, предназначенный для вручения Брюсселю. После редакции со стороны Бетмана, Ягова и Циммермана он приобрел следующий вид: «Имперское правительство имеет некоторые достоверные сведения о намеченной концентрации французских военных сил на участке Маас, Живэ, Намюр. Они не оставляют никаких сомнений о намерениях Франции (после соединения с английским экспедиционным корпусом) наступать через бельгийскую территорию против Германии... Предупредить неприятельское наступление есть для Германии закон самосохранения». Поэтому германское правительство просило допустить германские войска на территорию Бельгии, обещая оплатить связанные с их пребыванием расходы и вывести войска после окончания войны. 29 июля этот документ был послан в германскую миссию в Брюссель с указанием «вскрыть его только тогда, когда вы будете отсюда на это телеграфно уполномочены». Требовалось подождать, пока Германия объявит войну Франции. 2 августа ультиматум был наконец предъявлен Бельгии. Мотивировался он совершенно фантастической историей о том, как 80 французских офицеров, переодетых в прусскую военную форму, пытались на 12 автомобилях проникнуть в Германию, но почему-то не с бельгийской, а с голландской территории. Бельгийское правительство отвергло ультиматум и обратилось за помощью к Англии. Бетман, оправдывая 4 августа в рейхстаге вторжение в нейтральную Бельгию, заявил: «Франция могла выжидать, а мы нет. Французское вторжение в наш фланг у Нижнего Рейна могло стать роковым. Следовательно, мы были вынуждены пренебречь протестами английского и бельгийского правительства». 2 августа консервативная оппозиция оказала поддержку либеральному кабинету Асквита на случай англо-германской войны. В тот же день Грей заверил Францию, что британский флот будет защищать французское побережье в соответствии с условиями англо-французской

морской конвенции 1912 года. 3 августа британский кабинет решился на войну. В этот день, выступая в парламенте, Грей заявил, что Англия не может сохранить нейтралитет в случае германского вторжения в Бельгию. Парламент предоставил правительству неограниченные полномочия для использования всех британских вооруженных сил.

4 августа Англия предъявила Германии ультиматум, требуя очистить территорию Бельгии и безоговорочно соблюдать ее нейтралитет. Ответа не последовало. Англия объявила Германии войну.

Когда 4 августа 1914 года редактор газеты «Гамбургischer Корреспондент» фон Эккардт сообщил Бюлову, что Англия объявила войну Германии, тот мрачно отозвался: «Наступает горе Нибелунгов!» На следующий день экс-канцлер был принят императором, и его потрясло, по его словам, «бледное, испуганное и искаженное лицо Вильгельма II, который казался возбужденным и вместе с тем обессиленным. Глаза беспокойно бегали». Зачинщик войны, до последнего момента надеявшийся на британский нейтралитет, был потрясен тем, что самый опасный враг Германии открыто вступил в борьбу, которая, как все понимали, будет борьбой не на жизнь, а на смерть и кончится крахом одного из соперников. Канцлер же Бетман-Гольвег на вопрос Бюлова: «Скажите, пожалуйста, как все это произошло?», т. е. каким образом началась мировая война, — только воздел руки к небу: «Да кто ж мог это знать!» Потом, правда, он пытался подвести рациональную основу под свою политику, приведшую Германию и мир к катастрофе: «Будет жестокая, но короткая, очень короткая гроза. Я рассчитываю, что война будет продолжаться три, самое большее четыре месяца, и на этом я построил свою политику. А затем я надеюсь, несмотря на войну и даже именно благодаря войне, установить действительно дружественные, полные взаимного доверия, лояльные отношения с Англией, а через Англию и с Францией. Германо-англо-французская группировка была бы лучшей гарантией от тех опасностей, какими угрожает всей европейской цивилизации варварский русский колосс... Внешнеполитический культурный блок между Англией и Францией будет... благо-

детельным и плодотворным». Бюлов был потрясен наивностью Бетмана, полностью оторванного в своих построениях от реального положения вещей. И канцлер, и император, обещавший солдатам, что они вернуться домой еще до осеннего листопада, рассчитывали на шлиффеновский блицкриг, призванный сокрушить Францию. Они надеялись, что французы и бельгийцы капитулируют, после чего Англия не рискнет продолжать войну в союзе с одной только Россией и пойдет на компромиссный мир, а Россию тогда тоже можно будет принудить или к миру, или к капитуляции. При этом у германских вождей не возникало никаких сомнений в осуществимости «гениального плана Шлиффена» и не было заготовлено альтернативных сценариев на случай, если он вдруг даст осечку. А ведь несложно было предположить, что французы, имея за своей спиной всю мощь Британской империи, не капитулируют даже после потери столицы и значительной части армии. И вот тогда, действительно, горе Нибелунгам! Но канцлер так надеялся на блицкриг, что даже запретил делать закупки продовольствия в нейтральных странах в дни сараевского кризиса, чтобы не создавать у противников впечатление, что Германия готовится к войне. Тем более что на три-четыре месяца войны запасов хватило бы с лихвой.

Многие в Германии недооценивали опасность того, что Англия оказалась в числе противников Германской империи. Здесь сказалась вера в то, что война будет «молниеносной». По свидетельству Бюлова, «когда в августе 1914 года начальнику Генерального штаба Мольтке сообщили, что Англия объявила нам войну, он со вздохом облегчения сказал: «Слава богу, я предпочитаю видеть английскую армию перед собой, чтобы иметь возможность разбить ее, чем когда она недосыгаема в своем недоброжелательном нейтралитете». В Мюнхене на улицах расклеивали объявление короля Людвига III: «Англия объявила нам войну. Одним врагом больше, тем почетнее будет наша победа».

Как справедливо заметил Карл Каутский, «с того момента, как Бельгия решила на сопротивление, а Англия вступила в войну, положение Германии стало отчаянным».

И уже 5 августа начальник германского Генштаба представил МИДу очередной меморандум, в котором звучала нескрываемая тревога: «Объявление войны Англией, которое, по достоверным сведениям, было задумано с самого же начала конфликта, заставляет нас исчерпать все средства, которые могут содействовать победе. При том серьезном положении, в котором находится отечество, нашим долгом становится пользование всякими средствами, могущими повредить врагу. Жестокая политика, которую ведут против нас наши противники, дает нам право на беспощадный образ действий».

Восстание в Польше подготовлено; оно падет на уготованную почву, так как уже сейчас наши войска встречаются в Польше почти как друзья. Так, например, во Влоцлавеке они были встречены хлебом и солью.

Настроение Америки по отношению к Германии дружелюбное. Американское общественное мнение возмущено позорным обращением с нами. Это настроение следует, по возможности, использовать. Самые влиятельные лица немецкой колонии в Америке должны быть призваны воздействовать на прессу в нашу пользу и впредь. Возможно, что Соединенные Штаты под нашим влиянием решатся на выступление своим флотом против Англии, за которое в виде награды за победу им улыбнется Канада.

Восстание в Индии и Египте, а также и на Кавказе имеет, как я уже указал на это в моем письме от 2 августа, величайшую важность. Путем договора с Турцией министерство иностранных дел будет в состоянии осуществить эту идею и возбудить фанатизм ислама».

Выходит, германские военные, в отличие от политиков, с самого начала сараевского кризиса имели очень мало сомнений, что Англия не останется в стороне от конфликта, но тем не менее постоянно подталкивали канцлера и кайзера к войне. При этом Мольтке-младший предавался прекраснородушным иллюзиям насчет едва ли не прогерманской позиции США и того, что Штаты можно будет соблазнить Канадой. И мечтал о несметных мусульманских ратях, способных восстать и подорвать мощь Британской и Российской империй.

На самом деле в России и Египте, равно как и в Индии, мусульмане так и не восстали, дело ограничилось лишь борьбой партизан в Ливии против итальянского господства. Англичанам же удалось организовать весьма успешное восстание арабских подданных турецкого султана.

Характерно, что руководители Германской империи так до конца и не решили вопрос, с какой Россией им выгоднее было бы иметь дело: с самодержавной или с революционной. Князь Бюлов вспоминал: «Могло казаться сомнительным, что для нас выгоднее — Россия самодержавная или революционная... Но было ясно, что если для нас легче объясняться с царской Россией, чем с республиканской, потому что при русском дворе, в русском обществе и в русском чиновничестве мы находили гораздо больше точек соприкосновения, понимания и симпатии, чем у тех элементов, которые победили бы самодержавие, то, с другой стороны, приход последних должен был ослабить русскую мощь. Во всяком случае князь Бисмарк оказался прав, предсказав, что война между тремя империями будет означать серьезную опасность для трех императоров. Он никогда не заострил бы так войну против царизма, как это сделал Бетман».

В мемуарах Людендорф утверждал: «Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала». Россия действительно пала, но кардинального облегчения немцам это не принесло.

Что же касается позиции США, то тесные связи Америки с Англией и ущерб американского судоходства от начатой Германией «беспощадной подводной войны» предопределили конечное присоединение США к антигерманской коалиции, что делало положение Германской империи заведомо безнадежным.

Как подчеркивает К. Каутский, кайзер уже 30 июля «принял в расчет необходимость революционизирования мусульман в Индии, если не для спасения Германии, то, по крайней мере, для уничтожения Англии. Мольтке прибавляет к этому: «восстание Польши»...

Эта остроумная политика все более усугублялась во время войны. Так как нельзя было привлечь на свою сторону Соединенные Штаты, то теперь соблазняли Мексику несколькими американскими штатами. Одновременно искали спасения у повстанцев Ирландии, анархистов Италии, динамитчиков Америки и, наконец, у большевиков России, которых всеми силами поощрял германский Генеральный штаб.

Ленин и Троцкий, как видно, были не первыми, видевшими в мировой революции, созданной их эмиссарами, спасительный выход из невозможного положения. Вильгельм и Мольтке предупредили их в этом.

Как всякий акт их мировой политики, они предприняли и этот шаг без всякого глубокого знания того мира, который они хотели привести в движение или над которым они хотели господствовать. Они применяли самые негодные средства, прибегали к помощи самых неподходящих действий, позволяли руководить собой самыми несбыточными надеждами...

Успеха, кроме России, они не имели нигде. Германская политика, сводившаяся к тому, что Германия должна истечь кровью одновременно со своими врагами, увенчалась успехом только в России и лишь только там достигла своей цели революционизирования населения.

Обе цели находились в тесной зависимости друг от друга: падение царизма после военного краха России было неизбежно и совершилось бы и без поощрения большевизму со стороны германского правительства».

Но выход России из войны все равно не стал спасением для Германии.

В качестве заключительного аккорда первого пролога мировой трагедии 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а через несколько дней Дунайская монархия оказалась в состоянии войны и с другими государствами Антанты. Первая мировая война стала свершившимся фактом.

Могли предотвратить роковое развитие событий страны Антанты, если бы они того пожелали? Как мне кажется, вряд ли. Не заступиться за Сербию Россия не могла, иначе она потеряла бы последние основания сохранять статус великой державы. Точно так же Франция не могла не помочь России,

иначе рисковала в будущем остаться один на один с Германией. Только своевременное решительное заявление Англии, еще до предъявления австрийского ультиматума Сербии, о том, что она ни в коем случае не останется нейтральной, могло бы охладить пыл сторонников войны в Вене и Берлине. Однако сделать такое заявление британское правительство в принципе не могло, отнюдь не будучи уверено, что получит поддержку этого шага в парламенте. Наоборот, столь воинственное заявление на самой ранней стадии конфликта могло настроить и парламентариев, и британское общественное мнение против войны и тем самым вызвать прямо-таки обратный эффект, поощрив «партию войны» в Германии.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОТ ТРИУМФА К ГИБЕЛИ

Поначалу наступление на Западе проходило весьма успешно. Германская армия овладела основными бельгийскими крепостями и 21—25 августа 1914 года в приграничном сражении отбросила французскую армию на запад. После начала войны основные усилия Германия сосредоточила против Франции. Создалась серьезная угроза Парижу. Французское наступление в Эльзасе не достигло своих целей и играло только на руку германскому плану Шлиффена, ослабляя северную группировку, где немцы наносили главный удар. Однако и немцы допустили ошибку, перебросив часть сил в Эльзас и ослабив войска, обходившие Париж с севера. В конце августа французский главнокомандующий маршал Жоффри перебросил 6-ю армию из Лотарингии на защиту Парижа. К 9 сентября эта армия совместно с английской экспедиционной армией и 5-й французской армией в ходе сражения на Марне взяла в клещи ударную германскую 1-ю армию. Командующий 1-й армией генерал фон Крук был против отступления, но, подчиняясь приказу верховного командования, вынужден был отойти. После войны германские историки много спорили, оправдан ли был этот отход, ознаменовавший проигрыш немцами битвы на Марне. Пере-

давший от имени начальника Генштаба фон Мольтке приказ на отход полковник Хенч был сделан козлом отпущения за поражение Германии на Марне, повлекшее крах блицкрига и общее поражение Центральных держав в Первой мировой войне. Между тем объективный анализ соотношения сил сторон приводит к выводу, что если бы Хенч не отдал приказ об отступлении 1-й и 2-й армий, то они вполне могли оказаться в окружении и немцев ждало бы еще более тяжелое поражение. Ведь и 2-я армия генерала фон Бюлова к 9 сентября была в трудном положении и еще 7-го числа вынуждена была отойти на своем правом фланге.

9 сентября, когда успех германских войск в битве на Марне казался предрешенным, Бетман-Гольвег подготовил записку с изложением программы широких аннексий. После победы предполагалось создать «Срединную Европу» — экономический союз под германской гегемонией, или, как элегантно выражался канцлер, «под фактическим немецким руководством». Помимо Германской и Австро-Венгерской империй, туда должны были войти Бельгия, Голландия, Франция, Дания, Польша, а в будущем, возможно, также Италия, Швеция и Норвегия. При этом у Франции предполагалось отторгнуть Бельфор, западный склон Вогезов и бассейн Бриэй. Франция должна была уплатить контрибуцию и заключить выгодный для Германии торговый договор. У Бельгии должен был быть отторгнут Льеж, а вся Бельгия стала бы «вассальным государством» по отношению к Германии. Польша должна была перестать быть частью Российской империи и превратиться в формально независимое государство, на практике полностью зависимое от Германии и Австро-Венгрии в политическом и экономическом отношении. Такая же судьба ждала Финляндию, а Курляндию и Литву предполагалось присоединить к Германской империи. России предполагалось навязать кабальный торговый договор. В 1917 году, после Февральской революции, германские аппетиты распространились также на Эстляндию. Она, как и все прибалтийские провинции, была присоединена к Германской империи в результате Брестского мирного договора. Финляндия, Украина и страны Закавказья в результате того же

договора стали независимыми государствами, но оказались в сильной зависимости от Центральных держав. Область войска Донского была фактически отделена от России и на практике превратилась в протекторат Германии. В записке от 9 сентября 1914 года Бетман-Гольвег планировал также создать большую германскую колонию в Центральной Африке за счет Французского и Бельгийского Конго.

В рейхстаге же канцлер говорил о целях войны гораздо более обтекаемо и двусмысленно. Так, по свидетельству лидера социал-демократической фракции Ф. Шейдемана, в марте 1915 года Бетман-Гольвег заявил на совещании ведущих социал-демократических депутатов: «Мы хотим гарантий, большей свободы движения и большей возможности развития для более сильной Великой Германии». Глава независимых социал-демократов Газе справедливо воспринял слова о «Великой Германии» как свидетельство существования аннексионистских планов, но простодушный Шейдеман убеждал коллегу, что «Бетман-Гольвег не мог говорить о Великой Германии в смысле территориальном... Когда говорят о великих людях, то тоже имеют в виду не сантиметры их роста и т. д. Победы Германия в настоящей войне, она действительно будет сильнее и больше прежнего, пусть территория ее не возрастет ни на один квадратный метр». Жаль, что Шейдеман не читал аннексионистскую программу канцлера.

В августе 1914 года русская армия, верная союзническому долгу, перешла в наступление на Восточную Пруссию. Одновременно наши войска вторглись в австрийскую Галицию, а австро-венгерские — в Польшу. 7 августа 1-я армия генерала Павла Ренненкампа нанесла поражение 8-й немецкой армии у Гумбинена, а 2-я армия генерала Александра Самсонова грозила отрезать ей пути отхода. Немецкое командование перебросило два корпуса и кавалерийскую дивизию с Западного фронта в Восточную Пруссию, чтобы остановить продвижение русских. Однако еще до прибытия подкреплений новый командующий 8-й армией и будущий президент Германии Пауль фон Гинденбург и его начальник штаба Эрих Людендорф организовали контрудар против армии Самсонова, окружив и уничтожив два ее корпуса (сам

Самсонов застрелился). Успеху Гинденбурга способствовало то, что обе русские армии действовали в расходящихся операционных направлениях и Ренненкампф, собиравшийся осадить Кенигсберг, не успел прийти на помощь Самсонову.

После разгрома Самсонова цепь ошибок продолжилась. Русское командование полагало, что после разгрома 2-й армии немцы продолжат наступление на юг в направлении на Седлец, чтобы совместно с австрийцами окружить русские войска в Польше, как и предусматривалось довоенным планом действий. Этот план был известен российской стороне еще до начала войны. Поэтому основные русские резервы спешно перебрасывались на Нарев, чтобы отразить вероятный удар 8-й армии на юг. Однако и Гинденбург был прекрасно осведомлен, что русские знают о плане наступления на Седлец, и вместо этого нанес внезапный удар на северо-восток, по армии Ренненкампфа, которая с большими потерями была вытеснена из Восточной Пруссии.

Гораздо успешнее действовали русские войска против Австро-Венгрии. В ходе Галицийской битвы, разворачивавшейся параллельно со сражениями в Восточной Пруссии, одновременно наступали обе стороны. В конце концов армии Дунайской монархии были разбиты, хотя им и удалось избежать окружения. Русские заняли почти всю Восточную Галицию с городами Львов и Галич. Осенью 1914 года с переменным успехом продолжались сражения в Польше, где в итоге немцам удалось незначительно потеснить русские войска в приграничной полосе на левобережье Вислы до рубежа рек Равки, Бзуры и Ниды. Русское командование рассчитывало осуществить глубокое вторжение на территорию Германии с перспективой похода на Берлин, а немецкое — уничтожить группировку противника к западу от Вислы. Однако обе стороны так и не смогли осуществить свои планы. Война на Востоке, как и на Западе, приобрела затяжной позиционный характер.

Поражение русских войск в Восточной Пруссии подняло моральный дух населения Германии, позволило несколько сгладить неблагоприятный эффект от проигрыша сражения на Марне и краха плана Шлиффена. В «Моей борьбе» Адольф

Гитлер вспоминал: «В октябре 1914 года после боев при Танненберге в Германию потянулись первые бесконечные потоки русских пленных. С тех пор поток этот уже не прекращался. Все время в поездах и по шоссе тянулись бесконечные транспорты русских пленных. Но толку от этого было мало. Вместо каждой побитой русской армии русские тотчас же выставляли новую армию. Гигантские владения царя, казалось, были неисчерпаемы по части людей. Сколько времени могла еще выдержать Германия такое состязание? Не придет ли такой день, когда Германия, несмотря на только что одержанную победу, останется уже без новых войск, в то время как русское командование снова и снова двинет на фронт новые армии? Что же будет тогда? Согласно человеческому разумению, Германия могла только отсрочить победу России, сама же окончательная победа этой последней казалась неизбежной». Но на самом деле Россия в Первой мировой войне сломалась на года раньше, чем Германия. Возможно, память об этом побудила Гитлера в 1941 году без особой боязни осуществить нападение на СССР. К этому шагу вела как логика борьбы за мировое господство, так и опасение, что Сталин сам осуществит нападение на Германию, хотя никакими объективными сведениями о подготовке в 1941 году советского вторжения в Европу германская разведка не располагала. Точно так же Сталин, готовя нападение на Германию, не имел сведений о том, что 22 июня немцы собираются напасть на СССР.

Существует давняя легенда, что переброска двух германских корпусов в Восточную Пруссию сыграла решающую роль в поражении немцев в битве на Марне и срыве плана Шлиффена по быстрому разгрому Франции. На самом деле численный перевес англо-французских войск (459 батальонов против 262) был слишком велик, чтобы отправленные на Восточный фронт 50 батальонов могли бы сколько-нибудь существенно изменить положение. Крах плана Шлиффена был вызван недооценкой сил противника и его способности, пользуясь малой протяженностью линии фронта и хорошо развитой сетью дорог, быстро перебрасывать войска на угрожаемые участки. В сражении при Марне французы впервые

применили автомобили для переброски войск. Военный комендант Парижа генерал Галлиени использовал для доставки к Марне частей парижского гарнизона реквизированные автомобили, в том числе такси. Так родилось то, что впоследствии назвали моторизованной пехотой. Но ее звездный час наступил лишь во Вторую мировую войну.

Роль России заключалась в том, что она заставила Германию и Австро-Венгрию сражаться на два фронта и отвлекла на себя значительные силы Центральных держав. Победа русских войск в Галиции также спасла от разгрома Сербию. Сменивший Мольтке военный министр и начальник Генштаба Эрих Фалькенгайн позднее писал о влиянии кампании 1914 года на сроки войны: «События на Марне и в Галиции отодвинули ее исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решений, что до сих пор являлось основой для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю».

На Западе фронты обеих противоборствующих армий в октябре достигли побережья Северного моря на бельгийской территории недалеко от французской границы. Здесь началась позиционная война. От швейцарской границы до самого моря протянулись сплошные линии окопов. После перехода к позиционной войне во Франции и Бельгии немцы перебросили дополнительные силы против России. Бои на германо-русском фронте шли с переменным успехом. Попытка окружить 2-ю русскую армию под Лодзью не удалась, и обходная группировка генерала Шеффера в конце ноября сама попала в кольцо, но сумела прорваться к своим.

К началу 1915 года в Германии крах молниеносной войны стал очевиден не только для военных, но и для политиков и для самых широких слоев населения. Лидер социал-демократов Ф. Шейдеман вспоминал: «Само собой разумеется, что в течение первых недель и месяцев войны мы обязали себя к известной сдержанности. Никто ведь не знал, не окончится ли война очень скоро и не станет ли таким образом военная политика излишней. Я лично, впрочем, был уверен уже к концу 1914 года, что все надежды на близкое окончание войны призрачны. Поэтому я предпринял, перво-

начально на личную свою ответственность, лекционное турне по большим городам с программой: «За мир на началах соглашения». Так возникло уже в первые месяцы войны выражение «шейдемановский мир», мир, который стоявшие направо от нас отвергали самым решительным образом и поносили как недостойный и позорный мир. «Где пролилась хоть капля германской крови, оттуда мы не уйдем», — говорил Бассерман. О том, чего требовали господ Шейдеман и еще более правые политики, я не хочу даже говорить».

Ну, положим, требования правых ничем не отличались от требований, содержащихся в записке Бетмана-Гольвега, о которой я говорил выше. Что же касается «шейдемановского мира», основанного в основном на сохранении довоенного статус-кво, то по сравнению с Версальским он, несомненно, должен был бы восприниматься справедливым и выгодным широким массам германской общественности. Но в 1914—1915 годах, когда немецкие войска одерживали победы на всех фронтах, до победы, казалось, надо было сделать всего одно, последнее усилие. В этих условиях сторонников компромиссного мира клеймили едва ли не как предателей. Впрочем, справедливости ради надо подчеркнуть, что страны Антанты даже в самое тяжелое для себя время не склонны были к заключению мира на условиях довоенного статус-кво, а тем более — компромиссного мира, предусматривающего ряд уступок Германии и ее союзникам.

Социал-демократы 16 августа 1915 года приняли программу мира, которая в главных пунктах, помимо сохранения территориальной целостности Германской империи и ее союзников, сводилась к следующему: «Для обеспечения свободы развития германского народа мы требуем: свободных дверей, т. е. равноправия в хозяйственной деятельности во всех колониальных владениях, включения постановления о статусе наибольшего благоприятствования в мирные договоры со всеми воюющими государствами, поощрения хозяйственного сближения путем возможного устранения таможенных и иных стеснений оборота, улучшения и введения в различных государствах однородных социально-политических учреждений, в духе целей, которые ставит себе рабочий ин-

тернационал. Свобода морей должна быть установлена международным договором. Для этой цели должно быть упразднено призовое право, а также проведена интернационализация важных для мировой торговли проливов...

Учитывая, что аннексия местностей с чуждым населением противоречит праву самоопределения народов и что, сверх того, они только ослабили бы Германию и тягчайшим образом повредили бы ее внешним политическим отношениям на долгое время, мы боремся со всеми направленными на аннексию планами близоруких «завоевательных» политиков. Интересы Германии не меньше, чем справедливость, требуют восстановления Бельгии».

Программа, что и говорить, вполне умеренная и разумная. Однако ее не собирались принимать ни правительство и правые партии в Германии, ни ее противники в войне. Первые рассчитывали реализовать обширные аннексионистские планы на Западе и на Востоке. Вторые же, вступив в войну, также рассчитывали поживиться за счет Германии, ее колоний и союзников.

Впрочем, социал-демократы не слишком усердствовали в претворении своей программы в жизнь и, в частности, избегали оказывать давление на правительство и штаб Верховного Главнокомандования. А в 1918 году большинство социал-демократических депутатов одобрило Брестский мир, предусматривавший неприкрытую аннексию Прибалтики.

Положение России значительно ухудшилось после вступления в войну Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии. В начале Первой мировой войны Турция сохранила нейтралитет. Однако симпатии господствовавшего там режима младотурок были на стороне германского блока, поскольку турецкие территориальные претензии распространялись почти исключительно на территории стран Антанты. Уже 2 августа 1914 года был подписан герmano-турецкий союзный договор. 10 августа в Дарданеллы вошли германские корабли — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» под командованием германского адмирала Сушона. Турция произвела их фиктивную покупку. Германия предоставила Турции заем, после получения которого та должна

была начать боевые действия. Однако в турецких правящих кругах медлили с объявлением войны России, опасаясь, что победа в конечном счете окажется на стороне более мощной Антанты. Тогда военный министр Энвер-паша в согласии с главой германской военной миссии генералом Лиманом фон Сандерсом организовал нападение германо-турецкого флота 29—30 октября 1914 года на русские черноморские порты. Россия в ответ 1 ноября объявила войну Турции. В царском манифесте говорилось: «Безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря». 2 ноября русская Кавказская армия перешла границу. В тот же день турки начали наступление на Карс и Батум. В ходе Саракамышской операции в конце 1914 — начале 1915 года турецкие войска были разгромлены. Однако черноморские проливы теперь были закрыты, и Россия лишилась возможности получать вооружение и снаряжение от союзников наиболее коротким и удобным южным путем. Оставался только северный путь через Мурманск и Архангельск. Но он был значительно длиннее, зимой проходил по морям, покрытым льдом, и находился под ударами немецких подводных лодок. К тому же железнодорожная сеть на севере России не была развита. Мурманскую дорогу строили уже в годы войны. Восточный же маршрут, через Владивосток и Транссибирскую магистраль, был весьма долг и ограничивался малой пропускной способностью Транссиба.

Турецкие войска также развернули наступление в Египте, захватили Синайский полуостров и вышли к Суэцкому каналу, но были отбиты английскими войсками в феврале 1915 года. После начала Дарданелльской операции турецкая армия в Палестине перешла к обороне и оставила Синай.

В декабре 1914 года Вильгельм II запретил германской эскадре адмирала Ингенолья вступать в бой с английским флотом и приказал ему вернуться в Вильгельмсгафен. По этому поводу адмирал Шеер писал: «Кажется, упущен благоприятный случай, который может больше не повториться». А адмирал Тирпиц утверждал: «16 декабря Ингеноль держал

в руках судьбу Германии». По мнению же британского адмирала Скотта, «если бы император Вильгельм осенью 1914 года принял предложение блокировать Англию посредством подводных лодок, то тогда такая блокада в кратчайший срок привела бы ее к крушению».

Но Вильгельм II не решался активно использовать «Флот открытого моря», опасаясь потери крупных кораблей и риска поражения. Объявление же неограниченной подводной войны не казалось необходимым в тот момент, когда была надежда на блицкриг. Позднее же сдерживающее влияние оказывала позиция США, чьи корабли стали бы первыми жертвами германских подлодок.

В начале 1915 года русские войска продолжили наступление. Еще в конце октября 1914 года они вновь вторглись в Восточную Пруссию. На 10 (23) февраля 1915 года было назначено большое наступление в районе Мазурских озер с целью полного овладения этой провинцией. Однако 7 и 8 февраля немцы, упредив русских, сами начали здесь наступление с целью окружения 10-й армии. Ее основным силам удалось избежать гибели, в германском кольце в Августовских лесах погиб только арьергардный XX корпус. Его солдаты и офицеры, расстреляв почти весь боезапас, 15 (28) февраля пошли в последнюю штыковую атаку и были почти в упор расстреляны немецкой артиллерией и пулеметами. Более 7 тысяч их погибло в один день, остальные были пленены. Немецкий военный корреспондент Р. Брандт писал: «Попытка прорваться была полнейшим безумием, но святое безумие — геройство, которое показало русского воина таким, каким мы его знаем со времен Скобелева, штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если ему неминуемо грозит при этом верная смерть!» Всего германская 8-я армия в ходе наступления взяла более 100 тысяч пленных.

Гораздо успешнее для русских складывались боевые действия против Австро-Венгрии. Армии Юго-Западного фронта генерала Николая Иванова успешно отразили австрийское наступление в карпатских предгорьях для деблокады

Перемышля. 9 (22) марта эта мощная австрийская крепость пала. Здесь русские пленили 120-тысячный гарнизон. В апреле в ряде мест австро-венгерские войска были оттеснены за Главный Карпатский хребет. Создалась реальная угроза русского вторжения в Венгрию. Неудачи Дунайской монархии в значительной мере объяснялись тем, что служившие в ее армии чехи, словаки, сербы и румыны не желали воевать за Габсбургов и массами сдавались в плен.

Германия опасалась, что ее основной союзник под тяжестью поражений вынужден будет выйти из войны. Поэтому немецкое военное и политическое руководство решило перенести на время главные усилия на Восточный фронт. В Карпатах из германских резервов, переброшенных с запада, и наиболее боеспособных австро-венгерских частей была сформирована ударная 11-я армия под командованием германского генерала Августа Макензена. 19 апреля (2 мая) она атаковала русские позиции у Горлице в Галиции и вскоре прорвала фронт. К тому времени русская армия испытывала острую нехватку снарядов. Кризис с боеприпасами через несколько месяцев после начала войны испытали армии всех стран-участниц, поскольку запасы мирного времени оказались израсходованными. Однако в более развитых Германии, Австро-Венгрии, Англии и Франции этот дефицит очень скоро был ликвидирован благодаря наращиванию военного производства. В России же промышленность не смогла в короткие сроки перестроиться для нужд фронта. Поэтому «снарядный голод» здесь стал затяжной болезнью, ликвидированной лишь в начале 1916 года. Пока же русские войска вынуждены были отступать под натиском превосходящих их по огневой мощи сил противника, отвечая едва ли одним снарядом на десяток неприятельских. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов 7 (20) мая с тревогой сообщал начальнику Генштаба генералу Н. Н. Янушкевичу: «Остающийся в моем распоряжении запас легких (артиллерийских. — Б. С.) и ружейных патронов не покрывает даже четверти некомплекта их в войсках и полевых парках. Половина, а в некоторых армиях большая часть последних пуста. Увеличившийся за последние дни напор против-

ника, который успел подвезти тяжелую артиллерию и, видимо, большой запас боевых припасов, повелительно требует пополнения их и у нас». Однако необходимого пополнения не было, и в войсках продолжала ощущаться нехватка не только боеприпасов, но и винтовок. Генерал Николай Головин вспоминал, что однажды получил из штаба Юго-Западного фронта телеграмму «о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки». Он так прокомментировал это, к счастью так и не реализованное, распоряжение: «Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года». Командовавший 8-й армией генерал А. А. Брусилов вспоминал, в каком состоянии находились оборонявшие крепость Перемышль ополченцы: «На двух фортах западного фронта Перемышля противник спокойно резал проволоку предфортовых заграждений, а гарнизон этих фортов не только сам не мешал этому делу, но и не позволял артиллерии стрелять вследствие опасения, что сильная неприятельская артиллерия обрушится на форты. Очевидно, что такие гарнизоны легко отдали форты врагу, который, таким образом, попал внутрь крепости. При таких условиях удержать Перемышль дальше было невозможно...» В то же время, в отличие от большинства солдат, многие боевые офицеры оставили в своей памяти возвышенный образ тех неудачных боев. Философ Федор Степун, высланный в 1922 году на знаменитом «философском пароходе» в Германию, на историческую родину, а в 1914—1917 годах храбро сражавшийся офицером-артиллеристом в русской армии, признался в мемуарах: «Я не умею этого объяснить, но, всматриваясь в себя, я отчетливо вижу, что пережитая революция если и не оправдала войны, то все же как-то очистила ее в моей памяти... Вот замечательная страница из письма моего однобатарейца Владимира Балашевского: «Если бы ты знал, какую красотой и правдой представляется мне после всех ужасов пролетарской революции и гражданской «бойни» та, «наша», если разрешишь так выразиться, война. Все последующее уродливое и жестокое не только не

заслонило моих старых воспоминаний, но, очистив их своею грязью и чернотой, как уголь чистит белых лошадей, как-то даже придвинуло их ко мне... Сейчас так близки моей душе Карпаты и милая Ондава, где мы стояли с тобою весною 15-го года».

Русские войска оставили Галицию. Германское командование рассчитывало устроить грандиозный «котел» в Польше. Для этого группировки из Галиции и Восточной Пруссии наносили удары по сходящимся направлениям. Лишь благодаря энергии и распорядительности командующего Северо-Западным фронтом генерала Михаила Алексева русским войскам за счет быстрого отступления удалось вырваться из ловушки. Однако в результате были потеряны Польша, Литва, часть Латвии и Белоруссии и тем самым утрачена возможность вторжения в Германию и ударов по жизненным центрам Австро-Венгрии. Все эти события были названы современниками «Великим Отступлением». Никто не знал, придется ли его продолжить. Командующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов сознавал, что его войска не выдержат нового генерального наступления противника, и разрабатывал планы их отвода за Днепр и сдачи Киева. Однако немецкое командование остановило свои войска на рубеже Двинск — Сморгонь — Барановичи — Дубно и перебросило значительные силы на Западный фронт, где в конце сентября началось крупное наступление англо-французских войск, не принесшее, однако, сколько-нибудь существенных результатов. Начальник оперативного управления штаба 8-й армии генерал Макс Гофман позднее, в конце 1916 года, ставший начальником штаба германского Восточного фронта, так подвел итоги кампании 1915 года: «План Антанты закончить войну путем одновременного наступления русских масс на Пруссию и в Карпатах потерпел крушение. Русские потерпели поражение на всем фронте и понесли потери, от которых они уже больше не оправились. Но нам не удалось разгромить русских в такой степени, чтобы они были вынуждены заключить мир».

Военные неудачи привели к кризису в российском военнополитическом руководстве. 23 августа 1915 года Николай II

переместил великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего русской армией заместителем на Кавказ и сам занял его место. Большинство монархистов негативно оценивали поступок царя, не без оснований полагая, что в случае новых поражений общественное мнение будет теперь винить во всем царя. Не одобрила этот шаг и либеральная оппозиция, симпатизировавшая Николаю Николаевичу и опасавшаяся, что сосредоточение всей власти в руках Николая II еще больше отдалит страну от назначения ответственного перед Думой правительства («ответственного министерства»).

В Германии тоже, как известно, Верховным Главнокомандующим армией и флотом формально являлся Вильгельм II. Но здесь положение было принципиально иным, чем в России. У кайзера все-таки хватило ума критически оценить свои полководческие способности и не вмешиваться в руководство боевыми действиями. Фактически армией командовали начальники Генерального штаба — Мольтке-младший, Фалькенгайн и Гинденбург. И это было хорошо известно в армии и германском обществе, которое поражения и победы своих вооруженных сил связывало не с именем кайзера, а с именами генералов и адмиралов. В России же Николай Николаевич, кадровый военный, генерал от кавалерии, был одновременно и формальным, и фактическим командующим, пользовавшимся авторитетом в армии. И признаем, что в целом он был неплохим командующим. Большего достичь с имевшимися силами и средствами, учитывая низкую обеспеченность боеприпасами и более низкий уровень качества личного состава в сравнении с противниками, не было никакой возможности. Достижением было уже то, что русская армия не была разгромлена в результате австро-германского генерального наступления и смогла восстановить целостность фронта. Николай II не имел ни опыта, ни способностей к военному командованию, однако пытался влиять на ведение вооруженной борьбы, регулярно находясь в Ставке и председательствуя на совещаниях руководства армии. И в сознании и армии, и народа именно царь стано-

вился ответственным за поражения, которых у русской армии все же было больше, чем побед.

Фактически боевыми действиями русской армии стал руководить генерал М. В. Алексеев, 31 августа назначенный начальником штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Но он при этом не обладал всеми теми полномочиями, которыми обладал в Германии начальник Генерального штаба. Да и железной волей, в отличие от Гинденбурга, Алексеев не обладал. Военный министр Владимир Сухомлинов был сделан козлом отпущения за неподготовленность к войне и заменен близким к думским кругам генералом А. А. Поливановым. Между тем опальный Сухомлинов, естественно, категорически отрицал свою ответственность за поражения русской армии. В мемуарах он утверждал: «Я отрицаю... всякий упрек в неготовности русской армии перед открытием кампании. Лишь в 1914 году по моей инициативе... утвержденная программа усиления нашей армии, ее пополнения и вооружения могла в действительности создать наши вооруженные силы в полной готовности для активного участия в европейской войне, но не ранее 1916 года. В критические дни перед объявлением войны я... был устранен с того момента, когда русские дипломаты, в особенности Сазонов, не считаясь с моим мнением о состоянии армии, считались с великим князем Николаем Николаевичем и подчиненным мне начальником Генерального штаба генералом Янушкевичем, который злоупотребил моим доверием... Будь сохранен мир, русская армия в 1916 году была бы с более прочным залогом для проведения в жизнь всероссийских и мировых политических задач, нежели войною 1914 года. Для России и для дома Романовых война не была нужна, а для русской армии... она была слишком преждевременна... Мое мнение о состоянии наших вооруженных сил было во всякое данное время известно государю. Знание этого именно моего мнения о нашей армии было причиной, вследствие которой великий князь Николай Николаевич, Сазонов и Янушкевич действовали помимо меня». В самом деле, неготовность России к затяжной войне определялась не злой волей одного человека или группы лиц, а ее объективным отставанием в со-

циальном и экономическом отношении от основных противников и союзников. Вряд ли что-нибудь принципиально изменилось бы для русской (равно как и для германской) армии в лучшую сторону, начнись война на два года позже. Также и сам мировой конфликт стал следствием сложившейся системы союзов и глубоких противоречий интересов между государствами, усугубленных непродуманными действиями политиков и военных.

На Западном фронте французские войска с декабря 1914 по март 1915 года предпринимали атаки в Шампани, но так и не смогли прорвать германский фронт, несмотря на двукратное превосходство в людях и артиллерии. Французы понесли большие потери — более 91 тысячи убитых, раненых и плененных, но даже не смогли предотвратить переброску одного немецкого корпуса на Восточный фронт. Неудачей кончилось и наступление англичан юго-западнее Лилля. В апреле французы атаковали Сен-Миельский выступ, но им не удалось достичь внезапности. Немцы, заранее подтянув резервы, отразили наступление. В конце апреля немцы, в свою очередь, предприняли наступление у Ипра с тактическими целями и впервые осуществили масштабную газобаллонную атаку. От хлора пострадали 15 тысяч англичан, 5 тысяч из которых погибли. Немцам удалось воспользоваться паникой, вызванной газовой атакой, прорвать фронт и выйти к Изерскому каналу, но форсировать его германские войска не смогли. Брешь закрыли спешно перебросенные на грузовиках английские и французские резервы.

Плотность живой силы и артиллерии на Западе была в несколько раз выше, чем на Востоке. Такая концентрация сил и средств почти до конца войны оставалась непреодолимым препятствием для достижения стратегического прорыва фронта.

В период, когда германо-австрийские войска предпринимали генеральное наступление на Восточном фронте, французы и англичане атаковали неприятельские позиции в Артуа. К 18 июня наступление выдохлось, причем потери союзников вдвое превышали немецкие. Несмотря на отправку

более чем 10 дивизий на Восток, на Западе у немцев оставалось достаточно сил для обороны.

Новые операции английское и французское командование начали осуществлять только в конце сентября, когда немецкое наступление в России уже прекратилось. Пауза была вызвана проводившейся с 19 февраля Дарданелльской операцией, призванной вывести Турцию из войны и восстановить связь с Россией через черноморские проливы. Как раз летом концентрация союзных войск на Галлипольском полуострове, захваченном в ходе высадки, достигла максимума, но им так и не удалось сломить сопротивление турок. В августе несколько союзных дивизий были высажены в заливе Сувла, но и они не смогли выбить турок с позиций на полуострове. Первоначальный план предусматривал форсирование флотом Дарданелл, уничтожение турецких береговых укреплений и удар по Константинополю. Для очистки проливов от мин предполагалось использовать тральщики, а десанты ограничить небольшими отрядами моряков для захвата и окончательного уничтожения береговых укреплений. Британские адмиралы рассчитывали, что турецкие войска не выдержат бомбардировки и уйдут в Константинополь. Вначале думали вообще обойтись без сухопутных сил. На практике оказалось, что турки и не думают оставлять свои позиции, а корабли союзной эскадры жестоко страдают от неприятельских батарей и мин. Линкор «Иррезистибл» подорвался на минах, а затем был потоплен огнем береговых батарей. Были повреждены еще один линкор и 3 крейсера. 25 апреля англо-французский десант численностью в 81 тысячу человек высадился на Галлиполи и смог там закрепиться, потеряв за три дня 18 тысяч человек. В мае было потоплено еще три британских линкора. 7 августа началась новая высадка в бухте Сувла, а на следующий день британская подлодка потопила в проливе Дарданеллы устаревший турецкий линкор. 5-я турецкая армия, насчитывавшая 14 дивизий, не позволила союзникам, у которых было 15 дивизий, продвинуться в глубь побережья. Турецкой армии и флоту большую помощь оказывали германские офицеры и германские экипажи крупнейших военных кораблей. Все командование в зоне проли-

вов фактически было германским. Флотом командовал адмирал Сушон, 5-й турецкой армией — генерал Лиман фон Сандерс, береговой обороной Босфора и Дарданелл — адмирал Узедом. Осознав провал попыток захватить Константинополь и вывести Турцию из войны, союзники в ноябре приняли решение о прекращении операции. Эвакуация войск из Галлиполи была завершена 9 января 1916 года. Англичане потеряли около 120 тысяч человек, французы — 26 тысяч человек. Точных данных о потерях турок нет. Союзники оценивают их в 186 тысяч человек, что кажется сомнительным. Ведь в Дарданелльской операции союзники наступали и теоретически должны были нести большие потери, чем противник. Кроме того, англичане и французы потеряли гораздо больше судов, чем турки, а на потонувших судах погибла значительная часть экипажей.

Ободренная неудачей англо-французских войск в Дарданеллах, Болгария 14 октября 1915 года присоединилась к Центральным державам и внезапно атаковала Сербию, до этого в течение года успешно противостоявшую натиску Австро-Венгрии. Теперь начавшееся еще 6 октября мощное наступление германских и австро-венгерских войск было поддержано ударом с тыла болгарской армии. Сербы вынуждены были, бросив тяжелое вооружение, горными тропами отступить в Грецию, где их встретили высадившиеся в Салониках английские и французские дивизии. Остатки сербской армии были эвакуированы на остров Корфу. Союзница же Сербии Черногория капитулировала. После разгрома Сербии Центральные державы установили прямую сухопутную связь с Турцией. У Англии и Франции исчезли надежды на быстрый крах Оттоманской империи. В ноябре было принято решение прекратить Дарданелльскую операцию, и в декабре союзный десант эвакуировался с Галлиполи.

К Антанте 23 мая 1915 года присоединилась Италия, рассчитывавшая на захват австрийских Тироля и Далмации. В ходе наступления итальянцам удалось занять пограничные районы, но решающих успехов они не достигли. Горная местность благоприятствовала обороняющимся, да и по боеспособности австрийская армия, состоявшая здесь из ти-

рольских, венгерских и хорватских частей, существенно превосходила итальянскую.

Новое наступление англо-французские войска начали в сентябре 1915 года одновременно в Шампани и Артуа, чтобы лишить противника возможности маневрировать резервами. Атакам предшествовала многодневная артподготовка. Однако немцы заблаговременно отошли на позиции, расположенные на обратных склонах высот, и почти не понесли потерь от артиллерийского огня. Французы атаковали волнами, которые под выстрелами неприятельских батарей смешались в одну линию. Управление было нарушено, атакующие несли большие потери. Не более успешным было и наступление 1-й английской армии в Артуа. К середине октября операции Антанты на Западном фронте окончательно выдохлись.

Отразив англо-французское наступление, германское командование решило нанести удар по крепости Верден, чтобы вынудить противника истощить силы в попытке удержать этот важный объект. Внешний обвод крепости составлял 45 км, а фронт обороны Верденского укрепленного района достигал 112 км. Долговременные фортификационные сооружения — форты образовывали единую цепь с полевыми укреплениями. Немцы надеялись разрушить укрепления мощной артиллерийской подготовкой, как это уже случилось с Льежем и другими бельгийскими крепостями в 1914 году. Овладение Верденом открывало путь в тыл центральной группировки французских войск, а ее разгром, как надеялся Фалькенгайн, позволил бы взять Париж и вывести Францию из войны.

21 февраля 1916 года обстрелом германской артиллерией французских укреплений началось Верденское сражение. С германской стороны в нем участвовала группа армий германского кронпринца Вильгельма. К исходу 23-го немцы овладели первой линией окопов, а на следующий день — и второй. Французы исчерпали свои резервы, и 25 февраля пал форт Дуомон. К исходу 27 февраля немцы овладели Веврской долиной. Главнокомандующий французской армией Жоффр приказал любой ценой задержать неприятеля на правом берегу Мааса. К Вердену были двинуты французские резервы, а войска в районе крепости перешли под начало гене-

рала Петэна. Поскольку все железные дороги, ведущие к Вердену, были перерезаны или находились под огнем германской артиллерии, для переброски подкреплений использовалось 65-километровое шоссе Бар-ле-Дюк — Верден. Благодаря четкой организации автотранспорта, разбитого на 200 отделений по 20 грузовиков, пропускная способность шоссе была доведена до 6000 машин в сутки.

Германский натиск не ослабевал, хотя численность французских войск удвоилась уже ко 2 марта. С 5 марта немцы перенесли главный удар на левый берег Мааса. Целью наступления стали высоты Морт-Омм и 304,0, контроль над которыми позволил бы обстреливать тыловые коммуникации Вердена и избавить атакующие крепость войска от фланкирующего огня французской артиллерии. На правом берегу Мааса объектом наступления стал форт Во. Однако французам в течение марта удалось отразить все неприятельские атаки.

Не сумев быстро овладеть Верденом, Фалькенгайн тем не менее решил продолжать атаки, чтобы перемолоть в верденской мясорубке как можно больше французских войск. 7 мая, применив новый быстродействующий удушающий газ «зеленый крест», немцы заняли высоту 304,0, а 20 мая установили контроль над Морт-Омм. 22 мая французы отбили форт Дуомон, но 2 дня спустя им вновь овладели немцы. 7 июня германские штурмовые группы принудили к капитуляции гарнизон форта Во. Но следующий форт, Сувиль, оказался крепким орешком, который немцам так и не удалось разгрызть.

1 июля 1916 года началось давно готовившееся англо-французское наступление на реке Сомме, и немецкий натиск на Верден стал ослабевать. К 12 июля немцы перебросили из-под Вердена на Сомму 2 дивизии и более 60 артиллерийских батарей. Окончательно же наступление на Верден было прекращено 2 сентября, после того как 27 августа войну Центральным державам объявила Румыния. 29 августа Фалькенгайна на посту начальника Генштаба сменил Гинденбург, а Людендорф занял должность первого генерал-квартирмейстера. К 18 декабря 1916 года французы в ходе

контрнаступления вернули почти все утраченные ранее позиции. Потери обеих сторон убитыми, ранеными и пленными достигали 1 миллиона человек. Неудача под Верденом стоила Фалькенгайну поста начальника Генштаба.

Наступление на Сомме оказалось не более результативным для Антанты, чем верденская бойня для Германии. Союзное командование преследовало весьма решительные цели, надеясь разгромить группировку противника в северной Франции. Французские армии должны были уничтожить противника на Нуайонском выступе, наступая на Перонн, Сен-Кантен и Лаон. Англичанам предстояло нанести поражение немецкой группировке в районе Арраса и на реке Лис, продвигаясь в направлении Бапом, Камбре и Валансьен. Превосходство англо-французских войск на Сомме в численности пехоты составляло 4,6 раза, а в артиллерии — 2,7 раза. Артиллерийская подготовка началась 24 июня и продолжалась вплоть до 1 июля, когда на штурм немецких позиций пошла пехота. Севернее Соммы правофланговые корпуса 4-й английской армии вклинились в первую линию обороны и заняли ряд опорных пунктов, но левофланговый 7-й корпус 3-й английской армии был с большими потерями отброшен в исходное положение. Французы достигли большего успеха. Они, наступая к югу от Соммы, уже в первый день продвинулись до второй оборонительной полосы. 3 июля немцы отошли здесь на третью оборонительную позицию. Французы остановились, чтобы закрепиться на достигнутых рубежах. Немецкое командование воспользовалось передышкой для подтягивания резервов за счет ослабления неатакованных участков фронта. Последующие атаки англичан и французов оказались безрезультатными. Вплоть до конца августа шла борьба на истощение, в ходе которой продвижение войск Антанты исчислялось немногими километрами. За два месяца боев англичане потеряли 200 тысяч человек, французы — 80 тысяч и немцы — 200 тысяч убитыми, ранеными и пленными. В сентябре — октябре союзники перебросили к Сомме новые значительные силы, в том числе танки. 3 сентября после мощной артподготовки 26 французских и 32 английские дивизии одновременно пошли в на-

ступление. Им противостояла группа армий кронпринца баварского Руппрехта. За 6 дней союзники продвинулись на расстояние от 2 до 4 км и вышли на некоторых участках к третьей линии германской обороны. Затем немцы смогли закрыть брешь большим количеством пулеметов. 15 сентября англичане впервые применили танки. 18 машин обеспечили продвижение в сутки на 4—5 км на фронте в 10 км. Однако в ходе боя 10 танков были уничтожены или повреждены. Новых машин под рукой у английского командования не было, ведь оставшийся 31 танк вышел из строя во время марша к фронту. Развить успех не удалось. Новые неоднократные атаки в конце сентября и начале октября обеспечили продвижение лишь на несколько километров. К середине октября Руппрехт, получив из резерва гвардейский корпус, остановил наступление союзников. В середине ноября бои на Сомме окончательно прекратились. Общие потери французов убитыми, ранеными и пленными достигли 341 тысячи человек, англичан — 453 тысяч и немцев — 538 тысяч человек. Неудача союзников была вызвана тем, что немецкие войска успевали быстрее восстановить свои оборонительные линии и перебросить резервы на угрожаемые участки, чем их противники успевали нарастить силу удара.

На итальянском фронте австрийцы 15 мая 1916 года начали наступление в Трентино, рассчитывая в случае успеха окружить неприятельские войска, стоявшие на Изонцо. Имея лишь на четверть больше пехоты, но обладая более чем трехкратным превосходством в артиллерии, они сумели к концу мая потеснить итальянскую армию на 12—20 км, но уже 30 мая наступление было остановлено. Окончательно отказались от его продолжения в середине июня, в связи с наступлением русского Юго-Западного фронта. 16 июня итальянцы перешли в контрнаступление. В конце июня им удалось отвоевать примерно половину потерянной территории, после чего фронт стабилизировался. Итальянские потери составили 15 тысяч убитыми, 76 тысяч ранеными, 56 тысяч пленными и 294 орудия. Австрийцы потеряли 10 тысяч убитыми, 45 тысяч ранеными и 26 тысяч пленными.

Еще в самом начале Первой мировой войны будущий на-

чальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Михаил Алексеев сказал депутату Государственной думы Василию Шульгину: «Вот некоторые легкомысленные люди и офицеры, даже большие офицеры, думают и даже говорят, что мы, мол, окончим войну в три месяца. Вздор, и вредный вздор. Противник «сурьезный». Его нахрапом не возьмешь. Война будет на измор. Воюет народ с народом. В таком разе что же самое главное?»

Самое главное — это поддержать дух народа. Только в его стойкости, или, как мы говорим, в коэффициенте сопротивляемости, залог успеха. Вообще говоря, коэффициент сопротивляемости для русской армии высок. Но сопротивляемость армии и сопротивляемость народа в его целом не одно и то же. Армия есть производное от народа, и потому в конечном счете решает сопротивляемость народа».

В Германии «коэффициент сопротивляемости» поддерживался почти постоянными военными успехами и мощной пропагандой. В России такой успех удалось достигнуть лишь однажды в 1916 году, когда войска Брусилова прорвали австрийский фронт. Эффекта от этой победы оказалось недостаточно для того, чтобы успешно завершить войну и предотвратить революцию. Но и Германия, со всеми своими частными победами, продержалась всего на год больше России.

Мировая война выявила относительно большую стойкость демократических режимов по сравнению с теми, где элементы демократии сочетались с полуавторитарным стилем правления. Устояли Франция, Англия, даже Италия, несмотря на тяжелые поражения, понесенные довольно слабой итальянской армией. Рухнули Россия, Австро-Венгрия, Турция, Германия.

В 1916 году в России дали наконец эффект мероприятия по мобилизации промышленности для военных нужд. По сравнению с началом 1915 года производство винтовок выросло втрое, орудий разных калибров — в 4—8 раз, а боеприпасов разных видов — в 2,5—5 раз. Помогли и поставки от союзников. Теперь русские войска вновь перешли в наступление, воспользовавшись тем, что Германия сосредоточила

основные усилия на Западном фронте против Вердена, а часть австро-венгерских дивизий была отвлечена на борьбу с Италией. В марте русская армия нанесла удар по германским позициям в районе озера Нарочь, закончившийся безрезультатно. Генеральное наступление планировалось на лето. Предполагалось, что противника атакуют одновременно все три фронта: Северный под командованием А. Н. Куропаткина, Западный во главе с А. Е. Эвертом и Юго-Западный, которым с марта вместо Н. И. Иванова командовал А. А. Брусилов. Северный и Западный фронты имели почти двукратное превосходство над противостоящими им немецкими войсками. Юго-Западный фронт примерно в полтора раза превосходил сосредоточенные на его участке австро-венгерские армии, существенно уступавшие в боеспособности германским. Предполагалось, что главный удар из района Молодечно на Вильно будет наносить Западный фронт. Северный фронт должен был наступать от Двинска также на Вильно. Юго-Западному фронту предписывалось нанести вспомогательный удар из района Ровно на Луцк. Наступление следовало подготовить к началу мая, чтобы упредить возможную атаку противника. Однако подготовка затянулась, и Ставка перенесла наступление на конец мая. В итоге Юго-Западный фронт атаковал противника 22 мая (4 июня). На Северном было решено ограничиться демонстрацией наступления, а Западный должен был нанести главный удар на неделю позже Юго-Западного. Однако наступление армий Эверта неоднократно откладывалось и последовало лишь 19 июня (2 июля) под Барановичами, окончившись полной неудачей. К тому времени уже определился стратегический успех Юго-Западного фронта.

Брусилов знал, что австрийцы с помощью воздушной разведки непременно обнаружат подготовку к наступлению. И приказал рыть траншеи для сближения с противником — верный признак готовящейся скорой атаки — более чем на 20 участках своего фронта. В результате противник так и не установил, где же будет главный удар. Потому что главного удара фактически не было. Атака началась сразу более чем на 10 участках всеми четырьмя армиями Юго-Западного фрон-

та. Она предварялась тщательной разведкой, мощной арт-подготовкой, а в проволочных заграждениях заранее были проложены проходы. Уже на второй день наступления 8-я армия генерала Алексея Каледина, где было относительно больше сил и средств, прорвала австро-венгерский фронт, а 25 мая заняла Луцк. Успешно наступали и другие армии. Австро-венгерские части отступали в беспорядке. Генерал-квартирмейстер 8-й армии генерал Н. Н. Стогов доносил: «Разгром австрийцев... выявился во всей своей полноте. Массовые показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления: толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные... показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого... Деморализация захватила и офицерский состав разгромленных австрийских полков: многие пленные уверяли, что офицеры чуть ли не первыми уходили в тыл, бросая солдат на попечение унтер-офицеров. Обычная при отходе картина недоедания и утомления войск развернулась во всю ширь». Брусилов впервые применил тактику одновременного наступления на разных направлениях в масштабах фронта. Такая тактика не позволяла противнику сконцентрировать резервы и артиллерию в одном месте для отражения атаки. Подобные дробящие удары легко рассекли австро-венгерский фронт. Однако оборотная сторона заключалась в том, что достигнутый успех трудно было использовать. Силы Юго-Западного фронта оказались рассредоточенными. Их непросто было собрать в кулак для развития наступления в наиболее выгодном направлении. Да и конкретных планов дальнейшего продвижения с целью достижения стратегических результатов не было ни у Ставки, ни у командования фронтом. Ведь наступление Брусилова задумывалось как вспомогательное.

Развивая успех и отразив контратаки неприятеля, русские войска вышли на рубеж реки Стрыпа, а потом с помощью подошедших с других фронтов подкреплений захватили город Бучач и Буковину со столицей провинции Черновца-

ми. Бреши в австрийском фронте пришлось заделывать срочно переброшенными, в том числе и с территории Рейха, германскими подкреплениями. Австрийцы же прекратили удачно развивавшееся наступление на итальянском фронте. Однако русская Ставка только 3 (16) июня решила сосредоточить все усилия на развитие успеха Брусилова, признав Юго-Западный фронт главным. К тому времени сильная группировка австро-немецких войск была сосредоточена в районе Ковеля и смогла удержать этот важнейший железнодорожный узел, падение которого ставило под угрозу устойчивость всего Восточного фронта Центральных держав. Ставка и Брусилов, все еще рассчитывая на успешное наступление Западного фронта, часто отдавали войскам противоречивые приказы, концентрируя наступление то на ковельском, то на львовском направлениях. Это облегчило австро-германскому командованию задачу восстановления сплошной линии фронта. Для укрепления боеспособности австро-венгерской армии в ее боевые порядки были введены германские дивизии, а непосредственно к частям прикомандированы германские офицеры, передававшие союзникам свой опыт. Кроме того, немцы занялись обучением австро-венгерских пополнений.

К концу июля (ст. ст.) войска Брусилова захватили до 380 тысяч пленных, заняли Станислав и вышли на рубеж реки Стоход. К тому времени противник сосредоточил здесь значительные силы, и дальнейшие атаки, продолжавшиеся с перерывами до начала октября, не принесли существенных успехов, но стоили больших потерь, которые в итоге превысили австро-германские. Истощение сил и, в частности, почти полное уничтожение посланных на Юго-Западный фронт отборных гвардейских полков, из которых сформировали Особую армию, подорвали способность русской армии к дальнейшей борьбе. Как отмечал полковник лейб-гвардии Финляндского полка Дмитрий Ходнев: «К февралю 1917 года, понеся за время войны страшные потери, гвардейская пехота как таковая почти перестала существовать! «Старых» — кадровых офицеров, подпрапорщиков — фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых «мирного» времени, получивших

в родных полках должное воспитание — «добрую закваску», понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, — увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять—двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход 70—75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800—2000 мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала как солома, брошенная в пылающий костер... Перебрасываемая постоянно с одного участка фронта на другой... посылаемая... в самые опасные, тяжелые и ответственные места, гвардия все время уничтожалась... Будь гвардейская пехота не так обессилена и обескровлена, будь некоторые ее полки в Петрограде — нет сомнения, что никакой революции не случилось бы, так как февральский бунт был бы немедленно подавлен».

В период с мая по декабрь 1916 года войска Юго-Западного фронта потеряли убитыми 201 тысячу солдат и офицеров, ранеными — 1091 тысячу и пропавшими без вести (главным образом — пленными) — 153 тысячи. Австро-венгерские войска за тот же период в операциях против Юго-Западного фронта, а также в сражении под Барановичами с войсками Западного фронта и на румынском фронте потеряли 45 тысяч солдат и офицеров убитыми, 216,5 тысячи ранеными и около 378 тысяч пленными. Потери германских войск, действовавших против Юго-Западного фронта, достигли примерно 39 тысяч пленными и 101 тысячи убитыми и ранеными. Соотношение по пленным было в пользу русских войск — 2,7:1. Зато убитых в армиях Центральных держав было в 3,3 раза меньше, чем в русской армии, а раненых — в 3,6 раза меньше. К столь большим потерям привел разрозненный по частям ввод резервов для развития первоначального успеха под Луцком. В недостаточно подготовленных лобовых атаках русская армия достигла крайней стадии истощения. С осени 1916 года начался призыв 16—17-летних юношей, составивших основной костяк запасных частей накануне Февральской революции 1917 года.

Под влиянием успеха Брусилова 27 августа 1916 года войну Центральным державам объявила Румыния. Однако плохо подготовленная румынская армия была очень быстро разгромлена совместным натиском австрийских, германских, болгарских и турецких войск с юга из Болгарии и с запада из Трансильвании. России пришлось взять на себя румынский фронт, перебросив туда часть войск с Юго-Западного фронта.

После того как 4 декабря пал Бухарест, 12 декабря германское правительство выступило с предложением немедленно приступить к мирным переговорам на принципах, способных «обеспечить существование, честь и свободу развития народов». Поскольку предложения Германии не содержали никаких конкретных и определенных обещаний освободить оккупированные территории, страны Антанты их отвергли, заявив, что мир невозможен «до тех пор, пока не обеспечено восстановление нарушенных прав и свобод, признание принципа национальностей и свободного существования малых государств».

В 1916 году произошло единственное генеральное сражение двух крупнейших флотов — германского «Флота открытого моря» и британского Гранд-Флита (Большого флота) — Ютландский бой, состоявшийся 31 мая — 1 июня. Командующий германским «Флотом открытого моря» адмирал Шеер собирался совершить набег на английский порт Сандерленд на восточном побережье, рассчитывая вызвать на генеральное сражение весь или часть британского Гранд-Флита. Но плохая погода воспрепятствовала рейду на Сандерленд. Тогда Шеер решил отправиться к берегам Норвегии, надеясь встретить там часть Гранд-Флита и нанести противнику тяжелые потери. О германских приготовлениях стало известно британскому адмиралтейству. 30 мая Гранд-Флит покинул свои базы и направился к Ютландскому побережью. Его командующий адмирал Джеллико не подозревал, что здесь он встретится со всем германским флотом. Также и Шеер не знал, что навстречу ему движется весь британский флот. Столкновение двух флотов произошло во многом случайно. Сражение началось в 14 часов 30 минут 31 мая с боя авангардов. Германский авангард попытался навести эскадру адми-

рала Битти на главные силы Шеера. В ходе боя авангардов немцы потеряли два эсминца, а англичане — два линейных крейсера и два эсминца. Адмирал Шеер не успел расправиться с неприятельским авангардом до подхода главных сил Гранд-Флита. В столкновении с ними немцам удалось не проиграть и в конце концов выйти из боя с превосходящим по мощи неприятельским флотом. Они потеряли 1 линейный крейсер, 1 легкий крейсер и 2 эсминца, англичане — 1 линейный крейсер, 2 броненосных крейсера, а еще 2 британских линкора были повреждены. Завершением сражения стал ночной бой между отдельными кораблями. В ходе этих столкновений немцы потеряли один устаревший линкор, 3 легких крейсера и 2 эсминца, англичане — 1 броненосный крейсер и 5 эсминцев. На рассвете 1 июня, когда немецкие корабли уже ушли за пределы досягаемости Гранд-Флита, один германский линкор подорвался на английской мине, но своим ходом дошел до базы. В целом Ютландский бой закончился вничью, хотя потери англичан и превысили немецкие. Английский флот лишился 3 линейных и 3 броненосных крейсеров, 1 лидера и 7 эскадренных миноносцев и около 7 тысяч членов экипажа убитыми, ранеными и пленными. Немцы потеряли 1 линейный и 4 легких крейсера, 5 эсминцев и 1 устаревший линкор, не имевший большого боевого значения. Потери немецкого флота в людях составили 3 тысячи человек. В Ютландском бою сказалось превосходство в боевой подготовке германских моряков и качественное превосходство германской артиллерии. Однако из-за общего численного превосходства британского флота (имевшего 28 линкоров-дредноутов против 16 у немцев) это сражение не имело стратегического значения. Германскому флоту так и не удалось прорвать морскую блокаду, установленную Антантой с началом войны. После Ютландского боя немцы сделали основную ставку на подводные лодки.

К концу 1916 года положение Германии и ее союзников, несмотря на видимые успехи на поле боя, оказалось весьма тяжелым. Перспективы достижения решительной победы не было, а последствия блокады и постепенного истощения людских и продовольственных ресурсов сказывались все

более явственно. Все основные виды продовольствия нормировались и выдавались строго по карточкам. Миллионы немецких обывателей сидели на картошке, ячменном эрзац-кофе и морковном эрзац-чае. Падал и моральный дух германской армии. Ф. Шейдеман 17 января 1917 года записал в дневнике: «Циммерман пригласил меня для беседы в МИД. Он был очень откровенен и сказал приблизительно следующее:

«Жребий брошен. 1 февраля начинается беспощадная подводная война. За нее высказалось главное командование. Гинденбург и Людендорф заявили, что, независимо от других выгод, подводная война послужит им стимулом для наших войск. Строго конфиденциально: мораль в армии сильно упала. То, что пережито нами несколько недель назад под Верденом, было самым болезненным за всю войну. Четыре французские дивизии обратили в бегство и взяли в плен пять наших дивизий. Военное начальство утверждает, что это следствие разговоров о мире. Армия убеждена, что скоро будет мир, для чего же приносить себя в жертву? Людендорф доказал, что это совершенная нелепость».

Характерно, что и Гинденбург с Людендорфом не верили в практическую эффективность неограниченной подводной войны и рассматривали ее больше в качестве некоего морального стимула к борьбе для измученного войной населения. Жестоко страдающие от войны немцы должны были утешиться тем, что главный виновник их бед, Англия, теперь вынуждена будет испытать все тяготы войны, когда германские подводные лодки будут топить все суда, направляющиеся к берегам «коварного Альбиона».

Тем не менее с 1 февраля 1917 года была объявлена неограниченная подводная война. Немецкие субмарины топили теперь все суда, шедшие на Британские острова, в том числе нейтральные. Это, равно как и революция в России, ускорило вступление в войну на стороне Антанты США. 6 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. В США опасались, что Антанта может потерпеть поражение или хотя бы свести войну «вничью». Это не только поставило бы под угрозу американские вложения в военное производство для со-

юзников, но и сохранило бы Германию в качестве главного торгового и промышленного конкурента Соединенных Штатов. С вступлением США в войну поражение Центральных держав было предопределено, так как ресурсы Антанты неизмеримо возросли.

С этого момента военно-политическое руководство Германии, если бы оно трезво оценивало ситуацию, должно было бы в срочном порядке искать компромиссного мира с Антантой на основе довоенного статус-кво и даже с возможной уступкой части германских колоний. Ведь американские верфи и военно-морской флот были в состоянии быстро восполнить самые неблагоприятные последствия неограниченной подводной войны. Однако в Германии надеялись, что благодаря революции в России и вызванному этим падению боеспособности русской армии удастся перебросить достаточно войск с Востока на Запад и достичь там решающего успеха до того, как в бой вступят в массовом количестве американские подкрепления.

К концу февраля 1917 года, когда в России произошла революция, положение на фронте было стабильным. Продолжалась однообразная позиционная война, способствовавшая падению морального духа войск. Еще с осени 1916 года в русской армии резко усилились антивоенные настроения. Солдаты устали от войны, целей которой они не понимали, а почти все кадровое офицерство оказалось к тому времени выведено из строя. Офицеры же военного времени — выпускники школ прапорщиков зачастую не имели необходимого командирского опыта и авторитета у подчиненных. Вследствие больших потерь в кампании 1916 года пришлось досрочно призвать 1,9 млн. человек. Предназначенных к призыву в 1917 году 1,4 млн. человек не хватало даже для укомплектования запасных батальонов. Росло недовольство войной и властями. В ноябре 1916 года один из офицеров расположенной в Могилеве Ставки писал в Думу: «Дайте нам мир — вот лозунг теперешних солдат». В сводке настроений в армиях Западного и Северного фронтов, представленной в начале 1917 года правительству Министерством внутренних дел, отмечалось: «Возможность того, что войска бу-

дут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страной». Из-за нараставшего расстройства транспорта в конце 1916 года фронты получали только 61% требуемого продовольствия, а в феврале 1917 года — лишь 42%. Накануне революции на ближайшем к Петрограду Северном фронте продовольствия осталось всего на два дня.

28 февраля (13 марта) 1917 года Временный комитет Государственной думы обратился к армии и флоту с призывом «сохранить полное спокойствие», пообещав, что «общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено». От войск требовали «так же стойко и мужественно, как доселе... продолжать дело защиты своей Родины». Сменившее Временный комитет Временное правительство подтвердило лозунг: «Война до победного конца!» Однако революция посеяла в армии семена разложения, давшие быстрые всходы на подготовленной почве. Германское руководство надеялось, что быстрое падение боеспособности русской армии заставит Россию заключить сепаратный мир. О возможности же «революционизирования» собственных войск под влиянием русского примера оно еще не задумывалось. 22 мая главнокомандующий немецким Восточным фронтом фельдмаршал принц Леопольд Баварский предложил России объявить перемирие и начать переговоры о мире. Временное правительство эти предложения отвергло. Тем не менее стремление к миру в войсках нарастало. Сразу после революции началось стихийное братание солдат воюющих сторон, что встретило одобрение австро-германского командования. Братание, как надеялись немцы и их союзники, должно было ускорить разложение русской армии. Бойцы сходились на нейтральной полосе между окопами, мирно общались, обменивались подарками. Путь к восстановлению боеспособности армии Временное правительство видело в организации победоносного наступления. Опытные генералы и офицеры к успеху подобного замысла относились крайне скептически. Будущий донской атаман и известный писатель, а тогда командир 2-й Сводной казачьей

дивизии генерал Петр Краснов вспоминал: «Меня спросили, как я смотрю на переход в наступление революционными войсками, с комитетами во главе. Я ответил, что, как русский человек, я очень хотел бы, чтобы оно завершилось победою, но, как военному, сорок лет верившему в незыблемость принципов военной науки, мне будет слишком больно сознавать, что я сорок лет ошибался». О ненадежности армии предупреждал и Верховный Главнокомандующий М. В. Алексеев, 16 (29) апреля писавший военному министру А. И. Гучкову: «С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о «прекрасном» настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольщение. Надо называть вещи своими именами, и это должны сделать Временное правительство, трезвая печать, общество, все партии, пользующиеся авторитетом масс и коим дорога свобода народов, населяющих Россию». Однако решение о начале наступления все-таки было принято.

Первоначально русское наступление должно было проходить одновременно с наступлением союзников — в апреле 1917 года, но революция в России нарушила согласованные планы. В результате на Западном фронте англичане и французы пошли в наступление тогда, когда на Восточном фронте боевые действия фактически прекратились. Новый французский главнокомандующий генерал Нивель, сменивший на этом посту маршала Жоффра, рассчитывал отвлекающими ударами на участках Аррас — Бапом и между Соммой и Уазой сковать германские резервы, а основной прорыв осуществить между Реймсом и Суассоном. Затем предполагалось окружить немцев на Нуайонском выступе, замкнув кольцо у Сен-Кантена. Но германское командование, предвидя подобный замысел Антанты, отвело свои войска из-под Нуайона на заранее оборудованную позицию Зигфрида по линии Аррас — Сен-Кантен — Ла-Фер. Этот отход, названный в честь хитроумного карлика из «Саги о Нибелунгах» операцией «Альберих», был успешно осуществлен в феврале — марте 1917 года, причем оставляемая территория была основательно разрушена, особенно мосты и железные дороги, а значительная часть трудоспособного французского на-

селения принудительно эвакуирована. Так впервые в XX веке была применена в широком масштабе тактика «выжженной земли». Она сильно затруднила последующее наступление союзных войск.

Глубина германской обороны составляла 15 км. За передовыми позициями, представлявшими собой траншеи охранения и обнесенные колючей проволокой пулеметные гнезда, находилась главная полоса. Она состояла из двух-трех линий траншей, перед каждой из которых располагались проволочные заграждения шириной до 30 м. Вторая полоса обороны была усилена лишь частично, на наиболее угрожаемых участках. Третья же, тыловая полоса еще не представляла собой сплошной линии окопов. Союзники с опозданием обнаружили отход германских войск и не смогли организовать эффективного преследования. К началу наступления союзники на всем Западном фронте имели 62 пехотные английские, 109 пехотных французских, 6 пехотных бельгийских и 2 пехотные португальские дивизии, а также 5 английских, 2 бельгийские и 7 французских кавалерийских дивизий общей численностью в 4,5 миллиона человек. Немцы могли противопоставить им только 151,5 пехотной дивизии с гораздо худшей укомплектованностью, общей численностью 2,7 миллиона человек. В артиллерии превосходство союзников также было подавляющим. Они располагали 10 209 легкими и 7134 тяжелыми орудиями, а немцы, соответственно, — 6185 и 4820 орудиями. Если бы не слабость России, где революция вызвала ускоренное разложение армии, положение Центральных держав можно было бы считать безнадежным. Но революция и выход России из войны затянули мировую войну примерно на год.

9 апреля 1917 года началось вспомогательное наступление англичан у Арраса. Однако несколькими днями ранее немецким разведчикам удалось захватить «языка» с приказом, раскрывающим план операции. Поэтому германское командование заранее знало, что удар англичан имеет вспомогательный характер, и не тратило на его отражение свои резервы. Английским войскам удалось овладеть первой оборонительной позицией, но потом нарушилось взаимодейст-

вие пехоты и артиллерии. Орудия трудно было перемещать по изрытому воронками от снарядов полю боя, и немцы, отошедшие с передовых позиций, успели выстроить крепкую оборону. Танки вязли в грязи и не могли оказать наступающим эффективную поддержку. Главный удар французских войск последовал 16 апреля после 9-дневной артиллерийской подготовки. Немецкие войска заранее отошли на главную полосу обороны вне досягаемости артиллерии противника. Французская пехота была встречена огнем неподдавленных немецких орудий и пулеметов. Наступлению мешала ненастная погода — начавшиеся дожди с метелями. Не помогла и атака 128 французских танков типа «Шнейдер». Почти все они были подбиты германской артиллерией и авиацией. Уцелело не более 10 машин. Опять продвижение как французов, так и англичан исчислялось немногими километрами, за которые приходилось щедро платить солдатской кровью. Оперативного прорыва достичь так и не удалось. В мае по настоянию французского правительства, извещенного об огромных жертвах, наступление было прекращено. Англичане потеряли убитыми и ранеными 160 тысяч человек, французы — 180 тысяч, а немцы — лишь 134 тысячи. Кроме того, 29 тысяч германских солдат попали в плен. Примерно такими же были потери пленными у союзников. Участвовавшие в наступлении две русские бригады потеряли убитыми и ранеными 5183 человека.

Провал наступления привел к отставке Нивеля, замененного Петэном, и к волнениям во французской армии. Отдельные полки отказались идти в бой, а некоторые части захватывали грузовики и поезда, чтобы добраться до Парижа и предъявить правительству требования о немедленном заключении мира. 30 мая солдаты 36-го и 129-го полков попытались прийти на помощь бастовавшим парижским рабочим, но были отогнаны артиллерийским огнем. Для подавления волнений Петэну в июле пришлось ввести смертную казнь за отказ повиноваться своим командирам. Ему удалось не допустить открытого мятежа во французской армии, но на несколько месяцев она утратила способность к наступательным операциям. Атаки с ограниченными целями продолжали

только англичане, в начале июня добившиеся тактического успеха у Мессин. В июле и августе английским и французским войскам с помощью танков удалось одержать несколько частных побед. В октябре французам удалось срезать Мальмезонский выступ, захватив 11 тысяч пленных. Этот успех поднял боевой дух армии.

В тот момент положение в Германии было незавидным. В апреле 1917 года прошли первые голодные забастовки рабочих Берлина и Лейпцига. Но власти все-таки еще не опасались, что русский пример может привести к революционному взрыву.

Новое крупное наступление на Западном фронте союзники смогли предпринять только в ноябре. У Камбре 3-я английская армия в составе 8 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, подкрепленная 3 танковыми бригадами, должна была овладеть городом и отвлечь немецкие силы от итальянского фронта, где итальянцы подверглись разгрому у Капоретто. Для немцев, располагавших лишь 4 пехотными дивизиями, наступление оказалось внезапным. Утром 20 ноября под покровом тумана 378 английских танков двинулись к неприятельским позициям. Германская пехота в панике отступила. К полудню англичане вклинились на 6—8 км в позицию Зигфрида. Однако конница для развития прорыва была введена с полуторачасовым опозданием. У Камбре разрозненно действовавшие эскадроны были рассеяны пулеметным огнем. Затем немецкая пехота сумела закрыть прорыв. В первый день боев англичане захватили более 8 тысяч пленных и 100 орудий, понеся лишь незначительные потери. Но в последующие дни, с подходом германских резервов, наступление замедлилось. Для борьбы с танками немцы применили пушки, установленные на грузовиках, а также зенитные орудия. Самолеты пытались поразить бронированные машины фосфорными зажигательными пулями, но это им редко удавалось. 29 ноября англичане были окончательно остановлены. К тому времени против 10 английских дивизий немцы располагали 16. 29 ноября они нанесли контрудар, стремясь окружить прорвавшиеся английские части. Англичане поте-

ряли 9 тысяч пленными, 148 орудий и 100 танков, но избежали окружения и к 5 декабря отошли на исходные позиции.

На Балканах силы Антанты увеличились благодаря вступлению в войну на ее стороне Греции. Еще в сентябре 1916 года англо-французские войска фактически оккупировали Грецию. В июне 1917 года прогермански настроенный греческий король Константин по требованию союзников отрекся от престола. Его сын назначил премьером Антантафила Венизелоса. Греция объявила Германии войну. На Салоникский фронт прибыли 2 греческие дивизии. Здесь предполагалось перейти еще в мае в наступление с решительными целями. Однако неудачи во Франции и в России побудили Антанту придерживаться в Салониках оборонительного образа действий. Широкомасштабное наступление на Балканах было предпринято только осенью 1918 года, когда уже определился перелом на Западном фронте.

В России новый военный министр Александр Керенский и новый Верховный Главнокомандующий генерал Алексей Брусилов настаивали на том, что главный удар должен быть нанесен на Юго-Западном фронте, а вспомогательные — на всех остальных фронтах, чтобы вовлечь всю массу солдат в бои и отвлечь ее от разлагающего влияния политизированного тыла. Керенскому и другим правительственным агитаторам из числа меньшевиков и эсеров удалось убедить солдатские комитеты всех фронтов и армий поддержать наступление, одобренное также всероссийскими съездами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Керенский говорил солдатам: «Ваша армия при монархе совершала подвиги. Неужели она при республике окажется стадом баранов?»

На этот раз русские войска обладали не только численным, но и техническим перевесом над противником. Так, на Юго-Западном фронте, где наступление началось 18 июня (1 июля), превосходство по людям было в полтора раза, а по орудиям — в 1,3 раза. Артиллерийские снаряды имелись в избытке. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал А.С. Лукомский писал в мемуарах: «На успех надеялись вследствие сосредоточения на фронте значительной артиллерии и считали, что, может быть, при поддержке могу-

шественного артиллерийского огня части пойдут вперед, а победа даст и все остальное». Расчеты не оправдались. Наступление провалилось, хотя началось довольно успешно. Войска 8-й армии под командованием генерала Лавра Корнилова, хотя и наносили по плану вспомогательный удар, смогли продвинуться дальше всех и овладеть городами Галич и Калуш. Однако другие армии осуществили лишь незначительное продвижение вперед. Многие части отказывались продолжать наступление. Солдаты самовольно покидали позиции. Приказы командования обсуждались на митингах и чаще всего не выполнялись. Участились убийства офицеров. Оставшись без поддержки соседей, Корнилов 3 (16) июля вынужден был оставить Калуш. Через три дня последовал мощный контрудар австро-германских войск на Тернополь. Еще в апреле—мае немцы отразили генеральное наступление англо-французских войск и имели возможность перебросить необходимые подкрепления с Западного фронта. В первый же день войска 11-й армии не выдержали натиска врага и обратились в бегство, вскоре ставшее паническим. 9 (22) июля исполнительные комитеты Юго-Западного фронта известили правительство: «В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями сознательного меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи. Уговоры и убеждения потеряли силу, на них отвечают угрозами, а иногда и стрельбой. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. Были случаи, что отданные приказания спешно выступить в поддержку обсуждались часами на митингах, почему поддержка опаздывала на сутки... На протяжении сотен верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них, здоровых, бодрых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными». Назначенный командующим фронтом Корнилов не смог остановить отхода вплоть до реки Збруч, на которой фронт стабилизировался в середине июля. 21 июля (3 августа) австро-венгерские части выбили русских из Черновиц. Дальнейшему наступлению на восток армий

Центральных держав помешали трудности снабжения, так как отступающие основательно разрушили железные дороги. Кроме того, теперь, как надеялось германское руководство, процесс разложения русской армии станет необратимым и незачем перебрасывать на восток боеспособные дивизии с Запада.

Позднее, в начале сентября (н. ст.), немецкие войска предприняли частное наступление против Северного фронта и овладели Ригой. Русское командование заранее знало время и место предстоящей атаки, но эффективных контрмер предпринять не смогло из-за нежелания солдат драться и собственной нерешительности. Немцы не стали преследовать отходящие в беспорядке части 12-й армии, поскольку собирались перебросить часть сил с Восточного на итальянский фронт. Последней операцией Германии против России в 1917 году стал захват Моонзундских островов в Рижском заливе, куда в октябре был высажен 25-тысячный десант. Его поддерживали 10 дредноутов, включая новейшие линкоры класса «Баден» из состава «Флота открытого моря». Русский Балтийский флот мог противопоставить им лишь два устаревших линкора. После упорного сопротивления русский гарнизон был эвакуирован. Балтийский флот потерял линкор «Слава» и эсминец «Гром», немцы — несколько миноносцев. В Моонзундском проливе русские моряки затопили несколько судов, и противник не смог ими воспользоваться. Начальник штаба германского Верховного командования П. Гинденбург назвал Моонзундскую операцию «единственной совершенно удавшейся совместной операцией армии и флота» за всю войну.

В октябре, когда солдаты уже толпами покидали фронт, неизбежность скорой военной и политической катастрофы стала ясна новому военному министру генералу Александру Верховскому. Единственное спасение он видел в немедленном начале совместных с союзниками переговоров о мире, надеясь, что, пока они будут длиться, «можно рассчитывать на воссоздание боевой мощи армии, что, в свою очередь, благоприятно отразится на самих условиях мира». Министр рассчитывал, что «весть о скором мире не замедлит внести в

армию оздоравливающие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию и на фронте, и в тылу». Поскольку Англия, Франция и США не собирались в тот момент идти на мир с Германией, предложения Верховского не имели шансов на успех. Временное правительство в ночь с 20 на 21 октября (ст. ст.) отвергло их и отправило Верховского в отставку. Преемника назначить ему уже не успели из-за захвата власти большевиками 25 октября.

После успеха под Ригой германское командование сосредоточило усилия на помощи Австро-Венгрии на итальянском фронте. Здесь итальянцы предприняли в 1917 году еще два наступления на Изонцо, не принешие решительных результатов. Германия направила на помощь Австро-Венгрии 7 дивизий и значительное количество артиллерии, чтобы нанести решающее поражение итальянской армии и не допустить повторения с ее стороны широкомасштабных наступательных операций. Главный удар в районе Капоретто наносила 14-я армия германского генерала Белова из 8 австрийских и 7 немецких дивизий. Наступление началось утром 24 октября. Атака не была неожиданной для итальянцев, но они не смогли оказать достойного сопротивления. В первый же день австрийцы захватили Капоретто. Уже на второй день ширина прорыва достигла 30 км, а глубина — 15 км. Итальянские войска в беспорядке отходили. Англия и Франция уже 30 октября вынуждены были начать отправку на помощь итальянцам 11 дивизий. Итальянское командование рассчитывало задержать противника на реке Тальяменто в 60 км от Изонцо, но в ночь на 3 ноября австро-германские войска форсировали ее, и итальянцам пришлось отходить до реки Пьяве. Здесь 9 ноября фронт стабилизировался, а 19-го наступление Центральных держав окончательно остановилось. В сражении при Капоретто итальянцы потеряли 10 тысяч убитыми, 30 тысяч ранеными и 265 тысяч пленными, половину всей своей артиллерии, 22 авиационных парка и много другого имущества.

8 января 1918 года, чтобы ослабить эффект от советских призывов к миру без аннексий и контрибуций, президент США Вудро Вильсон в послании конгрессу изложил про-

грамму мирного урегулирования, названную впоследствии «Четырнадцатью пунктами Вильсона». Эта программа предусматривала изменение европейских границ по этническому принципу, освобождение Центральными державами всех оккупированных территорий, возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, образование независимой Польши, предоставление широкой политической автономии народам Австро-Венгрии и Турции, открытие черноморских проливов для судов всех стран. Поскольку все эти предложения были явно в пользу Антанты, страны Четверного союза их отвергли.

Партия Ленина пришла к власти под лозунгом: «Мир без аннексий и контрибуций!» И первым постановлением новой власти стал Декрет о мире, содержащий обращение ко всем воюющим странам немедленно начать мирные переговоры. «Продолжать эту войну, — говорилось в декрете, — из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на... равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях». 7 (20) ноября 1917 года нарком иностранных дел Лев Троцкий обратился к государствам Антанты и Четверного союза с предложением заключить общий мир. Через два дня советское правительство призвало все солдатские комитеты и всех солдат самостоятельно устраивать локальные перемирия. С этого момента прекращение огня было фактически установлено на фронтах России со странами германского блока. Страны Антанты отвергли предложение о перемирии и мирных переговорах, а Германия и ее союзники, надеясь избавиться от русского фронта, его приняли.

20 ноября (3 декабря) начались переговоры в Брест-Литовске советской делегации во главе с Адольфом Иоффе с представителями Четверного союза. Немецкую делегацию возглавлял начальник штаба Восточного фронта М. Гофман. 2 (15) декабря было заключено официальное перемирие. 9 декабря открылась мирная конференция, на которой немецкую делегацию возглавил статс-секретарь министерства

иностранных дел Рихард фон Кюльман, а австрийскую — министр иностранных дел граф Оттокар фон Чернин. Центральные державы формально соглашались на мир без аннексий и контрибуций, но лишь при условии, что такую же позицию займут и государства Антанты. Однако при этом Германия настаивала на сохранении своих колоний и считала, что оккупация Польши, Литвы и Курляндии должна продолжиться до заключения всеобщего мира. 27 декабря 1917 года (9 января 1918 года) советскую делегацию возглавил Троцкий. Ленин сказал ему: «Для затягивания переговоров нужен затягиватель». Такой и была одна из функций Троцкого в Бресте. Другая, не менее важная заключалась в пропаганде на конференции идей мировой пролетарской революции, поскольку подробные отчеты о конференции публиковались в германских и австро-венгерских газетах. Насчет возможности продолжать войну Ленин и Троцкий нисколько не заблуждались. Последний вспоминал: «Когда я в первый раз проезжал через линию фронта на пути в Брест-Литовск, наши единомышленники в окопах не могли уже подготовить сколько-нибудь значительной манифестации протеста против чудовищных требований Германии: окопы были почти пусты». Троцкий надеялся, что германское командование не рискнет двинуть войска в бой против предлагающей мир советской России, и рассчитывал, что революция в Германии грянет в ближайшие месяцы (потому большевики и затягивали переговоры). Он считал необходимым опровергнуть слухи о сговоре большевиков с германским правительством, распространявшиеся среди мировой социал-демократии. Для этого Троцкий изобрел формулу: «Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». Ленин боялся, что немцы все-таки возобновят наступление. Троцкий заявил: «Тогда мы вынуждены будем подписать мир. Но тогда для всех будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар легенде о нашей закулисной связи с Гогенцоллерном. Конечно, тут есть свои плюсы. Но это слишком рискованно. Если бы мы должны были погибнуть для победы германской революции, мы были бы обязаны это сделать. Германская революция неизме-

римо важнее нашей. Но когда она придет? Неизвестно. А сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция. Ее надо обезопасить во что бы то ни стало».

Но революция в Германии прежде военного поражения так и не случилась. Германская сторона сочла, что отказ от подписания мира дает достаточно оснований для прекращения перемирия. 18 февраля немецкие и австро-венгерские войска начали наступление и быстро продвигались вперед, практически не встречая сопротивления. 20 февраля Гофман записал в дневнике: «Свинства в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шесть солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы». 24 февраля немцы заняли Псков, 1 марта — Киев, 3 марта — Нарву. На Украине интервенты 29 апреля свергли Центральную Раду и привели к власти генерала царской армии Павла Скоропадского, провозглашенного «гетманом всея Украины». Центральная Рада перестала устраивать Германию и Австро-Венгрию из-за своей аграрной политики. Социалисты, преобладавшие в Раде, хотели провести аграрную реформу и разделить помещичьи и кулацкие земли между крестьянами. Центральные же державы считали, что из крупных хозяйств легче будет забирать продовольствие для голодающего населения Берлина и Вены.

Петроград решено было не брать, поскольку сил для оккупации России у Германии и ее союзников все равно не было, а по сравнению с хаосом предпочтительнее было иметь все же правительство большевиков, от которого ожидали поставок сырья и продовольствия и выплаты контрибуции золотом после неизбежного заключения мира. Теперь Троцкий всецело поддержал Ленина в необходимости достижения мира любой ценой. 19 февраля советская сторона заявила о принятии прежних германских условий. Однако 21 февраля немцы выдвинули иные, гораздо более тяжелые условия. 3 марта новый глава советской делегации Григорий Сокольников подписал Брестский договор, отказавшись от каких-либо дискуссий по отдельным статьям. Германия удерживала

за собой все оккупированные территории до заключения всеобщего мира, а Россия навсегда отказывалась от Польши и Прибалтики и должна была признать независимость Украины и Финляндии, где находились германские войска. Турции возвращались Батум, Ардаган и Карс. Хотя 15 марта Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор, немецкие войска в апреле и начале мая захватили Крым и Ростов-на-Дону, а в конце мая — начале июня — Грузию. 15 сентября турецкие войска вошли в Баку. Кроме того, по дополнительному договору от 27 августа 1918 года Германия должна была получить от России контрибуцию в 6 млрд. марок.

13 ноября после капитуляции Германии Брестский мир был аннулирован. Ленин называл его «несчастливым миром» и рассматривал как необходимую передышку для становления новой власти. На VII экстренном съезде партии, созванном 6 марта 1918 года для рассмотрения договора с Центральными державами, он убеждал своих товарищей: «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы... Некоторые определенно, как дети, думают: подписал договор, значит, продан сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил». Ленин был уверен, что скорая революция в Германии превратит Брестский договор в клочок бумаги, и не ошибся в расчетах.

После выхода России из войны положение Румынии стало безнадежным. С согласия других держав Антанты она заключила 5 марта 1918 года предварительный договор о мире, а 27 мая — Бухарестский мирный договор, по которому уступала Южную Добруджу Болгарии и ряд пограничных территорий Австро-Венгрии. Северная Добруджа переходила под совместное управление государств Четверного союза. Взамен Румыния получила российскую Бессарабию.

Высвободившиеся после выхода из войны России силы Германия бросила на Западный фронт в попытке достичь там решающего успеха до того, как на европейском театре

появятся большие контингенты американских войск. К середине марта 1918 года германские войска на Западе насчитывали 194,5 дивизии, а войска Антанты — 186 дивизий. Единственный раз за всю войну немцам удалось достичь здесь небольшого численного превосходства. 21 марта началось германское наступление в Пикардии. За 5 дней боев немцы прорвали фронт на стыке 5-й английской армии, отступавшей к морю, и 6-й французской, отходившей на Париж. Между ними образовался 15-километровый разрыв. Немцам была открыта дорога на Амьен, до которого осталось всего 35 км. Но 26 марта все английские и французские войска во Франции и Бельгии были подчинены французскому генералу Фошу. Налаженная наконец координация действий союзных армий позволила сосредоточить резервы у Амьена и остановить продвижение противника. К 5 апреля боевые действия в Пикардии прекратились. Немцам удалось продвинуться до 60 км в глубину на фронте в 70 км, отвоевав территорию, оставленную в ходе отступления в 1917 году. Но впервые немцы потеряли больше, чем союзники, — 240 тысяч человек против 212 тысяч. Позволить такое соотношение потерь длительное время они не могли, поскольку значительно уступали своим врагам по людским ресурсам.

Следующий удар немцы нанесли 9 апреля во Фландрии, где 29 германским дивизиям противостояли 17 английских. Бои продолжались до 29 апреля. Немцам удалось достичь вклинения в 18 км глубиной, но от плана прижать к морю и уничтожить английские армии пришлось отказаться. Потери союзников достигли 112 тысяч человек, потери немцев — 86 тысяч. Уже во время боев во Фландрии и Пикардии были случаи, когда отдельные французские и германские полки отказывались идти в бой и требовали заключения мира. Разложение не коснулось лишь британской армии, сформированной вокруг крепкого ядра добровольцев-профессионалов.

Между тем наиболее трезвомыслящим и осведомленным представителям германского военного руководства неизбежность окончательного поражения Германии стала ясна уже в начале 1918 года. Фельдмаршал Гинденбург еще в мае 1918 го-

да в письме жене признавался, что «не виноват, если эту войну мы не окончим с выгодой для нас», а в начале 30-х признался в частной беседе: «Я еще в феврале 1918 г. знал, что война проиграна». Полководец понимал, что участие Америки с большим избытком компенсирует выход из войны России и теперь любое самое успешное наступление немцев на Западном фронте не может склонить Францию и Англию к компромиссному миру. Тем не менее Гинденбург и Людендорф бросили войска в еще одно безнадежное наступление на Западе. А большинство населения империи верило в победу почти до самого конца. По мнению немецкого историка и публициста Себастиана Хаффнера, «вплоть до конца лета 1918 г. для рядового немца «после войны» означало после победы или, во всяком случае, после заключения мира по соглашению. Мысль о возможном поражении никогда не воспринималась всерьез. Разве на протяжении четырех лет не одерживались непрерывные победы? Разве повсеместно немецкие армии не находились на вражеской территории? Разве не удалось совсем недавно заставить Россию пойти на заключение мира? Для людей в Германии война воплощалась в голоде, переживании за тех, кто находится «там», на фронтах, и в сообщениях об одержанных победах. Люди держались, буквально стиснув зубы, продолжали бороться, голодать и надрываться, полные ярости против тех, кто, несмотря на все победы, не желал заключать мир. Но чтобы при всем том можно было еще и проиграть войну — этого не допускал никто». Поэтому неожиданная и быстрая развязка привела монархию Гогенцоллернов к немедленному и полному краху.

Тем временем 27 мая 1918 года германские войска атаковали на реке Эна, но опять достигли только тактических успехов. Людендорф позднее подчеркивал вспомогательный характер этой операции: «Я надеялся, что этот удар обусловит такой расход сил неприятеля, который даст нам возможность продолжить наступление во Фландрии». Германское военное руководство не оставляло надежд сбросить британские армии в море и тем принудить Англию к сепаратному миру. В результате наступления на реке Эна французскому

командованию пришлось перебросить к месту прорыва 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Успехи, достигнутые в первые дни операции, побудили перенести главные усилия на овладение Парижем. 29 мая немцы овладели Суассоном. К месту боев перебрасывались еще 16 французских дивизий. К 5 июня германские войска подошли к Парижу на расстояние 70 км, в районе Шато-Тьери овладев плацдармом на западном берегу Марны. В ходе сражения немцы потеряли 98 тысяч человек, а союзники — 127 тысяч.

15 июля 1918 года началось последнее наступление германских войск на Западном фронте. Его целью являлось окружение французских войск в районе Реймса. После их уничтожения немцы собирались нанести удар во Фландрии. Французское командование заранее узнало о готовящемся наступлении на Марне и отвело основные силы с передовых позиций, оставив там лишь боевое охранение. Поэтому германская артподготовка в значительной мере пришлось по пустому месту. Тем не менее немцы смогли форсировать Марну и захватить обширный плацдарм в районе Дормана. На этом их успехи закончились. Окружить реймскую группировку противника не удалось. Уже 17 июля наступление немцев остановилось и так и не было возобновлено, поскольку 18 июля французы начали контрнаступление от реки Урк под основание Марнского выступа. На ход боевых действий на Западном фронте все большее стабилизирующее влияние оказывало прибытие американских войск. Если в начале 1918 года их было всего 200 тысяч человек, то к концу июня американская армия в Европе насчитывала 900 тысяч человек, а в июле ее численность превысила 1 миллион.

18 июля 10-я французская армия нанесла контрудар в районе леса Виллер-Коттерэ. Ее действия поддерживали 1100 самолетов и 500 танков. В первый день наступления ее дивизии продвинулись на 9 км, а левофланговые соединения 6-й армии — на 5 км, создав угрозу железной дороге, проходившей по оси Марнского выступа. 19 июля в наступление перешли 5-я и 9-я французские армии, сковав германские силы по всему фронту выступа. Немцы вынуждены были отойти сперва к реке Урк, а затем к линии рек Эна и Вель.

2 августа французы вернули Суассон, а на следующий день достигли реки Вель. На этом марнское контрнаступление Антанты закончилось. Союзники потеряли 101 тысячу человек, немцы — 60 тысяч.

2 августа Гинденбург и Людендорф санкционировали переход к обороне. Уже 8 августа французские и английские войска под общим командованием британского фельдмаршала Хейга нанесли внезапный удар в районе Амьена. Потери немцев составили 27 тысяч убитыми и пленными. Этот день стал «черным днем» германской армии. Людендорф вспоминал: «Между Соммой и ручьем Люс неприятель глубоко ворвался в наш фронт. Находившиеся там дивизии позволили себя совершенно опрокинуть. Штабы дивизий были захвачены врасплох на своих стоянках неприятельскими танками. Район прорыва скоро расширился за ручей Люс; при этом наши войска, которые еще продолжали храбро драться у Морейля, были опрокинуты фланговым ударом... Офицер Генерального штаба, командированный на поле сражения, описал мне состояние дивизий, на которые 8 августа обрушился удар... От командиров дивизий и строевых офицеров я услышал о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые считал невозможными в германской армии: наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, части в сомкнутом строю складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: «Зачем вы затягиваете войну, вам еще мало?» Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния на солдат и плыли по течению».

К 13 августа союзники продвинулись от 10 до 18 км в глубину и ликвидировали угрозу Амьену. Германская армия была деморализована. 14 августа император Вильгельм принял решение начать мирные переговоры. Однако приступить к ним немцы так и не успели. Наступление союзников развивалось по всему фронту. 2 сентября германскому командованию пришлось отдать приказ об отходе на линию Зигфрида. 12 сентября 1-я американская армия начала операцию по ликвидации Сен-Миельского выступа. К 15 сентября эта задача была выполнена при незначительном сопротивлении

противника. Немцы только пленными потеряли 16 тысяч солдат и офицеров и более 400 орудий, тогда как американские потери не превышали 7 тысяч убитыми и ранеными. Затем Центральные державы ожидала катастрофа на Балканах.

15 сентября 1918 года две французские и одна сербская дивизии перешли в наступление на Салоникском фронте. К вечеру оборона болгар была прорвана. Болгарская армия, страдавшая от жестокого недостатка снабжения, утратила боеспособность и обратилась в бегство. Наступление Антанты развернулось по всему фронту. Сказалось и общее численное превосходство союзников: против 12 болгарских дивизий они выставили 29. За 10 дней наступающие продвинулись на 100 км. К городу Ниш срочно перебрасывались 4 немецкие и 4 австро-венгерские дивизии, но они могли прибыть туда, принимая во внимание состояние путей сообщения на балканском театре, не ранее середины октября. В конце сентября сдалась 11-я болгарская армия. В плен попало 77 тысяч солдат и офицеров. 24 сентября в отступающих болгарских войсках вспыхнуло восстание, которое было подавлено 30 сентября с помощью 217-й германской пехотной дивизии. Однако дальше продолжать войну Болгария не могла. 29 сентября болгарское правительство подписало условия перемирия, равносильные капитуляции. Болгары должны были немедленно очистить территорию Сербии и Греции и демобилизовать армию. Турция оказалась отрезанной от Центральных держав, и судьба ее была решена. 12 октября сербы заняли Ниш, а 1 ноября освободили Белград. В войну вновь вступила Румыния. Союзные войска вторглись в Австро-Венгрию, чья армия стала распадаться по национальному признаку.

Наступление на палестинском фронте английские войска начали 19 сентября 1918 года. К полудню позиции турок были прорваны, и кавалерийский корпус к концу дня продвинулся на 40 км. Голодные и раздетые турецкие войска обратились в бегство. 1 октября англичане взяли Дамаск, а 26 октября — порт Алеппо (Халеб). 30 октября на борту английского линкора «Агамемнон» в порту Мудрос на Лемносе

турки подписали условия перемирия, равносильные капитуляции. Турецкая армия демобилизовывалась, а флот передавался союзникам, которые также получили контроль над турецкими железными дорогами.

На итальянском фронте наступление австро-венгерской армии на реке Пьяве в июне 1918 года окончилось неудачей, и войска вынуждены были отступить в исходное положение. Но итальянцы, еще не оправившиеся от разгрома при Капоретто, смогли приступить к решительным действиям только 24 октября, когда войска Центральных держав уже потерпели тяжелое поражение на Балканах. Австро-венгерское командование должно было перебросить несколько десятков дивизий для защиты с балканского направления и резко ослабило итальянский фронт. Уже на второй день итальянского наступления с фронта ушли все венгерские дивизии, заявившие, что будут защищать Венгрию от вторжения румын и сербов. 28 октября австро-венгерская армия начала отход. К тому времени уже 30 дивизий, в основном состоявшие из чехов, словаков и хорватов, отказывались идти в бой. 29 октября австрийское правительство согласилось на мир на любых условиях. 3 ноября было заключено перемирие. К тому моменту итальянцы взяли 387 тысяч пленных. Австро-венгерская армия фактически перестала существовать. Распалась и сама двуединая монархия. В конце октября и начале ноября от нее отпали Венгрия, Чехословакия и югославянские, украинские и польские земли.

После того как были сокрушены почти все союзники Германии, Антанта приступила к генеральному наступлению на Западном фронте. К концу сентября немцы располагали здесь только 190 дивизиями, в значительной мере подвергшимися разложению, а их противники — 221. Французские и американские армии перешли в наступление на Мезьер в рамках Маас-Аргонской операции. На следующий день в атаку двинулись две английские армии у Камбре, 28 сентября — группа армий во Фландрии, а 29-го — 4-я английская и 1-я французская армии у Сен-Кантена. Неопытность американских командиров привела к тому, что их войска продвигались медленно и окружить противника в районе Мезьера

не удалось. Зато более успешно действовали англичане у Камбре и во Фландрии. Германский фронт развалился. Немцы отступали к своим границам, производя разрушения на оставляемых французских и бельгийских территориях. Еще 29 сентября Гинденбург и Людендорф заявили о необходимости заключить перемирие и сформировать новое правительство, приемлемое для Антанты. 29 сентября 1918 года, после того как союзники прорвали линию Гинденбурга, кайзер по настоянию верховного командования принял решение об образовании ответственного перед рейхстагом министерства с участием представителей социал-демократического большинства. Это правительство должно было обратиться к американскому президенту Вильсону с просьбой о перемирии. Людендорф по этому поводу заметил: «В данный момент у нас нет канцлера. Пока неизвестно, кто займет этот пост. Однако я просил Его Величество привлечь теперь к участию в правительстве представителей также и тех кругов, которым мы главным образом обязаны тем, что дело зашло так далеко. Итак, мы будем свидетелями вступления этих господ на министерские посты. Им придется заключить мир, который сейчас должен быть заключен. Им теперь придется расхлебывать кашу, которую они заварили для нас!»

Вильгельм II и его генералы надеялись, что к парламентариям — социал-демократам союзники будут более снисходительны в выдвижении условий мира, а обремененное доверием парламента правительство поможет сплотить народ в момент военного поражения. Однако этого не произошло.

Кайзер вспоминал: «В конце сентября ко мне явились с фронта генералы фон Гальвиц и фон Мудра. Они набросали картину внутреннего состояния армии, упомянули о большом числе дезертиров, случаях неповиновения, появлении красных флагов в поездах для отпускных, возвращающихся с родины и т. п. Генералы видели главную причину всех зол в царившем на родине настроении, неблагоприятно отражавшемся на армии. Общее желание ликвидации войны и заключения мира перешло с родины на фронт и стало уже замечаться в отдельных воинских частях. Генералы поэтому

полагали, что армию надо немедленно отвести за линию Антверпен — Маас.

В тот же день я по телефону послал фельдмаршалу фон Гинденбургу приказ как можно скорее отступить за линию Антверпен — Маас. Отступление усталой, но не разбитой окончательно ни в одном месте армии означало лишь переход на значительно более сконцентрированную и удобную позицию, которая, к сожалению, не была в достаточной мере укреплена... Конечно, армия была уже не та. Пополнения 1918 года были сильно заражены революционной пропагандой и часто пользовались темнотой ночи, чтобы скрыться от огня и исчезнуть с поста. Но большая часть моих дивизий до конца дралась безупречно, сохранив дисциплину и воинский дух. Они все еще превосходили по своим внутренним достоинствам неприятеля, ибо, несмотря на свой перевес как в отношении численности солдат, так и в отношении артиллерии, амуниции, танков и аэропланов, неприятельские армии терпели неудачу всякий раз, когда наталкивались на серьезное сопротивление с нашей стороны. Союзы наших старых фронтовых солдат были правы, начертавши на своем знамени гордое изречение: «Непобедимы на суше и на море».

То, что немецкий воин на фронте и, следовательно, весь немецкий вооруженный народ сделали в течение 4¹/₄ лет войны, выше всякой похвалы. Неизвестно, чему нужно больше удивляться, — тому ли воодушевлению, с каким наша прекрасная молодежь 1914 года, не дожидаясь нашего артиллерийского огня, шла в атаку против врага, или той самоотверженной преданности долгу и стойкости, с какими наши солдаты, скудно питаемые и редко сменяемые свежими частями, ночью работая лопатой, а днем находясь в окопах и разных убежищах или лежа в воронках от гранат, из года в год противостояли ураганному огню вражеской артиллерии, танкам и самолетам. И эта армия, уставшая до крайности, после почти 4-х лет борьбы, еще была способна к успешному наступлению. Несмотря на свое колоссальное превосходство, наши враги этим похвастаться не могли...

Высшие командиры в один голос доносили, что дух войск на передовых позициях хорош и стоек, но в тыловых частях

это уже далеко не так. Худшими элементами являются отпускные, распропагандированные и зараженные, очевидно на родине, они приносят с собой оттуда на фронт дух разложения и дезорганизации. Молодые рекруты, наоборот, вполне надежны...»

3 октября новое правительство во главе с принцем Максом Баденским было сформировано. На следующий день новый премьер обратился к президенту США Вильсону с просьбой о перемирии на основе его «Четырнадцати пунктов». Однако союзники не торопились кончать войну, рассчитывая принудить Германию к капитуляции. Людендорф настаивал на немедленном перемирии, утверждая, что германская армия больше не может сражаться. Но германские войска все же смогли отступить в относительном порядке. 26 октября пессимист Людендорф ушел в отставку. Накануне своей отставки он убеждал правительство и кайзера, что «большая часть германского народа еще могла и хотела отдать армии свои последние силы. Обязанностью правительства являлось превратить это желание в действительность». Людендорф предложил включить в состав правительства социал-демократа Эберта, «чтобы через его посредство повысить сопротивление народа и влить силы для дальнейшего ведения войны». Но сил и воли к сопротивлению у немцев уже не было.

20 октября союзники начали операцию по овладению позициями Герман, Гундинг, Брунгильда и Кримгильда, которые все оказались прорваны к 5 ноября. К моменту заключения перемирия англо-французские войска успели уже прорвать и южный участок следующей, Антверпен—Маасской позиции. К тому времени численность американской армии в Европе достигла 2 миллионов человек.

Тем временем 2 ноября началось восстание среди моряков германского флота в Киле. Они отказались выйти в море для последнего, решительного боя с британским флотом, который больше бы смахивал на коллективное самоубийство, учитывая подавляющее превосходство англичан. В течение нескольких дней восстание распространилось на всю страну. 8 ноября германской делегации в Компьенском лесу были

предъявлены условия перемирия. В течение 14 дней германские войска должны были уйти с оккупированных территорий Франции, Бельгии и Люксембурга, а также из Эльзас-Лотарингии. Армия Германии демобилизовывалась, а флот и значительная часть тяжелого вооружения выдавались союзникам. 11 ноября 1918 года было подписано Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну. За день до этого, в ночь с 9 на 10 ноября, был низложен кайзер Вильгельм, бежавший в Голландию.

Одной из важных причин поражения в Первой мировой войне германские военные и политические руководители считали плохую постановку пропаганды в империи, что в значительной мере было учтено Гитлером и Геббельсом накануне и в ходе Второй мировой войны. Людендорф в мемуарах признал: «Германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции... Нам не удалось существенно повлиять на неприятельские народы. Сильно воинственное правительство беспощадно заглушало там всякое зарождающееся чувство мягкости и слабости, всякий намек на мысль о мире, в особенности «соглашательском мире»... На востоке русские сами работали над своим несчастьем, и там наша деятельность имела второстепенное значение». Тем не менее для помощи этой работе с санкции Гинденбурга и Людендорфа в Россию были пропущены Ленин и его соратники в опломбированном вагоне.

В оценке состояния германской пропаганды военного времени с Людендорфом был вполне солидарен Гитлер, писавший в «Моей борьбе»: «Только во время мировой войны стало вполне ясно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. К сожалению, тут изучать дело приходилось на примерах деятельности противной стороны, ибо работа Германии в этой области была более чем скромной. У нас почти полностью отсутствовала какая бы то ни было просветительская работа».

В мемуарах Вильгельм II так описал конец собственной династии, сгоревшей в огне Первой мировой войны, им же и развязанной: «Генерал Гренер, поехавший в Берлин, чтобы ознакомиться с положением дел, по возвращении в армию

донес, что у него создано крайне неутешительное впечатление о правительстве и о настроении в стране. Германия идет навстречу революции; правительство лишь разрушает, не создавая ничего положительного; народ хочет мира во что бы то ни стало, совершенно не считаясь с тем, какой характер он будет носить; авторитет правительства равен нулю; травля кайзера в полном ходу; отречения едва ли можно еще избежать. Войска ненадежны, в случае восстания можно ожидать неприятных сюрпризов. В связи с задержанием уголовной полицией курьерских сундуков русского большевистского посла были обнаружены компрометирующие материалы относительно того, что русским посольством, совместно со спартаковской группой, уже давно в подполье энергично организуется большевистская революция по русскому образцу. Это происходило на глазах у полиции и с ведома министерства иностранных дел, отвергавшего все представления на сей счет под тем предлогом, что нельзя раздражать большевиков... Через дезорганизованных отпускных солдат яд проник уже в армию. Она отчасти уже разложилась и, когда после перемирия она освободится и вернется на родину, она откажется бороться с повстанцами. Поэтому всякое перемирие, как бы ни были тяжелы его условия, должно быть немедленно и безусловно принято; армия уже ненадежна, и родина находится накануне революции.

Утром 9 ноября рейхсканцлер принц Макс Баденский вторично после 7 ноября сообщил мне, что социал-демократы... требуют моего отречения от престола. Того же мнения придерживаются и остальные члены правительства, ранее выступавшие против моего отречения. Так же обстоит дело и с партиями, имеющими большинство в рейхстаге. Поэтому он просил меня немедленно отречься от престола, ибо в противном случае в Берлине можно ожидать кровопролития и настоящих уличных боев; небольшие стачки уже начались.

Я тотчас же вызвал к себе фельдмаршала Гинденбурга и генерал-квартирмейстера генерала Гренера. Последний еще раз доложил, что армия не может больше сражаться и хочет прежде всего покоя, поэтому необходимо во что бы то ни стало заключить перемирие и притом как можно скорее, ибо

армия имеет продовольствия лишь на 6—8 дней и отрезана от всякого подвоза мятежниками, занявшими наши продовольственные склады и мосты через Рейн... Я хотел избавить свой народ от гражданской войны. Если мое отречение было действительно единственным средством, то я готов был отказаться от звания германского кайзера, но не хотел отречься от прусской короны. Я желал остаться прусским королем и быть по-прежнему среди своих войск, ибо вожди армии заявили, что в случае моего полного отречения офицеры поголовно уйдут, и тогда армия, лишённая командиров, устремится на родину, нанося ей вред и подвергая ее опасности...

Но рейхсканцлер, не дожидаясь моего ответа, возвестил от своего имени о моем якобы состоявшемся отречении и об отказе от трона кронпринца, которого по этому поводу вообще не запрашивали. Он передал правление в руки социал-демократов и призвал г-на Эберта на пост рейхсканцлера. Обо всем этом мне было передано по беспроволочному телеграфу, и вся армия читала эти телеграммы. У меня выбили из рук возможность самостоятельно решить — остаться мне или уйти, сложить ли с себя кайзеровское достоинство, сохранить ли прусскую королевскую корону. Армия была тяжело потрясена ложным представлением о том, что ее король в критический момент бросил ее...

После получения радиограммы мое положение стало тяжелым. Войска, правда, стягивались к Спа, чтобы обеспечить нормальную работу главной квартиры. Но высшее военное командование полагало, что нельзя уже рассчитывать на безусловную верность войск в том случае, если из Аахена и Кельна подойдут восставшие солдаты и наши части будут поставлены перед необходимостью вооруженной борьбы со своими товарищами. Все мои советники рекомендовали мне поэтому оставить армию и уехать в нейтральную страну, чтобы избежать «гражданской войны»...

В течение тридцати лет армия была моей гордостью. Я жил и работал для нее. И теперь, после четырех блестящих лет войны с ее неслыханными победами, армия должна была погибнуть под ударами, нанесенными ей в спину революционерами как раз тогда, когда мир был уже совсем близок.

Особенно глубокий удар в самое сердце нанесло мне то обстоятельство, что мятеж прежде всего захватил мое создание — мой гордый флот».

О том же сожалел и Людендорф: «Исчезла гордая германская армия, которая выполнила невиданные в истории дела и в течение четырех лет противостояла превосходящему в силах противнику, охраняя границы родины. Победоносный флот был выдан противнику. Новые германские правители, не сражавшиеся сами на фронте, торопились помиловать дезертиров и прочих военных преступников, в том числе частью и самих себя и своих ближайших друзей. Власти и солдатские советы усердно и решительно работали, чтобы уничтожить все следы военной жизни. В этом выражалась благодарность новой родины германским солдатам, из которых миллионы пролили за нее кровь и отдали свои жизни».

Как и в России, горючим материалом революции стали запасные части и флот. Сказалось, в частности, и то, что солдаты в этих частях и моряки в ходе войны почти не были в бою и не слишком-то стремились попасть на фронт. Они были развращены бездельем, отсутствием настоящей боевой работы. Последним же толчком к революционному выступлению послужило осознание того, что война проиграна, и желание поквитаться с теми, кто довел Германию до катастрофы, — с кайзером и генералами.

Людендорф считал, что «новая власть и ее буржуазные попутчики отказались от всякого сопротивления и, не имея на то законного права, подписали капитуляцию и передали Германию на милость беспощадного врага».

Подведем печальные итоги. Общие потери всех сторон в Первой мировой войне составили около 10 миллионов убитыми и до 20 миллионов ранеными. Таких потерь человечество в войнах еще не знало. Германия потеряла 2030 тысяч человек убитыми и умершими, Австро-Венгрия — 1,1 миллиона, Болгария — 90 тысяч и Турция — 800 тысяч человек (почти половина турецких потерь пришлась на умерших от болезней). Потери стран Антанты были еще большими. Франция лишилась 1400 тысяч человек, Англия — 715 тысяч человек, а ее доминионы — 200 тысяч. Потери Италии соста-

вили 580 тысяч человек, потери Сербии и Черногории — 280 тысяч человек, потери Румынии — 250 тысяч человек, потери США — 114 тысяч, потери Бельгии — 38 тысяч, потери Греции — 26 тысяч и потери Португалии — 7 тысяч человек. Меньше всех потеряла Япония — 300 погибших.

Велики были потери России. В плен попало 3750 тысяч солдат и офицеров русской армии, из них умерло до 500 тысяч. В Первой мировой войне погибло, включая умерших в плену, более 2 миллионов наших соотечественников. В свою очередь, в русском плену находилось 177 тысяч военнослужащих германской армии, 1737 тысяч — австро-венгерской и 65 тысяч турок и болгар. Общие безвозвратные потери Центральных держав составили 4020 тысяч человек, а государств Антанты — 5610 тысяч человек. Соотношение оказывается в пользу Германии и ее союзников — 1,4:1. Это объясняется лучшей готовностью Германии к войне и более высокой боеспособностью германской армии. Сыграло свою роль и численное превосходство Антанты, побуждавшее ее военачальников более расточительно расходовать солдатские жизни, тогда как германское командование вынуждено было в большей мере заботиться о сбережении солдатских жизней. Тем не менее таких потерь германская армия не несла никогда прежде. Даже в наполеоновских войнах, не говоря уж о франко-прусской войне, потери Пруссии и ее союзников были на порядок ниже.

Позднее национал-социалисты спекулировали памятью павших в Первой мировой войне, призывая к реваншу. Так, в 1927 году в день поминовения павших Геббельс провозглашал: «Мы обращаемся в своих помыслах к двум миллионам тех, кто изнемогал в окопах Фландрии и Польши... Наши думы о солдатах германской национал-социалистической революции, бросивших свои жизни на алтарь будущего ради того, чтобы Германия воспрянула снова... Воздаяние! Воздаяние! День его грядет... Мы склоняем головы перед вами, мертвыми. Германия начинает пробуждаться в отблесках вашей пролитой крови... Пусть раздастся маршевая поступь коричневых батальонов: за свободу! Солдаты бури! Армия мертвых марширует с вами в будущее!»

РЕВОЛЮЦИЯ 1918 ГОДА: ПОЧЕМУ ПРОИГРАЛИ ЛЕВЫЕ

Революция ноября 1918 года не случайно вспыхнула на флоте. Адмирал Тирпиц так характеризовал настроения германских моряков: «Линкоры стояли в устьях рек или перед ними, защищенные заграждениями, но лишенные видимой цели и, казалось, обреченные на вечное бездействие; тяжелая и однообразная служба после пятилетнего непрерывного пребывания на борту корабля становилась почти невыносимой. Эти железные ящики лишились даже тех скромных удобств, которыми они обладали в мирное время. К тому же приходилось все время быть начеку, и матросы редко получали отпуск и находились в постоянном напряжении. Таким образом, со временем на кораблях создались такие условия жизни, которые не были невыносимыми для натур с рыбьей кровью, но зато превратили флот в школу критики и рассадник разрушительных и болезненных доктрин». Длительное отсутствие активной боевой работы деморализовало матросов «Флота открытого моря». Поэтому они, равно как и солдаты Восточного фронта, уже много месяцев не участвовавшие в боевых действиях, наряду с запасными батальонами стали «горючим материалом» революции. Точно так же в Российской империи застрельщиками революции выступили матросы Балтийского флота и солдаты запасных батальонов.

Революционная власть в Германии казалась очень неустойчивой, и ее неоднократно пытались свергнуть оппоненты как справа, так и слева. Одну из таких попыток, происшедшую в декабре 1918 года, красочно запечатлел в своих мемуарах Шейдеман: «Реакция чуяла весну (в связи с декларацией Антанты, объявившей в связи с высадкой союзных войск в Одессе большевиков вне закона. — Б. С.). Она думала, что настал момент убрать все революционные декорации, чтобы прежде всего свести счеты со всем социалистическим и пролетарским. Эта мысль породила комический бунт 6 декабря. Его инициаторами были несколько молодых людей из министерства иностранных дел, которым, разумеется, не нра-

вилось новое направление, граф Матушка и фон Рейнгабен. Инсценирован он был на деньги фон Штума, который руководил отделом информации. К ним присоединились две в высшей степени подозрительные фигуры... Спиро и некий Фигнер, который позднее занимался в Копенгагене сомнительными репортажами. Во главе нескольких сот солдат и студентов эти герои продефилировали перед имперской канцелярией, провозгласили там Эберта президентом, на что Эберт, разумеется, не отозвался, и ворвались в помещение палаты господ, где арестовали ненавистный исполнительный комитет. Правда, через час был водворен полный порядок, но только потому, что все начинание было делом нескольких смешных и бестолковых людей, у которых не было ни осмотрительности, ни мужества. Во всяком случае характерно, что в революционном Берлине здания высших органов государственной власти могли быть захвачены столь же просто, как какой-нибудь нелегальный игорный дом при полицейском налете. Но самым печальным было то, что эта глупая выходка стоила человеческих жизней. Она врезалась в чрезвычайно напряженное настроение, которое в тот же вечер разрешилось уличной борьбой между солдатами и рабочими, взволнованными чудовищно преувеличенными слухами о реакционном государственном перевороте. Свыше 40 пролетарских трупов снова лежало на улицах Берлина».

Таким образом, даже в опереточных путчах проливалась вполне реальная людская кровь.

5 января 1919 года, за две недели до выборов в учредительное Национальное собрание, левые из «Союза Спартака», только что преобразованного в Коммунистическую партию Германии, при поддержке части революционно настроенных солдат и рабочих организовали в Берлине вооруженное выступление в попытке захватить власть и по примеру своих русских единомышленников — большевиков поставить учредительное собрание перед свершившимся фактом. Поводом к восстанию послужил отказ главы берлинской полиции Эйхгорна, независимого социал-демократа, близкого к спартаковцам, подчиниться распоряжению прусского МВД об его отставке. 4 января 1919 года Эйхгорн обратился за помо-

шью к независимым социал-демократам и коммунистам. Образованный 5 января 1919 года на волне массовых демонстраций против правительства Эберта—Шейдемана Временный революционный комитет из 53 членов, во главе с коммунистом Карлом Либкнехтом и независимыми социал-демократами Георгом Ледебуром и Паулем Шольце, заседал в здании полиции-президиума Берлина. Комитет объявил себя временным правительством и призвал к вооруженному выступлению, чтобы «довести революцию до конца». Вот как описал происходящее Шейдеман, министр иностранных дел в правительстве Эберта: «Я был в первый раз после 9 ноября с несколькими друзьями в театре, когда меня позвали к телефону и сообщили, что снова вспыхнула гражданская война... С большим трудом удалось нам ночью собраться в имперской канцелярии, где мы сидели без какой бы то ни было вооруженной помощи и без возможности предотвратить разбойное бесчинство в Берлине. Важнее всего казалось добыть оружие. Это поручили Носке, который тотчас уехал, чтобы поискать сотрудников (при этом он произнес историческую фразу о том, что «кто-то должен все-таки стать кровавой собакой», обыгрывая прозвище, которое дали Эберту и Шейдеману левые. — Б. С.). Весь следующий день, понедельник... наши партийные товарищи, безоружные, как бы живым кольцом окружали Вильгельмштрассе, куда наступавшие отряды путчистов пытались передвинуть пулеметы с Унтер-ден-Линден и Лейпцигерштрассе.

В ночь на вторник пришли независимые: Каутский, Брейдис и Дитман, которые сами испугались господства кровожадных бунтарей и предложили свое посредничество. Пока они говорили с нами, спартаковский союз продолжал свою уличную войну и занял государственную типографию, управление железных дорог и два провиантских склада. Весь Берлин был терроризирован уличными бунтовщиками. Отпечатанный в чужой типографии номер «Форвертса» (официального органа социал-демократической партии. — Б. С.) был арестован и брошен в Шпрее. Переговоры — бессмысленная трата времени, потому что участники этих переговоров вовсе не управляли сражавшимися на баррикадах — про-

должались, однако не могли привести ни к какому результату, так как революционные старосты согласились освободить на известных условиях помещения буржуазных газет, но ни за что не желали освободить «Форвертс». Спартаковский союз вообще в переговорах не участвовал. Между тем от Носке, который в неустанной, днем и ночью, работе собрал в Далеме небольшой отряд, не было никаких вестей. В эти тревожные дни мы, не уходя домой, ночевали в государственной канцелярии, под взрывы гранат и пулеметные очереди...

Наконец в четверг депутация, все члены которой были социал-демократами, объявила о своей готовности очистить помещение «Форвертса», если в ночь на пятницу с нашей стороны не будет военных действий. Но захватчики, занимавшие помещения газет и ряда правительственных учреждений, заявили, что они не выпустят из рук добычу и уступят только силе. Это также соответствовало позиции Эйхгорна, который со своими приверженцами и добытым оружием на пивоваренном заводе Бец владычествовал над северной частью Берлина как разбойничий атаман. В переговорах прошло пять дней. Всего 10 дней отделяли нас от Национального собрания. В пятницу Носке приехал в имперскую канцелярию, невзирая на все попытки спартаковцев поймать его по дороге туда. Мы заклинали его наконец выступить, хотя он не довел еще до конца своих приготовлений и во что бы то ни стало хотел избегнуть неудачи. В дождливую субботу с пестро составленным отрядом он пошел через Берлин, и в то же утро потсдамские войска освободили «Форвертс». В воскресенье к вечеру у разбойников были вырваны полицейский президиум и ряд помещений газет, а старая социал-демократическая партия исполинской демонстрацией заявила свой протест против кровопролитных попыток бунта истекшей спартаковской недели. Понадобился еще один день для того, чтобы уничтожить гнезда бунтовщиков в других районах Берлина. Всего за неделю до нашей победы на выборах в Национальное собрание было свергнуто правительство Либкнехта и Ледебура и их состоявшая из фанатиков и разбойников свита».

Об убийстве же Карла Либкнехта и Розы Люксембург, со-

вершенном офицерами добровольческой гвардейской кавалерийской дивизии, прибывшей в Берлин уже к шапочному разбору: «В пятницу утром, 17 января, я приехал в Берлин, в гущу ужасного возбуждения, вызванного смертью обоих спартаковских вожаков, ужасные подробности которой становились постепенно известны. Я могу только повторить то, что под первым впечатлением я сказал на собрании в Крытом Рынке в Касселе: «Я сожалею о смерти обоих искренно и по серьезным причинам. День за днем они призывали народ к оружию и к насильственному ниспровержению правительства. И сами они пали жертвой своей собственной кровожадной тактики».

Выборы в учредительное Национальное собрание 19 января 1919 года принесли победу социал-демократам и партиям центристской ориентации. СДПГ получила 38 процентов голосов, партия католического Центра — 19 процентов, Немецкая демократическая партия (бывшие прогрессисты) — 18 процентов. Монархисты и правонационалистические партии, а также коммунисты получили лишь четверть голосов избирателей.

Избранный первым президентом Германии социал-демократ Фридрих Эберт в качестве государственного гимна утвердил старинную песню «Германия, Германия превыше всего», бывшую неофициальным гимном кайзеровской империи. Бывший председатель социал-демократической партии стремился быть надпартийным президентом всех немцев, и это ему в значительной мере удалось. В функции президента входило также назначение и смещение имперских чиновников и офицеров, назначение канцлера и предложенных им министров, заключение международных договоров. Он также являлся Верховным Главнокомандующим вооруженными силами. А 48-я статья Веймарской конституции позволяла президенту «в случае серьезного нарушения или угрозы общественной безопасности и порядку» принимать чрезвычайные меры и отменять действие всех других статей конституции, гарантирующих основные демократические права и свободы. Правда, все эти меры должны были быть затем одобрены рейхстагом. При этом сам президент

должен был решать, является ли угроза достаточно серьезной, чтобы объявлять чрезвычайное положение. После 1933 года Гитлер воспользовался 48-й статьей для установления диктатуры.

Причина, по которой местные союзники большевиков не смогли взять власть в Германии в 1918—1919 годах, заключалась в том, что социал-демократическое правительство Эберта — Шейдемана смогло завершить войну, пусть и худой капитуляцией в Компьене. Народ, измученный четырехлетней войной, жаждал мира и порядка. Он еще не мог предполагать всей тяжести будущего мирного договора и тем более не мог еще ощущать всех тяжелых последствий поражения. Поэтому большинство берлинских рабочих и солдат берлинского гарнизона не поддержали выступление спартаковцев, увидев в выступлении Либкнехта и его соратников попытку развязать новую войну, на этот раз — гражданскую. Перед ними уже был пример России, где после захвата власти большевиками в это время как раз разгоралась гражданская война. Правительство Керенского погубило и то, что к октябрю 1917 года оно так и не смогло вывести Россию из войны. Это было особенно сложно сделать и потому, в частности, что поражение России в тот момент было далеко не очевидным и не бесспорным. По меньшей мере так обстояло дело до августа 1917 года, до выступления генерала Корнилова. Русская армия в значительной мере утратила боеспособность, но фронт еще не рассыпался. Наоборот, Антанта, в которую входила Россия, имела все шансы на конечную победу. Социал-демократическое правительство Германии год спустя, в ноябре 18-го, в условиях уже начавшейся революции, никаких альтернатив и иллюзий не имело. Все союзники Германии были уже сокрушены, и вопрос стоял только так: либо капитулировать немедленно, либо допустить в самые ближайшие недели полный развал фронта и оккупацию войсками Антанты всей или части германской территории.

Значительная часть рабочих и солдат во время всего периода революционных выступлений в Германии в 1918—1923 годах оставалась на стороне социал-демократов, что предопределило крах попыток как правых, так и левых сверг-

нуть их правительство. Так, капповский путч в марте 1920 года провалился в результате всеобщей забастовки рабочих по всей Германии, несмотря на то, что занявшие Берлин добровольческие корпуса имели очевидный военный перевес над войсками, оставшимися верными правительству.

В «Моей борьбе» Гитлер неоднозначно оценивал роль в подавлении революции добровольческих отрядов: «В нашем отечестве нашлось немало молодых немцев, выразивших готовность, как они думали, в интересах «тишины и порядка» вновь надеть на себя солдатские шинели и взять ружье на плечо для борьбы против разрушителей страны. Эти молодые люди вновь стали создавать отряды добровольцев. В глубине души ненавидя революцию, они вместе с тем на деле выступили на защиту ее.

Молодежь эта действовала, конечно, с самыми лучшими намерениями.

Подлинными организаторами революции, дергавшие ее за веревочку, евреи оценили тогдашнюю ситуацию трезво и, со своей точки зрения, правильно. Немецкий народ не созрел еще тогда до того, чтобы его можно было бросить в кровавую лужу большевизма, как это удалось сделать в России. Это объяснялось тем, что расовое состояние немецкого народа все же являлось еще более благополучным и единство между немецкой интеллигенцией и немецким населением физического труда еще не было достаточно разрушено. Население России было сплошь безграмотным, чего, конечно, нельзя было сказать ни о Германии, ни о других западноевропейских народах. В России сама интеллигенция в большинстве своем принадлежит к нерусским национальностям и, во всяком случае, к неславянским расам. С тонким слоем интеллигенции в России легко было справиться, ибо между ним и широкими массами народа почти совсем не было посредствующих звеньев, а умственный и моральный уровень широкой массы народа был в России страшно низок».

С точки зрения нацистов, добровольческие отряды, подавив выступления коммунистов и левых социал-демократов, тем самым сделали возможным становление Веймарской республики, этого «уродливого детища» Версаля.

**ПОЧЕМУ ГЕРМАНИЯ ПРОИГРАЛА ВОЙНУ:
ВЗГЛЯД ОБАНКРОТИВШЕЙСЯ ЭЛИТЫ**

Во все века правители и элиты обанкротившихся империй склонны искать причины поражений в дефектах школьного образования, недостаточно воспитывавшего патриотизм, в недостатке которого обвиняли свой народ, а также в происках совративших его с пути истинного заграничных агентов, будь то евреи, масоны, большевики или «мировая закулиса». Немцы в этом не были оригинальны. Среди окружения кайзера, генералов и политиков правого толка родилась легенда «об ударе кинжалом в спину», который будто бы нанесли мужественно сражавшейся германской армии социал-демократы, и о недостаточном воспитании патриотизма и стойкости в германских школах. Те, кто развязал войну, никак не хотели признать, что сами являются главными виновниками поражения, поскольку вовлекли германский народ в самоубийственную авантюру.

Все эти легенды подхватили молодые праворадикальные политики новой послереволюционной волны, сделавшие идею реванша знаменем своей программы. Не случайно Вильгельм II удостоился одобрения Гитлера, но лишь как сторонник определенной политики, а отнюдь не как личность, способная эту политику с успехом воплотить в жизнь.

Уже после катастрофы 1918 года свергнутый с престола император Вильгельм II сетовал: «Преподавание отечественной истории, которая в особенности должна заставить пламенеть молодые сердца и укреплять в них любовь к родине, ее будущности и величию (такую же картину как образец творчества для благонамеренного историка рисовал шеф российских жандармов Александр Бенкендорф своему будущему преемнику Михаилу Орлову: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение; вот, мой друг, точка зрения, с какой русская история должна быть рассматриваема и писана». Последний германский император и многие другие в Германии очень хотели, чтобы с подобных позиций

писалась и история Рейха. — Б. С.), находилось в совершенном загоне. С историей новейшего времени, начиная с 1815 г., учащихся знакомили очень мало («ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». — Б. С.). Школа воспитывала молодых филологов, а не пригодных к практической работе на пользу расцветающего молодого государства немецких граждан... из школ не выходили сознательные немцы... Поэтому я, как кайзер, повел борьбу за школьную реформу... К сожалению, реформа вышла не такой, какую я ожидал, и привела не к тем результатам, на которые я надеялся... Немцы распевали, правда, «Германия превыше всего», но вместе с тем они, по приказанию врагов, позволили свергнуть кайзера, уничтожить империю, подчинившись руководству русских преступников, в культурном отношении стоящих неизмеримо ниже их, и вонзили кинжал в спину своей армии, изнемогавшей в тяжелой борьбе. Если бы немцы всех сословий и званий были воспитаны на чувстве гордости своим отечеством, такое самоунижение большого народа было бы немислимо. Это унижение, происшедшее, несомненно, при особых, в высшей степени тяжелых обстоятельствах, является тем менее понятным, что в мировой войне немецкое юношество, хоть и переучившееся и не столь закаленное спортом, как английское, совершило поистине неслыханные деяния. 1914—1918 годы показали, чем мог бы стать немецкий народ, если бы он правильно развивал свои превосходные качества».

Фюрер одобрял основные направления кайзеровской политики и сожалел лишь о негодных методах ее исполнения. В «Моей борьбе» он писал: «Я видел в Вильгельме II не только немецкого императора, но прежде всего создателя немецкого флота. Когда германский рейхстаг стал чинить Вильгельму II препятствия в его публичных выступлениях, это меня огорчало чрезвычайным образом, особенно потому, что в моих глазах к этому не было никакого повода. И это заслуживало осуждения, тем более что ведь сами господа парламентские болтуны в течение какой-нибудь одной сессии всегда наговорят гораздо больше глупостей, чем целая династия

королей в течение нескольких столетий, включая сюда и самых глупых из них.

Я был возмущен тем, что в государстве, где всякий дурак не только пользуется свободой слова, но и может попасть в рейхстаг и стать «законодателем», носитель императорской короны становится объектом запрещений и какая-то парламентская говорильня может «ставить ему на вид».

А вот идею о том, что недостатки германского школьного образования стали одной из причин военного поражения, Гитлер категорически отрицал. В «Застольных разговорах» (так иногда условно называют стенографические записи выступлений Гитлера в ставке в 1941—1942 годах, из которых впоследствии собирались составить книгу наподобие «Моей борьбы») 12 апреля 1942 года он утверждал: «Учителя народных школ когда-то попытались сделать себе рекламу, используя крылатую фразу о том, что «войну 1866 года выиграл прусский учитель. Это чистойшей воды ерунда. Победа Пруссии объясняется превосходством игольчатых ружей и другими вещами, на которые учителя народных школ уж никак не могли повлиять. Верно лишь то, что по сравнению с заграницей школьное образование в Германии на протяжении всего прошлого столетия находилось на необычайно высоком уровне. И большую логическую ошибку совершают те, кто, стремясь опровергнуть этот факт, приводят в качестве примера английские колледжи. Ибо результаты преподавания в них обусловлены тем, что учиться в колледжах имели право лишь представители правящего слоя английского народа. Напротив, немецкие школы уделяли внимание всем слоям населения, и среднюю успеваемость их учеников ни в коем случае нельзя сравнивать со средней успеваемостью в английских колледжах. И все же нужно добиться того, чтобы благодаря реформированию всей системы школьного образования учащиеся немецких школ показали гораздо лучшие результаты в учебе и поведении, чем ученики английских колледжей. С этой целью я велел создать национал-политические воспитательные учреждения, именуемые теперь «имперскими школами».

Создавая эти школы, я приказал им руководствоваться

следующим принципом: отбирать среди всех слоев германского народа элиту мальчиков и девочек и воспитывать их в надлежащем духе. Воспитание должно ставить перед собой цель сделать их тела крепкими, характеры твердыми, а умы гибкими. Этого можно достичь с помощью учителей, которые вместе с учениками проходят труднейшие этапы обучения, вместе с ними прыгают с парашютом и водят автомобили и мотоциклы.

То, что «имперские школы» дают совершенно выдающиеся результаты, ясно показали Олимпийские игры в Берлине. Обучавшиеся в колледжах англичане завоевали лишь 8 золотых медалей, а молодые германские спортсмены добыли 33 высшие награды. А все потому, что они прошли спортивную закалку в «имперских школах», где спорт всячески приветствуется».

Обанкротившийся кайзер в заключение своих мемуаров выдвинул программу, реализовывать которую на практике выпало Гитлеру с его Национал-социалистической рабочей партией: «Немецкий народ должен полагаться лишь на свои собственные силы, а не на чью-либо помощь. Когда во всех слоях нашего народа снова пробудится национальное самосознание, тогда начнется возрождение. Все классы населения, хотя бы их пути в других областях государственной жизни и расходились, в национальном чувстве должны быть едиными. Именно в этом обстоятельстве кроется сила Англии, Франции и даже поляков. Вместе с пробуждением национального самосознания все немцы снова обретут и чувство своей принадлежности к одному народу, и сознание величия нашей благородной нации, чувство национальной гордости и ту подлинно немецкую этику, которая была одной из скрытых сил, сделавших Германию такой великой. Как и до войны, Германия снова будет играть в семье культурных народов роль наиболее продуктивного в производственном отношении государства. В мирном соревновании народов она снова будет победоносно идти впереди всех в области техники, науки и искусства, принося пользу не только себе, но и всем народам мира. Я верю в аннулирование несправедливого Версальского решения, что будет достигнуто как благода-

ря благоразумным элементам за границей, так и благодаря самой Германии. Я верю в немецкий народ и в то, что он и в дальнейшем будет продолжать осуществлять свою мирную миссию на земле, миссию, прерванную ужасной войной, которую Германия не хотела и за которую она не может быть ответственна».

Вильгельм II рассчитывал, что национальное сплочение поможет Германии в мирном соревновании с другими державами. Гитлер на практике достиг чаемого кайзером национального единства, но направил его не на реализацию мирных позитивных целей, а на экспансию, приведшую к еще более ужасной войне. В этой войне германская армия и народ сохраняли единство до самого конца, ни о каком «ударе кинжалом в спину» и речи не было, но поражение Германии оказалось еще более страшным и тотальным, чем в Первой мировой войне, и ознаменовало собой окончательный крах Германской империи.

Гитлер не слишком высоко ставил последнего германского кайзера в личном плане. В своей ставке 2 апреля 1942 года фюрер противопоставлял Вильгельму II болгарского царя Фердинанда I, который во время революции 1918 года хотя и вынужден был отречься от престола, но сохранил его для своего сына — царя Бориса III: «Если кого-то заденет то, что царь Фердинанд корыстолюбивей любого еврея, то ему следует сказать, что он достоин восхищения за свою отвагу и решительность. Если бы у нас в Германии на императорском троне восседал он, а не Вильгельм II, мы бы не тянули с мировой войной до 1914 года, но нанесли удар уже в 1905 году, и если эта хитрая лиса в 1918 году в условиях всеобщего краха нашла пути и средства, чтобы сохранить для сына престол, то она бы наверняка нашла также пути и средства для спасения Германии от катастрофы».

А 31 мая 1942 года фюрер дал кайзеру совсем уж уничижительную характеристику: «Вильгельм II вел себя совершенно недостойно для монарха. Он не только постоянно позволял себе оскорблять лиц из своего ближайшего окружения, но и ироническими замечаниями делал своих гостей посмешищем в глазах всех присутствующих. Его неуклюжая

фамильярность в общении с другими монархами (похлопывание по плечу и т. п.) также способствовала тому, что многие перестали относиться к Рейху с симпатией. Монарх должен сознавать, что в личном общении он обязан вести себя сдержанно и достойно.

Пример Вильгельма II свидетельствует о том, что единственный монарх-неудачник может погубить всю династию. И тот, кто хочет творить историю, должен к тому же отдавать себе отчет, что одно-единственное неудавшееся поколение может погубить весь народ».

Вильгельм II, безусловно, не обладал качествами выдающегося государственного деятеля. Однако вряд ли эти качества были присущи и его деду, первому германскому императору Вильгельму I, что отнюдь не помешало строительству империи. Действительным несчастьем для последнего германского кайзера было то, что рядом с ним не оказалось рейхсканцлера, хотя бы наполовину равного в своих способностях Бисмарку. И Бетман-Гольвег, и его преемники, равно как и предшественники, были лишь бледной тенью «железного канцлера». Однако ни с точки зрения темпов экономического развития, ни с точки зрения эволюции политического строя Вторую империю 1871—1918 годов никак не назовешь «загнивающим» или «застойным» государством, где одаренным людям был закрыт путь вверх и высокопоставленные должности занимали сплошь бездарности. Так что, по большому счету, сочетание бездарного кайзера с бесцветным канцлером можно отнести к разряду исторических случайностей. Поэтому вполне можно допустить, что при более толковых руководителях старый кайзеровский Рейх был бы сохранен, а человечество избежало бы трагедии двух мировых войн. Но и наличие «хороших» кайзера и канцлера — это такая же историческая случайность, как и наличие «плохих» Вильгельма II и Бетмана. А вот было ли закономерным и фатально неизбежным вооруженное столкновение молодой Германской империи со «старыми империалистами» — Францией, Англией и Россией (первая к тому же была «наследственным врагом» Пруссии-Германии) — большой вопрос.

Другие германские политики задним числом пытались

изобрести рецепты победы. Так, адмирал Тирпиц в мемуарах настаивал, что, «несмотря на невиданный перевес сил, мировой коалиции не удалось бы победить нас, если бы внутреннее единство поддерживалось у нас средствами, соответствующими традициям отцов и опасности момента. Но какой бы героизм ни проявляли наши войска на фронте, в тылу правительство потворствовало наследственным недостаткам народа и разрушительным элементам до тех пор, пока желание Англии исполнилось, и лучший народ мира, пользовавшийся величайшим на земле процветанием, был отброшен на громадное расстояние назад». Между тем сначала «лучший в мире народ» потерпел безусловное поражение на Западном фронте, и лишь потом, вследствие поражения, произошла революция, разрушившая внутреннее единство германского общества. Эту мысль еще в 1922 году высказал видный германский военный историк Ганс Дельбрюк.

Тирпиц задним числом также оправдывал стремление Германии к мировому господству как единственный шанс сохранить империю. Он утверждал: «Если обозреть с некоторым чувством реальности подъем Пруссии-Германии от эпохи полного распада, последовавшего за Тридцатилетней войной, до ее наивысшего расцвета в июле 1914 года, то успех ее может показаться почти чудом. Расположенная в центре Европы, лишенная удобного доступа к океану, не защищенная естественными границами и к тому же окруженная народами, которые еще много веков назад были столь же готовы напасть на нее, как сейчас, — вот какова Германия. По причине таких условий существования, а может, и вследствие народного характера мощь и процветание Германии выросли не из самого народа, но явились как бы произведением искусства, созданным рядом строителей государства, ниспосланных нам судьбой в течение последних трех столетий. Неужели кто-нибудь думает, что «вечный» рейхстаг, изгнавший Фридриха Великого и объявивший его вне закона, франкфуртский парламент и другие народные представительства могли повести нас вперед? Пруссия-Германия является всего более созданием отдельных личностей, которые требовали и добились верности долгу и подчинения интересам государ-

ства и обладали способностью направлять народ к определенной цели...

Если наш народ, обладавший цветущей промышленностью, не хотел зачахнуть, он должен был принять широкое участие в мировом хозяйственном обороте. Государства поддерживаются создавшими их силами. Для Пруссии-Германии такими силами являлись реальная мощь и преданность государственному целому, а не высокопарные фразы о братстве народов, которые так мастерски используются англосаксами для порабощения германского народа.

Я был убежден, что Германия еще не выполнила своей миссии на благо Европы и всего мира. Нам уже почти удалось ввести Германию в новую эпоху. Крупные морские силы в значительной степени увеличивали те средства, которые позволяли нам с честью поддерживать мир, а если война была неизбежна — успешно выдержать ее...

Наше прежнее государство, конечно, нуждалось в некоторых улучшениях, однако оно обладало такой способностью к развитию, которой хватило бы и для новой эпохи, и для детей наших детей. Но революция выбросила за борт все то, что создало наше величие, и явилась величайшим преступлением против будущего нашего народа. Крах следует приписать не нашей прежней государственной системе, а недостаткам представляющих ее лиц (это старая песня: законы святы, только исполнители — лихие супостаты. — *Б. С.*). Наше общество частично погрузилось в слабодушное эпигонство; распространилось материалистическое мировоззрение; влияние всеобщего, равного и прямого избирательного права, всегда способствующего переходу власти в руки демагогов, уже не уравновешивалось более наличием сильного правительства или высшего сословия, обладавшего твердым характером».

Однако тот политик, которому суждено было похоронить сначала Версальскую систему, а затем Германскую империю, смотрел не в прошлое Второй империи, а в будущее тысячелетней Третьей империи, возникшей на базе расовой ненависти к «недочеловекам» и мистико-языческой веры в великую историческую миссию немцев, призванных очистить

мир от скверны, уничтожить «расово неполноценные» элементы, подчинить себе всю Европу и утвердить вечное господство на земле одной избранной нации-расы. В сравнении с Гитлером самый консервативный из политиков эпохи германских кайзеров выглядел неисправимым либералом. Только предложенными национал-социалистами бесчеловечными средствами удалось похоронить Версаль, но эти же средства привели Германию к гибели. До этого печального конца, к их счастью, не дожили ни Вильгельм II, умерший в самый разгар успехов вермахта, ни Гинденбург, ни Людендорф, ни Тирпиц и ни один из германских канцлеров.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР: ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

Итоги Первой мировой войны подвел Версальский мир, подписанный Германией и странами Антанты 28 июня 1919 года. Германская империя лишилась всех своих колоний, а на континенте вынуждена была уступить Польше Познанскую провинцию, часть Померании, Восточной и Западной Пруссии и Верхней Силезии (Гульчинский район Верхней Силезии отошел к Чехословакии), вернуть Франции Эльзас—Лотарингию, Дании — Северный Шлезвиг, а Бельгии — округа Эйпен, Мальмеде и Морене. Данциг становился вольным городом, а переданный под управление Лиги Наций Мемель в 1923 году был присоединен к Литве. Всего, не считая колоний общей площадью 2,65 млн. кв. км и с населением 12 млн. человек, Германия лишилась 70 тыс. кв. км территории, где проживало 6,5 млн. человек — десятая часть населения империи. Кроме того, Саар передавался на 15 лет под управление Лиги Наций, после чего плебисцит должен был решить его судьбу (в 1935 году подавляющее большинство населения проголосовало за возвращение в состав Германии). Концессии на саарские угольные копи передавались Франции. Германия лишилась территорий, на которых до войны добывалось 75% железной руды и цинка, 20% угля и выплавлялось 26% чугуна. Однако основная часть германской промышленности сохранилась, что позволило в даль-

нейшем провести ремилитаризацию страны всего за четыре года — в 1935—1939 годах.

Левобережье Рейна и полоса правого берега шириной 50 км были демилитаризованы. Численность германской армии определялась в 115 тысяч человек, и вооруженные силы отныне могли комплектоваться только на добровольческой основе. Германии было запрещено иметь военную авиацию, подводные лодки, крупные боевые корабли, зенитную и тяжелую артиллерию и химическое оружие. Согласно Версальскому мирному договору, упразднился германский Большой генеральный штаб — преемник прусского Генерального штаба. Однако вместо него в составе министерства рейхсвера было образовано управление войск. Ряд подразделений бывшего Генштаба был включен в состав гражданских ведомств. Так, отдел военных сообщений стал частью министерства судоходства, картографический отдел — частью управления топографической съемки, а военно-исторический отдел вошел в состав рейхсархива, президентом которого стал генерал Мерц фон Квирнгейм, последний руководитель военно-исторической службы Генштаба.

Как на ответственную за возникновение войны, на Германию была возложена выплата репараций державам-победительницам в сумме 152 миллиардов золотых марок в течение 30 лет. В 1919—1920 годах были также заключены мирные договоры с бывшими союзниками Германии, подтвердившие распад Австро-Венгрии и Османской империи и существенные территориальные потери Болгарии, лишившейся части Фракии и выхода к Эгейскому морю. Австрия, Венгрия и Болгария — государства, прямо ущемленные в ходе создания Версальской системы, стали потенциальными союзниками Германии в идее реванша. В Австрии усилились настроения в пользу аншлюса — присоединения к Германии. Кроме того, не получившие всего, чего они хотели в ходе передела мира, Италия и Япония стали проявлять стремление сблизиться с Германией.

В Германии были сильны настроения против подписания тяжелого и унижительного Версальского мира. В знак протеста против несправедливых, по их мнению, условий

мирного договора ушли в отставку тогдашний глава правительства Ф. Шейдеман и главнокомандующий армией П. Гинденбург. Но и они, и основная часть политиков и военных понимали, что альтернативы подписанию нет. Иначе — возобновление войны, которую германские войска все равно вести не могут. Поэтому неизбежно последует оккупация Германии союзными войсками, а далее вполне возможным представлялось отторжение ряда дополнительных германских территорий в пользу Франции и Польши и даже расчленение страны посредством поощрения Антантой сепаратизма ряда германских земель, прежде всего Баварии, северогерманских ганзейских городов и прирейнских провинций Пруссии. Опасались также ожесточенной гражданской войны и установления в Германии «русских условий жизни». Шейдеман так изложил в мемуарах обсуждавшиеся германским правительством возможные последствия неподписания мирного договора: «Отдельные свободные германские государства не смогут устоять против давления и предложений союзников заключить с ними мир. Если уже теперь такие тенденции проявляются в Баварии, в Рейнской провинции и на востоке, то тем более этого следует ожидать, когда произойдет полное крушение Германии. По крайней мере, Рейнская республика — это вопрос дней. Если эти тенденции воплотятся в жизнь, то союзники так прочно закрепят за собой соответствующие германские государства, что единое германское государство фактически перестанет существовать.

Но и меньшие германские области объявят себя независимыми и будут искать сближения с нашими противниками. Карта германского государства исчезнет, и на ее месте появится пестрая сеть маленьких государств, о которых всегда так горячо мечтала Франция...

Расчет на то, что союзники вступят в управление поверженной в прах Германией, неоснователен. Сильное течение в среде союзников (Франция, Англия) желает обессиления Германии, и потому союзники, уничтожив единство Германии, предоставят отдельные ее части самим себе.

Последствия вступления союзников в Германию, кото-

рые будут вызваны неподписанием договора, могут быть сведены к следующему:

1. Разрушение союзного государства, распадение его на отдельные небольшие государства. Ненависть этих государств к Пруссии, на которую будет возлагаться ответственность за катастрофу, сделает длительным разъединение отдельных государств, ранее составлявших империю.

2. Мир вскоре был бы заключен не единой Германией, а отдельными государствами, которым было бы поставлено условие не объединяться в будущем. Этот мир был бы еще хуже нынешнего.

3. Падение правительства и замена его независимыми (в то время в Германии игравшими примерно ту же роль, какую сыграли левые эсеры в России с конца 1917 до середины 1918 года. — *Б. С.*) и коммунистами. Распадение, полное отсутствие порядка в стране».

Тем не менее, несмотря на столь мрачный сценарий в случае повторения, по аналогии с линией Троцкого в Бресте, политик «ни мира, ни войны» Шейдеман подписывать унизительный Версальский мир отказался. 5 июня 1919 года он процитировал в дневнике некоторые свои высказывания на заседании правительства, где решался вопрос, принимать или не принимать предложенный мирный договор: «Решения не могут быть приняты, пока у нас нет перед глазами ультиматума. Мы будем решать дело по существу, каждый с лучшим намерением, в интересах страны. Я заявил публично, равно как и некоторым из вас, что этого договора я не подпишу. Я сказал 12 мая в Национальном собрании: какой честный человек, не говорю — какой немец, но какой честный, верный своему слову человек может пойти на эти условия? Какая рука не дрогнет, надевая на себя и на нас эти оковы? Я убежден, что политическое будущее принадлежит только тем, кто на эти требования скажет прямо: нет! Допускаю, что государство в конце концов должно будет уступить силе и сказать: да! Но одно я должен заверить: я не буду в числе тех, кто это сделает. Я считаю, что мы должны совершенно прямо и честно сказать Антанте: то, чего вы от нас требуете, невыполнимо. Если вы не хотите нам верить, при-

ходите в Берлин и взгляните сами. Не требуйте от нас, чтобы мы стали палачами своего собственного народа. Договор — даже при решительных уступках — невыносим. Поэтому для меня он клочок бумажки, на котором я своего имени не поставлю. То, что Эрцбергер говорит о распадении государства, если мы не подпишем мира, может быть с равным основанием сказано и на случай его подписания».

А 7 июня канцлер заметил в дневнике: «Поведение «независимых» я считаю позорным — «мы должны подписать». На какие же уступки пойдут противники, если знают, что мы все равно подпишем что угодно?»

Шейдеман, вольно или невольно, повторял тактику Троцкого в Бресте. Лев Давидович позднее воспроизвел в мемуарах свой разговор с Лениным, в ходе которого предложил как можно больше тянуть переговоры, агитируя на них за германскую революцию, а в конце концов отказаться как от подписания грабительского мирного договора, так и от продолжения войны, распустив армию, которая все равно сражаться не могла. Тем самым Троцкий рассчитывал проверить, сможет ли германское командование возобновить наступление на Востоке. Однако у германских политиков в 1919 году не было никаких сомнений, что Антанта сможет перейти в наступление.

Германский канцлер намеревался применять тактику «ни мира, ни войны» вплоть до момента предъявления Антантой ультиматума с требованием подписать договор. Он рассчитывал лишь запугать бывших противников коммунистической революцией и добиться смягчения условий как по части репараций, так и по части территориальных потерь. Однако коллеги Шейдемана по кабинету и Национальному собранию, в том числе президент Фридрих Эберт и глава германской делегации в Версале и министр финансов Матиас Эрцбергер, один из лидеров партии Центра (последний за свою позицию в 1921 году был убит праворадикальными террористами из организации «Консул»), решили не рисковать, не надеясь на радикальное смягчение требований Антанты. Принципиальная разница с положением лидеров большевиков в начале 1918 года заключалась в том, что Ленин и Троц-

кий тогда не без основания рассчитывали на поражение Германии на Западе после вступления в войну Америки и скорую германскую революцию. У Шейдемана и его коллег подобных расчетов на революцию во Франции и Англии летом 1919 года быть не могло.

ПОЧЕМУ РАСПАЛИСЬ ИМПЕРИИ

В результате Первой мировой войны, как следствие военного поражения, распались три империи и рухнули три многовековые монархии — Австро-Венгерская, Османская и Российская. От последней отпали ее окраинные территории — Финляндия, Польша, Литва, Латвия и Эстония. В этом случае основой для отпадения стали противоречия давнего стремления поляков воссоздать свое государство и молодого национализма финнов, литовцев, латышей и эстонцев, поддержанного державами Антанты, с универалистской имперской идеей русских — основного государствообразующего этноса Российской империи. Национализм еще двух народов — белорусов и украинцев — оказался слишком слабым и не получил поддержки Антанты. Большевикам с помощью Красной Армии удалось его подавить. Сильно выраженный национализм народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии также остался без поддержки извне, а военно-экономические ресурсы этих стран оказались недостаточны, чтобы противостоять новым строителям империи — большевикам.

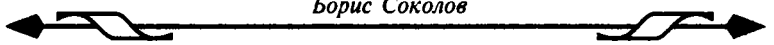
Точно так же в Османской империи арабы в своем противостоянии с государствообразующим этносом — турками — получили поддержку держав-победительниц и отделились от Османской империи, которая в результате превратилась в Турецкую Республику, где сохранилось лишь одно значительное национальное меньшинство — курдское.

Австро-Венгрия распалась прежде всего из-за того, что между отдельными ее народами существовали острые противоречия — между немцами (австрийскими и богемскими) и чехами, между венграми и словаками, между венграми и румынами, между сербами и хорватами, между сербами и вен-

грами, между немцами и итальянцами, между словенцами, хорватами и итальянцами, между поляками и украинцами. В обстановке военного поражения у этих народов не было большого желания оставаться в составе Габсбургской империи. Наоборот, создав новые национальные государства, они рассчитывали на снисхождение победителей.

Германская империя, в отличие от Австро-Венгрии, состояла из земель, населенных, за редким исключением, одним народом с одним языком и культурой. Сепаратизм отдельных земель был не столь уж силен (его нельзя было сравнить с сепаратизмом чехов, венгров, румын и югославянских народов Дунайской монархии). Да и державы Антанты никак не могли определиться, стоит ли им поддерживать сепаратизм отдельных германских государств, составлявших империю, или нет. От Германской империи были отторгнуты колонии, ставшие подмандатными территориями Англии, Южно-Африканского Союза и Франции, а также территории с преимущественно негерманским населением: поляками, датчанами, эльзасцами, лотарингцами и др. Однако ни одна из этих отторгнутых частей не стала самостоятельным государством. Даже польские провинции Пруссии, войдя в состав нового Польского государства, не сделались его центром. Ядром новой Польши стали бывшие польские губернии Российской империи.

В устойчивости Германской империи немаловажную роль сыграл и следующий момент. К 1918 году династия Гогенцоллернов в качестве германских императоров насчитывала лишь полвека. Поэтому имперская идея не была столь тесно связана с ней и с монархическим принципом вообще. Поэтому здесь социальный катаклизм — революция, как неизбежное следствие поражения в войне, — не вел к автоматическому распаду национального образования империи. В Австро-Венгрии, Турции и России царствующие династии насчитывали не одну сотню лет (в России — 300 лет, если считать от первого Романова, и более тысячи лет, если считать от Рюрика) и олицетворяли собой соответствующие империи. Сама имперская идея здесь вне связи с монархией вообще не существовала, тогда как в Германии социал-демо-



краты и либералы вполне допускали существование республиканского Рейха. Фактически империя Гогенцоллернов была германским национальным образованием, тогда как Российская, Австро-Венгерская и Османская империи были наднациональными образованиями, подданных которых должна была объединять преданность монархии и вере (православной, католической или мусульманской). Это обстоятельство и привело к их значительно меньшей устойчивости в условиях военного поражения.

Часть четвертая

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: У ОРЛА ОТРАСТАЮТ ПЕРЬЯ. 1919—1933 ГОДЫ



ВЕЙМАРСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ

Основным результатом Первой мировой войны стала гегемония Франции на Европейском континенте и Англии — на океанах, а также временная утрата Германией великодержавия. Япония, получившая германские колонии на Дальнем Востоке, заняла ведущее положение в Китае. В США, отказавшихся вступить в Лигу Наций и потому не подписавших Версальский договор, возобладали изоляционистские настроения. Многие американцы считали, что промышленное и торговое первенство само по себе гарантирует положение в мире и безопасность их страны, без какой-либо системы союзов в мирное время. Советская Россия оказалась вне рамок Версальской системы и в последующем сблизилась с Германией. Союз двух государств-изгоев в конце концов разрушил эту систему в 1939 году. В результате Первой мировой войны карта Европы стала гораздо пестрее. Возникли новые государства: Австрия, Венгрия, Югославия, Польша, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Противоречия между новыми государствами, сохранившийся промышленный потенциал Германии и ее ущемленное положение в послевоенном мире делали новую мировую войну весьма вероятной.

Одним из основных противоречий в краткосрочном бытии Веймарской республики, способствовавшим ее гибели, было то, что ее политика отнюдь не была имперской, но при этом среди значительной части политиков и народа существовали имперские настроения. Они окончательно возобладали после тяжелейшего экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов, но были сильны уже сразу после Первой мировой войны. Так, глава Флотского и Армейского союзов генерал Август Кейм в 1920 году писал: «Старый милитаризм... мы не в состоянии возродить. На этот счет не стоит обманываться. Но подлинный военный дух мы должны лелеять и растить. Дух Танненберга, который вел нас к победе в бесчисленных боях. Тот дух, который в августе 1914 года воодушевлял все немецкие земли. Для этого следует неустанно напоминать народу, во всех его слоях, о героических подвигах мировой войны, воплощающих истинную германскую доблесть».

Бернгард Бюлов вспоминал, как весной 1922 года министр иностранных дел Вальтер Ратенау, навестивший его в берлинском отеле «Бристоль», выглянув из окна на Унтерден-Линден, сказал: «Если я встану там, на середине улицы, и закричу: «Да здравствует великое старое время, ура Бисмарку, да здравствуют император и империя, да здравствует старая славная Пруссия, да здравствует наша старая армия!», то меня, вероятно, сейчас же арестуют, но люди, за исключением нескольких оборванцев, будут смотреть на меня с удивлением, а женщины будут посылать мне воздушные поцелуи. Если же я закричу: «Да здравствует республика!», то все засмеются. Республика у нас в Германии — это нечто обывательское, нечто почти комическое».

Адмирал Тирпиц, оценивая состояние умов в Германии после Первой мировой войны, писал: «Сегодня наше положение хуже, чем после Тридцатилетней войны... Без необычайно серьезного самоотрезвления и духовного обновления германский народ никогда больше не будет жить на свободной земле, быстро или постепенно перестанет быть великим по своей культуре и численности народом; тогда не будет возможен и новый Веймар... Если когда-нибудь германский

народ воспрянет ото сна, в который погрузила его катастрофа, и с гордостью и умилением вспомнит об огромной силе, добродетели и готовности к жертвам, которыми он обладал в прусско-германском государстве и даже еще во время войны, то воспоминание о мировой войне встанет в один ряд с его величайшими национальными святынями. Будущие поколения нашего народа будут укреплять свою веру, поражаясь тому, как, несмотря на неполноценность наших союзников, мы противостояли ужасающему превосходству сил, как боролись против всемирного антигерманского заговора, организованного англичанами, как сохраняли много лет бодрость, несмотря на клеветническое отрицание нашего миролюбия и грубое уничтожение бесчисленных германских жизней во всех частях света, как умели настигать врага на суше и на море и приносить себя в жертву. Но, как и во времена Лютера, Германия оставалась здоровым жеребцом, которому недостает одного: ездока».

Ездока вскоре нашелся — Адольф Гитлер. Чем окончились очередные скачки к мировому господству — известно.

После Первой мировой войны и тяжелого, но все-таки не смертельного для существования Германии Версальского мира у германского народа и германских политиков была альтернатива: либо готовиться к реваншу, либо твердо встать на путь демократии и примирения со своими вчерашними врагами и признать свою ответственность за развязывание войны. Второй путь предлагали германские социал-демократы. Карл Каутский писал осенью 1919 года по горячим следам Версаля: «Отдельные смелые и дальновидные германские социалисты и пацифисты уже во время войны осознали и открыто говорили о том, что германский народ гнуснейшим образом обманут своим правительством и что лишь таким образом он мог быть вовлечен в войну. Теперь это наконец без всяких «но» и «если», без всяких указаний на виновных лиц в других странах должно быть признано всеми честными элементами Германии, не присягнувшими божественному началу Гогенцоллернов.

Это будет лучшим средством для Германии приобрести вновь доверие народов и устранить у победителей влияние

милитаристической политики насилия, которая в настоящее время стала самой сильной угрозой покою и свободе всего мира».

Однако подобный позитивный сценарий развития Германии смог быть реализован только после Второй мировой войны, в условиях полного военного разгрома, безоговорочной капитуляции и оккупации и раскола Германии и притом лишь в возникшей в западных зонах Федеративной Республики Германии. А вот после Первой мировой войны, к сожалению, даже большинство социал-демократов отказывались безоговорочно признать тезис об ответственности Германии за войну, чем облегчили Гитлеру и нацистам приход к власти.

Немецкий народ тяжело переносил условия Версальского мирного договора. Но утрата страной статуса империи была для него все-таки не самой страшной и горькой потерей. Конечно, немцы сожалели о том, что лишились заморских колоний, где делали успешную карьеру многие представители среднего класса и наживались миллионные состояния. Сожалели и о потере Эльзас—Лотарингии и Северного Шлезвига. Однако данные территориальные утраты не переживались особенно остро. Ведь на этих землях почти не было этнических немцев, соответственно, в Германии не возникло многочисленных и влиятельных общин изгнанных из Эльзас—Лотарингии или Шлезвига и тем более — из заморских колоний. Иное дело — восточные территории, отторгнутые в пользу Литвы и Польши или насильственно сделанный «вольным городом» Данциг. Там остались значительные немецкие меньшинства, и много немцев также вынуждены были покинуть эти территории. А в некоторых регионах, как, например, в Данциге, Мемеле или в уступленном Польше Данцигском коридоре, немцы составляли подавляющее большинство населения. Они нередко подвергались притеснениям со стороны польских и литовских властей, особенно в сфере школьного образования, и это обстоятельство вызывало возмущение среди соотечественников в Германии. В дальнейшем эти чувства весьма удачно эксплуатировались на-

цистами для наращивания избирательной поддержки и прихода к власти.

При этом отпадение населенной почти исключительно поляками Познанской провинции не вызывало у подавляющего большинства немцев особых эмоций. Иное дело — переход к Польше ряда районов Верхней Силезии и Восточной и Западной Пруссии, где оставались значительные по численности немецкие меньшинства и происходили межэтнические столкновения. Утрата этих территорий была весьма болезненной для германского национального сознания. Также и положение притеснявшихся чехами немцев в Судетской области Чехословакии вызывало горячее сочувствие в Германии.

Но главные тяготы Версаля для немцев были связаны с многомиллиардными репарациями, с узаконенным мирным договором оккупацией угольного сердца германской промышленности — Саара и последующей оккупацией французскими войсками Рурской области в качестве залога для гарантии уплаты репараций. Немцев раздражала и пугала инфляционная буря начала 20-х годов, которая, как и финансово-промышленный кризис начала 30-х, в их сознании была связана с политикой версальского диктата и мощно подпитывала реваншистские настроения.

Можно было бы представить себе иное развитие событий, если бы условия Версальского мира оказались менее жесткими по отношению к Германии? Да, несомненно, в таком случае нацисты никогда бы не пришли к власти и Второй мировой войны просто бы не было. Можно даже пофантазировать, каким должен был бы быть «справедливый» Версальский мир. Если бы у Германии были отторгнуты Эльзас—Лотарингия, Северный Шлезвиг, Эйпен и Мальмеди, Познань и заморские колонии, где собственно немецкое население было в очевидном меньшинстве, но одновременно были бы сохранены в её составе Данциг, Померания, Мемель и хотя бы некоторые из переданных Польше районов Восточной Пруссии и Верхней Силезии, если бы при этом от Германии не был отторгнут Саар и не был ограничен германский суверенитет над левым берегом Рейна, это сильно уменьшило бы

в Германии народную поддержку идей реванша. Если бы военные ограничения касались боевой авиации, отравляющих веществ, танков, флота, но при этом численность рейхсвера была бы 300—400 тыс. человек, это позволило бы значительно большему числу офицеров Первой мировой войны продолжить службу в армии и уменьшило бы потенциал недовольства в среде профессиональных военных, подпитывавшего нацистских штурмовиков и другие военизированные отряды. Если бы, наконец, размер репараций был установлен раз в 5—10 меньше, чем он оказался в действительности, это не создало бы в Германии обстановку почти перманентного экономического кризиса. Парадокс заключался в том, что и для победителей германские репарации доказали справедливость поговорки «жадность фраера сгубила». Репарации привели к фактическому выпадению германской промышленности из международного разделения труда, а это, в свою очередь, провоцировало стагнацию во всей Западной Европе. В результате суммы, получаемые в качестве выплат по репарациям, правительства Англии и Франции в значительной мере вынуждены были расходовать на пособия по безработице. Затем грянул мировой экономический кризис 1929—1933 годов, и Гитлер пришел к власти.

Для реванша необходимо было прежде всего воссоздать германскую военную машину, невзирая на ограничения Версальского договора. И здесь неоценимую помощь веймарской Германии оказал Советский Союз.

Сохранению германского экономического потенциала, тому, что германская промышленность не развалилась под ударами кризиса, способствовали прежде всего американские займы и кредиты, предоставленные в 1924—1930 годах в рамках планов Дауэса и Юнга. При этом американцы отнюдь не думали о вооружении Германии для реванша, а заботились лишь о восстановлении устойчивости мировой финансово-экономической системы, в которой Германия становилась «черной дырой». Точно так же Советский Союз, наладивший тайное сотрудничество с Германией в 20-е — начале 30-х годов, не предполагал, что помогает вооружаться своему самому страшному врагу в недалеком будущем. Впрочем,

масштаб сотрудничества тогда не казался слишком большим. Его значение в плане накопления подготовленных кадров для новейших видов вооруженных сил стало ясно лишь через несколько лет после прекращения германо-советской кооперации в военной области, когда накануне Второй мировой войны массовая германская армия с новейшим вооружением возродилась в кратчайший срок, как феникс из пепла.

КАК СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВООРУЖАЛ ГЕРМАНИЮ В 1922—1933 ГОДАХ

По условиям Версальского мира проигравшей Первую мировую войну Германии не разрешалось вводить всеобщую воинскую повинность и иметь сухопутную армию, превышавшую 100 тысяч человек, в том числе 4 тысячи офицеров. Срок службы в этой сугубо профессиональной армии устанавливался в 12 лет для унтер-офицеров и рядовых и в 25 лет для офицеров, чтобы германские вооруженные силы не могли накопить значительного количества обученных резервистов. Германский флот мог иметь только 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 контрминоносцев и 12 миноносцев. Германии было запрещено иметь подводные лодки, химическое оружие, дирижабли, боевую авиацию и танки и производить все эти виды вооружений на своей территории. Однако германскому правительству удалось обойти эти запреты, наладив производство образцов запрещенных вооружений и подготовку соответствующих специалистов за рубежом, прежде всего в СССР.

Первая мировая война была вчистую проиграна не только Германией и ее союзниками, но и Советской Россией. Версальский мир сделал из этих стран изгоев. Германия войну проиграла. Россия выпала из числа победителей, подписав с Германией сепаратный Брестский мир и всерьез пугая Антанту мировой революцией. Сближение этих двух стран на каком-то этапе представлялось неизбежным. Рапалло положило начало первому периоду этого сближения, завершившегося с приходом Гитлера к власти в 1933 году. Второй раз две страны сблизилась в 1939 году, и непосредственным

результатом этого сближения стало начало Второй мировой войны.

Первые два-три года после Версаля советско-германское сотрудничество тормозилось надеждами Москвы на победу революции в Германии. В апреле 1920 года, после разгрома Деникина, с веймарской Германией было заключено первое соглашение — об обмене военнопленными и интернированными, предусматривающее создание наблюдательных миссий в Москве и Берлине. Советско-польская война стимулировала сотрудничество двух стран-изгоев. В конце 1920 года, вскоре после катастрофы Красной Армии под Варшавой, Ленин, выступая перед председателями уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, прямо заявил: «Версальский мир держится на Польше... Нам не хватило сил довести войну до конца. Но нужно помнить, что наши рабочие и крестьяне были разуты и раздеты, но они шли все-таки вперед и преодолевали такие трудности и воевали при таких условиях, при каких не приходилось воевать ни одной армии во всем мире. У нас не хватило сил, мы не могли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов, но наша армия показала всему миру, что Версальский договор не есть такая сила, какой его изображают, что сотни миллионов людей осуждены теперь на то, чтобы десятилетиями платить самим и заставлять платить внуков и правнуков по займам, чтобы обогатить французских, английских и других империалистов. Красная Армия показала, что этот Версальский договор не так прочен. После этого Версальского договора наша армия показала, как разоренная Советская страна летом 1920 года была, благодаря этой Красной Армии, в нескольких шагах от полной победы. Весь мир увидел, что есть сила, для которой Версальский договор не страшен, и что никакие версальские договоры не сломят силы рабочих и крестьян, если они умеют расправляться с помещиками и капиталистами».

Это была недвусмысленная угроза-предупреждение Антанте и государствам-лимитрофам. Оставалось только подождать, когда красноармейцы обуются-оденутся и, сытые и

отлично вооруженные, вновь ринутся на Варшаву и на этот раз доведут дело до конца.

Естественным союзником в предстоящей разборке с Польшей становилась Германия. Но для новой большой войны в Европе надо было поднакопить силы, предоставив немцам и полякам пока что вести малую войну в Верхней Силезии. И уже в декабре 1920 года Троцкий писал главе советской наблюдательной миссии в Берлине Виктору Коппу: «Совершенно независимо от того, будет ли германская буржуазия драться с белой Польшей из-за частей Силезии, я считаю — и это здесь общее мнение, — что наша политика должна быть строго миролюбивой. Несомненно, состояние нашей армии и нашего транспорта таково, что мы могли бы с избытком ликвидировать последствия наших августовских неудач на Западном фронте (это пустое бахвальство, напоминающее махание кулаками после драки: «Мы бы им дали, если бы они нас догнали»). Транспорт, наркомом которого только что был назначен Троцкий, находился совсем не в блестящем состоянии. Красная Армия испытывала трудности со снабжением, и из ее рядов росло дезертирство. К тому же в стране ширились крестьянские восстания и рабочие забастовки. — Б. С.). Но об этом не может быть и речи. Партия намерена самым твердым и решительным образом проводить политику мира. Все наши силы сосредоточиваются сейчас на хозяйственных задачах».

К весне 1922 года надежды на революцию в Германии стали совсем призрачными. И 16 апреля 1922 года в местечке Рапалло под Генуей был подписан советско-германский договор, подведший черту под Первой мировой войной. Москва и Берлин отказывались от взаимных претензий и устанавливали дипломатические отношения.

Впервые великая держава, пусть и разбитая в войне, признала Советскую Россию в качестве равноправного партнера. Для Москвы это был также серьезный прорыв торгово-экономической блокады. Для Германии же Рапалло означало прежде всего прорыв устроенной Антантой дипломатической блокады. Ст. 5 этого договора предусматривала, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти

навстречу хозяйственным потребностям обеих стран». При этом германское правительство объявило о готовности «оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь». Фактически за туманными формулировками скрывались возможности военного сотрудничества двух врагов Версаля. Но реализованы на практике они были далеко не сразу. Сперва потребовалось полное разочарование советского руководства в перспективах германской революции. Этапом здесь стал провал коммунистического восстания в Гамбурге в сентябре 1923 года.

По свидетельству начальника IV Разведывательного управления РККА Я.К. Берзина, приведенному в докладе в декабре 1928 года, «переговоры о сотрудничестве между РККА и рейхсвером, насколько мне известно, начались еще в 1922 г. (точных данных в IV управлении не имеется). Переговоры... после длительного обмена мнениями осенью 1923 г. приняли конкретную форму договоров:

а) с фирмой «Юнкерс» о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода;

б) с командованием рейхсвера о совместной постройке завода по выделке иприта... Далее в 1924 г. через фирму «Метахим» был принят нашей промышленностью от рейхсвера заказ на 400 000 снарядов для полевых трехдюймовых орудий».

Однако эти начинания Советскому Союзу особой пользы не принесли. Со снарядами вообще вышел скандал. Сведения о сделке с подачи социал-демократов проникли в германскую прессу, и у союзников появился лишний повод обвинить Берлин в нарушении условий Версальского договора. Еще 15 марта 1922 года было подписано советско-германское соглашение о строительстве фирмой «Юнкерс» в Филях и в Харькове заводов по производству самолетов и авиамоторов. Германское правительство выделило на это кредит в 600 млн. марок. Но авиазавод фирма «Юнкерс» тогда так и не построила. Так же и ипритный завод не вышел из стадии проекта.

Гораздо плодотворнее развивались дела с организацией германских военно-учебных центров на советской террито-

рии и с поездкой командиров Красной Армии на стажировку в Германию. В мае 1925 года в Липецке была создана немецкая авиашкола. В 1926 году возникла аналогичная танковая школа в Казани (объект «Кама»), а также предприятие по совместной разработке химического оружия в Подосинках, а затем в Самарской области на Волге недалеко от Вольска (объект «Томка»). В том же году первые два краскома отправились в Германию в качестве слушателей «академических курсов» (под этим названием маскировалась военная академия).

Делались попытки развивать и военно-экономическое сотрудничество. 13 августа 1925 года советский военный атташе в Берлине И.П. Лунев докладывал о посещении оптического завода Герца: «Директор Шпан... все время убеждал меня в том, что крайне нецелесообразно было строить собственный завод оптического стекла в России и что гораздо выгоднее покупать это стекло за границей (хотя бы у Герца). Он старался доказать, что даже теперь, когда завод построен, все же выгоднее оставить его, а закупить запас стекла за границей... Нам было в свое время предложено оборудование для съемки... Отделы завода занимаются выработкой военных приборов (панорамы, стереотрубы, дальномеры) и находятся в Прессбурге, в Вене». Лунев также ознакомился с постановкой радиотелеграфного дела в рейхсвере. Ему даже доверительно сообщили, что «рейхсвер переходит без ведома союзников на систему незатухающих колебаний, причем все старое (искровое) оборудование будет заменено в течение года».

31 декабря 1926 года отвечавший за военное сотрудничество с Германией И.С. Уншлихт сообщал Сталину: «До сих пор основная идея сотрудничества обеих сторон опиралась для нас на полезность привлечения иностранного капитала к делу повышения обороноспособности страны; для них — она вытекала из необходимости иметь укрытую базу для нелегальных вооружений».

В строгой конспирации были заинтересованы в одинаковой степени и мы, и они...

Оценивая сотрудничество за истекший период... приходим к выводу, что оно не оправдало ожиданий обеих сторон.

Мы получили только частично пригодное оборудование известных предприятий, могущее быть использовано только после больших работ по перестройке; они ухлопали все свои средства, оскандалились...

С ослаблением непосредственной политической зависимости Германии от стран Антанты, приобретением некоторого права голоса в Лиге Наций все меньше остается места для нелегальных результатов. Однако неверно было бы утверждать, что Германия полностью отказалась от нелегальной возможности поднятия своей обороноспособности. Несомненно, что с увеличением своего удельного веса немецкие дипломаты постараются добиться желаемых результатов путем прямых переговоров, имея одновременно про запас на случай неудачи некоторые нелегальные возможности. Таким образом, основная задача, поставленная нами в начале сотрудничества, — усиление материальной части РККА (по организации военной промышленности), — не привела к желаемому результату...

Считаю, что, продолжая в дальнейшем совместную работу с немцами, мы должны... стремиться использовать их тактический и оперативный опыт мировой войны и дальнейшие разработки этого опыта (участие наших специалистов в германских военных играх, маневрах и т. д.), а также важнейшие технические новшества немцев по связи, артиллерии, авиации, танковому делу как в чисто техническом, так и в тактическом отношении».

Но вплоть до 1928 года сотрудничество со стороны рейхсвера развивалось не слишком активно. В докладе, составленном в конце этого года, Я.К. Берзин жаловался: «Существующие предприятия пока что нам реально дали немного... Авиационная школа в Липецке до 1928 года нами использовалась слабо... Школа первые два года была материально слабо обеспечена, имела старые самолеты, и работа для нас особого интереса не имела. Начиная с 1927 года школа стала работать, и наш интерес к ней возрос...

Танковая школа в Казани до сих пор еще не начала функционировать; занятия в ней начнутся, по заявлению немцев,

лишь с весны 1929 года, когда будут из Германии доставлены необходимые для школы танки».

Единственным светлым пятном оставалась «Томка». Берзин сообщал в своем докладе: «Химические опыты в Подосинках, а потом в «Томке» дали положительные результаты, и продолжение этих опытов в течение ближайшего года Химуправлением признается целесообразным».

О причинах, побудивших Берлин активизировать сотрудничество с Москвой, начальник Разведупра РККА рассуждал следующим образом: «До начала 1928 года... отношение немцев к сотрудничеству было выжидательное и довольно прозрачно отражало все те колебания, которые наблюдались в германской внешней политике. «Военное сотрудничество» с Советским Союзом для германской дипломатии было лишь козырем в переговорах с Францией и Англией. Однако с началом нового сближения между Англией и Францией... и крахом немецких надежд на благоприятное для Германии разрешение репарационного вопроса и «рейнской проблемы»... отношение руководящих кругов рейхсвера к вопросу сотрудничества с РККА постепенно меняется. В СССР для ознакомления с РККА и изучения возможностей сотрудничества командированы... зам. начальника Генерального штаба Миттельбергер, а затем и начальник Генерального штаба генерал Бломберг. Во взаимоотношениях отмечается более дружественный тон, чем это было раньше».

Но подозрительность к немецким партнерам в Москве сохранялась. Берзин утверждал: «Нет сомнения, что все немецкие предприятия, кроме прямой своей задачи, имеют также и задачу экономической, политической и военной информации (шпионажа). За это говорит хотя бы то, что наблюдающим за всеми предприятиями стоит такой махровый разведчик германского штаба, как Нидермайер».

Но этот шпионаж, по всем данным, не направлен по линии добычи и собирания секретных документов, а ведется путем личного наблюдения, разговоров и устных информаций (т. е., по сути, шпионажем не является. — Б. С.). Такой шпионаж менее опасен, чем тайный, ибо не даст конкретных документальных данных, а ограничивается лишь фиксирова-

нием виденного. Немцы имеют на территории нашего Союза более чем достаточно людей, при помощи которых они могут организовать прекрасную тайную разведку, вследствие чего удаление с нашей территории немецких предприятий в смысле уничтожения немецкого шпионажа дает чрезвычайно мало».

Тут уж была шпиономания чистой воды. Выкрасть какие-нибудь важные советские секреты у немцев тогда не было никакой возможности. Из-за отсталости советской промышленности о каких-либо военно-технических новинках говорить не приходилось. А получить действительно ценного агента, близкого к высшим эшелонам власти и военного руководства, в условиях тотального контроля со стороны ОГПУ и пропагандируемой среди широких масс подозрительности к иностранцам шансов почти не было, по крайней мере на территории СССР. Они возрастали в случае командировок командиров Красной Армии в Германию, однако и здесь до сих пор ни одним доказанным случаем успешной вербовки мы не располагаем.

Берзин предлагал принять предложение немецкой стороны «об обмене разведывательными данными по Польше и совместном обсуждении вопросов мобилизации и развертывания польской армии», но при этом отклонить «попытки установить организационные контакты между разведками». Это предложение Политбюро признало приемлемым, равно как и «возможность привлечь крупных немецких специалистов для конструкторской и производственной работы в СССР».

На встрече с начальником сухопутных сил рейхсвера генералом К. фон Гаммерштейном-Эквордом 5 сентября 1929 года К. Е. Ворошилов откровенно заявил: «Наши взаимоотношения построены на своеобразных началах. Мы заинтересованы по-разному в совместной работе. Рейхсвер желает иметь базу для опытов вновь сконструированных танков, обучения танкистов-специалистов, изучения тактики и свойств танков. Мы же заинтересованы, кроме указанного, еще и в том, чтобы получить техническую помощь». Тут сказывалась промышленная и научно-техническая отсталость СССР, которую Сталин рассчитывал преодолеть путем реализации 2—3 пятилетних планов.

17 октября 1931 года германский посол в СССР Герберт фон Дирксен описывал фон Бюлову свою встречу с Ворошиловым: «Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии. По его словам, как переговоры с Францией, так и переговоры с Польшей представляют из себя явления чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет об отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей... Границы с Польшей Ворошилов считает... неокончательными».

10 ноября 1931 года начальник штаба рейхсвера генерал В. Адам вместе с генералами Кестрингом, Гофмейстером и Манштейном встретился с начальником вооружений РККА М. Н. Тухачевским. На этой встрече, согласно советскому отчету, «т. Тухачевский указал, что, несмотря на некоторые достижения и успехи, темпы работы совместных предприятий все же чрезвычайно медленны, а техническая база их настолько узка, что эффект от совместного сотрудничества крайне неудовлетворительный и не оправдывается ни со стороны материальных затрат, ни с политической. Необходимо усилить темпы и извлечь максимальную пользу».

В частности, по Липецку — желательно в будущем году произвести опыты на самолетах новейших конструкций с мощными моторами на тяжелом топливе. Кроме того, необходимо испытать самолет Юнкерса с герметически закрытой кабиной в зимних условиях и в полетах на больших высотах, произвести бомбометание с этих высот и стрельбу из тяжелых пулеметов по конусам».

На встрече с В. Адамом 29 ноября 1931 года Ворошилов заверил германского коллегу, что «в переговорах с Францией нет и не может быть ничего направленного против Германии. Наша страна заинтересована в добрососедских отношениях со всеми государствами. Не исключена возможность, что мы будем вести с Польшей переговоры о пакте о ненападении... Но разговоров о границах и вообще о Германии мы вести с поляками не собираемся». При этом Климент Ефремович посетовал, что не все ладно в танковой школе в Каза-

ни: «Если бы я не знал немецкой армии, то я прямо сказал бы, что здесь вредительство... Три года в Казани возятся, и никакой новой материальной части. Все те же танки, что привезли сначала. Я говорил: шлите конструкторов — и вы, и мы будем иметь танки».

Адам оправдывался: «Мы подходим к танковому вопросу с большой осторожностью, как потому, что у нас мало средств, так и потому, что танки очень дороги и очень скоро стареют». Но Ворошилов стоял на своем: «Поскольку эти предприятия являются совместными, цель и назначение их принести пользу обеим сторонам. У нас есть уже промышленная база, но у нас пока мало людей — конструкторов. У вас же люди есть, мы так и полагали, что ваша сторона будет давать макеты, чертежи, проекты, идеи, конструкции, словом, что мы получим лаборатории и для вас, и для нас. Ничего этого нет. О школе много кричат — и поляки, и американцы... Я не понимаю, почему не используются все возможности, может быть, от нас все-таки что-то скрывают или почему-либо не считают нужным все сделать. Такое мнение не только у меня. Зель я не сам лично всем распоряжаюсь, я член Правительства и отчитываюсь перед ним. Мне говорят — риск есть, а где же результат, покажите танки, а показать нечего, три года совместной работы — и нуль полезности».

Адам же в ответ выказал свое настороженное отношение к танкам: «Неверно, что танки выиграли войну, но танки надо иметь, чтобы защищаться против танков, следить за их развитием и строить танки... Англичане тоже ограничены в средствах и воздержатся от широкого развития танков... Большие битвы никогда не будут решены танками, а людьми».

12 декабря 1931 года Дирксен доносил в Берлин о своей встрече с главой советского военного ведомства: «Ворошилов снова подтвердил, что даже в случае подписания договора с Польшей ни в коем случае не последует какого-либо ухудшения или изменения в дружественных отношениях Советского Союза с Германией. Ворошилов сказал, что ни при каких обстоятельствах, разумеется, не может быть и речи о какой-либо гарантии польской западной границы; советское правительство — принципиальный противник Версальского

договора, оно никогда не предпримет чего-либо такого, что могло бы каким-либо образом укрепить Данцигский коридор или Мемельскую границу. Что касается польской восточной границы, то ведь Советский Союз заключил мирный договор с Польшей и, таким образом, до известной степени признал границу... Я имел случай спросить г-на Ворошилова о том, что он думает о настоящем положении германо-советских отношений, на что он мне ответил, что взаимоотношения в настоящее время как с точки зрения политической, так и экономической — удовлетворительные».

12 марта 1932 года Ворошилов писал советскому полпреду в Берлине Л.М. Хинчуку: «Учитывая в достаточной степени политическое значение рейхсвера для Германии, мы, идя на материальные жертвы, сделали много для того, чтобы иметь хорошие отношения с рейхсвером. Однако при этом мы никогда не забывали, что рейхсвер с нами «дружит» (в душе ненавидя нас) лишь в силу создавшихся условий, в силу необходимости иметь «отдушину» на востоке, иметь хоть какой-нибудь козырь, чем пугать Европу. Вся «дружба» и сотрудничество рейхсвера шли по линии стремления дать нам поменьше и похуже, но использовать нас возможно полнее».

Стороны не доверяли друг другу и с большой осторожностью подходили к сотрудничеству друг с другом. Вернее, такая осторожность присутствовала со стороны Германии. Немцы боялись случайно не передать Советам лишнего в плане новейших образцов вооружений и технологий. Ведь Германия рассматривала СССР не только как союзника в борьбе против ненавистной Версальской системы, но и как весьма вероятного потенциального противника, поскольку СССР, как подозревали немцы, не оставлял надежд на коммунистическую революцию в Германии. Берлин не раз выражал обеспокоенность деятельностью Коминтерна и публичными чествованиями, которые устраивались в СССР германским коммунистам — участникам революции 1918—1919 годов, например Макс Гельцу. Так, Дирксен 20 февраля 1930 года на встрече с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым указал на ряд действий Москвы, способствовавших «обострению советско-германских отноше-

ний». К их числу германская сторона отнесла «официальное чествование в Ленинграде и других местах; официальный прием делегации красных фронтовиков Дальневосточной армией и Блюхером» и «прием делегации красных фронтовиков в Большом театре по случаю съезда Осоавиахима, на котором присутствовали Ворошилов и другие члены правительства». Кроме того, Германия становилась одной из первых целей в случае повторения остановленного в 1920 году под Варшавой похода Красной Армии на Запад. А в случае усиления Германии СССР становился ее соперником в борьбе за влияние в Восточной Европе. И немцы опасались делиться с Москвой секретами последних разработок.

Советский Союз, располагая в начале 30-х годов вооружением и военными технологиями эпохи Первой мировой войны, мог не опасаться, что Германия позаимствует у него что-то действительно ценное. Но Германия могла быть партнером для военного сотрудничества только до тех пор, пока ее вооруженные силы и военная промышленность были слабы, оставаясь под гнетом Версаля. А также до тех пор, пока слаба была советская промышленность и научно-техническая мысль. Тогда даже те крохи, которые перепали от рейхсвера, в виде ли образцов танков или совместных опытов в «Томке», представляли собой немалую ценность.

Неудивительно, что, когда в 1932 году Тухачевский разработал план нападения на Польшу, до его претворения в жизнь дело так и не дошло. Михаил Николаевич предполагал нанесение «ударов тяжелой авиации по району Варшавы» и оптимистически заключал: «В связи с новой программой танкостроения мы имеем полную возможность к концу 1932 г. превратить стрелковые дивизии, расположенные в прифронтовой полосе БВО и УВО, в механизированные бригады и корпуса». И добавил, что подобную же операцию «очень легко подготовить против Бессарабии». Однако нападать на Польшу можно было бы только при благожелательном нейтралитете Германии, которая бы не пропустила в Польшу войска и грузы Антанты. Но в Берлине хорошо понимали, что после падения Польши 100-тысячный рейхсвер останется один на один с миллионной Красной Армией. Да и внут-

реннее положение Германии в кризисном 1932 году не располагало к совместной с СССР акции против Польши. Как вспоминал Г. Дирксен: «Предпринятые в 20-е годы попытки восстановить экономику и политический престиж оказались тщетными. Социальные волнения поставили страну на грань революции. Едва ли хоть один день проходил без актов насилия, совершенных друг против друга противниками-антагонистами. Коммунисты захватили власть в Лейпциге и удерживали ее в течение нескольких дней, пока не вмешался рейхсвер и не восстановил порядок. В Берлине нападали на офицеров полиции и убивали их среди бела дня, а в ноябре 1932 года коммунисты и национал-социалисты объединились в призывах к всеобщей стачке». Вероятно, именно из-за германской оппозиции новый поход на Варшаву в 1932 году не состоялся.

Дирксен свидетельствует: «Русские с опасением и недоверием наблюдали за новорожденной Польшей, считая ее сторожевым псом Франции в Восточной Европе и силой, направленной как против России, так и против Германии.

Подобное отношение к Польше, разделяемое как Россией, так и Германией, было важной связующей нитью в дружбе двух стран. Москва была прекрасно осведомлена о чувствительности Германии ко всему, что может легализовать обладание Польшей восточногерманскими территориями, отошедшими к полякам под диктовку Версаля...

Когда летом 1932 года Литвинов, направляясь в Женеву, остановился в Берлине, его с пристрастием пытались относительно скрытых мотивов, стоящих за переговорами, которые вел Советский Союз с Польшей. Литвинов заверил в неизменной верности Союза его отношениям с Германией. Вернувшись в Москву из отпуска... я на протяжении всех последующих месяцев осени этого года продолжал поддерживать тесный контакт с Литвиновым. Он держал меня в курсе событий и доверительно информировал о ходе переговоров и даже как-то раз показал мне наброски статей договора, находившихся в стадии рассмотрения».

Не исключено, что переговоры с Польшей о заключении пакта о ненападении в какой-то момент рассматривались в

Москве как прикрытии для подготовки и реализации плана Тухачевского. Во время пребывания Литвинова в Берлине он мог выяснить позицию германского руководства по поводу возможного советского вторжения в Польшу. Но вероятнее всего такой зондаж мог происходить по военным каналам. Вот что пишет по этому поводу Дирксен: «Первостепенную важность имел тот факт, что русско-германские отношения, без сомнения, пошатнулись. По крайней мере в том, что касается Москвы. Любой сделал бы такой вывод из высказывания маршала Егорова, начальника штаба Красной Армии и одного из вернейших сторонников русско-германской дружбы. Егоров... настоятельно просил нашего военного атташе Кестринга убедить германское правительство в том, что Германии следует решить, желает ли она ориентироваться в своей политике на Запад или на Восток. Если же она предпочтет колебаться между ними или однозначно принять сторону Запада, то фундаментальные изменения в советской политике будут неизбежны.

Таким образом, приход к власти национал-социалистов совпал с кризисом в русско-германских отношениях, но не он породил его».

В рамках же военно-экономического сотрудничества советская сторона рассчитывала, что немцы возьмут в качестве концессий ряд советских военных заводов, стоявших со времен Гражданской войны из-за отсутствия оборудования и специалистов. Однако немцы совсем не собирались прилагать какие-либо сверхусилия в развитие советской военной промышленности. И дело было не только и не столько в том, что многие германские генералы и политики отнюдь не исключали, что в обозримом будущем Россия может превратиться в потенциального противника Германии. Еще важнее было то, что германская сторона была заинтересована в сохранении, а при возможности — и в тайном развитии мощностей своей военной промышленности и не хотела плодить для нее серьезных конкурентов. Поэтому дело ограничилось созданием с немецкой помощью всего двух заводов, не приспособленных для выпуска самых современных видов самолетов и боевых отравляющих веществ.

Германия рассматривала СССР прежде всего как полигон для испытания новых видов вооружений, а также место для обучения германских военнослужащих обращению с теми видами вооружений и боевой техники, которые были запрещены для Германии соответствующими статьями Версальского договора.

В Советский Союз вывозилось различное военное имущество, в том числе компоненты боевых отравляющих веществ. Германские авиазаводы «Юнкерс» выполняли заказы для Красной Армии. Немецкие специалисты также построили авиазавод в СССР на базе Русско-Балтийского завода в Филях (ныне — часть Москвы). Но толку от него было чуть. Когда в 1927 году завод перешел в советскую собственность, выяснилось, что эффективность производства там невелика и современные самолеты производить практически невозможно. В 1923 году с командованием рейхсвера было достигнуто соглашение о строительстве совместного завода по производству иприта (объект «Берсоль»). Завод Герца изготовлял военные оптические приборы для СССР. В 1924—1926 годах советские заводы произвели для рейхсвера 400 тыс. трехдюймовых снарядов. Во второй половине 20-х годов в Германии для Красной Армии было произведено некоторое количество пулеметов Дрейзе, переделанных под русский трехлинейный патрон. В марте 1926 года в Берлине между рейхсвером и Красной Армией было достигнуто устное соглашение о непосредственном сотрудничестве двух военных ведомств. Теперь советские и немецкие представители присутствовали на маневрах, посещали академии и училища, знакомились с методами боевой подготовки двух армий.

В 1925 году на базе Высшей школы летчиков в Липецке была создана авиационная школа рейхсвера. Здесь под руководством немецких инструкторов и на немецких машинах «Фоккер Д-13», «НД-17» и «Фоккер Д-7» готовились советские и немецкие летчики. До 1933 года школу окончили 120—130 будущих пилотов люфтваффе. Немецкие курсанты ходили только в штатском и считались сотрудниками частных фирм. В случае гибели в результате аварий выдавались подложные свидетельства о смерти от естественных причин.

Гробы с телами эвакуировались под видом ящиков с авиадеталями из Ленинграда в Штеттин (Щецин). В официальных документах Липецкая школа называлась 4-й авиаэскадрилей авиационной части Красного Воздушного Флота или 4-м авиаотрядом тов. Томсона (по имени германского военного атташе Лит-Томсена, курировавшего Липецкую школу).

В 1926 году в Казани рейхсвер организовал танковую школу «Кама», израсходовав на это 2 миллиона марок. В распоряжении школы были немецкие танки: 6 23-тонных танков с моторами БМВ и 75-миллиметровыми пушками и 3 12-тонных танка с 37-миллиметровыми пушками. Они представляли собой забронированные трактора. Красная Армия, со своей стороны, предоставила несколько легких британских танков «Карстен-Ллойд» (боевой вес — чуть больше тонны), которые потом выпускались в СССР по лицензии как танкетки «Т-27». Возглавлял школу германский генерал Освальд Лютц. В конце 20-х годов он возглавил штаб инспекции автомобильных войск, а в 1931 году стал инспектором мотомеханизированных войск рейхсвера. Лютц считается создателем германских танковых войск. В школе «Кама» были подготовлены более 30 германских танкистов и несколько десятков советских курсантов.

Транспортировка немецких танков совершалась под прикрытием фиктивных договоров. В марте 1929 года нарком обороны Климент Ворошилов излагал Сталину предложенную немцами схему переброски 10 танков: «Мы заключаем фиктивный договор с фирмой «Рейнметалл» о покупке этих танков для РККА. По прибытии танков в СССР договор этот уничтожается. По Версальскому договору Германия не имеет права строить танки, ввиду чего актом формальной покупки танков нами немцы хотят обеспечить себя на тот случай, если о транспорте узнает внешний мир. В этом случае формально не будет замешано германское правительство, а ответственность за производство и продажу танков падет на промышленность.

Полагаю, что мы на это пойти можем, так как «покупка танков», где бы то ни было, нам политического ущерба нанести не может. Фиктивный договор мог бы быть заключен

либо Военпромом, либо Берлинским торгпредством. В договоре должно быть фиксировано, что деньги за танки уже уплачены. Скорое прибытие танков в СССР для РККА крайне желательно».

Школа подготовки специалистов по ведению химической войны носила кодовое название «Томка». Она была создана в 1926 году вблизи г. Вольска на Волге, в Самарской области. Вложения немцев в «Томку» составили около 1 миллиона марок. Здесь испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии и авиации, средства защиты от ОВ и способы дегазации зараженной местности.

Совместно с немцами с 1923 года строился завод «Берсоль» в г. Иващенко в Поволжье, рассчитанный на производство 6 т ОВ в день. Однако в начале 1927 года советская сторона вынудила немцев разорвать договор и продолжила строительство предприятия самостоятельно, получив практически бесплатно технологию и оборудование.

Советско-германское военное сотрудничество было прекращено осенью 1933 года, вскоре после прихода Гитлера к власти. Инициатива исходила от обеих сторон. Гитлер, рассматривая СССР в качестве одного из своих основных противников, собирался вскоре открыто отказаться от ограниченный Версальского договора и возобновить производство запрещенных вооружений и подготовку специалистов, используя для этого кадры, обучавшиеся в СССР. Теперь тайные школы в Советском Союзе немцам были не нужны. Советский Союз получил в свое распоряжение образцы германских вооружений (большую часть оборудования и техники совместных объектов немцы оставили советской стороне) и ознакомился с немецкими методами боевой подготовки и способами применения авиации, танков и ОВ. На Гитлера в Москве смотрели как на потенциального противника и не хотели больше способствовать усилению германской военной мощи. Однако полученный опыт и подготовленные с советской помощью кадры специалистов позволили немцам в короткий срок развернуть массовую армию, оснащенную современными видами вооружений. В 1941 году она обрушилась на СССР.

ГИТЛЕР: МОГИЛЬЩИК РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ

Нацизм в Германии попал на благодатную почву. Десятки миллионов немцев, задыхавшихся под гнетом репараций, и особенно миллионы тех, кто эмигрировал из Польши, Мемеля и Судет, жаждали реванша. Им не доставало вождя, который бы просто и понятно мог объяснить миллионам немцев, кто главный враг и как его можно победить, если сплотить в единую германскую национальную общность. Нужен был человек, который мог бы воодушевить немецкий народ на борьбу за восстановление империи. И такой человек нашелся — Адольф Гитлер. Он был, безусловно, человек гениальный, обладавший незаурядными ораторскими и организаторскими способностями. Только все это вошло в историю с огромным знаком минус. Гитлер был политиком если не масштаба Бисмарка, то сравнимый с «железным канцлером». Только подобная личность могла выступить как могильщиком Веймарской республики — первой республики в германской истории, так и могильщиком не только Германской империи, но и самой имперской идеи в массе германского народа. И перед гибелью именно Гитлеру удалось поднять Рейх на небывалую в историю высоту, по крайней мере в плане территориальных захватов. И тем страшнее для народа было последовавшее затем стремительное падение в пропасть.

Библию национал-социализма «Моя борьба» Гитлер начал с призыва к аншлюсу Австрии: «Объединение двух немецких государств... кажется той заветной целью, которой нужно добиваться всеми средствами. Немецкая Австрия во что бы то ни стало должна вернуться в лоно великой германской метрополии и притом вовсе не по соображениям хозяйственным. Нет, нет. Даже если бы это объединение с точки зрения хозяйственной было безразличным, более того, даже вредным, тем не менее объединение необходимо. Одна кровь — одно государство. До тех пор пока немецкий народ не объединит всех своих сынов в рамках одного государства, он не имеет права стремиться к колониальным расширениям. Лишь после того как немецкое государство включит в

рамки своих границ последнего немца, **лишь** после того как окажется, что такая Германия не в состоянии прокормить в достаточной мере все свое население, — **возникающая** нужда дает народу моральное право на **приобретение** чужих земель. Тогда меч начинает играть роль плуга, тогда кровавые слезы войны орошают землю, которая должна обеспечить хлеб насущный будущим поколениям».

Аншлюс должен был быть только первым шагом. Захват «жизненного пространства» стал краеугольным камнем программы национал-социалистов. Гитлер призывал искать «чужие земли» для Рейха прежде всего на Востоке — в Польше, в Советском Союзе. Именно земли этих государств должен был в первую очередь вспахать плуг войны и оросить ее кровавые слезы. В «Моей борьбе» Гитлер писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашей довоенной политики. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и обращаем взор на страну на Востоке. Мы расстаемся наконец с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего.

Когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы можем в первую очередь думать только о России и подчиненных ей пограничных государствах...

В русском большевизме мы должны видеть предпринимаемую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство...

Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма. Потребуется все силы молодой миссионерской идеи, чтобы поднять наш народ на освобождение от пут этой международной змеи и остановить внутреннее заражение нашей крови, чтобы направить освобождающиеся силы нации на сохранение нашего национального духа, что могло бы и в самом отдаленном будущем предотвратить повторение последних катастроф».

Таким образом, Советский Союз рано или поздно должен был столкнуться с Германским рейхом в смертельной

схватке. Но на первых порах главными противниками Германии были государства Версальской системы — Франция, Чехословакия и Польша. Именно их Гитлер собирался сокрушить в первую очередь после прихода к власти. Тем более что, не оккупировав Польшу и Прибалтику, воевать с Советским Союзом все равно не было никакой возможности.

Способ достижения единства всех немцев и обретения ими «жизненного пространства» Гитлер видел в создании нового типа государства как инструмента достижения мирового господства: «То государство, которое в эпоху отравления рас посвятит себя делу совершенствования лучших расовых элементов на земле, раньше или позже неизбежно овладеет всем миром».

Об этом пелось и в популярной нацистской песне, написанной в начале 30-х годов поэтом Гансом Баумом:

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым.
Сомненья и робость отбросьте!
На приступ! И мы победим!
Нет цели светлей и желаннее!
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра — всю землю возьмем!..

Так пусть обыватели лягут —
Нам слушать их бредни смешно!
Пускай континенты пылают,
А мы победим — все равно!..
Пусть мир превратится в руины,
Все перевернется вверх дном!
Мы — юной земли властелины —
Свой заново выстроим дом!

(Пер. Льва Гинзбурга)

Программа же национал-социалистической партии, ставшая после 1933 года законом государства, прямо содержала пункт, гласящий: «Мы требуем земли и заморские территории для поддержания нашего народа и колонизации нашим избыточным населением». В униженной Версале, задавленной гнетом репараций стране лозунги объединения всех нем-

цев в одно великое государство, способное совершить «прыжок к мировому господству», находили благодатную почву.

А еще 28 июля 1922 года Гитлер говорил о национал-социалистах, объясняя сочетание национальных и социальных моментов в их программе: «Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн «Германия превыше всего» в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».

Гитлер обосновал «интересами народа» необходимость сочетать легальные и нелегальные методы борьбы. В этом он следовал за своими учителями — социал-демократами и большевиками: «Лишь та государственная власть имеет право на уважение и на поддержку, которая выражает стремления и чувства народа или по крайней мере не приносит ему вреда...

Когда правительственная власть все те средства, какими она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт...

Каждая правительственная власть, конечно, будет настаивать на том, чтобы сохранять свой государственный авторитет, как бы плохо она ни выражала стремления народа и как бы ни предавала она его направо и налево. Что же остается делать действительным выразителям народных чаяний и стремлений? Инстинкт самосохранения в этом случае подскажет народному движению, что в борьбе за свободу и независимость следует применять и те средства, при помощи которых сам противник пытается удержать свое господство. Из этого вытекает, что борьба будет вестись легальными средствами лишь до тех пор, пока правительство держится легальных рамок, но движение не испугается и нелегальных средств борьбы, раз угнетатели народа также прибегают к ним».

Здесь же он подчеркивал: «На будущее, чтобы мы могли рассчитывать на успех, следует применять самые жесткие средства борьбы».

Однако к власти НСДАП, как известно, пришла вполне

легальным путем, посредством демократических выборов. Вот когда уже власть оказалась в руках у нацистов, они стали весьма широко применять нелегальные методы для устранения своих противников, начав с использования поджога рейхстага в качестве предлога для установления однопартийной диктатуры.

При нацистах провозглашался приоритет в экономике производительного, «чистого» капитала, который, как утверждал Гитлер в «Моей борьбе», «является последним продуктом творческого труда», перед финансовым, «спекулятивным», или «ростовщическим», капиталом, снабженным уничтожающим эпитетом «еврейский». Вождь нацистов считал необходимым отстранить биржевой капитал от народного хозяйства и «начать борьбу против интернационализации германского хозяйства, не открывая одновременно борьбы против капитала вообще как фактора, необходимого для сохранения независимого народного хозяйства».

Гитлер считал, что германская раса может господствовать над другими народами, если создать подходящий механизм такого господства: «Если конгломерат народностей, называемый Австрией, в конце концов все-таки погиб, то это не говорит против политических качеств немецкой части этого государства. Это только неизбежный результат того, что 10 миллионов не могут в течение слишком долгого времени управлять 50-миллионным государством, состоящим из различных наций, если своевременно не созданы совершенно определенные предпосылки для этого... Государство должно было образоваться и управляться либо самым централизованным образом, либо оно не могло существовать вовсе».

Под управлением «самым централизованным образом» Гитлер понимал жесткую диктатуру, без каких-либо элементов демократии, каковая и была установлена его партией в Германии. Парламентскую демократию Гитлер отвергал под тем фальшивым предлогом, что «парламентарный принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем, ко-

нечно, аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой». К личностям же парламентариев, будь то германские, австрийские или какие-либо другие, будущий фюрер питал безграничное презрение: «Чем мельче этакий духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая вообще ценит хитрость сельского старосты выше, чем мудрость Перикла. При этом такому типу ни капельки не приходится мучиться над вопросом об ответственности. Это тем меньше доставляет ему забот, что он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его «государственной» пачкотни конец его карьеры будет один и тот же: в один прекрасный день он все равно должен будет уступить свое место такому же могущественному уму, как и он сам.

Для сборища таких «народных представителей» всегда является большим утешением видеть во главе человека, умственные качества которого стоят на том же уровне, что и их собственные. Только в этом случае каждый из этих господ может доставить себе дешевую радость время от времени показать, что и он не лыком шит. А главное, тогда каждый из них не имеет права думать: если возглавлять нас может любой икс, то почему же не любой игрек, чем Стефан хуже Иоганна?

Эта демократическая традиция в наибольшей степени соответствует позорному явлению наших дней, а именно отчаянной трусости большого числа наших так называемых «руководителей». В самом деле, какое счастье для таких людей во всех случаях серьезных решений иметь возможность спрятаться за спину так называемого большинства».

Гитлер в своем презрении к демократии ссылался на фронтовой опыт: «Разве наши молодые полки шли во Фландрии на смерть с лозунгом «Да здравствует всеобщее тайное избирательное право» на устах? Нет, неправда, они шли на смерть с кличем «Германия превыше всего». Маленькая, но все же весьма существенная разница! Те крикуны, которые теперь

(осенью 1918 года. — Б. С.) искали на фронтах всеобщего тайного избирательного права, раньше и носа не показывали на фронт».

Себя самого Гитлер не без оснований считал человеком незаурядным и храбрым — даром, что ли, заработал на фронте во Фландрии два Железных креста, а также Крест с мечами за боевые заслуги? И когда он требовал от своих сторонников «систематически воспитывать чувство уважения к выдающейся личности», он имел в виду под выдающейся личностью в первую очередь самого себя. Фюрер очень чутко уловил потребность германского общественного мнения в великом герое-мессии, который выведет империю из болота Версаля, из унижения репараций к новым вершинам духа и, как надеялся измученный инфляцией и безработицей обыватель, к материальному достатку и экономической стабильности. Мало кто думал, что освобождение от пут Версаля вызовет еще одну мировую войну, куда как страшнее прежней. Спасителя видели в Гинденбурге, в Людендорфе, в Тирпице и в конце концов уверовали в гений Гитлера, который провозглашал: «Не под бесцветной сенью парламента с его скучными словесными дуэлями, а под грохот пушек на фронтах немецких армий, окруживших со всех сторон Париж, родилось решение, единодушно принятое всеми немцами, начиная от королей и кончая простыми сынами народа, — образовать на будущие времена одну единую империю и возложить на голову прусского короля имперскую корону, символизирующую это братское единство. Это был не результат каких-нибудь жалких интриг. И не дезертиры, не тыловые герои стали основателями бисмарковской империи. Империю создали наши славные полки на фронте».

Нацисты демагогически провозглашали «культ личности». Гитлер утверждал: «Весь прогресс и вся культура человечества покоятся исключительно на гениальности и энергии личностей, а ни в коем случае не являются продуктом «большинства».

Чтобы наша нация могла вернуть себе свое величие и свою силу, она должна суметь культивировать личность и вернуть ей все права».

На самом деле при нацистах личность была всецело подчинена государству и лишена каких-либо политических прав.

«Гнилой» австрийской, французской или британской демократии Гитлер противопоставлял «германскую демократию», которая, по его мнению, заключалась в «свободном выборе вождя с обязанностью для последнего — взять на себя всю личную ответственность за свои действия. Тут нет места голосованию большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить только одно лицо, которое потом отвечает за свои решения всем своим имуществом и жизнью.

Если мне возразят, что при таких условиях трудно найти человека, который посвятит себя такой рискованной задаче, то я на это отвечаю:

«Слава богу, в этом и заключается весь смысл германской демократии, что при ней к власти не может прийти первый попавшийся, недостойный кандидат и моральный трус — громадность ответственности отпугивает невежд и трусов».

Этот «фюрер-принцип», коренившийся в «сильной власти» прусского короля и германского кайзера, при Гитлере был возведен в абсолют и не ограничивался более никакими парламентскими, партийными или сословно-классовыми «сдержками» и «противовесами». И, отдадим Гитлеру должное, он сдержал обещание и ответил за крах своего «прыжка к мировому господству» собственной жизнью и имуществом, как и обещал. Никто из родственников фюрера так и не смог вступить в права наследования.

Фюрер был убежден, что, «раз создается такое положение, которое угрожает свободе или даже самому существованию народа, — вопрос о легальности или нелегальности играет только подчиненную роль. Пусть господствующая власть тысячу раз божится легальностью, а инстинкт самосохранения угнетенных все равно признает, что при таком положении священным правом народа является борьба всеми средствами.

Только благодаря этому принципу были возможны те великие освободительные битвы против внутреннего и внешнего порабощения народов на земле, которые стали величайшими событиями мировой истории.

Человеческое право ломает государственное право.

Если же окажется, что тот или другой народ в своей борьбе за права человека потерпел поражение, то это значит, что он был слишком легковесен и недостойн сохраниться как целое на земле. Вечно справедливое провидение уже заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности или способности бороться за продолжение своего существования.

Для трусливых народов нет места на земле».

Гитлер подчеркивал: «Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена».

Государство, по Гитлеру, должно было стать средством «сохранения и дальнейшего развития коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ».

Смешение рас ослабляет государство и ведет его к гибели. По мнению Гитлера, «рядом живущие, но не вполне смешавшиеся друг с другом расы и остатки рас не умеют должным образом объединиться против общего врага. С этим связано то свойство, которое у нас называют сверхиндивидуализмом. В мирные времена это свойство иногда может еще быть полезно, но если взять эпоху в целом, то приходится констатировать, что из-за этого ультраиндивидуализма мы лишились возможности завоевать мировое господство».

Национал-социалисты критиковали культуру Второй империи, которая будто бы и привела страну к катастрофе в 1918 году. Гитлер писал в «Моей борьбе», имея в виду культурные явления модерна и декаданса: «Худшая черта нашей культуры в довоенные годы заключалась не только в полной импотенции художественного и общекультурного творчества, но и в той ненависти, с которой стремились забросать грязью все прошлое. Почти во всех областях искусства, особенно в театре и в литературе, у нас на рубеже XX века не только ничего не творили нового, но прямо видели свою задачу в том, чтобы подорвать и загрязнить все старое. Направо и налево кричали о том, что такие-то и такие-то великие произведения прошлого уже «превзойдены», как будто в са-

мом деле эта ничтожная эпоха ничтожных людей способна была что бы то ни было преодолеть».

Как созвучна эта сентенция сетованиям российских патриотов рубежа XX и XXI веков, большинство из которых наверняка даже и не подозревают, кого они невольно цитируют.

При Гитлере примат государства во всем достиг невиданных в германской истории размеров. Только в Советском Союзе степень огосударствления жизни была выше. В «Моей борьбе» по этому поводу утверждалось: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности... До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства...»

В 1933—1945 годах проповедь «немецкой исключительности» перешла в Германии все возможные пределы. Начало было положено Гитлером, в «Моей борьбе», призывавшим: «Давайте воспитывать немецкий народ с самого раннего возраста в чувстве исключительного признания прав своего собственного народа, давайте не развращать уже с детских лет нашу молодежь, давайте освободим ее от проклятия нашей «объективности» в таких вопросах, где дело идет о сохранении своего собственного «я». Тогда в кратчайший срок мы убедимся, что и немецкий католик по примеру католиков Ирландии, Польши или Франции остается немцем, остается верным своему народу».

Чувство исключительного признания собственных прав немецкой нации стоило ей миллионов, а всему человечеству — десятков миллионов погибших. И здесь слова Гитлера очень напоминают проповедь национальной исключительности в других странах мира, в том числе в России.

Гитлер внимательно присматривался к опыту социал-демократов и коммунистов по работе с массами. В «Моей борьбе» он писал: «Психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому. Душевное восприятие женщины менее доступно аргументам абстрактного разума, чем не поддающимся определению инстинктивным стремлениям к дополняющей ее силе. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять себе слабого. Да и масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой. На бесстыдство ее духовного терроризирования со стороны социал-демократии масса реагирует так же мало, как и на возмутительное злоупотребление ее человеческим правом и свободой. Она не имеет ни малейшего представления о внутреннем безумии всего учения, она видит только беспощадную силу и скотски грубое выражение этой силы, перед которой она в конце концов пасует.

Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит, хотя и после тяжелой борьбы...

Мне стало совершенно ясно самое учение социал-демократии, а также технические средства, при помощи которых она его проводит.

Я хорошо понял тот бесстыдный идейный террор, который эта партия применяет против буржуазии, неспособной противостоять ему ни физически, ни морально. По данному знаку начинается настоящая канонада лжи и клеветы против того противника, который в данный момент кажется социал-

демократии более опасным, и это продолжается до тех пор, пока у стороны, подвергшейся нападению, не выдерживают нервы и, чтобы получить передышку, она приносит в жертву то или другое лицо, наиболее ненавистное социал-демократии.

Глупцы! Никакой передышки они все равно не получат!»

Как утверждал Гитлер, «миллионы рабочих сначала были внутренне враждебны социал-демократической партии, но их сопротивление было побеждено тем порой совершенно безумным поведением буржуазных партий, которое выражалось в полном и безусловном отказе пойти навстречу какому бы то ни было социальному требованию. В конце концов, этот отказ пойти на какое бы то ни было улучшение условий труда, принять меры против травматизма на производстве, ограничить детский труд, создать условия защиты женщин в те месяцы, когда она носит под сердцем будущего «сына отечества», — все это только помогало социал-демократии, которая с благодарностью регистрировала каждый такой отказ и пользовалась этими настроениями имущих классов, чтобы загонять массы в социал-демократический капкан».

Гитлер утверждал: «Глубочайшие интересы народа и государства требуют недопущения того, чтобы народные массы попадали в руки плохих, невежественных и просто беспечных «воспитателей». Обязанностью государства было бы взять на себя контроль за этим воспитанием и систематически бороться против злоупотреблений печати. Государство должно следить особенно внимательно за газетами, ибо влияние газет на людей является самым сильным и глубоким, хотя бы уже потому, что газеты говорят с читателем изо дня в день. Именно равномерность пропаганды и постоянное повторение одного и того же оказывают исключительное влияние на читателей. Вот почему в этой области более чем в какой-либо другой государство имело бы право применять абсолютно все средства, ведущие к цели. Никакие крики относительно так называемой свободы печати не должны были бы останавливать государство, которое просто обязано обеспечить нации столь необходимую ей здоровую умственную пищу. Здоровое государство во что бы то ни стало должно

взять в свои руки это орудие народного воспитания и по-настоящему поставить печать на службу своей нации».

Гитлер одним из первых в мире понял, что настроениями народа можно целенаправленно манипулировать. Здесь фюрер творчески развил опыт социал-демократов и коммунистов. Он признавался: «В пропаганде вообще я видел инструмент, которым марксистско-социалистические организации пользуются мастерски. Я давно уже убедился, что правильное применение этого оружия является настоящим искусством и что буржуазные партии почти не умеют пользоваться этим оружием. Только христианско-социальное движение, в особенности в эпоху Лютера, еще умело с некоторой виртуозностью пользоваться средствами пропаганды, чем и обеспечивались некоторые его успехи». Следует признать, что в искусстве пропаганды фюрер стал подлинным виртуозом, далеко превзойдя своих учителей. А национал-социалистическое движение обрело форму религиозного, став родом гражданской религии. После прихода нацистов к власти для оболванивания германского народа и его моральной подготовки к войне было создано имперское министерство пропаганды. А еще в «Моей борьбе» Гитлер писал: «То, что мы постоянно обозначаем словами «общественное мнение», только в очень небольшой части покоится на результатах собственного опыта или знания. По большей же части так называемое «общественное мнение» является результатом так называемой «просветительской работы».

Религиозная потребность сама по себе глубоко заложена в душе человека, но выбор определенной религии есть результат воспитания. Политическое же мнение массы является только результатом обработки ее души и ее разума — обработки, которая зачастую ведется с совершенно невероятной настойчивостью.

Наибольшая часть политического воспитания, которое в этом случае очень хорошо обозначается словом «пропаганда», падает на прессу. В первую очередь именно она ведет эту «просветительскую работу» (в 30-е годы, наряду с прессой, в пропаганде все большую роль играло радио; недаром многие речи Гитлера были рассчитаны на то, чтобы оказывать гип-

нотический эффект на миллионы радиослушателей. — Б. С.). Она в этом смысле представляет собой как бы школу для взрослых. Беда лишь в том, что «преподавание» в данном случае находится не в руках государства, а в руках очень низменных сил». Гитлер также подчеркивал, что «пропаганда вечно должна обращаться только к массе. Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигенцией, нужна не пропаганда, а научные знания... Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступным ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события, нужды, о которых масса до сих пор не имела и понятия».

Гитлер подчеркивал: «Огромной принципиальной ошибкой было ставить вопрос о виновниках войны так, что виновата-де не одна Германия, но также и другие страны. Нет, мы должны были неустанно пропагандировать ту мысль, что вина лежит всецело и исключительно на противниках. Это надо было делать даже в том случае, если бы это и не соответствовало действительности. А между тем Германия и на самом деле не была виновата в том, что война началась...»

Народные чувства не сложны, они очень просты и однообразны. Тут нет места для особенно тонкой дифференциации. Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или не прав! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости».

Нацисты достигли тотального огосударствления средств массовой информации, превратив их в средства тотальной манипуляции политическим сознанием. В последний период своего существования при Гитлере Германская империя превратилась в продукт самых современных политических технологий, которые только и могли поддерживать волю масс вести совершенно безнадежную для Рейха войну.

Министр пропаганды Геббельс утверждал: «Пропаганда сама по себе не обладает каким-то набором фундаментальных методов. Она имеет одно-единственное предназначение: завоевание масс. И всякий метод, не способствующий осу-

ществлению данного предназначения, плох... Методы пропаганды приходят из повседневной политической борьбы».

Роль СМИ в Австрии и Германии в первой четверти XX века, как ее увидел Гитлер в «Моей борьбе», очень напоминает ту роль, которую играет телевидение в России в конце XX — начале XXI века: «Прессе удавалось в течение каких-нибудь нескольких недель вытащить на свет божий никому не известные детали, имена, каким-то волшебством заставить широкие массы связать с этим именем невероятные надежды, словом, создать этим именам такую популярность, которая никогда и не снилась людям действительно крупным. Имена, которые всего какой-нибудь месяц назад еще никто не знал или знал только понаслышке, получали громадную известность. В то же время старые испытанные деятели разных областей государственной и общественной жизни как бы совершенно умирали для общественного мнения или их засыпали таким количеством гнуснейших клевет, что имена их в кратчайший срок становились символом неслыханной низости и мошенничества. Надо видеть эту низкую еврейскую манеру — сразу же, как по мановению волшебной палочки, начинают поливать честного человека грязью из сотен и тысяч ведер; нет той самой клеветы, которая не обрушилась бы на голову такой ни в чем не повинной жертвы; надо ближе познакомиться с таким методом покушения на политическую честь противника, чтобы убедиться в том, насколько опасны эти негодяи прессы. Для этих разбойников печати нет ничего такого, что не годилось бы как средство для их грязной цели».

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что фюрер зря связывал с евреями специфические методы политического манипулирования. Подобным образом работали как евреи, так и чистокровные арийцы.

Гитлер очень просто свел на нет возможности конкурирующих политических сил манипулировать общественным мнением. С первых же дней своего господства национал-социалисты свели на нет свободу слова. 4 октября 1933 года был принят «Имперский закон о главных редакторах», провозгласивший прессу «государственным средством просве-

щения и воспитания». Гитлер 22 февраля 1942 года с нескрываемым удовлетворением говорил в своей ставке «Вольфшанце»: «Мы покончили с представлением о том, что свобода в государстве — это когда каждый может говорить все, что в голову взбредет. Свыше половины немецких газет в руках у Амана (президента имперской палаты печати). Стоит мне позвонить Лоренцу (представителю имперского фюрера печати в ставке Гитлера) и в нескольких словах высказать ему свою точку зрения, как уже на следующий день в час дня она будет опубликована в каждой немецкой газете».

В период нацистской диктатуры в Германии существовал культ «образцовой германской семьи», которая мыслилась как прежде всего средство для укрепления мировых позиций германской расы. Гитлер в «Моей борьбе» утверждал: «Семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача». Главный смысл человеческой жизни фюрер видел в продолжении рода, в увеличении числа «расово полноценных» человеческих особей. В 1941 году он прямо говорил, что лучшее состояние для человеческого духа — это такое состояние, когда «каждый знает, что он живет и умирает только ради сохранения своего биологического вида».

Гитлер и НСДАП исповедовали принципы социального дарвинизма. Германская империя призвана была доказать свое право на существование или погибнуть. В «Моей борьбе» читаем о примате биологического над экономическим как идеале национал-социалистического миропорядка: «Никогда еще в истории ни одно государство не было создано мирной хозяйственной деятельностью; государства всегда создавались только благодаря инстинкту сохранения вида, независимо от того, определялся ли этот инстинкт героической добродетелью или хитрым коварством; в первом случае получались арийские государства труда и культуры, во втором случае — еврейские паразитарные колонии. Как только у того или другого народа или государства берут верх чисто хозяйственные мотивы, результат получается только тот, что

само хозяйство становится причиной подчинения и подавления этого народа».

Выдвижение на первый план расового (биологического) компонента общественного устройства закономерно привело Гитлера к призывам сохранять физическое здоровье нации. Он выдвинул лозунг борьбы с сифилисом, для чего требовал беспощадной борьбы с проституцией и разрешения ранних браков (дабы у молодых людей было меньше поводов к добрачному сексу). Поощрялось все то, что было направлено на продолжение рода, преследовалось все то, что затрудняло воспроизводство новых поколений «расово полноценных» человеческих особей. Поэтому нацисты жестоко преследовали гомосексуалистов и объявили преступлением браки и внебрачные половые связи «арийцев» и «неарийцев».

Гитлер провозглашал в «Моей борьбе»: «Брак не является самоцелью. Он должен служить более высокой цели — размножению и сохранению вида и расы». Вместе с тем, по убеждению фюрера, «чрезмерный перевес духовного развития и пренебрежение развитием физическим зачастую приводят уже в ранней молодости к преждевременному пробуждению половых представлений. Юноша, который закаляет свое тело спортом, приобретает железную силу, и в то же время его чувственные потребности меньше, нежели у того, кто питается только духовной пищей, сидит только над книгами». Поэтому в Третьем рейхе спорту отдавалось предпочтение перед книгами. Поощрялся только тот секс, который был направлен на продолжение рода и по возможности регламентировался государством. Свободный секс, наоборот, подавлялся, поскольку тоталитарное государство видело в нем серьезную угрозу для своего существования.

Также и в «Застольных разговорах» фюрер утверждал: «Брак как основа семьи есть залог жизни и будущего народа. Сохранение в чистоте его устоев есть нравственный долг. Офицер, который уже в силу своего знания и положения является представителем руководящего слоя, через безупречное поведение обязан стать как бы эталоном нравственности и стремиться претворить в жизнь этот принцип в своей семье. Прелюбодеяние и разрушение чужой семьи есть оскверне-

ние чести, а измену собственной жене следует в общем и целом дополнительно квалифицировать как вероломство. Измена жены обязывает супруга во имя защиты чести своего дома призвать обидчика к ответу».

Фюрер также настаивал на том, что «брак не является институтом, созданным лишь для совместных развлечений супругов или проистекающим из взаимной переписки; он представляет собой лишь разделение обязанностей, когда задача мужа — борьба за карьеру в избранной профессии, а задача жены — поддерживать порядок в доме, ибо дом — это опора в борьбе за выживание. А под порядком в доме понимается поддержание определенного культурного уровня с одной стороны, и практическое ведение хозяйства — с другой».

В «Моей борьбе» Гитлер сформулировал принцип политики национал-социалистов в сфере образования: «Народное государство будет видеть свою главную задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством «знаний», а прежде всего в том, чтобы вырастить вполне здоровых людей. Лишь во вторую очередь мы будем думать о развитии духовных способностей. Но и здесь мы будем прежде всего думать о том, чтобы развить в нашей молодежи характер, волю, силу, решимость, а в сочетании с этим будем систематически работать над тем, чтобы развить в ней чувство ответственности. Лишь в последнюю очередь будем мы думать о чисто школьном образовании».

Государство рассматривалось национал-социалистами только как средство борьбы за выживание нации. Гитлер верил, что германский народ — биологически сильнейший в мире. Потому он и отважился вступить во Вторую мировую войну против явно превосходящей его по силам и средствам коалиции. Фюрер надеялся, что у народов, ему противостоявших, не окажется достаточной воли к сопротивлению. В этом его убеждала политика «умиротворения» со стороны Англии и Франции. Гитлер утверждал: «Если государство не имеет силы организовать борьбу за здоровье народа, оно тем самым лишается права на существование в этом мире, который представляет собой мир борьбы». Фюрер также рассчитывал, что германский гений создаст самые совершенные

средства борьбы, германский солдат на фронте окажется самым стойким и умелым бойцом, а германские генералы под его, Гитлера, чутким руководством окажутся самыми лучшими полководцами.

В «Застольных разговорах» в ставке 23 апреля 1942 года Гитлер утверждал: «Если немецкий народ хочет занять достойное место в истории, он должен остаться именно народом-солдатом».

В «Моей борьбе» фюрер писал: «Наш боевой клич становится сигналом, собирающим в наши ряды все, что есть сильного. Именно величие целей отпугивает мелких людей... но зато под наши знамена собираются все действительно боевые натуры... Если на одной стороне мы видим концентрацию высшей энергии и решимости, а на другой стороне — широкие массы равнодушных, то небольшое меньшинство, собравшееся в первом лагере, всегда одержит верх над громадным большинством, оставшимся во втором лагере. Мировую историю делает меньшинство, раз только в этом численном меньшинстве воплотились большая воля и большая решимость.

Громадность задач, которые мы себе ставим, в глазах многих затрудняет нашу победу; на деле же именно в этом заложена наша победа. В величии и трудностях нашей задачи как раз и заложено то, что в нашем лагере соберутся только лучшие бойцы. Именно в этом подборе — гарантия нашего успеха».

Смешение представителей высшей расы с представителями низших рас теоретики нацизма находили преступным, поскольку это вело к физическому и умственному регрессу, снижению уровня более высокой расы. А высшей расе суждено было господствовать над миром. В «Моей борьбе» читаем: «Всякое расовое смешение раньше или позже неизбежно приводит к гибели того потомства, которое получилось в результате смешения, если только более высокая раса, вступающая в смешение, хотя бы частично сохранилась в чистом виде на земле. Лишь в том случае, если и более высокая раса вся до конца участвует в смешении, исчезнет опасность для потомства».

Гитлер провозглашал: «Идеи гуманизма и пацифизма, может быть, действительно будут уместны тогда, когда высшая раса завоюет весь мир и будет господствовать на всей земле... Сначала борьба, а потом, может быть, и пацифизм».

Гитлер был против создания в Германии большого числа городов с многомиллионным населением. 3 мая 1942 года он говорил в своей ставке: «Я против дальнейшего роста крупных городов, подобных Берлину. Вполне достаточно, если в Рейхе будет один город с пятью миллионами жителей, два города с двумя миллионами жителей и много городов с числом жителей в миллион. Допустить дальнейший рост наших крупных городов с той целью, чтобы вся культурная жизнь земель, входящих в состав Германской империи, ориентировалась только на них, — просто нелепо».

В «Моей борьбе» Гитлер писал: «В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве она видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расовой сущности человека. Данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а признает высшие и низшие по своей ценности расы и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во Вселенной. Таким образом, настоящая философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии, из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом... создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать право на существование какой-либо этической идее, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, лю-

бые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда...

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе — властителям всей планеты».

«Народное государство», по Гитлеру, ставит расовый вопрос в центр бытия, заботясь о чистоте расы, о сохранении и приумножении числа расово полноценных особей. «Детей должны рожать лишь здоровые пары, — провозглашал будущий фюрер в «Моей борьбе». — Страшный позор производить на свет детей больными и немощными, и большая честь отказаться от этого. Наоборот, предосудительно нежелание производить здоровых детей для нации. Народное государство выступает гарантом грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять... Народное государство начинается с повышения роли семьи, чтобы покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной».

Вся жизнь в Германии после 1933 года была подчинена подготовке к войне. Гитлер неоднократно повторял, что строй Германии отныне — «это порядок в укрепленном лагере». Он призывал: «Во всех тех случаях, где дело идет о разрешении на первый взгляд невыполнимых задач, прежде всего нужно сосредоточить все внимание народа на этом одном вопросе и сделать это с такой силой, как если бы от этого зависела вся судьба народа».

Сущность тоталитарного государства Гитлер определил еще в «Моей борьбе» следующим образом: «Необходимо создать структуры, в которых будет проходить вся жизнь индивида. Любая деятельность и потребность каждого отдельного человека будет регулироваться партией, представляющей всю общность. Не будет больше никакой «самодеятельности», не будет никаких свободных пространств, где индивидом принадлежал бы сам себе... Время личного счастья кончилось». Этим он и занимался вплоть до 1945 года. И сделал так, что «время личного счастья» для немцев действительно кончилось не на годы, а на десятилетия.

Согласно широко распространенному мнению, тотальное огосударствление сначала политической, а затем общественной, культурной и экономической жизни привело к тому, что коррупция в Германии должна была существенно вырасти. По утверждению бывшего бургомистра Данцига Германа Раушнинга, пламенного сторонника Гитлера, позднее ставшего одним из самых его непримиримых врагов, в оправдание коррупции в нацистской верхушке после прихода к власти фюрер говорил: «Когда мы делаем Германию великой, у нас есть право подумать и о себе». Однако следует заметить, что книга Раушнинга, изданная в Лондоне в 1940 году, в разгар Второй мировой войны, — источник ненадежный. Ее автор вполне искренне ненавидел Гитлера и бывших соратников по НСДАП и в целях военной пропаганды вполне мог вложить в уста фюрера дискредитирующие нацистов слова, которые тот в действительности никогда не произносил. Подтвердить или опровергнуть сообщаемое Раушнингом не представляется возможным, поскольку на деликатные темы они беседовали с Гитлером (если беседовали) тет-а-тет.

Однако схожие довольно снисходительные сентенции о коррупции, которую фюрер вполне прагматически рассматривал как неизбежное зло, содержатся не только в мемуарах Раушнинга, но и во вполне аутентичных «Застольных разговорах» Гитлера. Так, 1 августа 1941 года он заявил в «Вольфланце» (ставка вблизи Растенбурга в Восточной Пруссии): От меня постоянно требуют, чтобы я сказал похвальное слово бюрократии. Но я не могу этого сделать.

Разумеется, в нашем аппарате работают чистые, неподкупные чиновники, аккуратные и очень педантичные. Но: аппарат слишком заорганизован и штаты кое-где чрезмерно раздуты. И еще: никого не интересует конечный результат, никто не хочет получить под свое начало определенный участок работы и отвечать только за него, все зависят друг от друга... Они вечно цепляются за свои кресла. За исключением одного рода войск, сухопутных, у нас в вермахте больше самостоятельности и меньше казенщины, чем в гражданских учреждениях! И это при мизерных окладах военных.

А этот идефикс: законодательство может быть лишь единым для всей территории Рейха. А почему бы не разработать проект указа лишь для части Рейха? Но для них, бюрократов, единство Рейха осуществляется по принципу: лучше плохой закон, но для всей территории, чем хороший, но не для всей территории страны. Главное, чтобы руководство было в курсе деятельности аппарата и держало в своих руках все нити.

В вермахте высшая награда полагается тем, кто вопреки приказу, по собственному разумению, своими решительными действиями спас положение. В гражданском же аппарате любое нарушение предписаний может стоить головы всем без исключения. Поэтому чиновникам не хватает мужества взять на себя всю ответственность.

Радует лишь то, что под нашей властью (в ходе этой войны) постепенно оказался целый континент. И уже из-за разного положения солнца над разными его частями невозможно никакое «единообразие». Мы вынуждены управлять округами размерами от 300 до 500 километров, имея в распоряжении лишь небольшую кучку людей. Естественно, полиция вынуждена там свободно применять оружие. Люди партии сделают все как надо.

За науку приходится платить: злоупотребления неизбежны. Ну и пусть, если только мне через 10 лет доложат: «Дандиг, Эльзас, Лотарингия онемечены, но при этом в Кольмаре выявлено 3 и 4, а там-то и там-то 5 и 10 случаев злоупотреблений». Мы готовы примириться с этим, лишь бы только не потерять провинции. Через 10 лет в нашем распоряжении окажется отборный человеческий материал, о котором мы

будем знать: для этой цели мы возьмем того, для другой — другого, если для выполнения определенных новых задач потребуются испытанные мастера. Будет выведена новая порода людей, истинных повелителей по своей натуре...»

Как и большевики, нацисты возлагали надежды на создание нового человека. Только у первых он должен был беззаветно трудиться во имя построения коммунистического общества и счастья всех народов земли, а у вторых — во имя торжества германской расы и уничтожения расово неполноценных элементов. Поистине дьявольская разница! Общим было лишь то, что и советский, и германский «новый человек» должен был быть начисто свободен от химеры, именуемой совестью, и исповедовать в одном случае классовую, а в другом случае расовую мораль. Он должен был быть готов терпеть любые лишения и муки за идею.

И столь же трудно объективно судить о том, уменьшилась ли коррупция при Гитлере, немало поносившем продажность властей Веймарской республики. Хотя взятки брали и при Гитлере, и после него. Вспомним хотя бы относительно недавние коррупционные скандалы с первым канцлером объединенной Германии Гельмутом Колем, которого за вклад в восстановление германского единства порой сравнивали с Бисмарком. Что ж, прав был русский мыслитель белорусского происхождения Иван Солоневич: «Такого чиновничества, которое не крадет, нет и не было вообще нигде в мире». Антифашисты и пропаганда стран антигитлеровской коалиции пытались создать у общественности впечатление, что нацистские вожди погрязли в коррупции. Действительно, роскошь, в которой жили Геринг, шеф гитлерюгенда Бальдур фон Ширах и некоторые другие, бросалась в глаза. Однако вряд ли здесь можно усмотреть коррупцию. Щедрые подарки в виде имений и денежных субсидий они получали от Гитлера в награду за верную службу, а не от благодарных промышленников и финансистов за лоббирование их интересов.

Не существовало и равенства, которое декларировалось как одна из целей национал-социалистического государства. Высшие чиновники пользовались привилегиями, которые и не снились не только рабочим, крестьянам и мелким клер-

кам в Рейхе, но и их высокопоставленным коллегам в демократической Англии или США или номенклатуре в сталинском Советском Союзе.

Думаю все же, что коррупция в Третьем рейхе была на порядок ниже, чем в Веймарской республике. В условиях все более усиливавшегося при нацистах государственного контроля над всеми сферами жизни полученные в виде взяток или украденные из казны деньги было очень непросто куда-нибудь вложить.

31 марта 1942 года Гитлер в своей ставке так обосновал преимущества титула «фюрер» (вождь) перед титулом «рейхсканцлер»: «В отличие от понятия «Рейх» понятие «рейхсканцлер» за многие столетия, к сожалению, исчерпало себя и — после того как исполин (князь Отто фон Бисмарк) еще раз возвеличил его — из-за таких политических калек, как Вирт, Брюннинг и им подобные, окончательно перестало радовать слух. При авторитарной государственной системе, которую мы ныне сделали основой нашей политической жизни, оно также не нужно. Более того, было бы неправильно именовать так главу государства, поскольку это понятие исторически связано с представлением, что канцлер отвечает еще перед кем-то, кто является верховным правителем, неважно, называется он кайзером, президентом или как-то еще.

При нашей нынешней форме государственного устройства для наименования главы государства лучше всего подходит термин «вождь» («фюрер»). Помимо всего прочего, тем самым подчеркивается, что во главе государства находится избранный вождь германского народа... Словом «фюрер» нам нельзя бросаться, и оно одно должно иметь уникальное значение. Если главу территориальной группы НСДАП будут называть не «вождь», а «руководитель» (гауляйтер), то любой согласится, что это слово вполне соответствует сути этой должности...

Германский рейх должен быть республикой. Фюрера следует избирать. Его необходимо наделить всей полнотой власти.

В качестве коллективного органа должно сохраниться народное представительство, которое обязано оказывать

поддержку фюреру и имеет право в случае необходимости вмешиваться в государственные дела.

Выборы фюрера проводятся не этим народным представительством, а сенатом. Полномочия сената ограничены, и состав его не является постоянным. Его членство связано с занятием ряда высших должностей, а значит, иногда происходят замены. Члены сената благодаря своему воспитанию и жизненному опыту должны быть проникнуты сознанием того, что фюрером следует избрать не какую-нибудь слабую и ничтожную личность, но самого лучшего из них.

Выборы фюрера должны проводиться не на глазах всего народа, но за закрытыми дверями. Когда происходят выборы нового папы, народ тоже не допускают за кулисы... Выборы фюрера должны зиждиться на том, что в течение всего процесса его избрания всякие дискуссии между выборщиками должны категорически пресекаться.

В течение 3 часов с момента окончания выборов члены партии, военнотружущие и государственные чиновники должны быть приведены к присяге на верность новому фюреру.

Высшей заповедью для нового фюрера должно быть понимание необходимости четкого отделения законодательной власти от исполнительной. Подобно тому как СА и СС являются лишь мечом для проведения в жизнь политической линии партии, так и исполнительная власть должна не заниматься политикой, но проводить в жизнь разработанные законодательными органами политические директивы; если потребуется — мечом.

Пусть даже форма государственного устройства, основанная на таких принципах, и не продержится вечно, 200—300 лет она точно просуществует. Ибо она зиждется на разумных началах, в то время как в основе тысячелетней организации католической церкви лежит ложь и чушь».

Гитлер также полагал, что имперские гау должны иметь в своем распоряжении собственность, чтобы иметь возможность удовлетворять «культурные запросы населения» и не зависеть от милости берлинских чиновников. В «Застольных разговорах» он подчеркивал, что не стоит опасаться сепаратизма гауляйтеров, даже в случае, если в их распоряжении

окажется значительная собственность. Ведь «в Рейхе, который с магнетической силой притягивает к себе даже сопредельные страны и рядом с которым не смогли отстоять свою независимость Голландия, Бельгия и т. д., в отдельных имперских гау практически исключено появление каких-либо тенденций к отделению. Кроме того, у Рейха есть вермахт, полиция, имперская почта, имперские железные дороги, партия со всеми ее структурными подразделениями и формированиями, единая экономика, валюта, финансы, которые все теснее сплачивают Рейх в единое целое. И гауляйтеру, который решился бы отделиться, место — в сумасшедшем доме. Гауляйтеры не могут превратиться в имперских князей, поскольку их в любой момент можно снять или переместить с должности. Ни одна должность в партии и государстве не должна передаваться по наследству».

В то же время фюрер верил, что, «только предоставив гауляйтерам и имперским наместникам возможности для самостоятельных действий, можно выявить среди них таланты. Иначе они превратятся в тупых бюрократов. Только разрешив региональным руководителям принимать решения под свою ответственность, можно воспитать людей, не боящихся брать ответственность на себя, а значит, иметь под рукой достаточный запас умных голов, способных руководить...

Нет ничего более вредного для системы управления Рейха, чем чрезмерное ограничение самоуправления. А именно к такому ограничению всегда стремятся юристы... Нужно предоставить органам самоуправления самое широкое пространство для деятельности, но одновременно иметь гарантию дисциплинированного выполнения поступивших сверху директив. Если вышестоящая инстанция считает своим долгом вмешаться, все должно быть подчинено ее воле. Все распоряжения, отданные от ее имени, должны быть беспрекословно выполнены».

Практически в данном случае под «самоуправлением» подразумевались самостоятельные действия партийных руководителей на местах, призванных выполнять директивы вышестоящих партийных инстанций, не считаясь с формальными законодательными ограничениями компетенции

местных органов власти. К этому привело фактическое слияние государственных и партийных органов на уровне «гау» и ниже. То же самое на десятилетие раньше произошло в Советском Союзе. Фактически в обеих империях руководители всех уровней опасались не суда, а прежде всего ответственности по партийной линии, которая одна могла дисциплинировать их в отсутствие правового государства и независимой судебной власти. А кара партии могла быть разнообразна: от выговора до смертной казни. Правда, в Германии при Гитлере, стоит отметить, ни один гауляйтер так и не был казнен.

ПОЧЕМУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ ПРИШЛИ К ВЛАСТИ

Я не собираюсь подробно и последовательно излагать историю прихода нацистов к власти, излагать перипетии политической борьбы в эпоху Веймарской республики. Об этом давно уже написаны сотни томов. Я хочу подчеркнуть только один мотив — ностальгию широких масс немцев по империи, которая очень помогла Гитлеру. Кайзеровские времена по сравнению с послеверсальскими казались временами стабильности и едва ли не идеального порядка. Гитлер и его партия тоже обещали порядок, экономическую стабильность, ликвидацию безработицы, каждому немцу — личный автомобиль и кусок хлеба с маслом. Обещали возродить величие Германии, добиться того, чтобы Германию уважали в мире, чтобы с ее мнением считались. Обещали вернуть территории, утраченные после Первой мировой войны. Обещали справиться с «еврейским ростовщическим капиталом», исключить его негативное влияние на общественную жизнь. Добиться того, чтобы евреи не вытесняли немцев из экономики и культуры. При этом тщательно скрывалось, что планировалось поголовное истребление еврейского населения. И ничего не говорилось о том, что Гитлер стремится отнюдь не только к ревизии Версальского мира, но и к достижению мирового господства и что эта последняя цель потребует новой мировой войны.

Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП) тому, что в 20-е годы она выдвинулась на первый план среди других праворадикальных партий и групп, безусловно, обязана была ораторским и организаторским талантом Адольфа Гитлера. Когда 12 сентября 1919 года он впервые пришел на собрание малоизвестной Немецкой рабочей партии (будущей НСДАП) в одну из мюнхенских пивных, там присутствовали чуть более 20 человек. А уже первый доклад будущего фюрера месяц спустя собрал более сотни слушателей. Когда в 1921 году Гитлер стал председателем партии, в ней было 3 тысячи членов — почти исключительно в Баварии. Два года спустя, к Мюнхенскому путчу, в рядах НСДАП насчитывалось уже 30 тыс. членов, и ее ячейки уже существовали в ряде земель за пределами Южной Германии. Гитлер заметил и выдвинул в верхний эшелон НСДАП таких людей, как летчик-ас Первой мировой войны Герман Геринг, много сделавший для создания военизированных структур партии, и тоже летчик, но ничем особенным не прославившийся, Рудольф Гесс, показавший себя талантливым партийным бюрократом. В 1926 году на сторону Гитлера перешел доктор Йозеф Геббельс, покинувший фракцию лидеров западногерманского национал-социализма — братьев Георга и Отто Штрассеров. Благодаря ему нацисты смогли значительно потеснить коммунистов и социал-демократов на пропагандистском поле, особенно в Рейнской области и в Берлине. Позднее, в 1929 году, Гитлер заметил Генриха Гимmlера, которого назначил рейхсфюрером СС, «охранных отрядов», ставших со временем главным карательным органом партии и действенной альтернативой штурмовикам Рема. Гимmlер, по воспоминаниям современников, производил впечатление интеллигентного учителя начальной школы, не переносил вида крови и сам лично, в отличие от боевого ефрейтора Гитлера, в жизни не убил ни одного человека. На Первую мировую войну будущий «железный Генрих», человек с тонкими девичьими руками, не успел, на подавление революции — тоже. В «пивном путче», правда, успел принять участие, хотя пива никогда не пил — от этого напитка

Гиммлера мутило. Однако и тогда, в ноябре 1923 года, никого не убил — только нес германский военный флаг, под которым шли путчисты. Зато после 1933 года росчерком пера отправил на тот свет сотни тысяч и миллионы людей. Сам Гитлер после 1918 года лично больше не убил ни одного человека. Пропаганда стран антигитлеровской коалиции приписывала ему убийство Рема без каких бы то ни было оснований, словно не сознавая, что не фюрерское это дело — собственноручно расстреливать проштрафившегося соратника, вышедшего из доверия. Но пропаганде не годились убийства росчерком пера. Один убитый человек — это трагедия, а миллион погибших — только статистика. Точно так же убийство человека выстрелом в упор — это преступление, а убийство на бумаге — это политика. Гиммлер вряд ли способен был лично убить хотя бы одного человека, но бестрепетно отдавал приказы о массовых убийствах. Фюрер умел подбирать себе неплохих помощников, готовых ради торжества «германской расы» уложить в ряд не то что сотни — тысячи и тысячи трупов. И нашлось достаточное число исполнителей как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах, готовых эти ряды трупов укладывать с искренним энтузиазмом или по трезвому расчету.

Йозеф Геббельс, будущий министр образования и пропаганды, в своем романе «Михаэль, или Судьба Германии в страничках дневника», написанном в 1924 году, но опубликованном только в 1929 году, утверждал: «Если мы одержим победу, создав новый тип немца, то мы воцаримся на земле на следующее тысячелетие... Панславизм! Пангерманизм! За кем же будущее? Нет, я не отступник. Я верю в нас, Германия... Мир принадлежит тому, кто в состоянии овладеть им». А в 1932 году, рисуя перед избирателями безотрадную картину послевоенных лет: «Четырнадцать лет обмана, голода, иностранного гнета, годы обмана мерзкой буржуазией, реакционными политиками, ненасытными марксистами и евреями», Геббельс уподоблял национал-социалистическое движение очистительной буре, призванной поднять народ на восстание и новую победоносную войну.

Накануне мирового экономического кризиса 1929 года

некоторые весьма компетентные наблюдатели оценивали ситуацию в Германии с нескрываемым оптимизмом. Так, бывший рейхсканцлер Бернгард Бюлов писал в заключение своих мемуаров: «Чувство справедливости требует, чтобы позорные стороны политической жизни новой, республиканской Германии нашли самую суровую оценку. Продолжая внимательно наблюдать за текущими событиями... я с удовлетворением замечаю первые робкие проблески улучшения, которые можно видеть в области государственной жизни и народного хозяйства. Внутри страны воды захлестнувшего нас ноябрьского переворота начинают понемногу убывать. Горизонт внешней политики как будто проясняется. Рассудок снова заговорил, и надежда снова расцветает. Серьезный, в основе своей спокойный и разумный характер немца постепенно одолевает поток, грозивший вначале прорвать плотину и разрушить порядок. Типы, не обремененные знаниями и образованием, которые в первые годы оспаривали друг у друга власть, овладевая ею с переменным успехом, исчезли. Они уступили место людям, соединяющим знания с серьезностью, людям, из которых иные могли бы занимать министерский пост и в старой Германии. Из них в первую очередь я назову Густава Штреземана, сумевшего своим руководством внешней политикой в труднейших условиях приобрести доверие за границей и уважение прежних врагов, а этим самым и возможность для нас постепенного возрождения. С тех пор как Гинденбург взял в свои руки судьбы государства, с тех пор как он блеск своего имени и блеск своей личности отдал делу возрождения германского народа, престиж Германии за границей поднялся».

И вдруг хрупкое благополучие, обретенное благодаря плану Дауэса, в одночасье обрушилось. Новый план Юнга, предусматривающий снижение репарационных платежей, не спас положения. Массовая безработица, страх перед повторением инфляции, неуверенность в завтрашнем дне, наконец, откровенно популистская и расистская демагогия толкнули миллионы и миллионы избирателей в объятия нацистов. Дальнейшее — известно.

**ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК
К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ: ПОДГОТОВКА**

Еще в апреле 1932 года Геббельс так отзывался о Гитлере: «Для настоящего политика нация — это то же самое, что для скульптора кусок мрамора». Но из германской нации лидер национал-социалистов собирался вырезать не новую Венеру Милосскую, а новое орудие войны.

Гитлер и нацисты фактически превратили прежнее федеративное германское государство в унитарное. Фюрер в «Моей борьбе» писал: «Под союзным государством мы понимаем союз суверенных государств, вступающих в связь совершенно добровольно, т. е. опираясь на свой суверенитет, и уступающих в пользу союза ту часть своих прав, которые неизбежно должны отойти к учреждаемому объединенному государству. На практике эта теоретическая формулировка не соответствует в полной мере положению ни в одном из существующих в мире союзных государств... Приходится иметь в виду, что и Германская империя образовалась не на основе свободного волеизъявления и равномерного содействия со стороны каждого из государств, а на основе гегемонии одного из них, а именно — Пруссии...

Бисмарк, конечно, отнюдь не руководствовался тем принципом, что у отдельных государств надо во что бы то ни стало изъять как можно больше прав. Он требовал только того, без чего объединенное государство совершенно не могло обойтись. Этот принцип был столь же умерен, сколь и разумен, ибо принимал в расчет и привычку, и традиции прежних независимых государств. Благодаря этому Бисмарку удалось с самого начала обеспечить подлинную любовь к объединенному государству и подлинную готовность работать для его блага... Он не считал удобным сразу же ломать до конца сопротивление отдельных государств и надеялся на то, что само время и естественный ход развития доделают остальное. Этим Бисмарк доказал, что он был действительно искусным и великим государственным деятелем. В ходе дальнейшего развития возрастал суверенитет объединенного государства за счет отдельных, растворившихся в нем частей...

Развитие в этом направлении ускорилось после германского крушения и уничтожения монархической формы правления...

До войны отдельные немецкие государства пользовались известным финансовым суверенитетом. Ясно, однако, что после того как Германия проиграла войну и вынуждена была взять на себя по мирному договору такие гигантские финансовые обязательства, которые ни в коем случае нельзя было покрыть за счет взносов отдельных государств, никакая финансовая самостоятельность отдельных государств не была уже возможна...

С точки зрения современного развития путей сообщения вся территория теперешней Германии представляет собой нечто меньшее, чем самое маленькое или среднее королевство времен наполеоновских войн».

Гитлер предлагал даже переименовать Берлин в Германиа, чтобы, «несмотря на огромную пространственную отдаленность, создать чувство общности между любым человеком, принадлежащим к ядру германской расы, и ее столицей».

В период борьбы за власть Гитлер убеждал своих соратников, что «идея федеративного устройства является средством партийных интриг самого грязного свойства». Он также оговаривался, что «известная централизация является делом вполне естественным, особенно в области путей сообщения. Тем не менее мы, национал-социалисты, часто вынуждены выступать против такой централизации в случаях, когда соответствующие мероприятия служат нынешней губительной внешней политике». После 1933 года это последнее препятствие отпало, и государства (земли) были фактически лишены самостоятельности, поскольку во главе каждого из них стали партийные вожди, гауляйтеры, не зависевшие от воли местных парламентов и избирателей, а назначаемые лично Гитлером. В то же время фюрер критиковал централизацию, осуществлявшуюся в период Веймарской республики, за ее узко партийный характер и за проникновение «громадной волны евреев» в общегерманский административный аппарат. Он провозглашал: «Для нас, национал-социалистов, го-

сударство является только формой. Самое же существенное для нас — его содержание, т. е. интересы народа, нации... Суверенным интересам нации подчиняется все остальное. Отсюда следует, что ни объединенное государство в целом, ни тем более отдельные государства внутри нации не могут быть для нас фетишами».

Гитлер допускал возможность выборов своего преемника после собственной смерти, но отнюдь не посредством всеобщих выборов, а высокопоставленными представителями элиты, наподобие конклава, избирающего папу римского: «Если со мной что-нибудь случится, то новый глава государства также не должен быть избран всем народом, как папу не избирают все католики, а дожа венецианского не избирали все жители Венеции. Если основная масса народа участвует в выборах, то выборы превращаются в пропагандистскую шумиху.

Разумеется, пропаганда в поддержку тех или иных кандидатов вносит разлад в народ. Но если выборы проводятся в узком кругу — лучше всего было бы делать это в сенате — и возникнут разногласия, это не будет играть никакой роли. Нужно лишь не делать разногласия достоянием гласности. После выборов тот, кто набрал наибольшее число голосов, несмотря на все расхождения во мнениях до выборов, становится главой государства. Приведение к присяге новому главе государству вермахта, партии и чиновников в течение трех часов после выборов полностью обеспечит общественный порядок.

Я не питаю иллюзий, что в результате выборов во главе Рейха непременно встанет выдающаяся личность, которой сама природа предназначила быть вождем. Но в любом случае он должен быть подлинно незаурядным человеком, чтобы — до тех пор, пока весь аппарат не будет в полном порядке, — можно было не опасаться за судьбу Рейха.

Традиционный германский принцип избрания императоров, собственно говоря, был бы идеальной формой организации верховной власти в Рейхе. К сожалению, он не дал результатов из-за того, что князья были наследственными владетелями своих феодалов. Поскольку Германия на протяже-

нии нескольких столетий служила символом Европы и никакой опасный враг не угрожал ей извне, князья решили, что ради своих интересов могут позволить себе роскошь избирать императорами слабых и ничтожных людей и тем самым существенно ослабить верховную власть в Рейхе.

Поэтому национал-социализм зиждется на том, что ни одно гау, ни одна должность в государственном или партийном аппарате не могут передаваться по наследству».

Поскольку национал-социалисты исходили из гораздо более широкого германского и арийского расового единства, чем то, которое существовало в рамках собственно Германской империи, созданное ими после 1933 года государство мыслилось как аппарат для осуществления всемирного господства германской расы. Поэтому для них были неприемлемы как сколько-нибудь существенная автономия германских земель, так и те черты объединенного германского государства, которые несли следы федерализма. Гитлер утверждал еще в «Моей борьбе»: «В будущем самостоятельность наших государств будет лежать в культурно-политической, а не в государственной области, но и в культурной сфере нивелировка со временем усилится». Массовая германская армия, по мысли Гитлера, «должна стать школой взаимного понимания и стирания черт между немцами всех частей Германии. Армия должна объединять всех немецких солдат и преодолевать все то, что в жизни государства может разъединять. Армия должна расширить горизонт каждого солдата за пределы его маленького государства и раскрыть перед ним перспективы всей германской нации».

Фюрер обосновывал принцип унитарного государства соображениями политической целесообразности, макиавеллиевым «цель оправдывает средства»: «Молодая победоносная идея не даст связать себе руки какими бы то ни было соображениями, кроме соображений о победе нашего дела. Национал-социализм принципиально берет себе право навязывать свои принципы всей германской нации, не останавливаясь перед границами отдельных германских государств. Ибо только так мы можем воспитать всю немецкую нацию в идеях национал-социализма. Как церковь не чувствует себя связан-

ной никакими политическими границами, так и национал-социалистическая идея не может останавливаться перед границами отдельных областей Германии.

Национал-социалистическое учение отнюдь не является оружием политических интересов отдельных государств Германии, а претендует на безусловное господство над всей германской нацией. Национал-социалистическое учение претендует на то, чтобы определять судьбу всего народа и заново реорганизовать всю его жизнь. Вот почему национал-социалисты не могут считаться с границами, которые созданы не нами, а той политикой, которую мы решительно отвергаем».

Нацистский партийный флаг, ставший после 1933 года государственным флагом Германии, представлял собой красное полотнище с белым кругом, в центре которого — черная свастика. Гитлер так объяснял его символику: «В красном цвете мы видим социальную основу движения, в белом — его национальную основу, а в свастике — миссию борьбы за победу человека-арийца, за победу созидательного труда, который сам по себе извечно был и останется впредь антисемитским».

В этой символике проявилась декларируемая национал-социалистами бесклассовость создаваемого нового государства. Гитлер утверждал: «Национал-социалистические профсоюзы не должны быть органами классовой борьбы, а лишь органами профессионального представительства. Национал-социалистическое государство не знает «классов». Оно в политическом отношении знает только граждан, пользующихся совершенно одинаковыми правами и несущих одинаковые обязанности, а рядом с ними — подданных государства, которые никакими правами не пользуются...

Труженики национал-социалисты должны быть уверены в том, что процветание национального хозяйства обеспечивает и их собственное материальное благосостояние.

Работодатели национал-социалисты должны быть уверены в том, что счастье и довольство их рабочих являются предпосылкой дальнейшего процветания их собственных предприятий.

И рабочие национал-социалисты, и работодатели нацио-

нал-социалисты одинаково являются только слугами общества и выполняют его поручения».

Цель профсоюзов в национал-социалистическом государстве Гитлер видел в том, чтобы обеспечивать «общую работу всех и каждого во благо народа и государства в соответствии с природными способностями и тем развитием, которое дало этим способностям и силам общество». Соответственно, социал-демократические и иные независимые от государства профсоюзы становились злейшим врагом нацистов.

Поэтому Гитлер провозглашал: «Свободные профсоюзы стали одним из ужаснейших орудий террора против независимости и прочности национального хозяйства, незыблемости государства и свободы личности». При этом социал-демократическую идею он непосредственно связывал с мировым еврейством: «Только знакомство с еврейством дает в руки ключ к пониманию внутренних, т. е. действительных намерений социал-демократии. Только когда познакомишься с этим народом, у тебя раскрываются глаза на подлинные цели этой партии и из тумана неясных социальных фраз отчетливо вырисовывается оскалившаяся маска марксизма».

Национал-социалисты, в свою очередь, дабы загнать массы в капкан национально-расовой идеи, после прихода к власти осуществили ряд социальных преобразований, за которые прежде ратовала социал-демократия. Все социальные гарантии предоставлялись от имени фюрера и партии. Была ликвидирована безработица за счет организации массовых общественных работ и наращивания производства в связи с начавшейся ремилитаризацией страны. Одновременно был оставлен лишь один гигантский профсоюз — Германский трудовой фронт. Принятый 27 февраля 1934 года закон «О подготовке органического построения германской экономики» предусматривал огосударствление предпринимательских союзов и предоставление почти диктаторских полномочий министру экономики. Предприниматели вольны были определять продолжительность труда, размеры зарплаты, а также порядок приема на работу и увольнения. Однако и предприниматели были ограничены государственным минимумом

зарплаты и предельной продолжительностью рабочего дня для разных категорий трудящихся. Постепенно, по мере интенсификации подготовки к войне, продолжительность рабочего дня увеличивалась. В 1937—1939 годах она выросла на 11% по сравнению с 1933 годом. Вместе с тем в 1935 году была введена всеобщая трудовая повинность для юношей и девушек в возрасте от 18 до 25 лет, которые должны были несколько месяцев отработать в трудовых лагерях. Там юноши параллельно проходили начальную военную подготовку.

Геринг предупреждал в 1934 году: «Мы должны были безжалостно расправиться с этими врагами государства. Не следует забывать, что в тот момент, когда мы взяли власть, свыше 6 млн. человек официально голосовали за коммунизм и около 8 млн. — за марксизм во время выборов в рейхстаг в марте 1933 года».

Гитлер не без основания полагал, что только национал-социалистическая партия может привлечь на свою сторону рабочие массы, уведя их из-под влияния коммунистов и социал-демократов. Он утверждал: «Буржуазные (как они сами себя называют) партии никогда не сумеют просто перетянуть в свой лагерь «пролетарские» массы. Ибо здесь противостоят друг другу два мира, разделенные частью искусственно, а частью и естественно. Взаимоотношения этих двух миров могут быть только взаимоотношениями борьбы. Победа же в этой борьбе неизбежно досталась бы более молодой партии, т. е. в данном случае марксизму».

С самого начала своего правления Гитлер и НСДАП одним из основных инструментов управления сделали неприкрытое насилие. Все недовольные новым режимом сразу же были репрессированы, изгнаны из страны или загнаны в глубокое подполье. Террор был провозглашен инструментом государственной политики. Для того чтобы ринуться в борьбу за мировое господство, прежде надо было «зачистить» всех недовольных внутри страны. Так, 7 июня 1942 года Гитлер в своей ставке с удовлетворением отмечал: «Я распорядился составить списки всех известных изменников, чтобы после того, как национал-социалистическое движение придет к власти, эти элементы не ушли от справедливого наказания».

И если мы в 1933 году избавились от большинства этого отребья без прямого нашего вмешательства, то это объясняется тем, что не менее 65 тыс. наших граждан эмигрировали сразу же после прихода национал-социалистов к власти. Так и не установлено, насколько у каждого из них рыльце в пушку. Но несомненно, что большинство из них собственная нечистая совесть побудила бежать за границу; затем, правда, многие одумались и выразили желание вернуться в Германию. Но притоку в огромном количестве нежелательных элементов мы воспрепятствовали, объявив, что каждый возвращающийся будет помещен в концлагерь и любой, кого уличат в каких-либо преступлениях, будет расстрелян. Так за пределами Рейха остались тысячи асоциальных элементов, которых в противном случае было бы трудно поймать или изобличить в преступлении. Остальным же Гейдрих со своей службой безопасности сломал хребет — заслуга, которую уже потому следует высоко оценить, что судебные органы оказались не в состоянии справиться с этой задачей.

Судьи своим подходом к рассмотрению дел по обвинению в государственной измене часто доводили меня до бешенства. Так, они однажды вознамерились было помиловать предателя, поскольку он «первым делом» занимался контрабандой, и потому его следует в первую очередь считать контрабандистом и соответствующим образом наказать. Лишь с огромным трудом удалось убедить министра юстиции доктора Гюртнера в необходимости быть жестокими и безжалостными по отношению к государственным изменникам...

Я заявил Гюртнеру, что твердо решил в случае, если обычный суд вынесет слишком мягкий приговор, отдать приказ подразделению СС забрать изменника из тюрьмы и расстрелять... Каждый государственный изменник должен быть казнен, невзирая на размер причиненного им ущерба.

Приговоры, выносимые созданным в 1938 году Народным трибуналом (в чью подсудность входили политические преступления, в том числе и измена родине. — *Б. С.*), сперва тоже были не столь суровыми, как мне бы хотелось. Даже приспособить законодательство к четко выраженным интересам государства оказалось совсем не так просто, поскольку

многие юристы из числа членов правительства с большим трудом соглашались признать государственную измену идеологическим преступлением.

Я постоянно вынужден был указывать на то, что не бывает государственной измены, совершаемой по идейным соображениям. Если и есть преступление, подпадающее под категорию государственной измены и в определенной степени объясняющееся идейными мотивами, то это отказ нести службу из-за религиозных убеждений. Этим элементам, не желающим воевать из-за религиозных убеждений, нужно прямо заявить, что они, очевидно, хотят есть добытое другими, но это недопустимо по соображениям высшей справедливости, и поэтому их будут морить голодом. И если это не было исполнено и так называемые толкователи Библии (свидетели Иеговы. — Б. С.), общим числом 130 человек, были просто расстреляны, то этим они обязаны моему мягкосердечию. Впрочем, расстрел этих ста тридцати, подобно грозе, очистил атмосферу. У тысяч их единомышленников при сообщении об их расстреле пропало всякое желание со ссылкой на какие-то места из Библии пытаться уклониться от военной службы.

Тот, кто хочет успешно вести войну и вообще помочь своему народу пережить тяжелые времена, не должен сомневаться в том, что в эти времена каждый, кто активными действиями или в душе отторгает себя от народного сообщества, будет этим сообществом ликвидирован.

Тот, кто во имя гуманизма отходит от этого четкого принципа, не сможет предотвратить распад государства, начало которого мы в настоящее время можем наблюдать в такой стране, как Швеция».

Оправданием для террора служили условия подготовки и ведения войны. Фюрер также провозглашал принцип коллективной ответственности за политические преступления. Так, 1 июля 1942 года в ставке он заявил: «На те семьи, которые играют особенно значительную роль в политической жизни, распространяется принцип коллективной ответственности. И если выходец из такой семьи использует свое политическое влияние во вред, то вполне естественно, что

кара должна также пасть и на головы всех остальных членов этой семьи. В конце концов, что мешало им заблаговременно отмежеваться от этого подрывного элемента?» В годы Второй мировой войны этот принцип широко применялся на оккупированных территориях в виде казней заложников и репрессий против семей тех, кто боролся с оккупантами. В самой же Германии «коллективную ответственность» начали применять по отношению к членам семей участников заговора 20 июля 1944 года, а также в самые последние месяцы войны против родственников дезертиров.

В «Застольных разговорах» 1942 года фюрер похвалялся: «Если я сумел назначить на большинство руководящих постов людей, успешно выполняющих поставленные перед ними задачи, то это не в последнюю очередь объясняется тем, что они заняли эти посты не потому, что получили юридическое образование, а потому, что прошли школу жизни и достойно выдержали ее испытания».

Юристы в национал-социалистическом государстве вообще были на вторых ролях, ибо право при Гитлере отдыхало. Единственного юриста из своего ближайшего окружения, начальника личной канцелярии рейхсканцлера статс-секретаря Ганса Генриха Ламмерса, фюрер характеризовал как человека, который «знает, что он здесь для того, чтобы изыскать правовое обоснование для нужд государства, и не путает юридические абстракции с реальной жизнью. Несмотря на свое юридическое образование, Ламмерс сохранил в себе здравый смысл», т. е. ловко приспособливает существующие законы под нужды национал-социалистической доктрины. В апреле 1942 года фюрер получил от рейхстага неограниченные полномочия «верховного судьи», что окончательно превратило в фикцию судебную систему Рейха.

В «Застольных разговорах» Гитлер так сформулировал основные принципы подбора судейских кадров: «Вся система обучения хранителей права должна быть полностью пересмотрена, и в дальнейшем оно должно проводиться в соответствии с национал-социалистической идеологией. Поскольку от судьи в особой мере требуются основательные знания практической жизни, в будущем эти должности смо-

гут занимать только те люди, которые уже тем или иным образом доказали в жизни свою профессиональную пригодность и, работая в партийных органах, в достаточной степени усвоили наше мировоззрение и методы руководства людьми. Судьей может быть назначен человек не моложе 35 лет».

Гитлер был убежден, что строение тоталитарного государства должно быть подобно биологическому организму. Его основанием должен служить принцип приближения к природе. Поэтому, подобно организмам в природе, государственный аппарат должен обновляться. В «Застольных разговорах» он утверждал: «Нет никакого сомнения в том, что через какое-то время любая организация или учреждение стареет. По мере продвижения по бурным рельсам обыденной жизни все становится неразумным, ломается, образуются шлаки, ржавчина и т. д.». С точки зрения фюрера, национал-социалистическая революция призвана была влить молодую кровь в государственный организм Германии.

На партийном съезде в сентябре 1934 года, когда была подавлена всякая оппозиция Гитлеру как в Германии, так и в НСДАП, Рудольф Гесс провозгласил: «Мы видим, как благодаря фюреру возрождается вермахт. Величие будущего — только оно позволит оценить величие фюрера. Фюрер — это Германия! Его приговор — приговор нации. Германия — это дом для немцев всего мира».

Нацистскую цветовую символику объяснил Гитлер в беседе с главой данцигского сената (бургомистром) Германом Раушнинггом: «Красное поле нашего флага символизирует социальную идею движения, белое — националистическую идею, а черная свастика (вообще-то — символ солнца. — Б. С.) — борьбу за победу арийской расы и свободу творчества».

В «Моей борьбе» Гитлер утверждал «арийский приоритет» во всех основных сферах культуры: «Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы являемся сегодня, почти исключительно — плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец — родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он —

Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами земли... Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры».

«Арийское превосходство», по мнению фюрера, особенно ярко проявилось в военной сфере. Но Гитлер считал, что в германской армии периода Первой мировой войны не все было ладно, иначе не разразилась бы катастрофа 1918 года. Там «было поразительно много хорошего, но было и поразительно много плохого. Это и породило социал-демократию. Этого никогда бы не произошло, если бы армия и флот не сделали все, чтобы возвести стену между рабочим и нацией. У рабочего не было никаких шансов на продвижение по службе: губительное воздействие оказал институт фельдфебель-лейтенантов и заместителей офицерских должностей (без производства в офицерское звание).

В каждом полку было несколько офицеров, на которых можно было положиться. Но сколько бы их ни было, путь вверх был им закрыт. И напротив, любой учитель автоматически становится офицером, и многие из них показали свою полную непригодность...

В условиях современного боя командир роты, которому больше 40 лет, — это нонсенс. Командиру роты должно быть 26 лет, командиру полка — 35, а командиру дивизии — 40. Стоит взглянуть на наш список лиц, имеющих генеральское звание, как тут же можно сделать вывод: этим людям пора на пенсию».

Омоложение высшей части офицерского корпуса было необходимо Гитлеру не только для повышения боеспособности вооруженных сил, но и обеспечения большей лояльности генералитета национал-социалистическому режиму. Среди «молодых генералов», выдвинувшихся в верхний эшелон уже при Гитлере, не оказалось участников заговора 20 июля 1944 года. Самыми преданными Гитлеру в последние недели войны остались фельдмаршалы 1890-х годов рождения — Шернер, Модель, Грейм и Дениц (последний,

гросс-адмирал, как известно, стал краткосрочным преемником Гитлера). Всем им в момент прихода нацистов к власти только-только минуло 40 лет.

Гитлер уже 3 февраля 1933 года, выступая перед руководством рейхсвера, заявил: «Самое опасное время — это время создания нами мощной армии. Тогда станет ясно, имеет ли Франция настоящих государственных мужей. Если имеет, то она не даст нам для этого необходимого времени, а нападет на нас (вероятно, вместе со своими восточными приспешниками)». В том же выступлении фюрер потребовал внутри страны полностью покончить с пацифизмом, истребить марксизм, «согнуть того, кто не дает себя согнуть», перейти к «строго авторитарному» руководству государством, ликвидировать «раковую опухоль» демократии и ввести смертную казнь «за измену государству и народу». Для восстановления мощной армии Гитлер потребовал ввести всеобщую воинскую повинность, что и было осуществлено в 1935 году. Вермахт, как заявил фюрер генералам, может быть использован как «для обретения новых возможностей для экспорта», так и, что более вероятно, «для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации».

Чтобы быстрее пройти угрожаемый период, нацисты форсированными темпами увеличивали военные расходы и, соответственно, — дефицит бюджета. К середине 1939 года германская промышленность по сравнению с 1928 годом выросла почти на 37 процентов. К этому времени германские военные расходы вдвое превышали военные расходы Франции и более чем на треть — военные расходы Великобритании. В 1932/33 хозяйственном году доходы германского бюджета составили 6,4 млрд. марок, а расходы — 7,3 млрд. В следующем финансовом году военные расходы составили 1,9 млрд. из общих расходов в 8,1 млрд. марок. А в 1938/39 хозяйственном году военные расходы достигли 18,4 млрд. марок, или 58 процентов из общих расходов в 31,8 млрд. марок. Соответственно и общий дефицит государственного бюджета в этом году возрос до 14,5 млрд. марок. Также и общий объем государственной задолженности с конца 1932 года до конца 1939 года вырос с 8,5 млрд. до 47,3 млрд. марок, а в конце войны,

весной 1945 года, государственный долг Рейха достиг астрономической величины в 387 млрд. марок. Гитлер и его соратники рассчитывали, что долги будут покрыты за счет контрибуций с побежденных противников. Не получилось. В разгар германских успехов, 4 мая 1942 года, Гитлер говорил своим сотрудникам в ставке: «Выплатить образовавшийся во время войны долг вообще не составит проблемы. Германским мечом было добыто столько земель, что... произошел огромный прирост национального богатства, который во много раз превышает все военные расходы (награбленное в ходе войны фюрер ничтоже сумняшеся зачислил в национальное богатство Рейха. — Б. С.). Включение 20 миллионов дешевых иностранных рабочих в экономический процесс в Германии принесло прибыль гораздо большую, чем образовавшийся во время войны долг Рейха. Нужно только высчитать, какую прибыль можно извлечь из того, что иностранный рабочий, в отличие от немецкого, получает не 2000, а 100 рейхсмарок в год.

Характерно, что лишь очень немногие «вожди экономики» обратили на это внимание. Даже товарищу по партии министру экономики Функу я вынужден был в связи с расчетами национального дохода объяснять, насколько вырос уровень жизни германского народа благодаря иностранной рабочей силе и насколько подешевел ручной труд.

В конце концов, опыт истории свидетельствует, что еще ни один народ не погиб из-за своих долгов (святая истинная правда — ни одно государство еще не было разделено между кредиторами после объявления банкротства. — Б. С.). Поэтому можно лишь посоветовать нашим промышленникам при выполнении заказов в области вооружений, которыми их вынуждает заниматься война, быть стопроцентными оптимистами в отношении финансовых проблем».

Ускоренными темпами происходило развертывание вооруженных сил. В рамках преобразования 100-тысячного рейхсвера в массовый вермахт кадры рейхсвера были использованы в качестве унтер-офицеров и инструкторов. Из одной стрелковой роты рейхсвера создавалось 5 стрелковых рот вермахта. А из 21 прежнего пехотного полка было развер-

нуто 105 полков. Уже в 1935 году германская сухопутная армия насчитывала 300 тыс. человек. Лидер гитлерюгенда Бальдур фон Ширах подчеркивал, что молодежь должна готовиться к войне: «Мы хотим, чтобы немецкие школьники так же уверенно обращались с оружием, как с пером».

Атмосфера в Германии становилась все более милитаристской. Бежавший из Германии антифашист — офицер Генерального штаба С. Эркнер уже в 1934 году утверждал: «Образ жизни армии выступает в качестве всеобщей формы существования общества, силы которого полностью мобилизованы для подготовки войны. Все безраздельно подчиняется армии... Государство перестало заниматься обычными проблемами мирной жизни. На глазах у всех оно превратилось в военное государство... Военные критерии и военная иерархия стали неотделимы от всей жизни общества. В гитлеровской Германии все, абсолютно все — люди и вещи — существует отныне, лишь находясь в зависимости от войны, т. е. применительно к условиям военного времени».

Гитлер считал, что Генеральный штаб является лишь органом планирования операций, но не должен иметь касательства к определению стратегических установок и целей войны, которые являются всецело прерогативой фюрера. Фактически это привело к тому, что в Германии Генеральный штаб перестал быть «мозгом» армии, каким он должен был быть согласно прусской традиции, а превратился в служебный орган при политическом лидере — Верховном Главнокомандующем. Точно так же в СССР, по определению маршала Жукова, «мозгом» Красной Армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного военного вопроса не принималось без участия Центрального Комитета. Название это скорее подходит к старой царской армии, где «мозгом» действительно был Генеральный штаб». Фактически с начала 30-х и до начала 50-х годов «мозгом» Красной Армии был Сталин, точно так же как «мозгом» вермахта был Гитлер. Подобное замыкание вооруженных сил, равно как основных экономических и политических проблем, непосредственно на политических руководителях привело к тому, что собственно Генерального

штаба, координирующего деятельность всех видов вооруженных сил, вроде Имперского Генерального штаба в Англии и Объединенного комитета начальников штабов в США, ни в Германии, ни в СССР в реальности создано не было. В СССР Генеральный штаб РККА, формально призванный координировать действия авиации и флота, фактически сосредоточился на руководстве сухопутными силами, тогда как руководство ВВС и ВМФ все принципиальные вопросы должно было решать непосредственно со Сталиным и членами Политбюро. Подобным же образом в Германии штаб оперативного руководства при Верховном Главнокомандовании вооруженными силами (ОКВ), начальником которого был генерал Альфред Йодль, был фактически рабочим органом при Гитлере. Генштаб сухопутных сил — наиболее многочисленного вида вооруженных сил, на который легла основная тяжесть борьбы, подчинялся ОКВ в очень незначительной степени, а после того, как в конце 1941 года Гитлер сместил фельдмаршала Браухича и сам стал главнокомандующим сухопутными силами, соответствующий Генштаб стал и формально подчиняться непосредственно Гитлеру. Отсутствие постоянного органа координации деятельности армии, авиации и флота вредило долгосрочному планированию, определению оптимального размещения военных заказов и распределению призывного контингента между видами германских вооруженных сил.

Гитлер решил покончить в отношениях с Россией с бисмарковской традицией. «Недочеловеки», к тому же находящиеся под властью большевиков, не заслуживали, с его точки зрения, честного партнерства. Фюрер писал в «Моей борьбе»: «Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал, например, хорошим отношениям с Италией. Бисмарк даже в свое время вступил в союз с Италией, чтобы покрепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают вывода, что и мы сегодня должны продолжать такую политику.

Да, скажут нам, мы не можем повторять такую политику

с Италией, «потому что современная Италия не является Италией эпохи Бисмарка». Верно! Но, почтенные господа, позвольте вам напомнить, что и современная Россия уже не та, какой была Россия в эпоху Бисмарка! Бисмарку никогда и в голову не приходило тот или другой тактический ход увековечить на все времена. Бисмарк для этого был слишком большим мастером в использовании быстро меняющихся ситуаций. Вопрос поэтому должен быть поставлен не так, «как поступил тогда Бисмарк?», а так, «как поступил бы Бисмарк теперь?». При такой формулировке на него легко ответить. Бисмарк при его политической дальновзоркости никогда не стал бы связывать судьбу Германии с судьбой такого государства, которое неизбежно обречено на гибель».

В союзе с Италией фюрер видел не тактический, как при Бисмарке, а стратегический смысл, и сделал Италию Муссолини составной частью оси Берлин — Рим — Токио, несмотря на то, что итальянцы были лишь арийским, а не германским народом. Когда Гитлер излагал позицию Бисмарка, то вольно или невольно «подправлял» ее в свою пользу. Ведь на самом деле «железный канцлер» гораздо большее значение придавал позиции России, а не Италии, поскольку в то время Петербург играл несравненно большую роль, чем Рим, в системе международных отношений.

В «Моей борьбе» Гитлер отвергал идею заключения союза с Россией даже из конъюнктурных соображений. Ведь тогда, по его мнению, в случае войны Германии и России против всего остального мира «вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России». Фюрер утверждал: «Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии».

Невозможность союза с Советской Россией, помимо правового момента, Гитлер обосновывал также еще следующими соображениями: «Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Гер-

маний, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили... Германия также не избавлена от той опасности, жертвой которой пала в свое время Россия. Только буржуазные простаки способны думать, будто большевизм в Германии уже сокрушен». В связи с этим фюрер делал общий вывод: «Чтобы успешно бороться против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя побороть дьявола с помощью Вельзевула». Напротив, считал Гитлер, «сближение Германии с Англией и Италией никоим образом не приводит к опасности войны». Он полагал такой союз весьма выгодным для Германии: «Англия представляет собой величайшую мировую державу, а Италия — молодое, полное сил национальное государство. Союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе, нежели тот союз с гниющими государственными трупами, на которые Германия опиралась в последней войне». Выгоды от такого союза Гитлер видел в том, что «единственная держава, с которой приходится считаться как с возможной противницей такого союза, — Франция — объявить войну была бы не в состоянии. Это дало бы Германии возможность совершенно спокойно заняться всей той подготовкой, которая в рамках такой коалиции нужна, дабы в свое время свести счеты с Францией. Ибо самое важное в таком союзе для нас то, что Германия не может тогда подвергнуться внезапному нападению и что, наоборот, союз противников распадется, т. е. уничтожится Антанта, из-за которой мы претерпели бесконечно много несчастий. Значение такого союза было бы в том, что смертельный враг нашего народа — Франция — сам попал бы в изолированное положение... Германия одним ударом вышла бы из нынешнего неблагоприятного стратегического положения... Мы получили бы могучую защиту своих флангов и были бы полностью обеспечены продовольствием и сырьем».

Но Гитлер оказался плохим пророком. Он был прав, когда утверждал, что союз Германии с Россией приведет к мировой войне, которая неизбежно завершится крахом Германии. Однако в 1939 году фюрер пошел-таки на пакт со Ста-

линым. В результате в 1939—1941 годах СССР и Германия были фактически союзниками. Благодаря этому Гитлер смог разгромить и оккупировать Польшу и Францию, установить контроль над Норвегией и Балканами. Однако тем самым он сделал неизбежным союз Англии и стоявших за ней США с Советским Союзом, что предопределило конечное поражение Германии. Фюрер надеялся, что СССР можно будет сокрушить в одной короткой кампании, но просчитался. Однако в 1939 году он верил в блицкриг и потому принципиально изменил свою позицию, заявив 28 августа на совещании с депутатами рейхстага и партийными функционерами: «Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола». Однако сатана Сталин переиграл Мефистофеля Гитлера. Иосиф Виссарионович сам рассчитывал разгромить Германию в ходе скоротечной войны, когда немцы увязнут во Франции или когда они в 1941 году изготоятся к вторжению. Не вышло. Но главным выигрышем Сталина было то, что, обеспечив Гитлеру условия для нападения на Польшу, а затем на Францию, он обеспечил для СССР будущий союз с Британской империей и США. Шансы же на сближение Германии с Англией до 1939 года были иллюзорны из-за теснейших связей последней с Францией.

Главное же, Гитлер прямо говорил о том, что завоевать Россию необходимо отнюдь не потому, что у власти там стоят большевики (в большевизме фюрер видел «новую, свойственную XX веку попытку евреев достичь мирового господства»), а потому, что в результате большевистской революции страна ослабела и представляет собой легкую добычу. Он считал, что «говорить о России как о серьезном техническом факторе в войне совершенно не приходится». А завоевав Россию, германская раса обретет столь необходимое ей «жизненное пространство». На западные земли тут надежды мало. Франция слишком густо заселена, и какими-никакими, а все-таки арийцами, пусть и не вполне чистокровными. А в Бельгии и Голландии живут вполне германские народы — голландцы, фламандцы и валлоны. Ни тех, ни других нельзя ни уничтожить, ни переселять в значительном количестве.

Поэтому остаются только заселенные славянами восточные земли, прежде всего Россия и Польша. Словом, ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.

На совещании с высшим руководством вермахта 5 ноября 1937 года Гитлер открыто заявил: «Цель германской политики — сохранение и увеличение численности германского народа. Речь идет о проблеме жизненного пространства... Немецкий народ с его сильным расовым ядром имеет наиболее благоприятные предпосылки для овладения жизненным пространством из всех европейских народов. Любое расширение жизненного пространства достижимо лишь тогда, когда удастся сломить сопротивление других народов, и с небольшим риском. Это доказывается историей: достаточно назвать всемирную Римскую империю, Британскую империю. Неизбежны и неудачи. Ни сегодня, ни завтра бесхозного пространства нет и не будет, нападающий всегда столкнется с его владельцем.

Для Германии вопрос стоит так: где наибольший выигрыш при минимальной затрате сил?

Германской политике в своих расчетах приходится иметь дело с двумя ненавистными противниками: Англией и Францией, ибо могучий германский колосс в центре Европы для них — бельмо на глазу. Оба государства отвергают дальнейшее усиление Германии как в Европе, так и в заморских областях... В создании германских заморских военных баз оба государства видят угрозу своим морским коммуникациям и опасаются, что рост германской заморской торговли усилит позиции Германии в Европе...

Для улучшения нашего военно-политического положения целью № 1 для нас является одновременный разгром Чехии и Австрии, чтобы исключить угрозу с флангов при вероятном наступлении на Запад. При конфликте с Францией не следует рассчитывать, что Чехия объявит нам войну в тот же самый день, что и французы. Если же мы проявим слабость, желание Чехии участвовать в войне возрастет, причем ее вступление в войну ознаменуется нападением на Силезию...

Если Чехия будет разгромлена и мы получим общую гра-

ницу с Венгрией, можно скорее рассчитывать на нейтральную позицию Польши в германо-французском конфликте. Наши соглашения с Польшей действуют до тех пор, пока сила Германии непоколебима. При наших неудачах следует считаться с возможностью наступления Польши на Восточную Пруссию, а вероятно, также на Померанию и Силезию...

С большой вероятностью можно утверждать, что Англия, а вероятней всего, и Франция уже потихоньку списали Чехию со счетов и удовольствуются тем, что этот вопрос однажды будет решен Германией. Трудности управления империей и перспектива снова впутаться в затяжную европейскую войну являются определяющими для неучастия Англии в войне против Германии».

Дальше при попустительстве Англии и Франции, очень не хотевших воевать и надеявшихся умиротворить Гитлера путем уступок ему территорий с преимущественно немецким населением — Австрии и Судет, последовали мирные аншлюс Австрийской Республики и аннексия Судетской области Чехословакии. И только тогда, когда в марте 1939 года Гитлер оккупировал всю территорию Чехии, превратив ее в имперский протекторат Богемия и Моравия, а из Словакии сделал марионеточное государство, полностью зависевшее от Рейха, страны Антанты наконец осознали, что умиротворение потерпело крах, и дали гарантии территориальной целостности Польше, которая была следующей потенциальной жертвой нацистской агрессии. Но было уже поздно. Гитлер успел завладеть необходимыми выгодными стратегическими позициями для нападения на Польшу и оказался достаточно прагматичен, чтобы для раздела последней заключить временный союз со Сталиным, несмотря на острые идеологические противоречия.

СТАЛИН И ГИТЛЕР — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ

После Второй мировой войны стало общим местом в трудах многих историков, в том числе и немецких, не относящихся к числу сочувствующих коммунистам, сравнивать Сталина и Гитлера, коммунизм и национал-социализм, со-

ветский и нацистский тоталитарные режимы. До войны же не только левая, но и либерально настроенная интеллигенция в Германии и других странах в своем большинстве выдерживалась от прямой критики Сталина и СССР, видя в них возможный оплот против экспансионистских планов Гитлера, а до 1933 года — возможный образец, которому бы в чем-то стоило следовать правительствам Запада, чтобы облегчить положение трудящихся и избежать разрушительных экономических кризисов.

Впрочем, и в 20-е годы в Германии порой звучала критика советского опыта. Так, немецкий статистик Эмиль Гумбель, сам человек либеральных убеждений, побывав в СССР зимой 1925/26 г., в 1927 году в книге «О современной России» иронизировал как над теми, кто резко критиковал советские порядки и утверждал, будто в СССР засилье евреев, так и над теми восторженными немецкими революционерами, для которых Советский Союз был новоявленным царством света. Он давал понять, что истина лежит где-то посредине: «Трудна роль путешественника в России. По сути, современный европеец знает о России так же мало, как, скажем, о Центральной Африке, однако многие из тех, кто скольконибудь интересуется политикой, считают, что очень хорошо ориентируются в этом вопросе. Причем существует не одно, а два диаметрально противоположных мнения. Одним дантовский ад кажется детским садом по сравнению с современной Россией. От страны несет трупным запахом, власти, одержимые такими же инстинктами, как и великие тираны Нерон и Калигула, купаются в крови. Кучка чуждых народу узурпаторов еврейского происхождения правит с помощью безграничного террора. Результатом созданной жутким правлением дезорганизации явился голод. Широким массам народа не осталось ничего иного, как позволить тиранам эксплуатировать себя страшнее, чем когда-либо прежде, и надеяться на то, что западноевропейская культура когда-либо освободит их с помощью вооруженной интервенции. Эта точка зрения подтверждается свидетельствами тех, кого ограбил сегодняшний режим, лишив их материальных и духовных ценностей, и они вынуждены были бежать от него. Их

криком полна европейская печать. Мнение тех, кто причисляет себя к представителям прогрессивного направления, также не свободно от искаженных представлений, согласно которым пролетарская революция в России освободила все духовные и производительные силы, бездействовавшие при капитализме. Поэтому Россия является самой прогрессивной страной, в технике она покрывает все, чего достигла Европа, в гигиене и социальном устройстве она превосходит всю старую капиталистическую культуру. Это царство пролетарской свободы, равенства и братства. Таково мнение тех, кто считает себя революционерами. Оно находит подтверждение в прессе, которая сообщает о передовых достижениях русской интеллигенции в науке и технике. Восторженные делегации иностранцев, не понимающих русского языка, которым все это демонстрируют, ежедневно подкрепляют такую информацию.

Этим двум абсолютно застывшим догматическим и предвзятым мнениям... чрезвычайно трудно противопоставить взвешенное и бесстрастное представление, так как, пытаясь дать совершенно объективную оценку, т. е. абстрагируясь от собственных социальных установок, никто не может отрешиться от этой страны, которая будит в нас столько чувств».

Еще в «Моей борьбе» Гитлер писал: «Любая попытка побороть определенную идею силою оружия потерпит поражение, если только борьба против упомянутой идеи сама не примет форму наступательной борьбы за новое мирозерцание. Только если против одного мирозерцания в идейном всеоружии выступает другое мирозерцание, насилие сыграет решающую роль и принесет пользу той стороне, которая сумеет его применить с максимальной беспощадностью и длительностью».

Интересно, что в короткий период советско-нацистской дружбы глава Совнаркома и советского внешнеполитического ведомства Вячеслав Молотов фактически повторил ту же мысль, вполне возможно — под влиянием знакомства с трудом Гитлера. Вскоре после оккупации Польши, 1 ноября 1939 года, выступая на сессии Верховного Совета СССР, он заявил: «В последнее время правящие круги Англии и Фран-

ции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена Средневековья. Не к этим ли временам Средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас снова правящие классы Англии и Франции?.. Под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию»...»

По иронии судьбы, всего через полтора года произошло военное столкновение Германии и СССР и началась Великая Отечественная война — самое идеологизированное противостояние в рамках Второй мировой войны, где каждая из сторон свято верила в превосходство своего мировоззрения.

Однако Гитлер и Молотов ошибались. Во Второй мировой войне с германской стороны подавляющее большинство сражавшихся на фронте и трудившихся в тылу руководствовались отнюдь не национал-социалистической, а старой доброй германской национальной идеей в ее имперском варианте. А в СССР также очень трудно говорить о господстве

коммунистической идеи среди большинства населения. Для русских здесь до некоторой степени была значима русская национальная идея, на которую поспешил опереться Сталин. Для остальных же народов Советской империи, равно как и для многих русских, определяющим для участия в войне против Германии был страх перед репрессиями, а также насилием, которые немцы в изобилии творили на оккупированных советских территориях. Советский режим был гораздо более репрессивным, чем нацистский, по отношению к собственному населению и особенно армии. Сталин и его генералы и маршалы людей в бою не жалели. Гитлеру же и его военачальникам, хорошо сознававшим, что людские ресурсы Германии несоизмеримы с людскими ресурсами ее противников, волей-неволей приходилось беречь своих солдат и без нужды не допускать их гибели. Кроме того, в Германии нацисты не стремились привить массам концепцию «человека-винтика». Наоборот, борьба с марксистами — социал-демократами и коммунистами — велась под восстановлением автономии личности от навязываемой ей «воли большинства». В последние месяцы войны, после заговора 20 июля 1944 года, Гитлер усилил репрессии в армии. Заградительные отряды и эсэсовцы беспощадно карали дезертиров, число которых росло по мере того, как становилась очевидной безнадежность положения Германии. Однако и тогда казни дезертиров и тех, кого обвиняли в участии в заговоре 20 июля, в иных антифашистских действиях или в невыполнении приказов, не проводились без судебной процедуры. Для германского менталитета воспитательную или устрашающую роль мог иметь только судебный оформленный приговор. В Красной же Армии расстрелы без суда были столь же распространены, как и те, что проводились по приговорам трибуналов.

Гитлер достаточно противоречиво высказывался по поводу СССР и его вождя. В «Застольных разговорах» фюрер неплохо отзывался о Сталине, называя его «одной из самых необычных фигур в мировой истории». Он так характеризовал своего главного противника: «Сталин претендует на то, чтобы быть провозвестником большевистской революции. На самом же деле он отождествляет себя с Россией царей и

просто-напросто возрождает традицию панславизма. Для него большевизм лишь средство, род ловушки, предназначенной для обмана германских и латинских народов».

В середине июля 1942 года, когда вермахт находился на вершине своих успехов, Гитлер надеялся, что Сталин пойдет на примирение с ним, уступив Германии всю европейскую часть СССР. В качестве властителя азиатской части Советской империи Гитлер готов был терпеть Сталина.

Определенное сочувствие высказывал Гитлер и советскому государственному строю, о чем он прямо говорил в своей ставке 11 апреля 1942 года: «Идея человеческой солидарности была привита людям с помощью силы, и поддерживать ее можно лишь с помощью того же самого средства. Поэтому несправедливо осуждать Карла Великого за то, что он построил всю государственную организацию на основе принуждения, исходя из по-своему понятых интересов германского народа. Равным образом и Сталин в последние несколько лет применил к русскому народу меры, аналогичные тем, которыми пользовался Карл Великий, поскольку он также принял во внимание очень низкий культурный уровень русских. Он сознавал императивную необходимость объединения русского народа в рамках жесткой политической организации (такую организацию Гитлер считал идеалом и для германского народа. — Б. С.). Если бы он не сделал этого, то не смог бы, возможно, гарантировать выживание неоднородных масс, составивших СССР, не смог бы распространить на них такие блага цивилизации, вроде медицинской помощи, ценность которых невозможно измерить деньгами.

Чтобы сохранить наше господство над населением завоеванных на Востоке территорий, мы должны, насколько это в наших возможностях, пойти навстречу любым требованиям индивидуальной свободы, но лишить жителей государственной организации и сохранить население на возможно более низком культурном уровне.

При этом нашим руководящим принципом должно быть следующее: эти люди имеют единственное оправдание своего существования — быть использованными нами в эконо-

мическом отношении. Мы должны сосредоточиться на извлечении из этих территорий всего того, что из них можно извлечь».

Фюрер также серьезнейшим образом идеализировал стахановскую систему. Например, 22 июля 1942 года он заявил: «...Советский рабочий научен посредством стахановской системы работать усерднее и дольше, чем его товарищи в Германии или в любой другой капиталистической стране... Было бы глупостью пренебрежительно относиться к стахановской системе. Вооружение и снаряжение русских армий являются лучшим доказательством ее эффективности в использовании промышленной рабочей силы. Сталин также заслуживает нашего безусловного уважения. По-своему он чертовски хороший парень! Он знает свои образцы, Чингисхана и других очень хорошо, а масштаб его индустриального планирования превзойден лишь нашим четырехлетним планом. И нет сомнений, что он очень решительно выступает за то, чтобы в СССР не было безработных, обычного явления в капиталистических государствах, вроде Соединенных Штатов Америки...»

Вместе с тем, как заметил Гитлер 22 августа 1942 года, он опасается, что, «если дать ему время, Сталин сделает из России сверхиндустриального монстра, который будет полностью противоречить интересам масс, но существование которого будет оправдываться демагогической фразеологией. В действительности этот монстр будет предназначен для подъема уровня жизни лишь узкого слоя его собственных приближенных. Его конечной целью было бы поглощение всей Европы в большевистском кольце. Он — карлик, но карлик, стоящий на большой скале. Он использовал евреев для ликвидации интеллигенции Украины, а затем отправил евреев по железной дороге в Сибирь (в действительности в 1937—1938 годах многие евреи из числа партийных работников и чекистов были просто расстреляны в ходе «великой чистки»; отправка же нескольких тысяч еврейских колонистов-добровольцев в Биробиджан, на что, вероятно, и намекал Гитлер, была отнюдь не депортацией, а пропагандистской акцией по созданию альтернативы «еврейскому очагу» в

Палестине, за который боролись сионисты. — Б. С.). Я думаю, вполне возможно, он сбежит в Китай, если не увидит другого пути для бегства».

Также и бывший министр вооружений Альберт Шпеер свидетельствует, что Гитлер сочувственно отзывался о Сталине: «Он говорил, бывало, то ли в шутку, то ли всерьез, что правильной всего было бы после победы над Россией доверить управление страной, разумеется, под германским верховенством, Сталину, так как он лучше кого бы то ни было знает, как надо обращаться с русскими. Вообще он, пожалуй, видел в Сталине своего коллегу».

А 23 марта 1942 года Гитлер заявил: «Сталина следует ценить уже за то, что он не пустил евреев в искусство».

Характерно, что в последние месяцы войны руководители Рейха безуспешно пытались использовать опыт Сталина в отчаянной попытке избежать поражения. Так, 28 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике разговор с Гитлером, состоявшийся накануне: «Я сообщаю фюреру, что под влиянием исключительно тяжелого положения на фронтах моральный дух как в стране, так и в войсках очень сильно упал. Нам нужно добиться того, чтобы где-то снова задержать противника, иначе есть опасность развала всего Западного фронта. Я считаю, что сейчас самый удобный случай для фюрера выступить по радио с обращением к нации (не более чем на 10—15 минут), не только к населению, но и к войскам на фронте. Я напоминаю фюреру, что таким же образом поступали Черчилль в критические минуты для Англии и Сталин в кризисное время для Советского Союза. Они тогда тоже нашли верные слова, чтобы вновь взбодрить свои народы. И мы раньше в ходе партийной борьбы поступали подобным образом. Никогда наша партия не преодолевала тяжелые кризисы без того, чтобы фюрер лично не обращался к ней, стремясь выровнять партийные ряды. Вот и теперь настал час, когда фюрер должен дать сигнал своему народу... Народ должен услышать от него такое слово, за которое сможет прочно ухватиться».

Но тогда никакие самые проникновенные или горькие слова уже не могли спасти Рейх.

Более успешно фюрер и его соратники использовали сталинский опыт в другом. Расправу Гитлера с Ремом и другими «старыми партийными товарищами»-штурмовиками можно сопоставить с кровавой чисткой, которую произвел Сталин в 1937—1938 годах среди командного состава армии и руководящих партийных и советских кадров, и с более ранней зачисткой внутрипартийной оппозиции во второй половине 20-х годов. Последняя, хотя и обошлась тогда без крови, могла подсказать Гитлеру идею начать «перебирать людишек» в партийных рядах вскоре после прихода к власти. Точно так же можно допустить, что Сталин учел опыт «ночи длинных ножей» и творчески развил его в 1937—1938 годах. Но более вероятно предположить, что во всех этих случаях мы имеем дело не с заимствованиями, а с параллельным развитием. Готовясь ко Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, наращивая численность как рядового состава, так и офицерского корпуса, Сталин произвел в 1937—1938 годах масштабную зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин не думал. Воевать собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и понимал, что бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили диктатора инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Блюхера (того, правда, строго говоря, не казнили, а забили насмерть на следствии) и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» — Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет.

Гитлер же, готовясь ко Второй мировой войне, опасался,

что «старые партийные борцы» — лидеры военизированных формирований, которые, по их замыслу, должны были стать основой новой массовой армии, в случае успешного реванша пожнут основную славу и оттеснят его от реальных рычагов власти, а то еще и устроят путч. Перед тем как начинать широкомасштабное наращивание вооруженных сил и вооружений, фюреру необходимо было избавиться от потенциальных конкурентов. И конкуренты внутри партии казались ему более опасными, чем генералы рейхсвера. Гитлер знал, что германский офицерский корпус в своем подавляющем большинстве жаждет реванша, грезит о возвращении, о соединении в одно государство «разделенного народа» и потому не будет препятствовать деятельности национал-социалистов не только по возрождению военной мощи, но и по ее применению против тех, кого Версальский договор зачислил в страны-победительницы. Главное же, только у офицеров и генералов рейхсвера был настоящий военный опыт по организации и руководству большими соединениями войск, по сколачиванию штабов, тогда как Рем и его товарищи в кайзеровской армии в лучшем случае были лишь младшими офицерами. Фюрер заботился о том, чтобы получить в свои руки как можно более качественный инструмент агрессии, который мог дать ему фон Сект, а не Рем. Конечно, потом, в случае победы, кто-то из генералов и маршалов мог бы представлять немалую опасность для Гитлера, если бы в какой-то миг возомнил, что является самым подходящим вождем для германского народа. Но это был неизбежный риск, с которым приходилось мириться. Менталитет немцев, равно как и расовая теория национал-социалистов жизнь соотечественников ценили дороже всего, тем более что по численности населения Германия далеко уступала потенциальным противникам, и прежде всего Советской России. Поэтому не только для целей пропаганды, но и на самом деле война мыслилась Гитлером, другими лидерами нацистов и руководством армии молниеносной и с относительно небольшими по сравнению с потерями противников потерями для вермахта.

Учитывал Гитлер и традицию германского корпуса держаться подчеркнуто вне политики и не играть непосред-

венной роли. Даже неудачный капповский путч был принят добровольческими корпусами не для установления военной диктатуры, а для передачи власти политикам крайне правого толка. Но бонапартов, захватывающих власть для того, чтобы тотчас передать ее политикам, в истории не бывало. Поэтому до поры Гитлер был спокоен, надеясь, что германские офицеры будут верны присяге и традициям. И, по сути, только безвыходное положение Германии побудило ряд генералов и полковников вермахта в конце концов предпринять отчаянный путч в призрачной надежде смягчить условия капитуляции.

Как известно, в 1944 году генералы и старшие офицеры вермахта все-таки предприняли попытку свергнуть Гитлера. Правда, произошло это не после блестящих успехов на поле боя, а, наоборот, в условиях тотального военного поражения Германии. В результате покушения Штауффенберга фюрер уцелел только благодаря случайности. Однако остается под большим вопросом способность заговорщиков захватить власть даже в случае успеха покушения. И в случае гибели Гитлера им бы противостояли не только войска СС, но и значительная часть обычных, так сказать, «беспартийных» вооруженных сил. Люфтваффе, где особенно сильно было влияние идей национал-социализма, наверняка сплотились бы вокруг своего главнокомандующего Геринга или, если бы Геринг тоже погиб от бомбы Штауффенберга, вокруг любого другого преемника Гитлера. На стороне этого преемника остался бы и флот, возглавлявшийся вполне благонадежным Деницем, хотя позиция флота в борьбе за власть ничего не значила — не мог же гросс-адмирал двинуть подводные лодки на Берлин! Но, что гораздо важнее, в сухопутной армии на стороне заговора отнюдь не было большинства генералов и фельдмаршалов. Достаточная прослойка заговорщиков была лишь в штабе резервной армии и в командовании Западного фронта. Однако и там не было никаких гарантий, что даже в случае смерти фюрера основная масса солдат и офицеров поддержит путч и начнет гражданскую войну. Ведь пропаганда внушала им, что вот-вот появится новейшее «чудо-оружие» или возникнут неразрешимые противоречия

между союзниками по антигерманской коалиции и они развалят ее «за пять минут до полуночи». Думаю, что и при успешном покушении на Гитлера попытка переворота все равно провалилась бы, а войну заканчивал бы столь же бесславно в качестве фюрера, рейхсканцлера и Верховного Главнокомандующего Геринг или, в случае его гибели, Гиммлер.

Сталин, как известно, в ходе коллективизации, великой чистки 1937—1938 годов и ряда других репрессивных кампаний избавился от всех тех, кого он считал действительными или потенциальными врагами своего режима. Гитлер же только фантазировал на эту тему, но реальной масштабной зачистки всех «подозрительных элементов» в Германии так и не провел, ограничившись Ремом и его беспокойными штурмовиками. Может быть, потому, что не хотел зря проливать «немецкую кровь», рассчитывал «перевоспитать» недовольных с помощью громких военных побед и массивированной пропаганды «расового превосходства» немцев. Подобную зачистку фюрер собирался предпринять только в случае открытого мятежа на территории Рейха. Так, 7 апреля 1942 года в ставке фюрер мечтал: «Если когда-нибудь в Рейхе вспыхнет мятеж, я в ответ незамедлительно приму следующие меры:

а) в тот же день, когда поступит первое сообщение о путче, прикажу арестовать в своих квартирах и казнить всех лидеров враждебных направлений, в том числе политического католицизма;

б) прикажу расстрелять в течение трех дней всех заключенных концлагерей;

в) все уголовные элементы вне зависимости от того, находятся ли они в тюрьмах или на свободе, на основе имеющихся списков прикажу также в течение трех дней собрать в одном месте и расстрелять.

Расстрел этого насчитывающего несколько сот тысяч человек отребья делает излишним все остальные меры, поскольку ввиду отсутствия мятежных элементов и тех, кто смог бы выступить заодно с ними, мятеж с самого начала обречен на поражение.

Нравственно эти расстрелы будут оправданы тем фактом, что все немцы-идеалисты жертвуют своей жизнью на фронте

или отдают все силы во имя победы Германии, работая на военных заводах или еще где-нибудь в тылу».

Когда 20 июля 1944 года попытка мятежа была на самом деле предпринята, Гитлер репрессировал не сотни тысяч, а лишь немногие тысячи заговорщиков, их родственников и сочувствовавших им представителей политической оппозиции. Возможно, некоторую роль сыграло то, что заговор был подавлен даже не за три дня, а всего лишь за сутки, и Гитлер осознал, что внутренней угрозы его режиму больше не существует. На второе такое безумство уцелевшие генералы больше бы не решились. Еще важнее, думаю, было то, что фюрер решил, что для устрашения недовольных достаточно и тех репрессий, которые уже предприняты, тогда как казнь сотен тысяч существенно ослабит военные усилия Рейха в критической обстановке лета 1944 года.

Любопытно, что к концу войны у лидеров Третьего рейха зародились подозрения, не было ли своих резонов в предложении Рема сделать костяком будущего вермахта не рейхсвер, а штурмовые отряды. Так, Геббельс 28 марта 1945 года, перед самым концом, записал в дневнике: «Я подробно излагаю фюреру свою мысль о том, что в 1934 году мы, к сожалению, упустили из виду необходимость реформирования вермахта, хотя у нас для этого и была возможность. То, чего хотел Рем, было, по существу, правильно, разве что нельзя было допустить, чтобы это делал гомосексуалист и анархист. Если бы Рем был психически нормальным человеком и цельной натурой, вероятно, 30 июня были бы расстреляны не несколько сотен офицеров СА, а несколько сотен генералов... Тогда как раз был подходящий момент для революционизирования рейхсвера. Этот момент из-за определенного стечения обстоятельств не был использован фюрером».

ЕВРЕИ — ГЛАВНЫЙ ВРАГ В МИРЕ И В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ

Одним из главных врагов и одновременно пропагандистских мишеней национал-социалистов стали «мировые плутократы» — воротилы международного финансового капита-

ла, еврейское происхождение многих из которых нацисты всячески подчеркивали.

Вместе с тем масса германских евреев отнюдь не могла быть причислена к крупным бизнесменам, а была представлена мелкими торговцами, адвокатами, врачами, ремесленниками, журналистами. Они были удобным объектом расовой ненависти. Чужаки по вере, почти не занятые физическим трудом, они сделались объектом нападков со стороны разорявшихся крестьян, безработных рабочих, а немецкие торговцы и ремесленники видели в еврейских коллегах своих конкурентов, особенно неприятных в период кризиса и падения спроса, и также не питали теплых чувств к сынам Израиля.

С 1933 года государственной политикой Германии стал антисемитизм, что означало вытеснение евреев из общественной жизни, культуры и всех более или менее престижных профессий, а с началом Второй мировой войны — полное физическое уничтожение еврейского народа в рамках «окончательного решения еврейского вопроса». Такая политика коренилась в патологическом антисемитизме Гитлера, развившемся в Вене кануна Первой мировой войны. В «Моей борьбе» он вспоминал: «Окончательно оттолкнуло меня от евреев знакомство не только с физической неопрятностью, но и с моральной грязью этого избранного народа...

Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта, и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика.

Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям...

Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких неслыханных количествах производился и распространялся этот яд!..

Одобрительные театральные рецензии всегда относились

только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой так же, как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое...

Отношение евреев к проституции и еще больше к торговле девушками можно наблюдать в Вене лучше, чем где бы то ни было в Западной Европе, за исключением, быть может, некоторых портов на юге Франции. Стоило выйти ночью на улицу, чтобы натолкнуться в некоторых кварталах Вены на каждом шагу на отвратительные сцены, которые большинству немецкого народа были совершенно неизвестны вплоть до самой мировой войны, когда часть наших германских солдат на Восточном фронте имела возможность или, точнее сказать, вынуждена была познакомиться с таким зрелищем...

Что было совершенно непонятно, так это та безграничная ненависть, с которой они относятся к собственной народности, к величию своего народа, та ненависть, с которой они бесчестят историю собственной страны и вываливают в грязи имена ее великих деятелей.

Эта борьба против собственной страны, собственного гнезда, собственного очага бессмысленна и непонятна. Это просто противоестественно.

От этого порока их можно было излечить иногда на несколько дней, максимум на несколько недель. В скором времени при встрече с теми, кто казался тебе излеченным, приходилось убеждаться, что он остался прежним, что он опять во власти противоестественного».

Гитлер провозглашал: «Никакое примирение с евреями невозможно. С ними возможен только разговор по принципу: либо — либо! либо — они, либо — мы!»

Раз нельзя излечить, надо уничтожить. И уничтожили почти 6 млн. человек, приведя их, так сказать, в «естественное состояние».

Гитлер вслед за другими антисемитами утверждал: «Еврейский народ — при всем том, что внешне он кажется очень

развитым, — на самом деле никакой истинной культуры не имеет, а в особенности не имеет никакой своей собственной культуры. Внешняя культура современного еврея на деле есть только извращенная им культура других народов». При этом «евреи живут, как паразиты, на теле других наций и государств. Это и вырабатывает в них то свойство, о котором Шопенгауэр должен был сказать, что «евреи являются величайшими виртуозами лжи».

Гитлер прямо связывал еврейство с марксизмом и социал-демократией. Он заявлял, что, «когда я стал глубже изучать всю роль еврейского народа во всемирной истории, у меня внезапно мелькнула мысль, что, может быть, неисповедимые судьбы по причинам, которые нам, бедным людям, остаются еще неизвестными, все-таки предначертали окончательную победу именно этому маленькому народу. Может быть, этому народу, который испокон веков живет на этой земле, все же в награду достанется вся земля?»

Имеем ли мы объективное право бороться за самосохранение или это право имеет только субъективное обоснование?

Когда я окончательно углубился в изучение марксизма и со спокойной ясностью подвел итог деятельности еврейского народа, судьба сама дала мне свой ответ.

Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования.

Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая.

Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов.

Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего, борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие».

Уничтожение евреев стало одной из главных целей внешней и внутренней политики Третьего рейха. Кроме того, еврейская тема стала мощным оружием нацистской пропаганды. Все антифашисты в Германии объявлялись евреями или пособниками евреев. А насчет правительств стран антигитлеровской коалиции утверждалось, что они находятся под мощным еврейским влиянием.

Геббельс, по части антисемитизма занимавший в нацистской верхушке почетное второе место после Гитлера, в 1937 году на партийном съезде в Нюрнберге заявил: «Взгляните, вот еврей — враг человечества, разрушитель цивилизации, паразит рода людского, воплощение зла, гнилостная бактерия, демон, приносящий вырождение человечества».

Антиеврейские лозунги нацистов падали на благодатную почву традиционного антисемитизма. Евреев винули и в поражении 1918 года и последовавшей за ним революции, и в тяготах репарационных выплат, особенно из-за связей с «еврейской плутократией» Англии, Франции и США. При этом в Германии к евреям все же относились менее жестоко, чем в родной Гитлеру Австрии. В Рейхе вплоть до «хрустальной ночи» ноября 1938 года, спровоцированной убийством советника германского посольства в Париже еврейским юношей — эмигрантом из Германии, евреев всячески ограничивали в политических и имущественных правах, но прямому преследованию, связанному с неприкрытым насилием, все-таки не подвергали. В Австрии же сразу после аншлюса в марте 1938 года жители Вены выгнали евреев на улицы и, издаваясь, заставили их мылом мыть тротуары. С началом же Второй мировой войны был осуществлен переход к политике «окончательного решения еврейского вопроса», имевшей своей конечной целью полное физическое истребление евреев Европы. Если до начала Второй мировой войны нацисты всерьез обсуждали проекты депортации германских евреев

на Мадагаскар или в какую-либо другую азиатскую или африканскую страну, то условия военного времени были сочтены как весьма благоприятные для более радикальных действий. Особенно удобной была обстановка на восточном театре военных действий, где не действовали никакие международные конвенции об обращении с военнопленными и жителями оккупированных территорий и не было никаких наблюдателей и корреспондентов из нейтральных стран. Шедшие сразу же вслед за наступающими частями вермахта зондеркоманды СД (службы безопасности) сразу же выявляли всех евреев на занятой территории, в чем им активно помогала значительная часть местных жителей, и расстреливали их. Глава Германского трудового фронта Роберт Лей заявил еще в мае 1942 года в Карлсруэ: «Необходимо не просто изолирование еврейского недуга от человечества — евреи должны быть истреблены».

На советскую территорию также депортировали для уничтожения евреев из Германии, Польши и стран Западной Европы. Всего здесь погибли почти 2 млн. из примерно 6 млн. истребленных нацистами евреев.

На оккупированных территориях политика нацистов по отношению к евреям встречала поддержку среди значительной части местного населения, которому в подавляющем большинстве была свойственна та или иная степень антисемитизма. Например, руководитель советского подполья Могилева Казимир Мэттэ признавал: «В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения — советски настроенная — сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни од-

ной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места (будто русские или белорусы не стремились к тому же самому! — *Б. С.*), установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея, и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», — говорили они. Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам».

Сначала уничтожение евреев осуществлялось в глубокой тайне даже от ряда высших чиновников Рейха. Но 6 октября 1943 года Гиммлер, выступая перед гауляйтерами и рейхсляйтерами в Познани, решил, что пришла пора ввести их в курс программы уничтожения еврейства, чтобы сделать их безусловными соучастниками геноцида. Рейхсфюрер говорил проникновенным, задушевым голосом, но от услышанного у собравшихся мороз пробежал по коже: «Я хочу откровенно поговорить с вами об очень серьезном деле. Сейчас, между собой, мы можем говорить о нем вполне открыто, но никогда не стану говорить об этом публично. Точно так же, как, повинаясь приказу, мы выполняли свой долг 30 июня 1934 года — ставили к стенке заблудших товарищей, — но никогда не говорили и не станем говорить об этом. Наш природный такт побуждал нас никогда не касаться этой темы. Каждый из нас ужасался, но в то же время понимал, что в следующий раз, если это будет необходимо, он поступит так же.

Сейчас речь идет о депортации и об истреблении еврейской нации. Звучит это просто: «Евреи будут уничтожены». И все члены нашей партии, безусловно, скажут так: «Искоренение евреев, истребление их — это один из пунктов нашей программы, и он будет выполнен».

А потом приходят к нам все 80 миллионов достойных немцев, и каждый просит за своего порядочного еврея. Все ос-

тальные, конечно, свиньи, но вот именно этот — хороший еврей. Ни один из тех, кто говорит так, не видел своими глазами, как это происходит... Большинство присутствующих здесь знают, что это такое — видеть 100, или 500, или 1000 уложенных в ряд трупов. Суметь выдержать это — за исключением отдельных случаев человеческой слабости — и сохранить в себе порядочность — вот испытание, которое закалило нас. Это славная неписаная страница нашей истории, ибо мы знаем, как трудно было бы нам сегодня — в условиях бомбежки, тягот и лишений военного времени, если бы в каждом нашем городе еще жили евреи: скрытые саботажники, агитаторы и смутьяны...

Богатство, которым они владели, мы у них забрали. Я дал строгий приказ, выполненный обергруппенфюрером СС Полем (начальником хозяйственного управления СС. — Б. С.), передать все это Рейху. Мы ничего не оставили себе. Совершившие ошибки понесут наказание в соответствии с приказом, отданным мной в самом начале, который гласил: каждый, кто присвоит себе хотя бы одну марку из этих, — подлежит казни. Несколько сотрудников СС — их немного — нарушили этот приказ, и их казнят. Пощады не будет. У нас есть моральное право, у нас есть обязательство перед немецким народом уничтожить эту нацию, которая хотела уничтожить нас. Но у нас нет права обогащаться, даже если речь идет только об одной шубе, об одних часах, об одной марке или одной сигарете. Наконец, мы не хотим, уничтожая бациллу, дать ей заразить себя и умереть самим. Я никогда не позволю себе остаться в стороне и наблюдать за тем, как появляется пусть даже маленькая червоточина и как она начинает расти. Где бы она ни появилась, мы вместе выжжем ее. Однако в целом мы можем сказать, что, вдохновленные любовью к нашему народу, мы справились с этой труднейшей задачей. При этом мы не нанесли никакого вреда нашему внутреннему миру, нашей душе, нашему характеру...»

Осознав, за что им теперь придется отвечать в случае становившегося все более неотвратимым военного поражения, чиновники с горя перепились, так что в вагоны поезда, увозившего их из Познани, рейхсляйтеров и гауляйтеров при-

шлось укладывать почти как поленья. После этого инцидента Геббельс пообещал в будущем не давать гауляйтерам выпивать больше двух рюмок коньяка в день.

Во время войны, особенно начиная с 1943 года, крылатой стала фраза Геббельса «Во всем виноваты евреи». Им приписывали вину как за войну в целом, так и за поражения, которые начал терпеть вермахт. В декабре 1941 года Геббельс говорил: «Все евреи по своему рождению или расе принадлежат к международному заговору против национал-социалистической Германии».

И в своем предсмертном политическом завещании Гитлер излил всю свою ненависть, прибегнув к откровенным фальсификациям: «Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружений, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла еще одна мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германопольская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германопольской проблемы — как и в случае с Сарской областью — под международным контролем. Это предложение тоже нельзя отрицать. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой.

Но я не оставлял также сомнения и на этот счет, что, если народы Европы рассматриваются как пакеты акций для интернациональных финансовых и промышленных заговор-

щиков, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной войны: еврейство! Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник пусть и гуманными средствами (даже перед лицом смерти фюрер лукавил, называя полное истребление евреев Европы «гуманным средством»! — *Б. С.*), но поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек». О бомбардировках люфтваффе британских, голландских, французских, польских, югославских, советских городов фюрер не вспоминал.

Строго говоря, в истреблении евреев был значительный элемент иррациональности. Одно дело, когда евреев лишали гражданских прав и вытесняли из экономической жизни. Это только приветствовалось основной массой германского народа и было мощным пропагандистским средством повышения популярности национал-социалистов. Но совсем иное — поголовное уничтожение евреев. Это никак не могло встретить одобрения не только подавляющего большинства немцев, но и многих отъявленных антисемитов. Поэтому «окончательное решение еврейского вопроса» приходилось проводить в глубокой тайне и от германского народа, и от мировой общественности. Если бы об этом преступлении стало известно, данное обстоятельство принесло бы нацистской Германии громадный вред, а шансов надежно скрыть организованное убийство миллионов евреев не было, учитывая общее число людей, вовлеченных в акцию. Больше того: уничтожение еврейского населения порой затрудняло снабжение армии, так как еврейских ремесленников не всегда можно было быстро заменить. Казалось бы, с рациональной точки зрения для национал-социалистов выгоднее было бы согнать евреев Европы в трудовые лагеря, где они могли бы работать для увеличения военно-экономического потенциала Рейха. Однако Гитлер питал просто мистическую, звериную, необоримую ненависть к евреям и предпочел пойти по пути их полного уничтожения, несмотря на все очевидные

риски и невыгоды подобного образа действий. Фюрер проповедовал лозунг: «Евреи должны погибнуть, чтобы жили немцы, чтобы жила Германия».

РАСОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ

Главной целью внешней и внутренней политики национал-социалистического государства провозглашалось достижение мирового господства и получение «жизненного пространства» на Востоке — в Польше и России для избранного германского народа. Расовые мотивы пронизывали всю жизнь Третьего рейха. Расовая основа просматривается под всеми главнейшими внутривнутриполитическими и внешнеполитическими акциями Гитлера и его приближенных. Гитлер писал в «Моей борьбе»: «Наше государство будет прежде всего стремиться установить здоровую, естественную жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой. Только так наша внешняя политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве.

Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое иное положение вещей, если оно длится даже столетиями и тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может привести к его полному уничтожению.

Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория».

Гитлер утверждал, что Германия должна выйти за границы 1914 года, которые не были совершенны и логичны с «национальной точки зрения». И выход этот должен был происходить прежде всего на Восток.

Главным объектом будущей германской колонизации Гитлер назвал Россию: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой внешней

политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и обращаем взор в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила именно за счет германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах долго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому уже созрели все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелями такой катастрофы, которая лучше, чем что

бы то ни было, подтвердит безусловную правильность нашей расовой теории».

Гитлер искренне верил, что только германский расовый элемент в виде первой норманнской княжеской династии Рюриковичей и норманнской дружины, позднее получивший прививку в виде остзейского немецкого дворянства, обеспечил тысячелетнее существование Русского государства. В ходе революции 1917 года и последующей Гражданской войны потомки Рюриковичей, а также иных дворян варяжского (норманнского) происхождения, равно как и остзейские бароны, были либо истреблены, либо вынуждены эмигрировать. Поэтому фюрер был убежден, что в моральном и организационном отношении Советская Россия стала значительно слабее прежней Российской империи и не может рассматриваться в качестве серьезного военного противника. Неудача Красной Армии в финской войне и чистка высшего командного состава 1937—1938 годов подтверждали, казалось бы, гитлеровскую теорию. К счастью, она оказалась ошибочной. А вот насчет того, что евреи не смогут надолго удержаться в советских властных структурах, Гитлер не ошибся. Уже к концу 20-х годов, после того как Сталин одолел внутривластную оппозицию, евреев в высшем партийном руководстве почти не осталось. На протяжении 30-х годов они утратили свои позиции в НКВД, а в 40-е годы, в ходе кампании борьбы с космополитизмом, евреи были вычищены и с номенклатурных постов среднего звена.

Широкая колонизация восточных земель немцами и «германскими народами», вроде голландцев или норвежцев, мыслилась нацистами только после победоносного окончания войны. В военное время было сделано несколько пробных акций такого рода, в частности в районе ставки Гитлера под Винницей, но все они закончились безрезультатно. Унтерштурмфюрер СС Даннер, отвечавший за безопасность ставки, 21 апреля 1943 года доносил начальнику охраны Гитлера группенфюреру СС Гансу Раттенхуберу, что в районах Житомира и Калиновки готовятся два поселка для фольксдойче, причем каждый немец должен будет получить землю, ранее принадлежавшую двум или трем украинцам. Всего в

этом районе требовалось выселить 58 тысяч украинцев, место которых должны были занять 12—14 тысяч фольксдойче. Однако эти переселенцы являли собой жалкое зрелище, как явствовало из донесения Даннера от 15 сентября: «...На вокзал Калиновки прибыл эшелон фольксдойче в количестве 6 тысяч человек... Из 6 тысяч говорят по-немецки только 400 человек. Остальные же люди вообще не внушают доверия, причем много детей и стариков, которые не способны выполнять тяжелую работу. Считаю, что дальнейшее переселение населения проводить пока не следует». Через несколько месяцев немецкие войска были выбиты с Украины, и вопрос о колонизации отпал сам собой.

Гитлер не мыслил никакого иного устройства Великогерманского рейха, кроме как на основе безусловного подчинения всех завоеванных или «добровольно присоединившихся» стран диктату из Берлина. Ни собственно германские земли, ни тем более оккупированные территории не должны были обладать ни автономией, ни какими-либо элементами государственной самостоятельности. Если и говорилось о каком-то равноправии «германских народов» в составе «Великогерманского рейха», то только в пропагандистских целях.

Рейхсфюрер Гиммлер 5 апреля 1942 года в ставке Гитлера заявил, что «наилучший способ решить французскую проблему — это ежегодно проводить среди населения Франции отбор лиц германской крови. Нужно попробовать поместить их детей в самом раннем возрасте в немецкие интернаты, заставить там забыть о том, что волею случая они считались французами, внушая, что в них течет германская кровь, и подчеркивая их принадлежность к великому германскому народу». Гитлер, однако, весьма осторожно отнесся к идее онемечивания французов: «Все попытки онемечивания меня не особенно вдохновляют, если только они не подкреплены мировоззренчески. В случае с Францией следует помнить, что ее военная слава зиждется не на идейной позиции большинства населения, но на том, что французы пару раз умело использовали благоприятное для них соотношение военных сил на континенте (например, вступив в Тридцатилетнюю войну). Но там, где им противостояли немцы, наделенные

национальным самосознанием, они всегда получали хорошую взбучку, например от Фридриха Великого, в 1940 году и т. п. И не имеет никакого значения то, что корсиканец Наполеон, этот уникальный военный гений, вел ее к победам всемирно-исторического значения. Большинство французов склонны к мешанству, и поэтому для Франции будет тяжелым ударом, если ее правящий слой лишит пополнения лицами германской крови».

В ответ Гитлер втолковывал Гиммлеру, одержимому идеями германизации не только французов, но даже поляков и чехов (последние даже считались «германским народом»): «Разве я с легким сердцем разделил свою родину — Австрию на несколько маленьких гау с целью избавить ее от сепаратистских тенденций и облегчить ее присоединение к Германскому рейху? У Австрии, в конце концов, своя полутысячелетняя история, в которой было много поистине великих событий».

Но при обсуждении этой проблемы с голландцами и норвежцами (согласно расовой теории национал-социалистов, относившихся к «германским народам». — Б. С.) следует быть очень осторожными. Нужно всегда помнить, что Бавария в 1871 году также ни разу не выразила намерения присоединиться к Пруссии; Бисмарк только уговорил ее войти в состав мощного, близкого ей по крови союза под названием Германия. Я в 1938 году тоже не говорил австрийцам, что хочу присоединить их к Германии; напротив, я всегда подчеркивал, что намерен объединить их с Германией и создать Великогерманский рейх. Германцам Северо-Запада и Севера нужно постоянно внушать, что речь идет всего лишь о Германском рейхе, только о Рейхе, идеологической и военной опорой которого является Германия...

Я скептически отношусь к участию иностранных легионов в военных действиях на Восточном фронте. Никогда не следует забывать, что любой из этих легионеров, если только он не проникся сознанием своей кровной связи с Германской империей как основой нового европейского единства, будет чувствовать себя предателем своего народа.

Насколько это опасно, наглядно демонстрирует распад

Австро-Венгерской империи. Здесь также полагали, что смогут привлечь на свою сторону другие народы, к примеру, поляков, чехов и т. д., если предоставят им возможность пройти военное обучение в рядах австрийской армии. В решающий момент выяснилось, что именно эти люди подняли против нее знамя борьбы. Поэтому речь идет о том, чтобы попытаться воссоздать Германский рейх под германским знаменем. Невозможно было в 1871 году заставить Баварию присоединиться к Германской империи под знаменами Пруссии, равно как и невозможно ныне объединить германские народы под черно-бело-красным (кайзеровским) знаменем прежнего Рейха. Поэтому я с самого начала ввел для НСДАП, являющейся носителем идеи объединения всех германцев, новый символ, который станет также символом всех германцев, — знамя со свастикой (повторяющее цвета кайзеровского флага. — *Б. С.*)».

Гитлер также предостерегал против слишком широкого онемечивания чехов и поляков. Он подчеркивал, что «всякое проявление терпимости по отношению к полякам неуместно. Иначе опять придется столкнуться с теми же явлениями, которые уже известны истории и которые всегда происходили после разделов Польши. Поляки потому и выжили, что не могли не воспринимать всерьез русских как своих повелителей, и еще потому, что им удалось, прибегая к всевозможным уловкам, добиться у немцев такого политического положения, которое при поддержке политического католицизма стало решающим фактором в германской внутренней политике.

Нужно прежде всего следить за тем, чтобы не было случаев совокупления между немцами и поляками, ибо в противном случае в жилы польского правящего слоя постоянно будет вливаться свежая немецкая кровь...

Не меньшую осторожность следует проявлять и в отношении чехов, у которых есть пятисотлетний опыт, как лучше всего изображать из себя верноподданных, не возбуждая ни в ком недоверия. Сколько чехов во времена моей юности праздно шатались по Вене, очень быстро осваивая венский диа-

лект, а затем ловко пробирались на высшие посты в государстве, занимали ведущие позиции в экономике и т. д.!»

Гитлер упрекал власти Второй империи за «половинчатость» в польском вопросе: «Поляков дразнили, а серьезного удара не нанесли ни разу. В результате мы не получили победы немцев и не достигли замирения поляков». Он отрицал возможность «германизации» поляков путем внедрения в польских землях немецкого языка: «Польский народ остался бы польским народом, только выражающим на чужом языке свои собственные чуждые нам идеи. Такой чуждый нашей расе народ своею более низкой ступенью развития только компрометировал бы достоинство и высоту развития нашего собственного народа». Расовая доктрина нацистов обрекала поляков или на уничтожение, или на депортацию. «Германизации» подлежали лишь те поляки, которых нацистские ученые-антропологи сочли бы близкими к германской расе.

Депортации начались в первые же дни оккупации вермахтом. Уже 20 октября 1939 года начальник 16-й оперативной команды СД штурмбаннфюрер СС Франц Редер докладывал в Главное управление имперской безопасности (РСХА): «По воле фюрера из населенной поляками Померании должна возникнуть в кратчайший срок немецкая Западная Пруссия. Для осуществления этих задач необходимы по согласованному мнению всех компетентных органов следующие меры:

1. Физическая ликвидация всех польских элементов, которые: а) в прошлом играли ведущую роль на польской стороне или б) могут стать в будущем участниками польского сопротивления.

2. Выселение или переселение всех «коренных поляков» и «конгрессоров» (переселенцев из Царства Польского) из Западной Пруссии.

3. Переселение ценных в расовом и прочих отношениях поляков в центр старого Рейха, поскольку речь идет об угасающей немецкой родопреимственности, причем включение в немецкое народное тело должно происходить беспрепятственно. Указанные меры проводились с первого дня».

В мае 1940 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер соста-

вил меморандум «Об обращении с инородцами на Востоке» (имелось в виду польское генерал-губернаторство). Там, в частности, утверждалось: «Для негерманского населения Востока не должно быть образования свыше четырехлетней народной школы. Там должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что господь бог требует слушаться немцев и быть честными, прилежными и порядочными. Умение читать я считаю для них излишним. Никаких других школ на Востоке вообще не должно быть». Гитлер же в марте 1942 года утверждал в своей ставке: «Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут. Самое лучшее было бы, если бы эти люди освоили там для общения с немцами только язык жестов. По радио же было бы полезнее всего передавать музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий... Эти люди будут чувствовать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов! Но, конечно, если действовать в интересах наших учительшек, то первым делом следовало бы открыть в Киеве университет».

На практике подобные программы представляли собой несбыточные утопии, к осуществлению которых можно было бы теоретически приступить лишь после окончания войны и обретения Германией мирового господства. В реальной действительности и в Польше, и на оккупированных советских территориях газеты все же выходили, да и в школах учили отнюдь не только расписываться и считать до пятисот, хотя университетов все же не открывали.

Гитлер и другие руководители Германии, начиная войну против СССР, смотрели на советскую территорию как на место создания новых немецких поселений и источник почти дарового сырья и энергии. Население же рассматривалось как дешевая рабочая сила, обслуживающая нужды Рейха и германских колонистов на Востоке. При этом евреи и цыгане подлежали уничтожению, а славянское и литовское насе-

ление должно было быть существенно сокращено благодаря недоеданию и репрессиям за действия партизан. Бывший уполномоченный по борьбе с партизанами на Востоке обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски, представ в качестве свидетеля перед Нюрнбергским трибуналом, показал, что Гиммлер в речи, произнесенной в 1941 году в Везельсбурге, накануне похода на Россию, призвал уменьшить общую численность славянского населения в Польше и на оккупированных территориях СССР на 30 миллионов человек. Этой цели, в частности, служили карательные операции против партизан и казни заложников, а также всех тех, кто подозревался в связях с партизанами.

Впрочем, иногда сам фюрер готов был пересмотреть свои взгляды на расовую неполноценность тех или иных народов. Так, 2 июня 1942 года, суммируя в ставке впечатления от поездки в Полтаву, в штаб группы армий «Юг», Гитлер признал, что посещение Украины «заставило меня несколько пересмотреть прежние расовые воззрения. В Полтаве я видел столько голубоглазых и светловолосых женщин, что я даже подумал — вспомнив фотографии норвежек или даже голландок, представленные мне вместе с прошениями о женьитьбе, — а не следует ли, вместо того чтобы говорить о проблеме «распространения северного типа», поднять вопрос о необходимости «распространить южный тип» в наших северо-европейских государствах».

Имперский протектор Богемии и Моравии Рейнгард Гейдрих, выступая перед чинами оккупационной администрации в феврале 1942 года, заявил, что от 40 до 60 процентов чехов должны слиться с немцами в единый народ, а не подлежащие германизации чехи должны отправиться осваивать «жизненное пространство» на Востоке. Для этой же цели предполагалось использовать не вполне полноценную в расовом отношении часть голландцев. И тех, и других представителей «германских народов» предполагалось сделать «надсмотрщиками» над местным восточнославянским населением.

Гитлер мыслил себе решение национального вопроса в Великогерманском рейхе только посредством германизации

всех подходящих для этой цели не-немцев и уничтожения или высылки с территории Рейха всех расово неполноценных элементов. Так, 22 января 1942 года он заявил в своей ставке «Вольфшанце»: «Не исключено, что при последовательном руководстве мы через двести лет решим национальную проблему. В известной степени это уже было достигнуто Тридцатилетней войной.

В сороковые годы прошлого столетия любой чех стыдился говорить по-чешски. Он гордился, что говорит по-немецки, и был особенно горд, если его принимали за венца. Введение всеобщего равного тайного избирательного права нанесло в Австрии сокрушительный удар по немцам. Социал-демократия принципиально встала на сторону чехов, высшая знать тоже.

Для аристократии немцы вообще слишком культурный народ. Она предпочитает малые народы окраин. Чехи были лучше, чем венгры, румыны и поляки. У них уже образовался слой мелких буржуа, отличавшихся трудолюбием и знавших свое место. В наши дни они злобно, но и с безмерным восхищением взирают на нас: «Нам, богемцам, не дано властвовать!»

Только властвуя над другими народами, можно научиться управлять. Чехи давно бы избавились от своего комплекса неполноценности, если бы с течением времени осознали свое превосходство над остальными окраинными народами Австрии...

На протяжении нескольких веков мы замыкались исключительно на себе и теперь должны научиться активно наступать. Это продлится 50—100 лет. Мы умели властвовать над другими. Самый лучший пример этого — Австрия. Если бы Габсбурги не заключили союз с враждебными силами, то девять миллионов немцев справились бы с остальными пятьюдесятью миллионами!..

Нижняя Саксония, безусловно, родина властелинов. Английский господствующий слой родом оттуда! Именно там СС, используя свои методы, проводит набор руководящих кадров, с помощью которых через 100 лет можно будет

управлять всеми территориями, не ломая себе голову над тем, кого куда назначить».

Идея рекрутирования «властелинов» на Нижнем Рейне так и не была, разумеется, реализована. И совсем уж фантастичными выглядят утверждения Гитлера о германцах Ближнего Востока: «Мы потеряли германцев, которых в Северной Африке называли берберами, а в Малой Азии — курдами. Одним из них был Кемаль Ататюрк, голубоглазый человек, не имевший ничего общего с турками».

Гитлер в «Моей борьбе» отверг возможность солидарности нацистов с национально-освободительными движениями народов Британской империи, заявив: «Мы, немцы, кажется, могли сами достаточно убедиться, как нелегко справиться с Англией. А кроме всего прочего, скажу о себе, что я, как германец, все же всегда предпочту видеть Индию под владичеством Англии, чем под какой-либо другой властью».

Но здесь фюрер оказался плохим пророком. В годы Второй мировой войны Германии, Италии и Японии пришлось искать союза с национально-освободительными движениями в Индии, Бирме, арабских странах. А надежды на компромисс с Англией на основе «германской расовой солидарности» рассыпались в прах уже через какое-нибудь десятилетие после публикации «Моей борьбы».

Расовая доктрина национал-социализма не оставляла на земле места «малым народам», лишенным родины-почвы, — евреям и цыганам, подлежащим поголовному уничтожению. Дальше в «шкале вредоносности» шли поляки — «наследственные враги» немцев, численность которых надо было максимально ограничить, а государственность ликвидировать, не допуская никаких форм самоуправления. Поскольку в Белоруссии поляки, как правило, имели более высокий образовательный ценз, чем белорусы, их иногда назначали старостами, бургомистрами и членами управ. Также и почти все железнодорожники в тех местах были поляками, и немцам волей-неволей приходилось привлекать их к обслуживанию перевозок. Но оккупанты рассматривали это как временное явление. Например, в январе 1943 года начальник СС и полиции в Белоруссии Гофман заявил: «Польский вопрос в Бе-

лоруссии также очень важен, здесь еще на сегодняшний день получается сильный приток из Польши. Поляки считают Белоруссию своим доминионом. В каждом поляке надо видеть противника, который пытается маскироваться. Поэтому там, где в некоторых деревнях еще служат польские бургомистры, они по возможности быстрее должны быть устранены».

Однако тотального истребления польской нации нацисты не предусматривали.

Следующими после поляков вверх по шкале расовых предпочтений шли русские и белорусы, такие же, как и поляки, «недочеловеки», *Die Untermenschen*, но, по крайней мере, пользовавшиеся преимуществом перед поляками при назначении на посты в местном самоуправлении на оккупированных территориях. При этом среди белорусов жители западной, польской Белоруссии, с точки зрения немцев, считались более благонадежными, чем «восточники», зараженные, как полагали оккупанты, советским, коммунистическим духом.

После белорусов и русских более высокую ступеньку «расовой пирамиды» занимали литовцы и украинцы (у последних, как и у белорусов, жители западных областей пользовались преимуществом перед жителями восточных). Литовцы, как обладавшие еще совсем недавно собственным государством, имели преимущество в виде самоуправления, как и два других прибалтийских народа — латыши и эстонцы. Однако из-за длительного существования на одной территории и предполагаемого нацистами «расового смешения» с поляками ни литовцы, ни украинцы не считались «арийскими народами».

Рейхскомиссар Украины Эрих Кох заявил на совещании в столице рейхскомиссариата Ровно в августе 1942 года: «Цель нашей работы — заставить украинцев работать на Германию, а не осчастливить этот народ. Украина должна поставлять то, чего нет в Германии. Эту работу нужно проводить, не считаясь с потерями. Во всех странах Европы дела идут лучше, чем здесь. Снабжение продовольствием у нас в Рейхе осуществляется по карточной системе. Черный рынок допускается лишь в незначительном объеме. У других народов черный

рынок является основой, дополнительно выдаются карточки. Положение с продовольствием в Германии серьезное. Производство падает из-за тяжелого положения с продовольствием. Увеличение хлебного пайка является политической необходимостью для продолжения войны до победы. Недостающее количество зерна должно быть восполнено за счет Украины».

Следующими по шкале шли уже собственно «арийские народы». Этой чести из населения СССР удостоились только эстонцы, латыши, казаки, татары Крыма и Поволжья, калмыки, осетины, ингуши, чеченцы и ряд других народов Северного Кавказа и Закавказья. Они в перспективе подлежали германизации и должны были составить единую общность с германским народом. Пока же их представители пользовались преимуществом при назначении на административные должности не только в своих странах, но и на всех оккупированных советских территориях и могли беспрепятственно служить в боевых формированиях вермахта и СС.

За пределами СССР к «арийским народам» относили французов, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров, греков, румын, словаков, болгар, сербов, словенцев, турок и некоторых других. При этом итальянцы, венгры, румыны, словаки, хорваты и болгары считались особыми, «союзными народами», что повышало их статус и с точки зрения расовой теории.

Далее следовали «германские народы»: датчане, норвежцы, голландцы, фламандцы, валлоны, чехи, англичане, ирландцы, шведы, финны. Их предполагалось в первую очередь использовать для колонизации «восточных территорий».

Наконец, на самой вершине пирамиды, перед собственно немцами, находились «фольксдойче» (народные немцы) — лица немецкой национальности, проживавшие на советской территории, а также в Польше. Они занимали нередко высшие административные посты, служили переводчиками в немецких оккупационных органах, вливались в ряды вермахта и СС. Однако из-за длительного проживания их и их предков за пределами Рейха фольксдойче не считались впол-

не благонадежными в политическом и вполне чистыми в расовом отношении. Поэтому на их продвижение по службе были наложены определенные негласные ограничения. В частности, в вермахте и СС они могли беспрепятственно получать чины до капитана (гауптштурмфюрера) включительно. Для присвоения фольксдойче, равно как и представителям «арийских народов» штаб-офицерских званий, начиная с майора (штурмбаннфюрера) требовалось специальное разрешение высших командных инстанций.

Выбор у народов СССР, оказавшихся в условиях германской оккупации, был только между плохой и еще худшей диктатурой. Здесь можно вполне согласиться с мнением эстонских историков А. Адамсона и С. Валдмаа: «Конечно, цели всех великих держав в войне были корыстны, но особенно это характерно для целей Германии: если большевики (интернационал-социалисты) боролись во имя того, что они считали счастьем для всего человечества, то германские национал-социалисты боролись во имя господства одной расы — светловолосых германцев, «арийцев» — и были готовы стереть с лица земли все расы, которые в их глазах представлялись «низшими» или «неполноценными». Большинство эстонцев воевали во Второй мировой войне в немецких мундирах, оказавшись таким образом на стороне тех, кто проиграл войну... и это определяет наши мнения и чувства. Нам пришлось много страдать под полувековой советской оккупацией. Однако победа Гитлера была бы для человечества более страшным несчастьем, чем победа Сталина».

В 1943 году, когда для стран антигитлеровской коалиции уже стало очевидно поражение Германии, расовая политика национал-социалистов претерпела вынужденные изменения. Термин «недочеловек» был изъят из употребления, и украинцы, белорусы, литовцы, русские и даже поляки официально признавались теперь «арийскими народами» и принимались на службу в вермахт и СС. Геббельс официально заявил по поводу этих «восточных народов»: «Нельзя изображать этих людей, надеющихся завоевать освобождение нашими руками, животными, варварами и тому подобным и одновременно рассчитывать на то, что они будут страстно желать победы немцев».

К тому времени расовая теория уже утратила всякий смысл как с точки зрения пропаганды, так и с точки зрения практической политики. Германия терпела поражения на всех фронтах, причем не только от «германских народов», англичан и американцев, что вроде бы было не так обидно, но и от русских, которых еще вчера называли «недочеловеками». Теперь речь уже шла не о завоевании новых земель на Востоке и на Западе, а о самом существовании Рейха. В этой борьбе нацисты искали любых союзников среди жителей оккупированных территорий, поэтому всякое тиражирование понятия «недочеловек» было прекращено. Теперь врагов — американцев, англичан и русских — «опускали» только за счет пропагандистских тезисов об их будто бы самых тесных связях с евреями и при этом тех же русских пытались разделить на «хороших» и «плохих», в зависимости от того, связаны ли они с германскими властями или с большевиками. Самим же немцам уже не напоминали о том, что они «сверхчеловеки», а призывали защитить свою родину, дом и семью от нашествия врагов. Разумеется, при этом деликатно обходился вопрос, кто же начал войну и успел завоевать полмира, прежде чем был остановлен. По отношению же к евреям политика некоторым образом дифференцировалась. Некоторые уцелевшие к середине 1943 года евреи-специалисты, занятые на работах, больше не подвергались поголовному истреблению. Их отправили в концлагеря или в гетто, и они получили, пусть небольшой, шанс уцелеть. Правда, в случае восстания евреи истреблялись практически полностью, как это случилось, например, при подавлении восстания в Варшавском гетто. Но в тех странах, где окончательное решение только начиналось, как в Венгрии после ее оккупации германскими войсками в марте 1944 года, евреи истреблялись почти полностью.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ГИТЛЕРА

В кайзеровской империи государство покровительствовало лютеранству и в несколько меньшей степени — другим протестантским конфессиям. К католицизму оно было сначала враждебно, а позднее, вплоть до 1918 года, — нейтраль-

но. Евреи же обладали всей полнотой гражданских прав и никаким религиозным преследованиям не подвергались. Это обстоятельство, в частности, вызывало иммиграцию в Германию евреев из Российской империи. Позднее, в эпоху Веймарской республики, государство было индифферентно к религии, и все религиозные конфессии находились в более или менее равном положении. Положение резко изменилось после прихода к власти нацистов. Гражданская религия национал-социализма с ее Ветхим и Новым Заветом — «Моей борьбой», с ее символом веры — «одна страна, один народ, один фюрер», с ее пантеоном мучеников оттеснила все традиционные религии на второй план.

Сам Гитлер не был атеистом, но его веру вряд ли можно назвать христианской. Фюрер скорее тяготел к языческому мистицизму и к ветхозаветным жестоким заповедям. Он утверждал в «Моей борьбе»: «Протестантизм лучше выражает нужды немецкого самосознания. Но он непригоден там, где защита национальных интересов осуществляется в сфере, которая либо отсутствует в его системе понятий, либо отрицается им по каким-либо причинам... Протестантизм всегда выступал за развитие германского самосознания... поскольку дело касалось внутренней чистоты, углубления национального духа и немецкой свободы... но он встречает в штыки любую попытку вырвать нацию из удушающих объятий ее смертельного врага, так как его позиция по отношению к еврейству более или менее определена его догмами. А между тем речь здесь идет о вопросе, без решения которого любые попытки немецкого возрождения были и останутся абсолютно бессмысленными и невозможными».

Гитлер, однако, совсем не восхищался протестантизмом, хотя как национальную немецкую религию ставил гораздо выше более космополитического католицизма. Была даже попытка основать «немецкую национальную церковь». Под давлением национал-социалистов и при активном участии симпатизировавшей им фракции «немецких христиан» синод евангелической церкви в Германии избрал 27 сентября 1933 года пастора Кенигсбергского военного округа Людвиг Мюллера «епископом Рейха». Гитлер потребовал от него со-

здать евангелическую автокефальную «Церковь Рейха», но эта затея провалилась, встретив противодействие большинства германских лютеран.

Уже в 1941 году фюрер сожалел, что «нам не повезло, что наша религия убивает радость красоты. Протестантское ханжество еще хуже, чем католическая церковь». Но тут же добавил: «Я не занимаюсь догматами веры, но и не потерплю, чтобы священник занимался земными делами. Надо так сломать организованную ложь, чтобы государство стало абсолютным властелином». А 13 декабря 1941 года, выразив несомнительную надежду, что «война идет к концу», Гитлер с гордостью добавил: «У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и тем не менее они со спокойной душой идут на смерть». Поэтому-то на ременных пряжках эсэсовцев было выгравировано не «С нами бог», как у солдат вермахта, а «Моя честь — верность». Гитлер возмущался германскими министрами и генералами, которые убеждены, что «нам не победить без благословения церкви».

Объективно национал-социалистической партии и государству никакая церковь не была нужна. Католическую церковь, более склонную к земным делам и следованию принципам гуманизма независимо от позиции светских властей, нацисты всячески принижали, протестантскую, как в большей мере «национально мыслящую», до поры терпели. Но в будущем, в случае победы Германии в войне, протестантам все равно была уготована не слишком завидная участь: слиться в полностью огосударствленной единой церкви. Как говорил Гитлер в узком кругу соратников, «война когда-нибудь кончится. Последней великой задачей нашего времени станет тогда решение проблемы церкви. Лишь тогда немецкая нация может считать свое будущее обеспеченным».

24 октября 1941 года, когда германские танковые колонны рвались к Москве, Гитлер утверждал, что «большевики полагают, будто могут одержать триумф над всевышним... Но мы, откуда бы мы ни черпали свои силы, будь то из катехизиса или философии, имеем возможность сделать шаг назад, в то время как они со своим материалистическим мировоззрением в конце концов съедят друг друга». В действи-

тельности Гитлер и его соратники возомнили себя выше бога и хотели продиктовать судьбу всему человечеству, для большинства — страшную. Но самой страшной в итоге она оказалась для самих немцев.

А в «Моей борьбе» Гитлер, выставя себя философом, чья вера в бога носит внецерковный характер, признавал для масс необходимость церковных догматов. Он писал: «В нашем мире религиозные люди не могут обойтись без догматических обрядностей. Широкие слои народа состоят не из философов: для массы людей вера зачастую является единственной основой морально-нравственного мирозерцания... Если мы хотим, чтобы религиозные учения и вера действительно господствовали над умами широких масс народа, мы должны добиваться того, чтобы религия пользовалась безусловным авторитетом... Сотни тысяч более высокоразвитых в умственном отношении людей отлично проживут и без этих условностей. Для миллионов же людей эти условности совершенно необходимы... Только благодаря догмату религиозная идея, вообще говоря, поддающаяся самым различным истолкованиям, приобретает определенную форму, без которой нет веры... Политику приходится прежде всего думать не о том, что данная религия имеет тот или другой недостаток, а о том, есть ли чем заменить существующую, пусть и не вполне совершенную, религию. И пока у нас нет лучшей замены, только дурак и преступник станет разрушать старую веру». После прихода нацистов к власти в качестве замены религии стала все больше выступать расовая доктрина НСДАП, пропагандирующая борьбу за «жизненное пространство для наиболее полноценной германской расы».

Гитлер призывал к объединению всех сторонников христианских конфессий для борьбы с «еврейской опасностью»: «Сотни тысяч членов нашего народа гибнут в результате отравления крови, а мы проходим мимо всего этого, будто совершенно слепые. Эту свою гнусную работу евреи проводят совершенно планомерно. Эти черноволосые паразиты совершенно сознательно губят наших неопытных молодых светловолосых девушек, в результате чего мы теряем невозстановимые ценности. И что же?.. И католический, и протестант-

ский лагеря относятся совершенно равнодушно к этим преступлениям евреев и не замечают, как эти паразиты народов преступно уничтожают самые ценные, самые благородные дары божии на земле. Судьбы мира решаются не тем, победят ли католики протестантов или протестанты католиков, а тем, сохранится ли арийское человечество на нашей земле или оно вымрет.

И при таком положении вещей католические и протестантские лагеря не умеют соединиться против врагов человечества, а вместо этого подумывают, как бы уничтожить друг друга! Мы считаем, что обязанность подлинных патриотов — позаботиться о том, чтобы верующие обеих лагерей перестали все поминать имя божие, а стали бы на деле выполнять волю Божию и сумели бы помешать евреям позорить дело божие. Разве не Божья воля создала человека по образу и подобию творца всевышнего? Кто разрушает дело божие, тот ополчается против воли Божией...

Национальное единство нельзя укрепить тем, чтобы разжечь войну между католиками и протестантами. Только при взаимной уступчивости, только при одинаковой терпимости с обеих сторон можно изменить нынешнее положение вещей и добиться того, чтобы в будущем нация действительно стала единой и великой».

Беда была, однако, в том, что национальное единство и взаимная терпимость немцев разных христианских вероисповеданий друг к другу пытались цементировать неприкрытой расовой ненавистью.

В «Застольных разговорах» фюрер настаивал, что «партия хорошо делает, что не вступает ни в какие отношения с церковью. У нас никогда не устраивались молебны в войсках. Пусть уж лучше — сказал я себе — меня на какое-то время отлучат от церкви или предадут проклятию. Дружба с церковью может обойтись очень дорого. Ибо, если я достиг чего-либо, мне придется во всеуслышание объявить: я добился этого только с благословения церкви. Так я лучше сделаю это без ее благословения, и мне никто не предъявит счет...

Если бы не националисты-добровольцы, то в 1918—1920 годах священники у нас стали бы жертвой большевизма.

Попы опасны, когда рушится государство. Тогда они собирают вокруг себя темные силы и вносят смуту: какие только трудности не создавали папы римские германским императорам! Я бы с удовольствием выстроил всех попов в одну шеренгу и заставил побеспокоиться о том, чтобы в небе не появились английские или русские самолеты. В данный момент (осенью 1941 года. — Б. С.) больше пользы государству приносит тот, кто изготавливает противотанковые орудия, чем тот, кто машет кропилом...

В наши дни человек, знакомый с открытиями в области естествознания, уже не сможет всерьез воспринимать учение церкви: то, что противоречит законам природы, не может быть божественного происхождения, и господь, если пожелает, поразит молнией также и церковь. Целиком основывающаяся на взглядах античных мыслителей, религиозная философия отстает от современного уровня развития науки. В Италии и Испании это закончилось резней (Гитлер намекал на процессы инквизиции, не считая «резней» убийство миллионов, которое вызвало к жизни его антихристианское учение. — Б. С.).

Я не хочу, чтобы у нас случилось то же самое. Мы счастливы, что сохранились Парфенон, Пантеон и другие святыни, хотя с религиозной стороной этих сооружений мы уже давно не имеем ничего общего. Будь их у нас еще больше, это было бы просто великолепно. Мы ведь все равно не будем поклоняться в них Зевсу...

Я ничего не знаю о загробном мире и достаточно честен, чтобы открыто признаться в этом. Другие же утверждают, что кое-что знают о нем, а я не могу представить доказательства, что это не так.

Крестьянке я бы не хотел навязывать свою философию. Учение церкви тоже своего рода философия, пусть даже и не стремящаяся отыскать истину. Но, поскольку людям крупномасштабные материи недоступны, это не страшно. В итоге все в общем-то сводится к признанию беспомощности человека перед вечным законом природы. Не повредит также, если мы придем только лишь к выводу, что спасение человека — в его стремлении постичь божественное провидение, а

не в вере в свою способность восстать против закона. Это же просто замечательно, когда человек безропотно чтит законы.

Поскольку любые потрясения суть зло, лучше всего будет, если нам удастся, просвещая умы, постепенно и безболезненно преодолеть такой институт, как церковь. Самыми последними на очереди были бы, видимо, женские монастыри».

Гитлер сам христианство и церковь отвергал, в существование загробного мира не верил, а верил только в существование бога, себя же полагал исполнителем божественного провидения. Фюрер ощущал себя сверхчеловеком, которому позволено восстать против законов божеских и человеческих. Но масса — это другое дело. Массе необходима церковь, хотя бы для того, чтобы побудить людей не нарушать государственных законов. И церковная организация должна сохраниться до того времени, когда возникнет идеальное национал-социалистическое государство, основанное на расовых законах и состоящее только из расово и социально полноценных членов. А такое возможно лишь после установления мирового господства Германской империи. До этого времени придется терпеть противоестественное сосуществование антихристианского государства и церкви, которая необходима для сохранения стабильности государственных институтов, а также институтов семьи и собственности. Правда, никакой непосредственной связи национал-социалистическая партия ни с одной из церквей иметь не должна, чтобы не оскверниться.

Гитлер вопрошал: «Сделали ли научные открытия людей счастливыми? Не знаю. Но они счастливы, имея возможность придерживаться самых различных вероисповеданий. Значит, нужно быть терпимее в этом вопросе». Но при этом он считал, что «человек, придерживающийся ложной веры, выше того, кто вообще ни во что не верит. Но победили-то в войне как раз большевики-материалисты. Гитлер же прямо провозгласил отказ от принципов христианского гуманизма и утверждал, что человеческая жизнь не имеет абсолютной ценности: «Не следует так уж высоко ценить жизнь каждого живого существа. Если эта жизнь необходима, она не погибнет».

Фюрер допускал существование вечной жизни, которая лишь меняет форму своего бытия: «Наша религиозность — это вообще наш позор... Христианский тезис о загробном мире я ничем не могу заменить, поскольку он совершенно несостоятелен. Но вера в вечную жизнь имеет под собой определенные основания. Ум и душа возвращаются в общее хранилище, как, впрочем, и тело. Мы ляжем удобрениями в почву, на которой появится новая жизнь. Я не хочу ломать голову в поисках ответов на вопросы «почему?» и «отчего?». Все равно нам не дано проникнуть в глубину души.

Если и есть бог, он дает не только жизнь, но и способность познания. И если я с помощью данного мне богом разума регулирую свою жизнь, то могу ошибаться, но не солгу.

Переселение тел в загробный мир невозможно хотя бы уже потому, что каждый, кто был бы вынужден взирать сверху на нас, испытывал бы страшные муки: он просто бы бесился от ярости, видя те ошибки, которые непрерывно совершают люди...

Я стремлюсь к такому порядку вещей, когда каждый твердо бы знал о себе: он живет и умирает во имя сохранения своей расы. Задача состоит в том, чтобы воспитать в людях высочайшее уважение к тем, кто особенно отличился в борьбе за выживание расы. Очень хорошо, что я не пустил попов в партию. 21 марта 1933 года — в Потсдаме — встал вопрос: идти или не идти в церковь? Я завоевал государство, не испугавшись проклятий обеих конфессий. Если бы я тогда в самом начале прибег к услугам церкви — мы пошли к могилам королей, а государственные деятели отправились в церковь, — то меня постигла бы судьба дуче» (Муссолини заключил конкордат с Ватиканом).

Когда в осажденном Берлине фюрер пустил в себя пулю, он, быть может, верил, что все равно не умрет, а его душа перейдет в бездну Космоса, чтобы потом воскреснуть в реинкарнации. Как и всякому мистика, ему был близок буддизм.

Часть пятая

ТРЕТИЙ РЕЙХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ



КАК ВОЗНИКЛА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Вторая мировая война была величайшей войной в истории. Крупнее ее по жертвам, разрушениям и последствиям не было на земном шаре прежде и уже никогда не будет в будущем. Изобретенное в самом конце Второй мировой войны ядерное оружие трагически надежно гарантировало, что любая следующая война такого масштаба, в виде прямого столкновения сверхдержав с термоядерным оружием, станет концом существования человечества. Поэтому Вторая мировая война уже сегодня феномен, ни в чем не могущий повториться. Но даже столь разрушительное общественное явление наверняка имело свой смысл, скрытый для современников и не увиденный потомками.

«Политика умиротворения», проводимая правительствами Англии и Франции, позволила Гитлеру без сопротивления захватить Австрию и Чехословакию. Однако, когда после оккупации вермахтом Чехии в марте 1939 года правительства Англии и Франции осудили этот акт и предоставили гарантии территориальной целостности Польше, в Германии поняли, что попытка захватить у Польши Данцигский коридор приведет к войне. Германо-польский конфликт начался весной 1939 года, когда Германия потребовала передать ей Данцигский коридор, отрезавший Восточную Пруссию от остальной территории Рейха. Польша, памятуя судьбу Чехословакии, от уступок отказывалась. На совещании с руководством вермахта 23 мая 1939 года Гитлер прямо заявил:

«Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут...

Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность.

Данциг — не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Прибалтики. Обеспечение продовольствием возможно только оттуда, где плотность населения мала. Наряду с повышением плодородия почв это обеспечение значительно усилится и за счет немецкого основательного хозяйствования. В Европе других возможностей не видно.

Колонии не стоит принимать в дар. Это не решение продовольственной проблемы. Их легко отрезать от Рейха посредством блокады.

Если судьба толкает нас на столкновение с Западом, хорошо было бы обладать большим жизненным пространством на Востоке. Во время войны мы можем рассчитывать на рекордные урожаи еще меньше, чем в мирное время...

Экономические отношения с Россией возможны, только если улучшатся отношения политические... Не исключено, что Россия покажет себя не заинтересованной в разгроме Польши. Если Россия и впредь будет действовать против нас, наши отношения с Японией могут стать более тесными.

Союз Франция — Англия — Россия против Германии — Италии — Японии побудил бы меня нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов.

В возможность мирного улаживания конфликта с Англией я не верю. Необходимо подготовиться к столкновению. Англия видит в нашем развитии создание фундамента той гегемонии, которая обессилит ее. Поэтому Англия — наш враг и столкновение с нею — борьба не на жизнь, а на смерть.

Как будет выглядеть это столкновение? Англия не способна расправиться с Германией несколькими мощными ударами и сокрушить нас. Главное для Англии — скорее пе-

ренести войну поближе к Рурской области. Французскую кровь она шадить не будет. Овладение Рурской областью решает вопрос о длительности нашего сопротивления.

Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть захвачены военной силой. На заявления о нейтралитете полагаться не следует. Если Франция и Англия при войне Германии против Польши доведут дело до своего столкновения с нами, они будут поддерживать нейтралитет Бельгии и Голландии, чтобы заставить их идти вместе с собой.

Бельгия и Голландия, хотя и протестуя, уступят этому давлению. Поэтому мы должны, если при польской войне Англия захочет вмешаться, молниеносно напасть на Голландию. Следует стремиться занять новую оборонительную линию на голландской территории до Зюйдерзее. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть.

Намерение дешево откупиться опасно; такой возможности нет. Надо сжечь за собой все мосты, ведь дело пойдет не о праве или произволе, а о том, быть или не быть 80 млн. человек.

Вопрос: короткая или долгая война?

И военные, и государственные руководители всегда стремятся к войне короткой. Но государственные руководители должны настроить себя и на войну продолжительностью 10—15 лет... Каждое государство будет держаться сколько сможет, если только сразу же не наступит его резкого ослабления (например, из-за потери Рурской области). У Англии тоже есть подобные слабые места. Англия знает, что неудачный исход войны означает конец ее мирового могущества...

Необходимо стремиться к тому, чтобы в самом начале нанести противнику уничтожающий удар. При этом вопрос о праве или произволе, равно как и ссылки на договора, никакой роли не играют...

Наряду с внезапным нападением следует готовить длительную войну с уничтожением английских возможностей на континенте».

11 августа 1939 года Гитлер заявил комиссару Лиги Наций по Данцигу швейцарцу Карлу Якобу Буркхардту: «Все, что я предпринимаю, направлено против России; если Запад

слишком глуп и слеп, чтобы понять это, то я буду вынужден договориться с русскими для удара по Западу, а затем после его разгрома я направлю все свои объединенные силы против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нас снова не умурили голодом, как в последней войне».

А 22 августа 1939 года, выступая перед высшим командным составом вермахта, фюрер продекларировал цели будущей войны: «На первом плане — уничтожение Польши. Цель — устранение живой силы, а не достижение определенной линии. Если разразится война на Западе, уничтожение Польши останется на первом плане. С учетом времени года — быстрое решение.

Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа.

Закреть сердце для жалости. Жестокость. 80 миллионов человек должны получить свое право. Их существование должно быть обеспечено. Прав тот, кто сильнее».

Пропагандистский аппарат Рейха продолжал исправно функционировать до последних дней войны, порой обращаясь к мистическим сюжетам. Еще 24 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Теперь я ориентирую нашу пропагандистскую работу главным образом на выполнение отдельных конкретных заданий... Мы намерены опубликовать ряд пророчеств, которые в народе сейчас приобретают большую силу. Следует интенсифицировать пропаганду с помощью таких средств, как листовки и «письма по цепи». Чего только не сделаешь в эти критические времена, чтобы сохранить хорошее настроение народа!»

22 августа 1939 года, когда вопрос о подписании советско-германского пакта о ненападении был уже решен, Гитлер еще раз выступил перед своими генералами: «Образование Великой Германии было с практической точки зрения великим свершением (имеется в виду мирное присоединение к Рейху Австрии и Чехии. — Б. С.), но в военном отношении оно внушало опасения, ибо было достигнуто с помощью блефа со стороны политического руководства. Необходи-

димо испробовать военную силу. И, если возможно, для генерального сведения счетов, а не для решения отдельных задач.

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Моя политика в отношении Польши, проводившаяся до сих пор, противоречила воззрениям нашего народа. Принятию моих предложений Польшей (Данциг, коридор) препятствовало вмешательство Англии. Польша сменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности на длительный срок нетерпимо. Инициатива не должна перейти в другие руки. Сейчас момент благоприятнее, чем через 2—3 года... Нельзя же вечно стоять друг против друга с винтовкой на боевом взводе. Предложенное нами компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения, жестов доброй воли. С нами снова заговорили бы на языке Версаля. Возникла опасность потери престижа. Вероятность того, что Запад не выступит против нас, еще велика. Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск... Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо рано или поздно нас уничтожат...

Англия и Франция приняли на себя обязательство, но ни та, ни другая выполнить его не в состоянии. В Англии никакого фактического вооружения нет, одна пропаганда... Существенного усиления английского флота раньше 1941 или 1942 г. ожидать не приходится...

Во Франции — нехватка людей из-за падения рождаемости. В области вооружения сделано мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру...

Я был убежден, что Россия никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом, Сталин знает, что режиму его в случае войны настанет конец, независимо от того, выйдут его солдаты из войны победителями или побежденными. Решающее значение имела замена Литвинова. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение (пакт плюс секретные протоколы. — Б. С.). Четыре

дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что она готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк... Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не подсунула мне свой план посредничества... После того как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт».

23 августа 1939 года был заключен советско-германский пакт о ненападении, развязавший Гитлеру руки для агрессии против Польши. В секретном протоколе к этому пакту стороны разделили Польшу по линии рек Висла, Нарев и Сан. Кроме того, в сферу советского влияния отошли Финляндия, республики Прибалтики и румынская Бессарабия.

Чисто теоретически Вторую мировую войну можно было бы предотвратить, если бы Советский Союз пошел на заключение военного союза с Англией и Францией, согласившись на роль младшего партнера в антигерманском блоке. Однако такой вариант событий ни Сталин, ни, что характерно, Гитлер никогда всерьез не рассматривали. Иосиф Виссарионович обладал значительно большими амбициями, чем то, чтобы просто согласиться на сохранение собственных границ и какую-то гипотетическую финансово-экономическую помощь со стороны ведущих государств. Как минимум он хотел заполучить Польшу, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию, и почти все из требуемого Гитлер ему с готовностью предоставил.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Крупнейшая война в истории человечества, как хорошо известно, началась с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Для создания повода к войне германские спецслужбы организовали нападение своих агентов, пере-

одетых в польскую военную форму, на радиостанцию в Глейвице в Силезии. Англия и Франция, давшие гарантии территориальной целостности Польского государства, 3 сентября 1939 года объявили войну Германии, но активных боевых действий не предпринимали. Французская армия отличалась крайне низким моральным духом. Большинство ее солдат и офицеров не хотели «умирать за Данциг». переброска же английского экспедиционного корпуса во Францию завершилась лишь к середине ноября 1939 года. Французское командование придерживалось исключительно оборонительного образа действий, да и мобилизация французской армии была завершена лишь через три недели после начала войны.

Польское военно-политическое руководство знало о значительном превосходстве вермахта и безнадёжности стратегической обстановки, но решило оказать сопротивление, рассчитывая на конечную победу западных союзников. Польская разведка имела точные представления о дислокации 80 процентов германских соединений. Генеральный штаб Польши считал, что польский оборонительный план, предусматривающий оборону по линиям Нарева, Вислы, Верхней Варты и городов Белиц и Сайбуш в Силезии, не имеет шансов на успех и немцев в лучшем случае удастся сдерживать лишь считанные недели. Уверенности, что за это время французская армия перейдет в наступление, у поляков не было. Польская армия уступала немецкой армии по численности вдвое и еще больше — по качеству и количеству танков и самолетов. Вермахт предпринял глубокий обход польской армии с севера и с юга. 17 сентября, когда основные силы поляков были уже разбиты, но еще продолжали борьбу, в Польшу также вторглась Красная Армия, оккупировавшая восточные районы страны, населенные преимущественно украинцами и белорусами. К началу октября сопротивление поляков было сломлено. Почти вся польская армия оказалась в немецком и советском плену.

Первоначально Гитлер планировал сразу же после разгрома Польши обрушиться на Францию. Однако с приближением зимы ухудшились погодные условия, что ограничивало применение авиации в будущей кампании на Западе.

Что еще важнее, немцы не успевали сосредоточить до начала зимы достаточные силы и запасы снабжения для генерального выступления против Франции. Поэтому Гитлер послушался советов своих генералов и отложил наступление до весны 1940 года. Если ретроспективно взглянуть на события первого месяца боевых действий, то единственным планом действий, дававшим Германии шансы если не на победу, то на «ничейный исход» развязанной фюрером мировой войны, было бы немедленно, еще в начале сентября, нанести главный удар не против Польши, а против Франции. Учитывая низкие боевые качества французской армии, продемонстрированные позднее, в мае 1940 года, а также то, что в сентябре 39-го на Европейском континенте еще не было британского экспедиционного корпуса, можно не сомневаться, что блицкриг против Франции удался бы и в самом начале войны даже быстрее, чем это случилось в действительности в мае — июне 1940 года. Тогда бы стратегическая ситуация претерпела коренное изменение. Уже в октябре 1939 года вермахт остался бы один на один против Польши, которую бы вполне мог рассчитывать сокрушить до исхода осени. Не исключено, что в этом случае в Англии взяли верх сторонники мира с Германией. Но даже если бы этого не случилось, англичане, еще не завершившие мобилизации своей армии, вряд ли бы смогли в ближайшие месяцы противопоставить Германии что-либо серьезное. США к тому времени еще ни в коей мере не были втянуты в войну на стороне «туманного Альбиона». Не исключено, что президенту Франклину Рузвельту не удалось бы тогда преодолеть сопротивление изоляционистов и Америка так бы и осталась нейтральной во Второй мировой войне. Даже вероятный союз СССР и Польши в этой критической ситуации вряд ли бы спас положение. К тому же Красная Армия могла уже увязнуть в конфликте с Финляндией, поторопившись захватить хотя бы часть добычи, пока вермахт связан на Западе. В этом случае немцы могли бы вторгнуться на советскую территорию не позднее мая — июня 1940 года. СССР пришлось бы вести борьбу с Рейхом один на один, не имея к тому времени в серии ни танков «Т-34», ни новых самолетов, ни «катюш», ни, скорее всего,

даже поставок по ленд-лизу. В такой схватке один на один Сталин имел бы все шансы проиграть. Однако подобный сценарий имеет только теоретическое значение. Практически же Гитлер в самом начале войны не имел намерения вести боевые действия против западных союзников. Он надеялся достичь соглашения с Англией и Францией, если не сразу же, то, по крайней мере, вскоре после планировавшегося молниеносного разгрома Польши. Поэтому варианты первоначального удара по Франции даже не рассматривались в германских штабах в августе 1939 года.

Между тем еще 23 мая 1939 года на совещании с руководством вермахта Гитлер утверждал: «Проблема Польши неотделима от столкновения с Западом. Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому и Польша тоже — сомнительный барьер от России. Военное счастье на Западе, которое может повлечь быстрое окончание войны, стоит под вопросом, так же как и поведение Польши. Перед нажимом России польский режим не устоит. В победе Германии над Западом Польша видит опасность для себя и попытается нас этой победы лишить.

Поэтому вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает, и остается решение при первом же подходящем случае на нее напасть. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции Польши имеет решающее значение... Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Если же уверенности в том, что в процессе германопольского конфликта война с Западом будет исключена, нет, борьба должна вестись в первую очередь против Англии и Франции.

Столкновение с Польшей, начинаемое нападением на нее, может привести к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, тогда лучше напасть на Запад и при этом одновременно ликвидировать Польшу».

Однако 22 августа 1939 года, непосредственно перед нападением на Польшу, когда вопрос о пакте с СССР был уже

решен, Гитлер заявил своим генералам и фельдмаршалам: «У Запада есть только две возможности бороться против нас: блокада, но она будет неэффективна ввиду нашей автаркии, а также потому, что мы имеем дополнительные источники сырья и продовольствия на Востоке, и нападение с линии Мажино, которое я считаю неэффективным.

Имелась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. У меня нет никаких сомнений, что все эти страны, а также Скандинавия защищали бы свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитета этих стран не нарушат. Значит, фактически Англия Польше помочь не сможет. Остается еще нападение на Италию. Военное вмешательство исключено. На длительную войну никто не рассчитывает. Если бы господин Браухич сказал мне, что мне потребуется четыре года, чтобы захватить Польшу, я бы ему ответил: так дело не пойдет! Когда кто-то говорит, что Англия хочет продолжительной войны, это бред!

Мы будем сдерживать Запад до тех пор, пока не захватим Польшу. Мы должны сознавать наши огромные производственные возможности. Они гораздо больше, чем в 1914—1918 гг.

Противник все еще надеялся, что после завоевания нами Польши Россия выступит как наш враг. Но противники не учли моей способности принимать нестандартные решения. Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене».

Надежда на то, что Англия и Франция не смогут быстро предпринять активных действий против Германии во время вторжения в Польшу, и расчет на советское содействие в оккупации Польши толкнули Гитлера на решение сперва разделаться с Польшей и лишь затем перейти в наступление на Западе. Это обеспечило быстрый разгром Польши, но, возможно, затянуло на полгода крах Франции и, возможно, спасло британский экспедиционный корпус от более тяжелого поражения, чем он в действительности потерпел в Дюнкерке. Правда, не исключен вариант, что при таком развитии событий британские войска вообще не успели бы высадиться во Франции. Вероятно, реализация «французской альтернативы» облегчила бы Гитлеру ведение мировой войны, но все

равно не избавила бы его от поражения. Только тогда, возможно, исход войны пришлось бы решать, в случае поражения СССР, применением американской атомной бомбы не против Японии, а против Германии. Британские острова Гитлер бы все равно захватить не смог из-за отсутствия достаточных сил авиации и флота. Да и поражение СССР в случае разгрома Франции еще в 1939 году выглядит маловероятным. Ведь и тогда Британской империи пришлось бы в борьбе за свое существование помогать Советскому Союзу всеми имеющимися средствами. Да и США вряд ли бы остались в стороне и, вполне возможно, вступили бы в войну на год раньше, еще в 1940 году.

Гитлер не ошибся и по поводу того, что Англия и ее империя в 1939 году были еще совершенно не готовы к затяжной войне ни с точки зрения финансов, ни с точки зрения запасов вооружений, боевой техники, тоннажа судов, стратегического сырья, а также промышленных мощностей по производству всего необходимого для длительной войны. Но фюрер не учел того, что практически неисчерпаемые ресурсы Америки очень быстро будут брошены на чашу весов Британской империи.

Перед началом решающих сражений во Франции стороны обратили свое внимание к Скандинавии. Как англо-французское, так и германское командование планировали десант в Норвегию. Оккупация этой страны считалась необходимой для контроля за путями экспорта шведской железной руды, критически важного для военной экономики Германии. Немцы, кроме того, собирались захватить Данию, чтобы поставить под свой контроль оба берега проливов, соединяющих Северное и Балтийское моря. Германский десант упредил англо-французский всего на несколько дней. 9 апреля 1940 года вермахт, не встречая сопротивления, вторгся в Данию, и в тот же день германские войска высадились на норвежском побережье. Высший военный совет союзников еще 28 марта 1940 года принял решение 5 апреля начать минирование норвежских вод, а позднее осуществить высадку в этой стране. Фактически постановка мин была начата 8 апреля, а днем раньше началась погрузка на суда бри-

танских экспедиционных сил для десанта в Норвегии. Германский флот понес тяжелые потери на минных заграждениях и от огня норвежских береговых батарей. Был потоплен германский крейсер «Блюхер». Несмотря на мужественное сопротивление немногочисленной норвежской армии, немцы овладели Осло и другими городами южной Норвегии. Британские войска высадились 14 апреля севернее Нарвика, захваченного ранее немцами. Положение немецкой группировки в Нарвике настолько осложнилось, что Гитлер 17 апреля разрешил их командиру генералу Дитлю пойти на интернирование в Швеции. Но вечером того же дня, по настоянию начальника штаба оперативного руководства вермахта генерала Йодля, фюрер приказал Дитлю «держаться до последней возможности». 28 апреля союзники заняли Нарвик, но войска Дитля удержали свои позиции южнее города. У англичан все равно не было достаточно сил как для сухопутного похода с севера в южную Норвегию, так и для десанта в районе Осло. Крайняя узость линии фронта играла на руку немцам. 13 мая им удалось установить сухопутную связь с Дитлем. Поражение во Франции заставило британское правительство эвакуировать войска из Норвегии. 8 июня 1940 года союзники покинули норвежское побережье.

Дания сразу же была превращена в «образцовый протекторат» Германской империи. Вплоть до 1943 года здесь действовало прежнее датское правительство, сохранившее даже право на дипломатическое представительство. Также и в Норвегии был установлен сравнительно мягкий оккупационный режим. В Осло было создано коллаборационистское правительство во главе с майором Видкуном Квислингом, чье имя стало синонимом слова «предатель». Оно пользовалось довольно большими полномочиями внутри страны, хотя и имело над собой германского наместника Йозефа Тербовена. И датчане, и норвежцы по расовой теории нацистов относились к «германским народам», поэтому отношение к ним было гораздо более мягким, чем не только к славянам, но даже, например, к французам.

План германского наступления во Франции, выработанный в октябре 1939 года, после победы над Польшей, и но-

сивший кодовое название «Гельб» («Желтый»), в основном повторял план Шлиффена. Главный удар предполагалось нанести через северную Бельгию в обход линии Мажино. Срок наступления был назначен на 12 ноября 1939 года. Но резко ухудшилась погода, приковавшая к земле авиацию. Только до января 1940 года срок начала операции изменялся 15 раз. Затем 10 января 1940 года последовала авария немецкого связного самолета, севшего на бельгийской территории, благодаря чему к союзникам попали документы по плану «Гельб». От первоначального варианта решено было отказаться. Гитлер принял план начальника штаба группы армий «Юг» генерала Эриха фон Манштейна, предусматривавший нанесение главного удара в южной Бельгии через Арденны. Манштейну удалось убедить фюрера, что этот горный район проходим для танков и автомашин. Французское командование, напротив, преувеличивало недоступность Арденн и потому не ожидало здесь широкомасштабного неприятельского наступления. Англо-французские войска, вступившие в Бельгию, очень скоро оказались обойдены прорвавшимися через Арденны германскими танковыми соединениями, прижаты к морю и принуждены к капитуляции. Немцы не имели численного перевеса над противником, а по количеству танков даже немного уступали союзникам (2800 машин против 3000). Однако низкие боевые качества французской армии, пассивность союзного командования и неправильная оценка им обстановки, а также нерациональная группировка англо-французских войск привели к катастрофе. 10 мая 1940 года началось германское наступление, а уже 15 мая капитулировала Голландия, ряд стратегических пунктов которой был захвачен неприятельскими воздушными десантами. На следующий день пал Брюссель, а 28 мая капитулировала Бельгия. Английская экспедиционная армия под командованием лорда Горта, сознававшего безнадежность продолжения борьбы на континенте, начала отход к порту Дюнкерк для последующей эвакуации на Британские острова. Англичане к тому времени уже раскрыли секрет германских шифровальных машин и читали переговоры германских штабов на Западе. Это помогло английскому командованию принять правиль-

ное решение. Контратака двух английских танковых батальонов у Арраса так напугала командующего группой армий «Юг» Рундштедта, что он добился от Гитлера получения 24 мая приказа на остановку наступления германских танков у Ла-Манша по линии Ланс — Гравелин в 16 км от Дюнкерка. Через два дня наступление возобновилось, но англичане сумели удержать подступы к Дюнкерку, пока к 4 июня не были эвакуированы 224 тысячи британских солдат и 114 тысяч французских. Люфтваффе, вопреки обещанию Геринга, не смогло воспрепятствовать эвакуации. Среди историков распространено мнение, что «стоп-приказ» Гитлера сыграл роковую роль, не позволив уничтожить британский экспедиционный корпус у Дюнкерка и вывести тем самым Англию из войны. А это, в свою очередь, предопределило в дальнейшем войну на два фронта и конечное поражение Германии. Вряд ли это мнение справедливо. Ведь никто почему-то не обращает внимания на следующее обстоятельство: после того, как немцы остановились, Горт тоже не сразу получил приказ на отступление. В Лондоне решали, есть ли еще шансы на продолжение борьбы, устоят ли французы, имеет ли смысл оставлять английскую армию во Франции. Только 26 мая, в день возобновления германского наступления, Горту приказали начать отход к Дюнкерку с целью последующей эвакуации. Вот что сообщает по этому поводу известный британский теоретик Джон Фуллер, близкий к министерству обороны: «Быстрое наступление с юга вместе с неуклонным давлением с востока заставило все левое крыло союзных армий собраться в равностороннем треугольнике, основанием которого служила линия Гравелин—Тернеуцен, а вершина располагалась немного севернее Камбре. Северная половина восточной стороны треугольника удерживалась бельгийской армией, которая 24 мая подверглась ожесточенной бомбардировке. 25 мая она начала поддаваться. На следующий день, когда исчезла всякая надежда, что французские армии, находившиеся южнее Соммы, будут наступать на север, лорд Горт получил приказ: отступлением к побережью спасти все, что еще можно спасти от его армии». Можно не сомневаться, что, если бы германские танковые

группы продолжали 24-го безостановочное движение к Дюнкерку, отступление англичан началось бы соответственно двумя днями раньше. Дело было не в каких-то задержках или ошибках, а в совершенно объективных вещах. Британская армия, в отличие от французской или бельгийской, не потеряла присутствия духа. Тех сил, которыми располагал Горт, включая 3 танковые бригады (последняя, 3-я высадилась во Франции 25 мая уже только затем, чтобы прикрыть эвакуацию), вооруженные тяжелыми танками с сильной броней, было вполне достаточно для того, чтобы удерживать небольшой дюнкеркский плацдарм, где линия фронта была мала, а плотность боевых порядков максимальна, в течение 10 дней, необходимых для подготовки и проведения эвакуации. Англичанам помогла и тихая, ясная погода. Волнения на море не было, и для эвакуации удалось использовать все суда, включая малотоннажные шхуны, яхты и катера. Кроме того, британская авиация не уступила люфтваффе господство в воздухе над Ла-Маншем. «Харрикейны» и «спитфайеры» не уступали «мессершмитам», а британские летчики дрались не хуже асов Германа Геринга. Поэтому реальных шансов уничтожить армию Горты у немцев не было. Тем не менее разгром союзников в ходе операции «Гельб» был впечатляющим. Около миллиона французов, голландцев и бельгийцев, попавших в окружение, оказались в плену.

После разгрома союзных войск в Бельгии, Голландии и Северной Франции вермахт 5 июня начал генеральное наступление на Париж. Немцам удалось легко прорвать линию Мажино, защищавшуюся значительно уступавшими противнику в людях и технике и деморализованными французскими частями. Париж был объявлен открытым городом и сдан немцам 14 июня 1940 года. 22 июня французское правительство маршала Петэна заключило перемирие, а 25-го все боевые действия были прекращены. 10 июня 1940 года под влиянием успехов немцев во Франции в войну на стороне Германии вступила Италия, но итальянское наступление в Альпах не имело успеха, несмотря на многократный численный перевес. Сказались как трудности горного театра военных действий, так и низкая боеспособность итальянской армии в

противоположность хорошей подготовке французских горнострелковых частей, сохранивших, в отличие от других войск, высокой боевой дух.

Гитлер торопился покончить с Францией, рассчитывая затем быстро расправиться как с Англией, так и с пока еще невоюющей Россией. Еще 23 ноября 1939 года, выступая перед руководством вермахта, он утверждал: «Сейчас фронт на Востоке удерживается всего несколькими дивизиями... Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным... Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего — укрепление своей позиции на Балтийском море (неделю спустя Красная Армия вторглась в Финляндию. — Б. С.). Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Балтике. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах и направляет свои устремления к Персидскому заливу, а это отвечает и интересам нашей политики... В данный момент интернационализм отошел для нее на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму. Заглядывать в будущее трудно. Но фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится... Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшить не может, а может только ухудшиться».

Фюрер не ошибся в оценке уровня боеспособности Красной Армии. Неудачная для советской стороны финская война только подтвердила это. Глава Рейха в конце 1939 года самым ранним сроком возможного советского нападения на Германию считал 1941 год. Но Гитлер недоучел, что Сталин мог оценивать боеспособность своих войск совсем иначе. В действительности уже в конце февраля 1940 года, когда еще продолжалась советско-финская война и существовала реальная опасность прибытия на помощь финнам англо-французского экспедиционного корпуса, Сталин одобрил директивы Красной Армии и флоту, в которых главным ве-

роятным противником были названы Германия и ее союзники. Также еще до заключения мира с Финляндией, 5 марта 1940 года, Политбюро приняло решение о расстреле 14,7 тысячи пленных польских офицеров и около 11 тысяч польских гражданских пленных из числа представителей имущих классов и интеллигенции. Все они были расстреляны на протяжении апреля и первой половины мая. Эта, казалось бы, абсурдная акция получает свое объяснение только в свете предположения, что Сталин уже летом 1940 года собирался напасть на Германию. Он рассчитывал, что Гитлер увязнет в затяжной борьбе на Западе и Красная Армия сможет внезапно ударить немцам в спину, пользуясь тем, что на советско-польской границе осталось всего 12 слабых второочередных пехотных дивизий. Сразу же после заключения мира с Финляндией 13 марта 1940 года основная часть дивизий и вся авиация с финского фронта стали перебрасываться на Запад. Здесь советские войска к июлю 1940 года имели против Германии и Румынии 84 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами, в каждой из которых было по 200 и более танков. Сталин надеялся, что с 12 немецкими дивизиями такая армада, пусть даже не слишком здорово показавшая себя в финской кампании, как-нибудь справится. И не случайно срок демобилизации тех, кто был призван на финскую войну, отложили до 1 июля 1940 года. Вероятно, советское нападение планировалось на конец июня или начало июля. В ночь с 6 на 7 мая 1940 года Сталин говорил в своем близком кругу: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!» Однако слишком быстрый крах французского сопротивления заставил советского вождя отложить нападение на Германию на 1941 год, когда будут сформированы новые механизированные корпуса и резко возрастет боевая мощь советской авиации, которая должна будет получить новые машины. Пока же войска, предназначенные для вторжения в Германию, во второй половине июня и в начале июля оккупировали Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Буковину. С новых плацдармов Красная Армия могла угрожать Восточной Пруссии, южному побере-

жью потерпевшей поражение, но не сломленной Финляндии и румынским нефтяным промыслам.

Гитлер ничего об этих планах Сталина не знал. Но фюрер понимал, что рано или поздно Советский Союз ударит по Германии, чтобы обеспечить себе гегемонию в Восточной Европе, а если повезет — то и на западе континента. Точно так же Сталин несколько не сомневался, что Гитлер когданибудь обратится против СССР, чтобы захватить обширные территории Восточно-Европейской равнины в качестве обещанного «жизненного пространства» для германского народа. Оба диктатора не ошибались относительно намерений друг друга, но ошибались относительно сроков осуществления этих намерений. Если в 1939 году Гитлер допускал, что Сталин может напасть в 41-м, то в 1940 году, после победы над Францией и неудачного выступления Красной Армии в Финляндии, фюрер не предполагал советского нападения на Германию в будущем году.

Гудериан свидетельствовал: «Гитлер не верил ни донесениям о военной мощи огромного государства, предоставляемым военными инстанциями, особенно нашим образцовым военным атташе в Москве генералом Кестрингом, ни сообщениям о мощи промышленности и прочности государственной системы России». В июне 1940 года еще до капитуляции Франции Гитлер сообщил начальнику штаба оперативного руководства вермахта генералу Йодлю и начальнику Генштаба сухопутных сил генералу Гальдеру о намерении ликвидировать «большевистскую опасность, как только это позволит стратегическое положение Германии». Уже 3 июля Гальдер поручил своим сотрудникам начать прорабатывать решение «восточной проблемы» путем «нанесения удара по России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе».

Перед нападением на Россию, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер решил покончить с Англией. 16 июля 1940 года он издал директиву о подготовке операции по высадке на Британские острова. В качестве предпосылки для осуществления десанта фюрер требовал: «Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавле-

на, чтобы она больше не могла противодействовать переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания силы... Желательно незадолго до переправы сковать британские военно-морские силы как в Северном, так и в Средиземном морях, где будут действовать итальянцы. Уже сейчас надо попытаться нанести урон британскому флоту с помощью авиации и торпедных атак». Чтобы завоевать господство в воздухе, люфтваффе с 10 июля 1940 года начало массированное наступление на Англию, но не преуспело в этом. Против 900 истребителей и 1280 бомбардировщиков, находившихся в боевой готовности (всего люфтваффе на Западе располагало 3000 самолетов), британские королевские ВВС смогли выставить лишь 700 истребителей и 500 бомбардировщиков. Однако у англичан было одно решающее преимущество. Их самолеты действовали с аэродромов в Южной Англии и могли быстро возвращаться на базы для пополнения запасов горючего и боеприпасов, совершая таким образом по несколько вылетов в день. Германские же самолеты действовали на пределе своего радиуса и не могли делать ежедневно более одного вылета. Кроме того, подбитые британские самолеты имели гораздо больше шансов дотянуть до своих баз, чем германские, многие из которых падали на обратном пути в воды Ла-Манша. Так же и британские летчики, спасшиеся со сбитых машин на парашюте, как правило, возвращались в строй, тогда как их немецкие коллеги отправлялись до конца войны в лагеря военнопленных. Британские «спитфайеры» были не хуже немецких «Me-109», а большие потери опытных летчиков люфтваффе быстро уравняли позиции сторон и в части боевой подготовки пилотов. Всего к исходу октября 1940 года, когда воздушная «Битва за Британию» закончилась, немцы безвозвратно потеряли 1733 машины, а англичане — только 915. В условиях, когда господство в воздухе завоевать не удалось, а британский надводный флот оставался неизмеримо сильнее германского, высадка на Британские острова была, в принципе, невозможна. 3 сентября 1940 года Гитлер определил 21 сентября днем проведения десанта — операции «Морской лев». Он рассчитывал, что к тому времени британские истребители будут

нейтрализованы. Однако 15-го числа для люфтваффе настал черный день, когда безвозвратные ежедневные потери достигли максимума — 60 самолетов. В результате германское вторжение в Англию пришлось 17 сентября отложить на неопределенный срок. Этому решению Гитлера способствовали и большие потери, которые английская авиация нанесла германским судам, сосредоточенным в портах Ла-Манша. К тому времени были потоплены или повреждены 21 транспорт из 170 и 214 десантных барж из 1918. Уже 18 сентября фюрер отдал приказ о рассредоточении транспортов, чтобы не подставлять их под неприятельские бомбы. Основные усилия в борьбе против Британской империи немцы теперь перенесли в бассейн Средиземного моря.

Германское руководство поняло, что борьба с Англией будет носить затяжной характер. Сразу после капитуляции Франции, задолго до того, как люфтваффе проиграло «Битву за Британию», Геббельс проинструктировал имперскую палату прессы довести до членов партии, что война с Англией будет иметь длительный и упорный характер. А 9 января 1941 года Гитлер предупредил руководителей вермахта: «Высадка в Англии возможна только тогда, когда будет завоевано полное господство в воздухе и в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе это — преступление».

Германия также надеялась вынудить Англию к миру с помощью подводной войны и действий надводных кораблей-рейдеров против британского торгового судоходства. Однако от тактики надводного рейдерства пришлось отказаться после того, как британскому флоту, хотя и с большим трудом и ценой потери линейного крейсера «Худ», удалось выследить и потопить крупнейший немецкий линкор «Бисмарк» 27 мая 1941 года. Его гибель как раз совпала по времени с захватом германскими десантниками Крита. Турецкий министр иностранных дел так прокомментировал эти события: «У англичан еще много островов, разбросанных по всему миру, а второго «Бисмарка» у немцев не будет». Для строительства крупного надводного флота, в том числе совершенно необходимых для успешного ведения войны на море авианосцев, у Германии не было ни времени, ни средств, по-

сколькo основные мощности промышленности использовались для нужд сухопутных сил и авиации. Единственный немецкий авианосец «Граф Цеппелин» так и остался недостроенным. В подводной же войне в первые годы Германии удалось достичь впечатляющих успехов. Число подводных лодок, постоянно участвующих в боевых походах, было увеличено с 10—15 осенью 1940 года до 35—40 летом 1941 года и оставалось на этом уровне почти всю войну. Кульминация подводная война достигла в марте 1943 года, когда в Атлантике германские подлодки потопили неприятельские суда общим тоннажем около 0,5 миллиона брутто-регистрационных тонн, а на других морях — еще около 200 тысяч брт. Однако в дальнейшем широкое использование авиации и радаров помогло союзникам справиться с подводной угрозой. Американская судостроительная промышленность увеличила свои мощности и смогла компенсировать потери торгового судоходства. Количество уничтоженных подлодок стало стремительно увеличиваться. Так, в июне 1943 года немцы потеряли 21 подводную лодку, а в июле — уже 33. Тоннаж же потопленных судов уменьшился и в 1944 году редко когда превышал 100 брт в месяц. Всего за годы войны немецкие подводные лодки потопили 3000 союзных судов водоизмещением около 14,5 миллиона брт, а также 178 военных кораблей и 11 вспомогательных крейсеров. Погибло около 70 тысяч военных моряков и около 30 тысяч моряков торгового флота союзников. За это же время в Англии было построено новых торговых судов общим водоизмещением в 4,5 миллиона брт, а в США — около 35 миллионов брт, что в сумме почти втрое превышало потопленный тоннаж. Из 1153 подводных лодок, поступивших на вооружение германского флота, 659 лодок было потоплено в море, 63 стали жертвами бомбардировок в гаванях, а еще 58 погибли в результате аварий. Из уцелевших к концу войны лодок 219 были затоплены экипажами после капитуляции, а 154 переданы союзникам. Из примерно 40 тысяч немецких подводников около 24 тысяч погибли, а 5 тысяч попали в плен.

В последние месяцы войны были введены в строй новейшие германские подлодки XXI проекта. Они обладали под-

водным ходом в 17,5 узла — почти вдвое большим, чем любые другие подлодки в мире. Пользуясь шнорхелем — устройством для подзарядки аккумуляторных батарей — и электротурбинами, работавшими без подачи атмосферного воздуха, эти лодки могли проплывать до 10 тысяч миль, ни разу не всплывая на поверхность. Кроме того, к концу войны в боевых действиях приняли участие легкие подлодки с электродвигателями, так называемые «тюлени» (XXIV проект), развивавшие подводную скорость до 24 узлов. Если бы эти лодки были созданы годом-двумя раньше, то, как считают многие военно-морские эксперты, исход подводной войны мог бы быть иным.

Летом 1940 года, вследствие германских успехов, даже антифашистски настроенные немцы готовы были признать выдающиеся достижения Гитлера. Так, дипломат Уве фон Хассель писал в дневнике: «Никто не в состоянии оспаривать величие, достигнутое Гитлером. Но это не меняет внутренний характер его деяний и не умаляет тех ужасных опасностей, которые угрожают нашим высшим ценностям. Демонический Спартак может только разрушать...» Тех, кто не верил в конечную победу Гитлера, в тот момент в Германии почти не осталось. Даже его противники, хотя и продолжали подпольную борьбу, мало верили в ее успех.

Тем временем подготовка к нападению на СССР набирала темп. 21 июля 1940 года Гитлер приказал главному сухопутных войск вплотную заняться «русской проблемой». Фельдмаршал Браухич доложил, что сосредоточение войск потребует от 4 до 6 недель и что для операции против России потребуются 80—100 дивизий. Уже 31 июля фюрер заявил своим генералам и адмиралам: «Надежда Англии — Россия и Америка. Если надежда на Россию отпадет, отпадет и Америка, ибо отпадение России в невероятной мере усилит значение Японии в Восточной Азии... С Россией должно быть покончено весной 41-го... Операция имеет смысл, если мы сокрушим это государство одним ударом. Одного лишь захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо

также и ввиду положения в Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как нужно подготовить единую операцию». Гитлер отказался от нападения на Россию еще в 1940 году, поскольку его можно было осуществить лишь глубокой осенью, когда не оставалось требуемых 5 месяцев до наступления зимних холодов. Для русской кампании предполагалось выделить 120 дивизий, которые позднее должны были быть усилены еще 20 вновь сформированными дивизиями. С июля 1940 года началась переброска немецких войск на Восток. В ноябре прошли переговоры Гитлера с Молотовым в Берлине. Глава советского правительства прямо не отверг немецкие предложения о распространении советского влияния на юг, в сторону Персидского залива, за счет Ирана и британских владений, но при этом заявил о стремлении Москвы получить контроль над Болгарией, Румынией и черноморскими проливами. Такие претензии показались Гитлеру чрезмерными. Он ни с кем не собирался делить господство над Европой. 18 декабря 1940 года фюрер подписал директиву о проведении в жизнь плана «Барбаросса» — так называлась предстоящая операция против СССР. Ее начало было назначено на 15 мая 1941 года. Главный удар наносила группа армий «Центр» фельдмаршала фон Бока на московском направлении. Группа армий «Север», которой командовал фельдмаршал Риттер фон Лееб, должна была захватить Прибалтику, а затем Ленинград. Целью группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Рундштедта был захват Киева, а затем занятие Донбасса и поход на Кавказ. В качестве союзников Германии должны были действовать Румыния, Финляндия, Венгрия и Словакия. Немцы рассчитывали также на участие итальянского экспедиционного корпуса. Конечной целью ставилось достижение линии Архангельск — Астрахань, с которой люфтваффе должно было разрушить Уральский промышленный район и парализовать военный потенциал СССР. Для удержания этой линии предполагалось оставить 60 дивизий, а остальные перебросить для действий на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземно-

го моря. После победы над СССР основные усилия германской военной промышленности планировалось переориентировать на нужды авиации и флота, с помощью которых Гитлер рассчитывал сокрушить Британскую империю.

9 января 1941 года Гитлер заявил своим генералам: «Сталин, властитель России, — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в тяжелых для Германии ситуациях он во всевозрастающей мере будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему также нужны успехи, его воодушевляет натиск на Запад. Ему также совершенно ясно, что после нашей победы положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает возможность русского вступления в войну. Будь эта последняя континентальная надежда разрушена, они бы прекратили борьбу... Если англичане продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелое положение. Этого произойти не должно. До сих пор я действовал по принципу: чтобы сделать следующий шаг, надо разбить важнейшие вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда либо англичане сдадутся, либо Германия продолжит войну против Британской империи при самых благоприятных условиях. Разгром России позволил бы и японцам все свои силы развернуть против США, а это удержало бы США от вступления в войну».

Однако план «Барбаросса» был абсолютно нереалистичен и не соответствовал возможностям вермахта. В течение одной только летне-осенней кампании немецкие войска при самых благоприятных условиях все равно не могли продвигаться так далеко в глубь советской территории, хотя в первые недели войны темпы продвижения танковых и моторизованных дивизий были выше расчетных. Ведь запасов горючего было только на три месяца, а состояние российских дорог еще со времен Пушкина никого не располагало к оптимизму. В случае же, если бы Красная Армия и после поражений в приграничных сражениях сохранила боеспособность, для удержания фронта от Архангельска до Астрахани

не хватило бы не только 60, но и всех 150 дивизий, использованных Гитлером в 1941 году на советско-германском фронте. Люфтваффе не имело стратегических бомбардировщиков и поэтому даже с линии Волги никак не могло разрушить уральские заводы. Напомню, что даже союзники с их «летающими крепостями» лишь в последние месяцы войны смогли нанести существенный ущерб промышленности Германии.

Основная часть предназначенных для вторжения дивизий начала перебрасываться к советским границам только с февраля 1941 года, причем почти все танковые дивизии и вся авиация перебрасывались на Восток в последние две недели перед нападением на СССР. Сталин расценивал перемещение германских соединений на Восток как оборонительное мероприятие против возможных советских наступательных намерений. Он был уверен, что Гитлер не нападет на СССР до завершения войны с Англией, и сам готовился к нападению на Германию. В плане стратегического развертывания Красной Армии, принятом в марте 1941 года, срок начала наступления против Германии был назначен на 12 июня. Однако выдержать его не удалось из-за неприбытия войск и материальных запасов. 15 мая в Генштабе Красной Армии был разработан план превентивного удара по Германии, который предполагалось нанести, судя по срокам проведения подготовительных мероприятий, в первой половине июля. Основным направлением наступления было выбрано юго-западное, где в районе Краков — Катовице 152 советские дивизии, по мысли разработчиков плана генералов Василевского и Ватутина, должны были нанести поражение 100 немецким дивизиям. На самом деле здесь вермахт располагал только 30 дивизиями, и советский удар пришелся бы в пустоту. Наступающая группировка Красной Армии неминуемо попала бы под фланговый удар самой мощной группы армий «Центр» и была бы разгромлена. Из-за более низкого уровня подготовки Красная Армия все равно была бы обречена на поражение в приграничных сражениях, даже если бы успела ударить первой. Ни Тимошенко, ни Павлов, ни Мерецков, ни Жуков накануне войны предпочитали не вспоминать, что во время

польского похода советские танковые корпуса отстали от кавалерийских дивизий. А Жуков, всего полгода назад возглавивший вторжение в Бессарабию и Северную Буковину, должен был хорошо помнить, как много танков и другой техники вышло из строя в первые же дни, хотя никакого сопротивления оказано не было: румынские войска без боя покинули оспариваемые территории. Между тем советские механизированные корпуса 1941 года имели вдвое больше танков, чем танковые корпуса 1939 года, но ничуть не больше средств связи. По уровню боевой подготовки и управления Красная Армия в действительности значительно уступала вермахту как до войны, так и на протяжении всей войны. Еще в 1943 году механики-водители советских танков перед тем, как идти в бой, проходили практику вождения, в 3—5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить танк (5—10 моточасов вместо 25). Советские летчики накануне войны имели до смешного малый налет часов — от 4 до 15,5 часа за первые три месяца 1941 года. В дальнейшем в летном училище советские летчики успевали налетать лишь 20—30 часов и освоить лишь взлет и посадку, но не выполнение сложных маневров в воздухе. Поэтому вплоть до 1943 года советские пилоты барражировали над полем боя не на максимальных, а на наиболее экономичных скоростях. Пилоты же люфтваффе вплоть до начала 1944 года только в училищах имели летную подготовку в 450 часов. Затем из-за нехватки горючего она была уменьшена до 150 часов, но все равно оставалась в несколько раз большей, чем у советских пилотов. То, что подвижными соединениями не будет никакой возможности управлять, организаторам и участникам игры просто не приходило в голову. Точно так же они не учитывали, что советские летчики имеют критически малый налет часов, особенно на самолетах новых конструкций, поэтому рассчитывать на то, что они смогут отвоевать господство в воздухе у опытных и гораздо лучше подготовленных и руководимых асов люфтваффе, по меньшей мере наивно. Пусть советские генералы и маршалы не могли признаться себе, что немецкие солдаты по уровню боевой подготовки наголову превосходят красноармейцев, а немецкие офицеры, генералы и

фельдмаршалы гораздо лучше умеют управлять войсками. В этом они не признавались себе никогда, даже когда с началом боевых действий это стало ясно любому непредвзятому наблюдателю. Психологически подобная аберрация зрения вполне объяснима. Но об аховом положении хотя бы со средствами связи и с подготовкой пилотов генералы и маршалы обязаны были знать! Однако никаких поправок на это не сделали ни в планах оперативно-стратегических игр, ни в скорректированных с их учетом планах стратегического развертывания войск Красной Армии на Западе и «упреждающего удара» против Германии.

Если бы Павлов и Жуков, Тимошенко и Мерецков могли взглянуть правде в глаза и реально оценить состояние своих войск, то они должны были бы постараться убедить Сталина в следующем. Красная Армия против вермахта в ближайшем будущем успешно наступать не может. Оптимальным способом боевых действий будет оборона с основной группировкой войск по линии укреплений на старой государственной границе. В западных районах Белоруссии и Украины и в Прибалтике надо держать только небольшие подвижные части прикрытия, которые должны будут лишь выяснить группировку и направление основных ударов противника, а затем отступить к главным силам. Самолеты надо применять лишь над боевыми порядками своих войск для отражения вражеских атак, а танки — лишь небольшими группами для непосредственной поддержки пехоты. Это больше отвечало бы уровню подготовки советских солдат и офицеров. Обороняться ведь в целом легче, чем наступать.

Советские войска должны были к 1 июля 1941 года закончить выдвижение к германской границе. Так же 4 июня Политбюро приняло решение к 1 июля сформировать польскую дивизию Красной Армии из «благонадежных» польских военнопленных и советских граждан с польскими фамилиями. Точно так же перед нападением на Финляндию в СССР был сформирован финский корпус Красной Армии, а в германской армии накануне нападения на Советский Союз создавались украинские разведывательно-диверсионные ба-

тальоны «Нахтигаль» и «Роланд» и эстонский разведывательно-диверсионный батальон «Эрна».

Интересно, что вне зависимости от того, кто бы на кого напал, Гитлер на Сталина или наоборот, Англия и США в любом случае и в 1939-м, и в 1941 годах встали бы на сторону СССР, а не Германии. В Лондоне и Вашингтоне не питали особых симпатий к весьма далеким от стандартов демократии режимам Гитлера и Сталина. Однако большую опасность для них представлял Рейх в силу трех причин. Во-первых, Гитлер уже напал на ведущие державы Запада, Сталина же лишь подозревали в будущих намерениях экспорта коммунизма в Западную Европу. Во-вторых, и в Англии, и в США были весьма влиятельны еврейские общины, чьих соплеменников Гитлер физически уничтожал. Неудивительно, что американские и британские евреи активно лоббировали в пользу участия своих стран в войне против Германии. И, в-третьих, германский военно-экономический потенциал, будь то уровень подготовки вооруженных сил или уровень развития военной промышленности, был значительно выше советского, а значит, и опасность, исходившая от Германии для Запада, была большей, чем та, что исходила от СССР. Кстати сказать, при схватке Рейха и Советского Союза один на один, без поддержки союзников, победа была бы на германской стороне. Без ленд-лиза Советский Союз не смог бы сохранить возможности к длительному сопротивлению после первых тяжелейших поражений. Если теоретически представить себе возможность существования Германии и СССР без каких-либо иных врагов, немцы могли бы отказаться от развития ВМФ и все ресурсы сосредоточить на развитии вооружений сухопутной армии и авиации, брошенных целиком против СССР. Напомню также, что в ходе всей войны не менее двух третей самолетов люфтваффе действовали на Западе, а не на Востоке (таково, в частности, соотношение безвозвратных потерь личного состава германской авиации).

Немцы ничего не знали об этих приготовлениях. От первоначального срока нападения 15 мая 1941 года Гитлеру пришлось отказаться из-за событий на Балканах. Здесь еще в октябре 1940 года Италия напала на Грецию. Но итальянцы не

смогли преодолеть сопротивление греческой армии, лучше подготовленной к боевым действиям в горных условиях, и отступили в Албанию, где началась позиционная война. 1 марта 1941 года Болгария, а 25 марта Югославия присоединились к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии. Болгарии за пропуск германских войск на свою территорию была обещана греческая часть Македонии и Фракии, а Югославии за благожелательный для Германии и Италии нейтралитет — Салоники. Однако 27 марта прогерманское правительство Югославии во главе с принцем-регентом Павлом было свергнуто в результате военного переворота. К власти пришло правительство генерала Симовича, ориентировавшееся на Англию. После этого 12-я немецкая армия генерала Листа, уже начавшая развертывание войск на болгарской территории против Греции, была переориентирована на действия против Югославии. Для этого потребовалась переброска дополнительных войск. К германскому блоку была привлечена также Венгрия, чья армия приняла участие в боевых действиях против Югославии. 5 апреля Советский Союз заключил с Югославией договор о дружбе и ненападении, а уже 6-го германская авиация бомбардировала Белград, а сухопутные части вермахта вторглись в Югославию с болгарской, румынской и венгерской территорий. Итальянская армия предприняла наступление в Далмации и Словении. Почти все границы Югославии превратились во фронты. Ее армия не выдержала ударов со всех сторон. Части югославской армии, сформированные из хорватов, словенцев, македонцев и боснийцев, или расходились по домам, или переходили на сторону неприятеля. Немцы имели подавляющее превосходство в авиации и танках. Устаревшие югославские истребители не могли тягаться с «Me-109». 12 апреля пал Белград, а 17 апреля армия Югославии капитулировала. В плен попало 314 тысяч солдат и офицеров.

Одновременно с войной против Югославии немцы вторглись в Грецию. Греческая армия, основные силы которой были скованы в борьбе против итальянцев в Албании, оказалась не в состоянии сражаться на два фронта и 21 апреля капитулировала. Греки предпочли сдаться немцам, а не ита-

льянцам, которых они прежде били. Но по настоянию Муссолини вермахт вынужден был согласиться на повторную капитуляцию 23 апреля в Салониках, когда греки капитулировали не только перед Германией, но и перед Италией. Английские войска эвакуировались из материковой Греции на остров Крит. 27 апреля немцы вступили в Афины, а к 11 мая заняли Пелопоннес и прибрежные острова. 20 мая германские парашютисты высадились на Крите, заняли аэродромы, где высадились транспортные самолеты с подкреплениями. Ценой больших потерь к 1 июня немцы очистили остров от англичан. В ходе десанта на Крит (операция «Меркурий») немцы потеряли более 4 тысяч убитыми и около 2 тысяч ранеными из 22 тысяч участников. Потери англичан убитыми и пленными превысили 12 тысяч человек. Еще 2 тысячи британских моряков погибли на потопленных люфтваффе кораблях. Британскому флоту удалось эвакуировать только 16,5 тысячи солдат и офицеров, в том числе 2 тысячи греков. Решающую роль сыграло немецкое превосходство в воздухе. Однако большие потери среди отборных соединений десантников заставили вермахт отказаться в дальнейшем от проведения крупномасштабных наступательных операций.

Еще одним, второстепенным театром войны с сентября 1941 года стала Северная Африка. Здесь итальянские войска из Ливии вторглись в Египет, но были разбиты уже в декабре в ходе контрнаступления английской армии генерала Уэйвелла. 5 января 1941 года англичане взяли итальянский укрепленный пункт Бардию, а 22 января пал важный порт Тобрук, а за ним 6 февраля — столица Киренаики Бенгази. Численное превосходство итальянцев в 3—4 раза не принесло им никакой пользы. Англичане наголову превосходили противника как по уровню подготовки личного состава, так и по числу и качеству танков. Только пленными до 12 февраля, когда английское наступление было остановлено из-за решения премьер-министра Черчилля направить войска в Грецию, итальянская армия потеряла 135 тысяч человек и 256 танков.

Немцы решили прийти на помощь незадачливому союзнику. 12 февраля 1941 года в Триполи прибыл генерал Ром-

мель, назначенный командующим Германским африканским корпусом, а двумя днями ранее здесь высадились первые германские подкрепления — разведывательный батальон и противотанковый дивизион 5-й легкой африканской дивизии. 11 марта появился и ее танковый полк. Полностью переброску моторизованной дивизии удалось завершить к середине апреля, а 15-й танковой — к концу мая. Роммель решил перейти в контрнаступление 31 марта, не дожидаясь сосредоточения всех сил. Немцы при поддержке двух итальянских дивизий 4 апреля заняли Бенгази. Неделью спустя англичане были отброшены в Египет. Только в Тобруке остался небольшой гарнизон. Если бы британское руководство продолжало наступление в Триполитании, а не отвлекло бы оттуда силы для безнадежного предприятия на Балканах, то Англия могла бы достичь крупного стратегического успеха. В феврале итальянская армия была деморализована, и войска Уэйвелла могли бы легко занять всю Ливию еще до прибытия сколько-нибудь значительных контингентов немецких войск. Британской империи не пришлось бы держать в течение еще двух лет крупные силы для защиты Египта и борьбы с германо-итальянскими войсками в Северной Африке. Английские же войска в Греции почти не повлияли на ход и исход балканской кампании. Благодаря им немцы потратили лишние две недели на подготовку и проведение операции по захвату Крита. Однако здесь было задействовано слишком мало немецких войск (всего 22 тысячи человек), чтобы это могло повлиять на сроки начала кампании против России.

Параллельно с боями в Северной Африке англичанам удалось уничтожить итальянские силы в Эфиопии, Эритрее и Сомали. В феврале 1941 года британские войска вторглись в Итальянское Сомали из Кении. 25 февраля они взяли Могадишо, а 6 апреля — Аддис-Абебу, куда вернулся император Эфиопии Хайле Селассие. Большую помощь англичанам оказывали эфиопские повстанцы. 19 мая 1941 года итальянские войска маршала герцога д'Аосты капитулировали. Английская армия взяла в плен 230 тысяч человек. Остатки итальянских войск были блокированы в юго-западной и северо-

западной Эфиопии, и к осени 1941 года с ними было покончено. Британская империя в результате высвободила значительные силы для североафриканского театра военных действий.

22 июня 1941 года Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Первоначально вермахт на Востоке располагал 126 дивизиями и 3 бригадами общей численностью около 2,5 миллиона человек. В июле и августе 41-го им на помощь пришли 27 дивизий второго эшелона. Армию вторжения поддерживали 3602 танка и штурмовых орудий (из них 230 командирских танков были лишены вооружения и использовались в качестве передвижных бронированных пунктов управления) и 1830 боевых самолетов. Им противостояли 186 дивизий Красной Армии из 303, имевшихся в наличии. Советские соединения на Западе, с учетом 400 тысяч призванных в апреле 41-го из числа тех, кто ранее не привлекался к военной службе, и 800 тысяч, призванных из запаса в мае — июне, в самый канун немецкого нападения, насчитывали около 4,2 миллиона человек. Эту группировку поддерживали 12 800 танков, включая 1475 новейших «Т-34» и «КВ», из которых 10 540 были боеготовыми к 22 июня. Кроме того, за пределами западных приграничных округов советские войска имели 10,3 тысячи танков. Вермахт же за пределами восточного театра военных действий располагал лишь 350 танками в Северной Африке. В распоряжении Красной Армии на Западе находилось около 10 тысяч боевых самолетов, а всего советские ВВС имели примерно 25 тысяч боевых машин против 5229 у люфтваффе. За счет армий союзников — Финляндии, Румынии и вступивших в бой в июле и в августе венгерских, итальянских и словацких войск армии вторжения — удалось примерно достичь численности соединений Красной Армии мирного времени (с началом войны численность этих соединений возросла за счет мобилизации военнообязанных), но никак не сравняться с противником по числу танков и самолетов. Однако советское командование не смогло реализовать свой численный и технический перевес, причем не столько из-за внезапности германского нападения, сколько из-за низкого уровня боевой

подготовки бойцов и командиров, неумения управлять новейшими самолетами, танками и грамотно применять их на поле боя.

Немцы собирались вести войну на Востоке без какой-либо оглядки не только на международное право, но и на свои собственные законы. 13 мая 1941 года Кейтель по поручению Гитлера подписал приказ о военном судопроизводстве в ходе будущей войны на Востоке, где говорилось: «За действия против вражеского гражданского населения, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком. При рассмотрении таких действий следует принять во внимание, что поражение 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализма с бесчисленными кровавыми жертвами движения в значительной степени объясняются большевистским влиянием, и ни один немец не забыл этого. Судья решает, следует ли в таких случаях наложить дисциплинарное взыскание или необходимо судебное разбирательство. Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск. Это относится, например, к тяжким проступкам на почве сексуальной распущенности, предрасположенности к преступлению или к признакам, свидетельствующим об одичании войск. Строгому осуждению подлежат уголовные действия, в результате которых были бессмысленно уничтожены места возможного расквартирования, а также запасы или другие военные трофеи в ущерб своим войскам».

А 20 июня 1941 года, за два дня до нападения на СССР, уже назначенный министром будущих оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг обратился с речью к служащим своего министерства, сформулировав политические цели войны: «Мы ведем сегодня «крестовый поход» против большевизма не только для того, чтобы спасти от него «бедных русских», но и для проведения германской мировой политики и обеспечения безопасности Германского рейха...

Задачу нашей политики, мне кажется, надо видеть в том, чтобы разумно и целеустремленно поддержать стремления к свободе всех этих народов и привести их к совершенно определенной государственной форме, т. е. органически выделить из огромной территории Советского Союза государственные образования (республики) и организовать их против Москвы, чтобы освободить Германский рейх на грядущие столетия от восточного кошмара».

Главный удар вермахт наносил в Белоруссии. 26 июня пал Минск, где оказались окружены основные силы 4-й и 13-й армий Западного фронта. Две другие армии, 3-я и 10-я, оказались отрезанными на Белостокском выступе. Общее число пленных достигло 330 тысяч человек. Сталин обвинил в поражении руководство Западного фронта и расстрелял его штаб во главе с командующим генералом Д.Г. Павловым. Войска советского Юго-Западного фронта, имея шестикратное превосходство в танках над немецкой группой армий «Юг», нанесли сильный контрудар, но были разбиты во встречном танковом сражении в районе Луцк — Дубно во многом благодаря господству в воздухе люфтваффе. Сказалось и то, что советские танкисты довольно беспорочно маневрировали, понапрасну расходуя моторесурсы и горючее, и плохо умели ремонтировать вышедшие из строя машины. Уже к 30 июня безвозвратные потери танков на Юго-Западном фронте составили 2648 танков из 4200 введенных в бой. Им противостояли лишь 750 немецких танков, в том числе лишь 210 — средних, а остальные — легкие, тогда как одних «Т-34» и «КВ» здесь насчитывалось 761. Советские войска вынуждены были оставить Львовский выступ и отойти к Днепру. Во второй половине июля в районе Умани были окружены и уничтожены 6-я и 12-я советские армии.

Несмотря на достигнутые успехи, в руководстве Рейха были сильны сомнения в возможности блицкрига в России. Геббельс предостерегал своих сотрудников: «Не должно быть никаких голословных утверждений о том, что Советы использовали все свои резервы. Они располагают огромным количеством солдат...»

Прорыв группы армий «Центр» в Белоруссии и выход 4-й

танковой группы Гота и 2-й танковой группы Гудериана 16 июля к Смоленску лишил устойчивости весь фронт Красной Армии. Второй эшелон советских войск на Украине, где Сталин перед войной планировал нанести главный удар, был срочно переброшен к Смоленску. Это позволило на месяц задержать здесь немецкие войска, но в Прибалтике и на южном крыле Красная Армия вынуждена была отступить. В ходе Смоленского сражения немцам удалось взять около 180 тысяч пленных из состава окруженных в городе советских войск, но сил для развития наступления на Москву было недостаточно. 21 августа 1941 года Гитлер издал директиву, которую Гальдер назвал «решающей для всей восточной кампании». Она гласила: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Северский Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками. На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель—Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям. Цель этой операции — не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й немецкой армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна—Котоп—Сула. Тем самым войскам группы армий «Юг» будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов — Харьков». Эта директива знаменовала собой временный отказ от наступления на Москву и поворот основных сил вермахта на юг с целью овладения промышленным потенциалом, топливно-сырьевыми ресурсами и продовольственными запасами Украины. Одновременно группа армий «Север» должна была установить блокаду Ленинграда и не допустить тем самым активных действий советского флота на Балтике против транспортов, доставляв-

ших из Швеции жизненно важную для экономики Германии железную руду. Среди генералов и историков до сих пор продолжают споры, имела ли директива от 21 августа роковое значение для восточного похода вермахта и мог бы Гитлер выиграть войну, если бы тогда начал наступление не на Киев, а на Москву. Так, Гудериан пытался убедить Гитлера, что «после достижения военного успеха на решающем направлении и разгрома главных сил противника будет значительно легче овладеть экономически важными районами Украины, так как захват Москвы — узла важнейших дорог — чрезвычайно затруднит русским переброску войск с севера на юг... Войска группы армий «Центр» уже находятся в полной боевой готовности для перехода наступления на Москву, в то время как предполагаемое наступление на Киев связано с необходимостью произвести переброску войск на юго-запад, на что потребуется много времени. В последующем же для наступления на Москву танковым частям придется пройти еще раз это же расстояние от Рославля до Лохвицы в 450 км, что вызовет дополнительный износ материальной части и усталость личного состава». Фюрер, однако, не внял всем этим доводам. В результате наступления на Киев основные силы Юго-Западного фронта оказались в окружении. С севера кольцо замкнули войска 2-й танковой группы и 2-й армии, с юга — 1-й танковой группы и 17-й армии, захватившие плацдарм на восточном берегу Днепра у Кременчуга. Сталин и начальник Генштаба маршал Шапошников опоздали с отходом войск юго-западного фронта из излучины Днепра и с оставлением Киева, несмотря на просьбы командующего фронтом генерала Кирпоноса и главнокомандующего войсками юго-западного направления маршала Буденного. Сталин надеялся, что Брянский фронт генерала Еременко разобьет танковую группу Гудериана или, по крайней мере, не позволит ей выйти в тыл Юго-Западному фронту. Но Еременко не преуспел в выполнении этой миссии. Прикрывшись от Брянского фронта тремя дивизиями, Гудериан основные силы бросил на юг и 16 сентября соединился с 1-й танковой группой в районе Лохвицы. 19 сентября Киев пал. Генерал Кирпонос и большинство офицеров его штаба по-

гибли при прорыве из окружения. В плен попало 665 тысяч красноармейцев. В качестве трофеев немцам достались 884 танка и 3718 орудий. С учетом такого исхода надо рассматривать и неосуществившийся вариант с наступлением на Москву еще в августе. Можно не сомневаться, что в этом случае немцам удалось бы уничтожить оборонявшиеся на западном направлении войска Западного, Резервного и Брянского фронтов, как это и произошло в октябре. Но тогда Красная Армия наверняка немедленно ушла бы с днепровской дуги, и основные силы Юго-Западного фронта были бы двинуты к Москве, составив второй эшелон прикрытия столицы. Возможно, немцам удалось бы разбить и эти армии, но затем наступила бы распутица, что дало бы время советскому командованию для подтягивания к Москве резервов, и события дальше развивались бы так же, как это и произошло в действительности. «Поворот на юг» никак не ухудшил стратегическое положение Германии. Наоборот, он позволил уничтожить крупную группировку Красной Армии на юго-западном направлении, которая в ином случае могла бы избежать разгрома.

Группа армий «Север» тем временем смогла блокировать Ленинград и отразила попытки советских войск соединиться с осажденными. Позднее в октябре советские войска продолжали попытки прорвать блокаду, но отнюдь не для того, чтобы спасти жителей осажденного Ленинграда от голодной смерти. Сталин собирался прорубить коридор, чтобы отвести войска Ленинградского фронта на защиту Москвы, бросив население города на произвол судьбы. Если бы тогда удалось прорубить коридор, это грозило бы настоящей катастрофой. Мало кто из ленинградцев уцелел бы при таком развитии событий. Ведь германское руководство не собиралось кормить жителей города, как почти не кормило оно миллионы советских пленных в первые полгода войны. У Гитлера даже существовал план просто затопить Ленинград и в таком виде передать эту местность финнам. Да и войска Ленинградского фронта при отступлении сквозь узкую горловину у станции Мга могли бы понести очень тяжелые потери и почти полностью потерять боеспособность, как позднее, весной и летом 42-го на Волховском фронте, почти целиком

погибла 2-я ударная армия генерала Власова при попытке преодолеть подобную же узкую горловину у Мясного Бора, простреливаемую насквозь немецкой артиллерией. Тогда бы они вряд ли существенно усилили оборону Москвы, зато освободившиеся войска группы армий «Север» могли бы серьезно помочь группе армий «Центр», двинувшись в обход советской столицы с северо-запада или подкрепив северное крыло центральной группировки вермахта. Здесь как раз тот случай, когда получилось прямо по поговорке: не было бы счастья, да несчастье помогло. Красной Армии осенью 41-го не удалось прорвать блокаду Ленинграда, и благодаря этому войска Ленинградского фронта остались на прежних позициях, где смогли сковать максимум неприятельских сил. И значительная часть ленинградцев выжила благодаря снабжению через Ладожское озеро, хотя почти миллион горожан погиб от голода, холода и болезней, вызванных блокадой.

Чтобы остановить отступление и предотвратить массовую сдачу в плен, Сталин и его генералы издавали драконовские приказы. 16 августа 1941 года появился приказ наркома обороны № 270, который, кроме Сталина, подписали Молотов, Тимошенко, Шапошников, Буденный, Ворошилов и Жуков. Он предписывал расстреливать на месте командиров и политработников, а семьи попавших в плен красноармейцев «лишать государственного пособия и помощи». Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков пошел еще дальше. 28 сентября он издал поистине людоедскую шифрограмму № 4976, где говорилось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». В сравнении с этим сталинский приказ № 270, «в развитие» которого и издана шифровка, выглядит гнилым либерализмом, а сам Иосиф Виссарионович кажется великим человеколюбом. Ведь он ничего не говорил о возможном расстреле вернувшихся из плена, а семьи пленных красноармейцев предписывал только «лишать государственного пособия и помощи». Георгий Константинович же, как кажется, готов был расстреливать и грудных младенцев (раз речь идет о всех членах семьи без исключения). Слуги тира-

на, над которыми постоянно висел дамоклов меч расстрела за военные неудачи, были еще более жестокими, чем их господин. Этот людоедский приказ фактически предусматривал казнь без суда и следствия женщин, стариков и детей, вплоть до грудных младенцев. Однако подобные приказы, призванные запугать бойцов и командиров Красной Армии, никак не влияли на динамику числа пленных. После них были гигантские котлы под Киевом и Вязьмой с сотнями тысяч пленных. Да и в 1942 году в плен попало более 1,6 миллиона советских военнослужащих. Число пленных определялось общей оперативно-стратегической обстановкой, а не страхом красноармейцев перед собственными начальниками.

Группа армий «Юг» захватила Донбасс и Харьков, а 21 ноября — Ростов. У Азовского моря в октябре были окружены несколько советских дивизий и взято более 100 тысяч пленных. 11-я немецкая армия нанесла тяжелое поражение 51-й Отдельной советской армии и к середине ноября захватила весь Крым, за исключением Севастополя.

Главный же удар немецкое командование теперь направило на Москву, чтобы еще до зимы овладеть советской столицей. 30 сентября 1941 года войска группы армий «Центр» перешли в наступление на брянском, а 2 октября — на вяземском направлениях. Основные силы трех советских фронтов оказались в окружении и к 20 октября ликвидированы. В плен попало 663 тысячи человек, а в качестве трофеев немцы захватили 1242 танка и 6412 орудий.

Даже качественное превосходство советских танков не смогло предотвратить разгром под Вязьмой, хотя «тридцатьчетверки» доставили немцам немало неприятных минут. Генерал Блюментрит вспоминал: «Во время сражения за Вязьму появились русские танки «Т-34». В 1934 году эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков... 37-миллиметровые и 50-миллиметровые противотанковые орудия нашей пехоты были беспомощны против танков «Т-34»... Требовалось по крайней мере 75-миллиметровое орудие, но его еще только предстояло создать. В районе Вереи танки «Т-34» как ни в чем не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артилле-

рийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь». Только в 1942 году у вермахта появилась 75-миллиметровая противотанковая пушка. Она была установлена на модернизированном танке «Т-IV», который теперь смог более или менее на равных драться с «Т-34». Он уступал советскому танку в маневренности и, за счет менее удачного расположения бронелистов, в прочности брони, но немного превосходил в бронебойности орудия и, благодаря более совершенному оптическому прицелу, — в точности стрельбы.

Сталин срочно вызвал из-под Ленинграда Жукова и назначил его командующим Западным фронтом, куда вошли немногочисленные войска, избежавшие окружения. Наступившая в конце октября распутица замедлила продвижение немецких войск. К тому времени германская Восточная армия из-за выхода из строя большей части танков и автомашин уже в значительной степени утратила свою мобильность, позволявшую ей побеждать численно превосходящего противника. Так, уже в начале сентября в танковых группах осталось меньше половины боеспособных танков от того числа, что было в начале кампании. К началу октябрьского наступления процент боеспособных танков поднялся, но затем вновь упал из-за больших эксплуатационных потерь. Из общего числа 500 тысяч автомобилей и мотоциклов до конца 1941 года вышло из строя 106 тысяч машин, а остальные испытывали нехватку горючего. Большие потери были и в лошадях.

Генерал Типпельскирх вспоминал: «В середине октября сильные снегопады с дождями помешали стремительному преследованию. Временно наступившее улучшение погоды и приведение в порядок дорог с помощью всех имеющихся средств сделали возможным достижение некоторых успехов: на юге 2-я танковая армия подошла вплотную к Туле, в центре были заняты Алексин, Можайск и Волоколамск. Затем наступил период полной распутицы. Двигаться по дорогам стало невозможно... Даже так называемые шоссе стали непроезжими. Наступление остановилось. Русские выиграли

время, чтобы укрепить оборону, пополнить войска и подтянуть резервы». Ему вторит Блюментрит: «Мы, конечно, знали, что нас ожидает распутица, — нам приходилось читать о ней в книгах. Но реальная действительность превзошла все самые печальные опасения. Распутица началась в середине октября, во время боев в районе Вязьмы, и непрерывно усиливалась до середины ноября... В этом уголке мира проложено всего несколько шоссе дорог. Вся территория страны покрывается непролазной, липкой грязью... Даже тракторы передвигаются с большим трудом. Много тяжелых орудий застряло на дорогах, и поэтому не было использовано в Московской битве. Танки и другие гусеничные машины часто засасывало грязью». Но не стоит неудачу блицкрига в России объяснять распутицей, а потом суровой зимой. «Генерал Мороз» и «генерал Грязь» сыграли свою роль, но отнюдь не решающую. Германское руководство не только не позаботилось заранее о подготовке к осенним дождям и к зиме, но и не имело достаточных ресурсов для такого рода мероприятий. Зимнее обмундирование было заготовлено лишь для 60 дивизий, которые предполагалось оставить в России после окончания операции «Барбаросса». Не было заготовлено ни морозоустойчивых смазочных масел, ни антифриза. Катастрофически не хватало гусеничной техники, способной двигаться по размытым дождями проселкам. По состоянию своих дорог Россия здорово отставала не только от Франции, но и от Польши. Промышленность не в состоянии была восполнить безвозвратные потери в танках. За время с июня по ноябрь 1941 года было произведено 1813 танков, а их безвозвратные потери достигли 2251. Положительный баланс по штурмовым орудиям (295 машин было произведено и только 75 потеряно) не мог компенсировать этот урон, поскольку штурмовые орудия использовались лишь для поддержки пехоты, а не для выполнения самостоятельных задач. Гитлер не принял во внимание предупреждения Гудериана, Кестринга и других специалистов по России о прочности советской государственной системы. Она не рухнула после первых месяцев поражений, а людских и материальных ресурсов страны

хватило для образования нового фронта обороны под Москвой, а затем и для проведения контрнаступления.

Первый успех пришел к советским войскам на юге, где они 29 ноября отбили Ростов и отбросили неприятеля за реку Миус. А 5—6 декабря в контрнаступление перешли армии Калининского и Западного фронтов на московском направлении. Ценой огромных потерь они отбросили немцев к началу января 1942 года на 100—150 км от Москвы. Потери были просто потрясающими. Например, средние ежедневные потери 323-й дивизии 10-й армии Западного фронта в ходе наступательных боев 15—17 декабря 1941 года составили 560 убитыми и пропавшими без вести. Для сравнения: вся германская Восточная армия, насчитывавшая 150 дивизий, во второй половине декабря 41-го теряла в среднем в день убитыми и пленными лишь немногим больше — 681 человека. Бойцы бросались в сражение плохо обученными и вооруженными, а командиры не имели навыков управления войсками в современном бою. Окружить группу армий «Центр», как планировал главнокомандующий войсками западного направления Жуков, не удалось. Немцы смогли удержать ржевско-вяземский плацдарм, с которого угрожали Москве. Двигавшаяся на Вязьму ударная группа 33-й армии сама попала в окружение и в апреле 1942 года была почти полностью уничтожена. К концу этого месяца наступление советских войск на западном направлении окончательно остановилось.

Под Ленинградом Красная Армия в декабре 41-го выбила немцев из Тихвина, сорвав их планы по созданию второго кольца блокады и установлению контроля над побережьем Ладожского озера. По льду озера проходила «Дорога жизни» к осажденному городу. Однако деблокировать Ленинград на этот раз не удалось. В Крыму части 44-й и 51-й армий в конце декабря высадились на Керченском полуострове, освободили Керчь и попытались прорваться к Севастополю. Но наступление не имело успеха. Однако 11-я немецкая армия под командованием Манштейна вынуждена была прекратить штурм главной базы Черноморского флота, чтобы удержать фронт на Керченском полуострове.

Неудача завершающего этапа первой кампании в России

побудила Гитлера 19 декабря принять на себя командование германскими сухопутными силами. Он сместил главкома фельдмаршала Браухича и командующих всеми тремя группами армий. Фюрер отдал «стоп-приказ», категорически запрещающий несанкционированный отход. Блюментрит утверждал: «Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего немецкого фронта... Дивизии не разрешалось отступить больше чем на 5—10 километров за одну ночь. Большого и нельзя было требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступить приходилось по открытой местности». В конце концов, немцам под Москвой, как ранее Жукову в октябре, путем применения жестких мер удалось добиться стабилизации фронта.

Единственный шанс на победу в борьбе с Россией для Германии заключался в том, чтобы привлечь на свою сторону часть населения СССР, недовольную большевистским режимом. Ведь к концу 1941 года в немецком плену оказалось около 3,9 миллиона советских военнослужащих. И немцам поступали соответствующие предложения. Еще 12 декабря командовавший войсками под Вязьмой генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, оказавшись в плену и только-только оправившись от тяжелого ранения, передал от имени группы заключенных вместе с ним генералов предложение германской стороне создать русское контрправительство, которое доказало бы народу и армии, что можно бороться «против ненавистной большевистской системы», не выступая против интересов своей родины. При этом Лукин говорил допрашивавшим его немецким офицерам: «Народ окажется перед лицом необычной ситуации: русские встали на сторону так называемого врага, значит, перейти к ним — не измена Родине, а только отход от системы... Даже видные советские деятели наверняка задумаются над этим, возможно, даже те, кто еще может что-то сделать. Ведь не все руководители — заклятые приверженцы коммунизма». Подобные предложения поступали и от немецких офицеров и генералов вермахта, считавших необходимым создание антибольшевистского

правительства, которое смогло бы сформировать союзную Германии армию из русских военнопленных, которых к концу 1941 года насчитывалось 3,9 миллиона человек. Однако расовая политика нацистов, рассматривавшая славян как «недочеловеков», а земли на Востоке — как объект для германской колонизации, не позволяла им смотреть на антикоммунистически настроенных русских как на своих естественных союзников. Подавляющее большинство пленных не пережило зиму 1941/42 года. К марту 1942 года в живых из них оставалось не более 1,1 миллиона человек. В тот момент даже вермахт в России испытывал острые проблемы с продовольствием и теплой одеждой. О том же, чтобы кормить и согревать пленных, никто и не думал. Россия была беднее других европейских стран и обладала более суровым климатом. Эти обстоятельства самым трагическим образом сказывались на судьбах военнопленных, и не только советских. После Сталинграда из сдавшихся в плен солдат армии Паулюса не выжил почти никто. С точки зрения Гитлера, гибель русских пленных была полезна, поскольку уменьшала численность «расово неполноценного» населения на территории, подлежащей германской колонизации. Спасаясь от голодной смерти, около 800 тысяч пленных пошли служить в вермахт «добровольными помощниками». Их определяли на тыловые должности, не связанные с ношением оружия. Боевые же части немцы первоначально формировали только из тех коллаборационистов, которых считали «арийцами». Так появились две латышские и одна эстонская дивизии СС, казачий корпус и казачий походный стан. Русские же коллаборационисты долгое время использовались только в качестве вспомогательного военного персонала или в пропагандистских целях. Была создана Русская Освободительная Армия во главе с попавшим в плен в июле 1942 года бывшим командующим 2-й Ударной армией генералом Власовым, но ему не давали возможности формировать боевые части. Немцы опасались, что бывшие военнопленные, получив оружие и оказавшись на фронте, могут перебежать к своим. В Смоленске 27 декабря 1942 г. было обнародовано обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии,

подписанное его председателем генерал-лейтенантом А. А. Власовым и секретарем, генерал-майором В.Ф. Малышкиным, бывшим начальником штаба 19-й армии. В этом обращении большевизм объявлялся «врагом русского народа» и главным виновником войны. Здесь же утверждалось: «История нашей родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба». В 1942—1943 годах отдельные охранные или боевые пехотные батальоны, сформированные вермахтом из пленных русской национальности, были формально включены в возглавляемую Власовым Русскую Освободительную Армию (РОА). Иногда в ходе боевых действий их объединяли в полки. В конце 1942 года по приказу Гитлера многие военные формирования из русских, украинцев, белорусов, представителей мусульманских народностей и других выходцев из СССР «неарийской национальности» были переведены с Востока на Запад, а позднее — в Италию (русские *Ni-Wi* были даже в армии Роммеля в Северной Африке). Это наряду с отказом от формирования каких-либо русских политических органов и русской армии, равно как и других национальных органов, вызвало упадок боевого духа и рост дезертирства к партизанам.

Военнопленных немцы предполагали активно использовать в военной промышленности. Гитлер 2 июня 1942 года говорил в своей ставке, что «мы обязаны найти правильное соотношение между производительностью труда, которой мы ожидаем от рабочего, и ограничением его потребностей в продовольствии. Я считаю, что лучше, если рабочий трудится вместо 14 только 8 часов и остальное время отдыхает, а мы привлечем для работы в три смены на наших заводах, производящих вооружение, военнопленных, которых так или иначе надо кормить». И вплоть до 1943 года длина рабочего дня германских рабочих еще не достигала предельной величины, а более полная загрузка оборудования обеспечивалась трудом военнопленных и иностранных рабочих, которых ис-

пользовали для менее сложных производств, чем собственно немцев.

Одновременно с блицкригом в России разворачивались боевые действия в Северной Африке. В апреле и мае 1941 года германо-итальянские войска безуспешно штурмовали Тобрук. Началась длительная осада крепости. Армия Уэйвелла дважды пыталась деблокировать Тобрук, но безуспешно. Роммель проявил себя мастером танкового боя. В одном из таких боев 15—17 июня у Ридотта Капуццо англичане безвозвратно потеряли 91 танк из 200, а немцы — 12 из 100. Все попытки англичан разгромить германо-итальянские силы, несмотря на британское господство в воздухе (против 700 самолетов королевских ВВС сражалось лишь 200 немецких и 120 итальянских), закончились ничем. Только 17 ноября 1941 года началось крупномасштабное наступление, организованное новым главнокомандующим британских войск в Северной Африке генералом Окинлеком. После шедших с переменным успехом боев новозеландская пехотная дивизия при поддержке 90 танков прорвала блокаду Тобрука и соединилась с гарнизоном. В тот момент на стороне англичан было пятикратное превосходство в танках, но их бронетанковые силы действовали рассредоточенно, и Роммелю без больших потерь удалось отступить на запад. Затем немцы в начале декабря нанесли контрудар и разбили неприятельскую танковую бригаду. Затем 27 декабря у Эль-Хасеята Роммель разгромил другую бригаду, уничтожив 65 английских танков из 95. После этого германо-итальянские войска заняли позицию у Аждедабии. Англичане в январе 1942 года вынудили к капитуляции несколько неприятельских гарнизонов у египетской границы, захватив в плен 20 тысяч итальянцев и немцев.

7 декабря 1941 года во Вторую мировую войну вступила Япония, внезапно, без объявления войны, атаковав главную американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе на Гавайских островах. Японское правительство, в котором решающим голосом обладали военные, рассчитывало завоевать гегемонию в Восточной Азии и обеспечить Японию сырьем, топливом и продовольствием. Для этого считалось необхо-

димым захватить Китай, Бирму, Малайзию, Филиппины, Индонезию и ряд других тихоокеанских островов. Здесь главным соперником Японии являлись США, отрицательно относившиеся к японской оккупации Индокитая после краха Франции и грозившие Стране восходящего солнца экономическими санкциями — нефтяным эмбарго и замораживанием японских активов в американских банках. Эти санкции были действительно введены 26 июля 1941 года, после отказа японцев вывести войска из Французского Индокитая. К концу ноября японо-американские переговоры зашли в тупик, и японское нападение стало весьма вероятным. Однако командование флота не приняло никаких дополнительных мер безопасности в Перл-Харборе. 7 декабря 360 японских самолетов, поднявшихся с авианосцев, застали противника врасплох. Хотя американская разведка расшифровала японские коды и еще 27 ноября послала предупреждение о возможном нападении, на него не обратили внимания. Из 8 американских линкоров 4 были потоплены, 1 выбросился на берег, а 3 оказались серьезно повреждены. В результате японцы завоевали на полгода господство в Тихом океане. 3 американских авианосца в момент нападения были в море, а 1 — ремонтировался в Калифорнии. Некоторые историки полагают, что это было той счастливой случайностью, которая спасла американцев от полного краха. Если бы в Перл-Харборе погибли не только линкоры, но и авианосцы, то американскому флоту было бы гораздо труднее восстановить свои позиции. Необходимо заметить, однако, что при наличии в Перл-Харборе авианосцев японским бомбардировщикам пришлось бы иметь дело с базирующимися на них истребителями, а авианосцы адмирала Ямамото подверглись бы удару американской авианосной авиации. Так что в этом случае исход боя мог бы быть гораздо менее благоприятным для японской стороны, чем это было в действительности. В действительности же японцы потеряли лишь 29 самолетов и еще несколько десятков разбились при посадке на авианосцы. Потери же американской авиации в Перл-Харборе составили 311 самолетов. Ошибкой японцев стало то, что они не атаковали склады, мастерские и склады топлива, где

находились 400 тысяч т мазута. Эти потери американцам было бы куда труднее возместить, чем гибель устаревших линкоров (новейшие были лишь повреждены). Японские войска высадились на Филиппинах и в Малайе. К 6 мая 1942 года прекратили сопротивление державшиеся дольше всех американские войска на филиппинском острове — крепости Коррехидор. Их командующий генерал Макартур незадолго до капитуляции покинул Филиппины на торпедном катере. 15 февраля 1942 года пал Сингапур. К середине марта под контроль японцев перешла Индонезия. Японская армия вторглась в Бирму и угрожала Индии. Японцы планировали захват Соломоновых островов, острова Мидуэй и Новой Гвинеи, но здесь натолкнулись на серьезное противодействие.

18 апреля 1942 года американские бомбардировщики «В-25» с авианосцев совершили налет на Токио. Он не имел серьезного военного значения, но поднял моральный дух американцев, потрясенных Перл-Харбором. А 8 мая произошло сражение американского и японского флотов в Коралловом море. Каждая из сторон потеряла по одному авианосцу, эсминцу и вспомогательному судну потопленным и по одному авианосцу поврежденным. Американцы лишились при этом 74 самолетов, а японцы — более 80 и вдвое больше, чем противник, людей. Но потопленный американский авианосец «Лексингтон» был в 2,5 раза больше водоизмещением, чем японский «Сехе». Однако стратегически бой в Коралловом море можно было считать скорее успехом американцев, так как они не допустили высадки японского десанта в Порт-Морсби на Новой Гвинее.

Адмирал Ямамото решил идти к Мидуэю, чтобы вынудить основные силы американского флота к генеральному сражению. Он рассчитывал, что американцы постараются любой ценой защитить Мидуэй, находившийся в 1100 милях от Перл-Харбора. Японцы рассчитывали атаковать сначала Алеутские острова, а потом, когда туда двинется американский флот адмирала Нимица, занять Мидуэй и поймать противника в ловушку. Ямамото располагал 8 авианосцами, 11 линкорами, 22 крейсерами, 65 эсминцами, 21 подводной лодкой и еще около 80 боевыми кораблями меньших разме-

ров. У Нимица было лишь 3 авианосца и 73 других боевых корабля, но ни одного линкора. Положение американцев облегчалось тем, что они читали японские коды и могли заблаговременно узнавать о передвижениях неприятельских кораблей. 3 июня японские самолеты атаковали американские базы на Алеутских островах, причинив им значительные разрушения. При этом было потеряно 8 японских и 3 американских самолета. Японцам не удалось подавить оборону Алеутских островов, а американцам — нанести ущерб авианосцам противника. Главное же, Нимиц не попался в ловушку и не отвел свои силы к северу. Уже 6 июня американский разведывательный самолет обнаружил в 700 милях к юго-западу от атолла Мидуэй отряд японских кораблей. Нимиц ожидал атаки с северо-запада и держал свои авианосцы в 300 милях к северо-востоку от Мидуэя. Обнаруженное японское соединение атаковали базировавшиеся на атолле бомбардировщики «В-17», но безрезультатно. 4 июня 108 японских самолетов совершили налет на Мидуэй. Тем временем летающая лодка «Каталина» обнаружила два японских авианосца северо-западнее атолла. Японские бомбы разрушили почти все объекты на Мидуэе, кроме взлетно-посадочной полосы. Американцы потеряли 16 самолетов, а японцы — 6. Неэффективным оказался налет американских бомбардировщиков на японские авианосцы. Из 10 машин было сбито 7. Последующие налеты бомбардировщиков морской пехоты также не нанесли авианосцам заметного ущерба. Половина базировавшейся на атолле авиации была уничтожена, и японцы готовились торжествовать победу. Но тут вступили в дело самолеты с американских авианосцев. Они атаковали противника в тот момент, когда японские самолеты готовились взлететь для новой атаки Мидуэя и одного из американских авианосцев и находились на палубах с полным запасом горючего и подвешенными бомбами и торпедами. Почти все американские торпедоносцы были сбиты, не добившись попаданий в авианосцы. Но они отвлекли на себя неприятельские истребители, расчистив путь пикирующим бомбардировщикам. Те атаковали авианосцы «Акаги», «Кага» и «Сорю» и подожгли их. Единственный оставшийся неповрежденным

японский авианосец «Хирю» бросил свои самолеты в атаку на американский «Йорктаун». Тот оказался под прикрытием 28 истребителей (частью — с «Энтерпрайза» и «Хорнета»). Лишь 8 бомбардировщиков с «Хирю» прорвались к цели. «Йорктаун» получил три попадания, но не потерял ход. Однако следующая атака японских торпедоносцев оказалась для него роковой. Несколько самолетов было сбито, но две торпеды попали в «Йорктаун». Авианосец остановился, имея крен в 26°. Команда покинула его. Американский самолет-разведчик обнаружил «Хирю», и его атаковали бомбардировщики с «Энтерпрайза» и «Хорнета». Три из них были сбиты, но остальные прорвались. В «Хирю» попали четыре бомбы. Авианосец был охвачен огнем. Незадолго до этого Ямамото, ранее полагавший, что у американцев лишь один авианосец, узнал, что их все-таки три и что один из них выведен из строя самолетами с «Хирю». Тогда Ямамото срочно вызвал к Мидуэю 2-е оперативное соединение адмирала Какута от Алеутских островов, имевшее 2 авианосца. Однако вскоре японский командующий получил донесение, что «Хирю» горит, и понял, что проиграл сражение. Но он считал, что не все потеряно, и готовился атаковать Мидуэй. Вечером Ямамото отправил своим подчиненным бодрую телеграмму: «Флот противника фактически разбит и уходит на восток. Объединенный японский флот готовится преследовать остатки американского флота и захватить Мидуэй... Оперативное соединение вместе с силами 2-го флота и подводными лодками скоро обнаружит и атакует противника». Эта телеграмма была отправлена в 19.15 4 июня, а 10 минут спустя затонул «Кага». Остальные три авианосца Ямамото ушли под воду на следующий день. Принявший командование над военноморскими силами в районе Мидуэя адмирал Спрюэнс уклонился от сражения с более мощными линкорами противника и отошел на восток, не удаляясь, однако, слишком далеко от Мидуэя. 5 июня американская подводная лодка «Тамбор» обнаружила 4 японских крейсера. Совершая противолодочный маневр, крейсера «Могами» и «Микума» столкнулись друг с другом и получили серьезные повреждения. Поврежденные корабли были атакованы 12 пикирующими бомбардировщи-

ками. Сбитый самолет был направлен его пилотом капитаном I ранга Флемингом на «Микуму», и крейсер получил новые повреждения. Убедившись, что перед ним нет японского флота и что все четыре неприятельских авианосца погибли, Спрюзэнс вечером 5-го пошел обратно к Мидуэю. 6 июня американские самолеты атаковали поврежденные крейсера и сопровождавшие их эсминцы. «Микума» затонул вместе с 1000 человек экипажа, а сильно поврежденный «Могами» смог добраться до острова Трук, где ему пришлось ремонтироваться больше года. «Йорктаун» 6 июня был торпедирован японской подлодкой и затонул утром следующего дня. Та же лодка потопила эсминец «Хэмманн». Разгром японского флота был полный. Кроме четырех авианосцев и тяжелого крейсера, японцы потеряли 322 самолета и 3,5 тысячи погибшими и пленными, включая несколько сот своих лучших летчиков. Американцы лишились авианосца, эсминца и 150 самолетов. У них погибло лишь 307 человек. Теперь господство на Тихом океане перешло к американскому флоту. Американцы начали постепенно вытеснять японцев с захваченных ранее позиций.

На советско-германском фронте в январе 1942 года Красная Армия перешла во всеобщее наступление, но, понеся большие потери, добилась лишь местных успехов. К апрелю наибольшие жертвы понесли войска на западном направлении. Здесь лесисто-болотистая местность затрудняла применение танков. Сталин по совету начальника Генштаба Шапошникова и главнокомандующего войсками юго-западного направления Тимошенко решил перенести главный удар на Украину. Здесь советские войска захватили плацдарм в районе Барвенково, откуда можно было попытаться обойти и окружить харьковскую группировку противника. Наступление на Харьков планировалось как начало операции по полному изгнанию немцев с Украины. После освобождения города войска Юго-Западного фронта должны были выйти к Днепру. Одновременно армии Крымского фронта должны были вырваться с Керченского полуострова, деблокировать Севастополь, освободить Крым и ударить в тыл обороняющимся на Украине немецким войскам. Однако 8 мая Манштейн, уп-

редив изготовившегося к наступлению противника, атаковал первым. Войска генерала Козлова были захвачены врасплох. Построенная в один эшелон оборона не выдержала удара танков, поддержанных пикировщиками. Армии Крымского фронта были сброшены в море, только пленными потеряв 150 тысяч человек и лишившись всей боевой техники. Многим удалось добраться на судах и подручных средствах до Тамани. Наступление с Барвенковского выступа и из района Волчанска началось 12 мая и в первые дни развивалось успешно. 6-я немецкая армия Паулюса, усиленная румынскими и венгерскими войсками, пятилась к Харькову. Однако 1-я танковая армия Клейста из района Славянска 17 мая нанесла удар под основание Барвенковского выступа, смяла 9-ю армию Южного фронта и, во взаимодействии с войсками Паулюса, окружила ударную группировку Юго-Западного фронта. Было пленено 240 тысяч красноармейцев и захвачено 2026 орудий и 1249 танков. Эта победа облегчила выполнение решения о новом генеральном наступлении вермахта на южном крыле Восточного фронта, в принципе принятого Гитлером еще в конце 1941 года. Это наступление началось 28 июня 1942 года и имело своей целью захват Кавказа с его нефтяными источниками, а также Нижнего Поволжья от Сталинграда до Астрахани. В Крыму 11-я армия пошла на штурм Севастополя, который пал 2 июля. Морем удалось эвакуировать только высший командный состав Отдельной Приморской армии и Черноморского флота. 100 тысяч защитников Севастополя попали в плен. Фюрер рассчитывал, что, лишившись нефти и промышленного и сырьевого потенциала этих регионов, Красная Армия не сможет продолжать широкомасштабные боевые действия. После захвата Кавказа германские войска должны были вторгнуться в Иран и сокрушить позиции Британской империи на Среднем Востоке. Немцам удалось легко прорвать фронт, занять Ростов, Новочеркасск и Воронеж и двинуться к Сталинграду и Кавказу. Наступление в двух расходящихся направлениях вело к растяжению линии фронта, для удержания которой немцам все активнее приходилось использовать на второсте-

пенных участках: итальянские, румынские и венгерские части, не отличавшиеся высокой боеспособностью.

За 8 дней до начала немецкого наступления советское командование узнало о нем, когда самолет с немецким офицером, имевшим при себе важные оперативные документы по плану «Блау», в условиях плохой видимости по ошибке сел на нейтральной полосе и был захвачен красноармейцами. Однако Сталин решил, что на юге Гитлер будет наносить только один из двух своих главных ударов, тогда как второй последует на западном направлении, и не отдал Тимошенко резервных дивизий из-под Москвы. Иосиф Виссарионович заявил во время телеграфных переговоров с Военным советом Юго-Западного фронта вечером 20 июня: «Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам. Мы думаем, что немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции». Между тем для наступления на большей части советско-германского фронта у вермахта в тот момент просто не было достаточных сил и средств. Если зимой и весной 1942 года Сталин недооценивал противника, то после крымской и харьковской катастроф оправдалась поговорка: у страха глаза велики. Но предупрежденным заранее советским войскам первое время удавалось отступать в глубь страны, избегая крупных окружений. Лишь в районе Миллерово немцам удалось захватить 89 тысяч пленных, но это не шло ни в какое сравнение даже с результатами харьковской операции, не говоря уж о «котлах» 41-го года.

Накануне начала решающего наступления на Востоке, 27 июня 1942 года, Гитлер говорил в своей ставке «Вольфшанце» в Восточной Пруссии: «Мы теперь в России должны первым делом приступить к строительству автомобильных дорог. Тот, кто хочет начать осваивать Россию по-другому, скажем, проложив через нее сеть железных дорог, ставит телегу впереди лошади. Уже из чисто военных соображений он обязан построить в России дороги общей протяженностью как минимум от 750 до 1000 километров. Ибо без хороших

дорог невозможно ни очистить с помощью войск огромное русское пространство от враждебных элементов, ни поддерживать там порядок в течение длительного времени. А ту рабочую силу в русских деревнях и городах, которая не будет использована в сельском хозяйстве или военной промышленности, следует в первую очередь привлекать для строительства автодорог. На русском пространстве нужно основывать новые деревни не только по военным соображениям, но еще и потому, что они оживят пейзаж вокруг бесконечно тянувшихся дорог».

Фюрер собирался делить шкуру неубитого медведя и грезил о том, как в самом скором времени немцы начнут осваивать завоеванное «жизненное пространство» на Востоке.

Советское командование собиралось упорно оборонять Сталинград и Кавказ, жертвуя пространством между Доном и Волгой. Вместе с тем Сталин был недоволен недостаточной, по его мнению, стойкостью бойцов и командиров и 28 июля 1942 года издал приказ № 227, где констатировал: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке (такого избытка не было никогда и в мирные 30-е годы, так что данный тезис был чистой сталинской фантазией, отражавшей пропагандистский стереотип о «зажиточной колхозной жизни». — Б. С.). Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах... Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Функции истребления должны были выполнять заградительные отряды, а всех на-

рушителей дисциплины отправляли в штрафные батальоны и роты «искупать вину кровью». Тем не менее непосредственного влияния на военную ситуацию этот драконовский приказ не оказал, а на месте как «трусы и паникеры» часто расстреливались ни в чем не повинные люди. Интересно, что Сталин, как и другие военные и политические руководители, знал о неизбежности отступления Красной Армии в ближайшие месяцы. Ведь еще 13 июля Молотов, Ворошилов и освобожденный двумя месяцами раньше по болезни с поста начальника Генштаба Шапошников предупреждали союзных военных атташе в Москве, что советские войска вынуждены будут отступать до Волги и заставят немцев зимовать в этом районе и что только Сталинград, Новороссийск и Кавказ будут удерживаться всеми имеющимися средствами. Но войскам Сталин предпочитал изображать отступление летом 42-го года как результат трусости и недисциплинированности отдельных бойцов и командиров. Он рассчитывал, что под угрозой расстрелов и штрафбатов красноармейцы будут сражаться упорнее и нанесут больше урона врагу. В действительности порой выходило наоборот. Опасаясь репрессий, командиры всех уровней порой запаздывали с отходом, а это вело только к дополнительным потерям. Так, в августе с опозданием была проведена эвакуация советского плацдарма на западном берегу Дона у Калача. В результате немцы разбили 8 дивизий, взяли в плен до 57 тысяч человек и уничтожили около 1 тысячи танков и 650 самолетов.

Даже на пике немецких успехов в России руководители Рейха не были уверены в близкой победе. 22 июля 1942 года Геббельс приказал германским СМИ не перепечатывать цитаты из англо-американских сводок, где сквозил пессимизм по поводу способности Красной Армии сдерживать немцев. Он не хотел, чтобы у германского народа складывалось впечатление, что советский фронт вот-вот рухнет. Через три недели министр еще раз предостерег редакторов газет от необоснованного оптимизма по поводу сроков завершения войны.

Уже с 23 июля немецкое наступление в России велось в расходящихся направлениях. Группа армий «А» шла на Кавказ, а группа армий «Б» — на Сталинград. 23 августа 1942 го-

да немецкий 14-й танковый корпус вышел к Волге севернее Сталинграда. В тот же день люфтваффе совершило массированный налет на город. Ценой больших потерь три советские армии непрерывными контратаками задержали продвижение северной группировки 6-й армии и не позволили ей овладеть Сталинградом с ходу. Только в начале сентября немцы достигли сталинградских окраин. Больше двух месяцев шли ожесточенные уличные бои в городе. Немцы применили тактику штурмовых групп, состоящих из отделения или взвода пехоты, усиленного саперами, огневыми средствами (пулеметами, огнеметами, минометами, противотанковыми орудиями) или танком (штурмовым орудием). Оборонявшие Сталинград красноармейцы несли значительно большие потери, чем противник, но упорно защищали каждый дом или корпус завода. К середине ноября почти весь город был занят соединениями 6-й и 4-й танковых армий, но выбить 62-ю и 64-ю советские армии из узкой полосы прибрежных кварталов так и не удалось. На Кавказе тем временем немецкие войска овладели Новороссийском, Краснодаром, Ставрополем, нефтепромыслами Майкопа и Пятигорска и вели борьбу за перевалы Большого Кавказского хребта. Перевалы в конце концов перешли под контроль немецких горных стрелков, но прорваться в Закавказье вермахту не удалось. В сентябре нарастали разногласия между Гитлером и Гальдером. Начальник Генерального штаба германских сухопутных сил вынужден был 24 сентября 1942 года уйти в отставку. Он видел опасность того, что немецкие дивизии узким клином вышли к Сталинграду, тогда как стороны клина прикрывают гораздо более слабые войска союзников. Гальдеру также не нравился большой разрыв между сталинградской и кавказской группировками, прикрытый лишь небольшим количеством войск. Он предлагал прекратить наступление на Кавказе и укрепить высвободившимися силами фронт у Сталинграда. Фюрер, однако, все еще мечтал о марше на Баку, а потом, когда стала очевидной невозможность достижения поставленных целей, пытался удержать все приобретения кампании, рассчитывая перезимовать на завоеванных позициях и весной 43-го вновь устремиться в Закавказье и к ни-

зовьям Волги. Считая, что население Сталинграда должно быть беззаветно предано своему вождю, Гитлер предполагал всех жителей мужского пола уничтожить, а женщин — депортировать. Но этим планам не суждено было сбыться.

Нередко дебатруется вопрос, могла ли Германия попытаться заключить выгодный для себя компромиссный мир летом или осенью 1942 года, в момент своих максимальных успехов. Вряд ли на этот вопрос можно ответить положительно. Во-первых, нет никаких свидетельств, что тогда союзники по антигитлеровской коалиции, вместе или порознь, выказывали хоть какие-то признаки того, что они готовы мириться. Во-вторых, сам Гитлер в период таких успехов и думать не хотел ни о каких компромиссах.

Действительно, осенью 1942 года Рейх находился на пике своих военных успехов. Германские солдаты стояли от мыса Нордкап на крайнем севере Европы до подступов к долине Нила в Египте, от Бискайского залива и Пиренеев на Западе до Кавказских гор, Средней Волги и Ленинграда на Востоке. Однако могущество Германии было обманчивым. Ни один из ее главных противников не был сокрушен и не утратил способности к эффективному сопротивлению. Ресурсы же Рейха для продолжения наступления что на Кавказе и Волге, что в Северной Африке подошли к концу, и было мало надежд хотя бы удержать столь растянутые фронты.

Советская Ставка Верховного Главнокомандования еще с сентября начала готовить контрнаступление с целью окружения 6-й немецкой армии в Сталинграде. Сталин рассчитывал на юге разгромить все действующие там армии Германии и союзников, не дать им уйти с Кавказа и из междуречья Дона и Волги, а затем освободить Левобережную Украину. На центральном же участке фронта предполагалось ликвидировать Ржевско-Вяземский плацдарм, а затем нанести удар по направлению к Балтийскому побережью, отрезав находившуюся под Ленинградом группу армий «Север». Координировал действия Донского, Сталинградского и Юго-Западного фронтов начальник Генерального штаба Василевский. Он же вместе с Жуковым был автором плана контрнаступления. Оно началось 19 ноября, а уже 23-го армия Паулюса и

большая часть соединений 4-й танковой армии Гота оказались в «котле». Советские войска атаковали прикрывавшие фланги сталинградской группировки дивизии румынской 3-й армии, которые очень скоро обратились в бегство. Германское командование знало о готовящемся советском наступлении к северу и к югу от Сталинграда, но недооценило его масштаба и мощи. 1 декабря 1942 года начальник штаба 6-й армии генерал Артур Шмидт, загодя предупреждавший о грядущем советском наступлении, признал: «Все мы не разглядели опасности во весь ее рост... и в очередной раз недооценили русских». Сил же для отражения советских атак не было ни у 6-й армии, ни в распоряжении группы армий «Б». Попытка деблокады, предпринятая в декабре фельдмаршалом Манштейном, возглавившим группу армий «Дон» (так теперь называлась группа армий «Б»), провалилась из-за недостатка войск и, главным образом, из-за мощного советского наступления на среднем Дону, в ходе которого были разбиты 8-я итальянская, 4-я румынская и 2-я венгерская армии. Одну из трех танковых дивизий немецкой деблокирующей группировки генерала Гота пришлось бросить для отражения советских угроз на Дону, и это вынудило Манштейна прекратить наступление на выручку Паулюсу. Но советское командование, опасаясь, что Гот соединится с окруженными, бросило против него 2-ю гвардейскую армию генерала Малиновского, ранее предназначавшуюся для стремительного броска на Ростов. В действительности нужды в такой переброске не было, поскольку немецкое наступление к Сталинграду окончательно остановилось еще до прибытия туда войск Малиновского. Гот все еще оставался на расстоянии более 60 км от «котла», тогда как у 6-й армии горючего было лишь на 30 км пути. 31 января — 2 февраля 1943 года армия Паулюса капитулировала. Советские войска взяли более 90 тысяч пленных, а всего окруженная в Сталинграде группировка потеряла до 300 тысяч человек.

В конце декабря Гитлер санкционировал отход с Кавказа. Войска Манштейна смогли удержать Ростов до тех пор, пока через него успела пройти 1-я немецкая танковая армия. 17-я армия в это время отошла на Таманский плацдарм у Но-

вороссийска. Как отмечал в мемуарах бывший начальник оперативного управления Генштаба генерал С.М. Штеменко, успешный отход 1-й немецкой танковой армии стал возможен также благодаря ошибкам командования Закавказского фронта: «Преследование отходящего противника началось недостаточно организованно и с опозданием. Средства связи оказались не подготовленными к управлению наступательными действиями. В итоге уже в первый день преследования части перемешались. Штабы не знали точного положения и состояния своих войск. 58-я армия отстала от соседей и оказалась как бы во втором эшелоне. 5-й гвардейский Донской кавкорпус и танки не смогли опередить пехоту. Командование фронта пыталось навести порядок, но без особого успеха». Но ошибки были совершены и на более высоком уровне. Если бы 2-я гвардейская армия была брошена Ставкой Верховного Главнокомандования на Ростов, а не против уже остановившейся деблокирующей группировки Гота, то, вероятно, далеко не всем немецким войскам удалось уйти с Кавказских гор. Ростов тем не менее Манштейну пришлось оставить, чтобы сконцентрировать все силы вместе с только что переброшенным из Западной Европы танковым корпусом СС для удара на занятый 16 февраля Красной Армией Харьков. Начавшееся 18 февраля 1943 года наступление группы армий «Юг» оказалось неожиданным для Воронежского фронта, войска которого двигались к Днепру. 15 марта танковый корпус СС ворвался в Харьков, а 18 марта захватил Белгород. Однако основная часть советских войск избежала окружения. Немцы взяли только 14 тысяч пленных, 676 танков и 580 орудий. Образовался южный фас Курской дуги. В ходе зимнего наступления 1943 года Красная Армия освободила Курск и в январе прорвала блокаду Ленинграда, хотя пробитый к осажденному городу коридор простреливался немецкой артиллерией насквозь.

Однако немцы уже не верили, что на Востоке им придется предпринимать такие наступления со стратегическими целями, которые они осуществляли в 1941—1942 годах. Теперь они больше думали о неизбежности будущих отступлений и сдачи значительных территорий на Востоке. Рейхсфю-

пер СС Генрих Гиммлер, выступая 24 апреля 1943 года в Харьковском университете перед командным составом 2-го танкового корпуса СС, сформулировал принцип, согласно которому советское население на территориях, оставляемых вермахтом, должно было либо уничтожаться, либо угоняться на работы в Рейх: «...Мы должны вести войну с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы — живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету, абсолютно неправильно. Такое нельзя допустить.

И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекут кровью».

Одновременно с наступлением под Сталинградом войска Западного и Калининского фронтов под общим руководством заместителя Верховного Главнокомандующего Жукова атаковали Ржевский плацдарм. Однако немецкая оборона выдержала. Ударные группировки попали в окружение и лишь с большими потерями, лишившись почти всей боевой техники, в конце декабря и начале января 43-го прорвались к своим.

В целом весной 1943 года вермахт в России оказался примерно на тех же позициях, с каких начал бросок к Сталинграду и Кавказу летом 42-го. Однако исход кампании 1942 года был отнюдь не ничейным. Были почти полностью уничтожены соединения двух немецких армий — 6-й полевой и 4-й танковой, а также 4 армии союзников — итальянская, венгерская и две румынских. В результате уцелевшие союзные дивизии в 43-м году не играли сколько-нибудь существенной роли на фронте и использовались для охраны тыловых районов и борьбы с партизанами. Советские потери и в людях, и в технике были еще больше, но по сравнению с

людскими ресурсами СССР, использовавшимися к тому же с большим напряжением, чем германские, и помощью союзников по ленд-лизу они были относительно менее тяжелыми, чем потери Рейха и его союзников. Возможно, более благоприятным для Германии вариантом действий в 1942 году был бы переход к обороне после разгрома советских войск в Крыму и под Харьковом. Тогда соотношение потерь было бы гораздо более благоприятным для вермахта, сравнимым с этим показателем во время контрнаступления под Москвой и во время безуспешных атак Красной Армии на Ржевско-Вяземский плацдарм в течение 1942 года, когда красноармейцев гибло порой в 20—30 раз больше, чем солдат вермахта. Несомненно, что переход немцев к обороне Сталин и его генералы использовали бы для нового мощного наступления по всему фронту. Это была бы еще одна кровавая баня для Красной Армии, которая могла бы затянуть войну на год-другой. Но даже такой поворот событий вряд ли бы спас Гитлера от поражения. На процесс создания в США атомной бомбы события на советско-германском фронте повлиять никак не могли. В случае же затягивания войны в Европе американцы наверняка сбросили бы первые такие бомбы не на Японию, а на Германию. Для Советского Союза же оптимальным был бы преимущественно оборонительный образ действий в рамках стратегии истощения. Это привело бы к относительно большим потерям вермахта и относительно меньшим потерям Красной Армии, чем это было на самом деле, и, возможно, даже приблизило бы окончание войны. Но Сталин и советские генералы и маршалы придерживались стратегии сокрушения, не обращая внимания, что имевшийся в их распоряжении человеческий материал для этого рода стратегии годился мало. Наступление — более сложный вид боевых действий, чем оборона. Поэтому он требует более подготовленных бойцов и командиров, умеющих хорошо обращаться и взаимодействовать со сложной боевой техникой — танками и самолетами, играющими особо большую роль в наступательном бою. В Красной Армии же образовательный уровень солдат был не слишком высок, а командный состав привык действовать по шаблону. В советской

системе всякая инициатива была наказуемой, а человеческая жизнь не стоила почти ничего. Поэтому воевать предпочитали числом, а не умением, не тратя времени и средств на подготовку военнослужащих. Летчиков учили по принципу «взлет — посадка» (освоившие эти два элемента летного мастерства считались годными для боевой работы), а механики-водители танков получали практику вождения, в 4—5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить бронированную громаду.

В Северной Африке 1942 год ознаменовался в январе новым наступлением Роммеля, но оно продолжалось всего две недели и 7 февраля было остановлено у Эль-Газалы. С января люфтваффе и итальянская авиация усиленно бомбили Мальту — «непотопляемый авианосец Англии», откуда британская авиация атаквала направлявшиеся в Ливию конвои. Это позволило на некоторое время парализовать мальтийские аэродромы и наладить снабжение Африканского корпуса. Главнокомандующий Юга фельдмаршал Кессельринг настаивал на десанте на Мальту, но эта операция так и не была осуществлена, не в последнюю очередь из-за отсутствия достаточного числа подготовленных парашютистов и памяти о больших потерях на Крите. 26 мая Роммель, располагая 4 итальянскими пехотными, 1 итальянской танковой и 1 итальянской моторизованными дивизиями и 2 немецкими танковыми и одной легкопехотной дивизией, начал свое последнее наступление к Суэцкому каналу. Он разбил неприятельские войска у Бир-Хакейма и осадил Тобрук. На этот раз британский флот, подвергавшийся ударам германо-итальянской воздушной армады, не надеялся снабжать крепость в течение длительного времени. В ходе внезапного штурма 20—21 июня, когда танки прошли к крепости по проходам в минных полях, проделанных пикирующими бомбардировщиками, Роммель захватил Тобрук, пленив 35-тысячный гарнизон. Поражения англичан были обусловлены тем, что они использовали свои танки рассредоточенно, тогда как Роммель концентрировал свои гораздо меньшие бронетанковые силы в решающих пунктах, где достигал численного превосходства. Кессельринг был против похода в Египет,

предлагая сосредоточить всю авиацию для действий против Мальты. Но свежее испеченный фельдмаршал Роммель отказался подчиниться Кессельрингу и итальянскому верховному командованию и пригласил Кессельринга пообедать с ним в Каире. Гитлер и Муссолини санкционировали египетский поход, обернувшийся для них катастрофой. 28 июня Африканский корпус взял Мерса-Матрух, где захватил 6 тысяч пленных и запасы снабжения. А 30 июня немецкие и итальянские танки стояли уже у Эль-Аламейна, в 100 км от Каира. Узнав о продвижении Роммеля, британский флот покинул Александрию и ушел в Красное море, а в каирских архивах начали жечь секретные бумаги. Но англичане у Эль-Аламейна выстояли. К 3 июля после трехдневного наступления в Африканском корпусе осталось в строю лишь 26 танков. В результате его продвижение остановилось. Командующий 8-й английской армией генерал Окинлек попытался осуществить обход неприятеля, но из-за плохой координации действий потерпел неудачу. Весь июль борьба продолжалась с переменным успехом. В течение августа Роммель получил значительные подкрепления. Теперь он имел 440 танков против 700 английских. Окинлека сменил Монтгомери. 30 августа германо-итальянские силы перешли в наступление, но были остановлены ударами авиации и артиллерийским огнем у Алаф-Хальфы. 3 сентября Африканский корпус и итальянские дивизии начали общий отход. Англичане перешли в наступление только 23 октября. 230 тысячам британских солдат противостояли 53 тысячи итальянцев и 27 тысяч немцев. Против 1440 неприятельских пушечных танков у Роммеля было только 540 машин, из которых лишь 210 были вооружены пушками. 8-я армия располагала 500 американскими танками «шерман» и «грант», с которыми могли на равных сражаться лишь 30 немецких танков «Т-IV», оснащенных длинноствольными 75-миллиметровыми орудиями. Английские войска с воздуха поддерживали 1200 боеготовых самолетов против 350 исправных итальянских и германских машин. К тому же в момент наступления заболевший Роммель находился на лечении в Германии. Через 2 дня он срочно вернулся в Африку, но к тому времени англичане глубоко вклини-

лись в неприятельскую оборону. Потери наступающих в танках были вчетверо больше, чем обороняющихся, но соотношение сил по бронетехнике еще больше изменилось в пользу Монтомгери. К концу сражения британское превосходство в танках стало 20-кратным. Роммелю пришлось отступить к Мерса-Матруху, а оттуда в ночь на 7 ноября он отошел на Сиди-Баррани, с трудом избежав окружения. К 11 ноября британские войска вышли на ливийскую границу. В плен попало 20 тысяч итальянцев и 10 тысяч немцев. Англичане подбили и захватили в качестве трофеев 450 танков и более 1 тысячи орудий. Несколько тысяч немецких и итальянских солдат погибло. Роммель располагал только 7,5 тысячи бойцов. 10 тысяч немцев и еще большее число итальянцев избежали плена, но утратили вооружение и снаряжение.

Беда для держав Оси не пришла одна. 8 ноября 1942 года американские и британские войска численностью 110 тысяч человек под командованием американского генерала Эйзенхауэра высадились во французской Северной Африке, преодолев короткое, но ожесточенное сопротивление французского флота и береговых батарей. Главнокомандующий войсками правительства Виши адмирал Дарлан приказал прекратить огонь и стал сотрудничать с США и Англией. Немцы срочно высадили в Тунисе 5-ю танковую армию генерала фон Арнима, а также заняли неоккупированную часть Франции. Для прикрытия высадки с южного крыла советско-германского фронта была переброшена значительная часть авиации, которой так не хватало под Сталинградом в первые дни советского контрнаступления. Роммель смог отвести свои дивизии к Тунису, и 23 февраля 1943 года они остановили 8-ю английскую армию на позиции Марет. «Лису пустыни» удалось еще нанести поражение американским дивизиям 1-й английской армии, действовавшей во французской Северной Африке. При этом было взято 2,5 тысячи пленных. Но данный успех никак не повлиял на конечный итог борьбы. 13 мая 1943 года германо-итальянская группа армий «Тунис» капитулировала. В плен сдались 252 тысячи человек. Господство союзной авиации и флота в Средиземноморье воспрепятствовало снабжению группы армий Арнима, сменившего за-

болевшего Роммеля, или ее эвакуации. Такую эвакуацию, вероятно, еще можно было бы осуществить в январе—феврале 1943 года, когда войска Роммеля достигли Туниса. В это время союзники были заняты снабжением высадившихся войск и вряд ли смогли бы воспрепятствовать перевозке германских и итальянских дивизий из Туниса в Сицилию. В Тунисе немцам и итальянцам надо было бы держать лишь минимум войск, необходимых для арьергардного прикрытия эвакуации. Войска Роммеля и Арнима целесообразнее было бы держать на Сицилии. Тогда не только не случилось бы тунисской капитуляции, но и, вполне возможно, союзники не смогли бы овладеть Сицилией и высадиться на юге Италии вплоть до конца 1943 года.

После поражения под Сталинградом в Германии основным пропагандистским лозунгом стал лозунг «Победа или смерть!», под которым началось осуществление программы тотальной войны — мобилизации всех сил и средств для нужд фронта. Через месяц после капитуляции армии Паулюса Геббельс говорил: «Мой долг — подготовить народ к тому, что в течение последующих нескольких месяцев необходимо проявить особенную стойкость. Чтобы рукоплескать блицкригу, стойкости не требуется. Но у меня такое предчувствие, что эта война быстро не кончится. Мы должны подготовить наш разум и наши сердца к тяжелым испытаниям».

На тихоокеанском театре в начале 1943 года главные события развертывались на острове Гуадалканал. Там еще в августе 1942 года высадились американские морские пехотинцы. В сражениях у Гуадалканала японский флот понес тяжелые потери. 7 февраля 1943 года японская армия покинула Гуадалканал. Ее потери погибшими составили 25 тысяч человек, из которых 9 тысяч умерли от голода и болезней, но из-за медлительности американских войск эвакуация прошла успешно. Японский флот потерял только один эсминец. В Бирме англичане предприняли наступление для освобождения этой страны, но не достигли поставленной цели. Английские войска, основу которых составляли местные индийские дивизии, пытались овладеть прибрежным районом Аракан. Однако фронтальные атаки японских позиций привели

лишь к большим потерям. Сказался низкий уровень подготовки недавно сформированных соединений. К тому же среди британцев разразилась эпидемия малярии. В результате к маю 1943 года, когда начался сезон муссонных дождей, делающий крупномасштабные боевые действия невозможными, армия английского генерала Уэйвелла стояла на тех же позициях, с которых начала наступление осенью 42-го.

В следующий сухой сезон, осенью 1943 года, японцы, в свою очередь, предприняли наступление в Бирме, чтобы вторгнуться в Индию и сорвать ожидавшееся английское наступление, призванное открыть пути снабжения войск китайского генералиссимуса Чан Кайши с юга. Японским войскам удалось перейти индийскую границу, но в апреле 44-го они были остановлены упорной обороной у Импхала и Кохимы. Затем в ходе контр наступления англичане отбросили истощившего свои силы противника к бирманскому городу Чиндуину. Японцы потеряли 54 из 84 тысяч участвовавших в боях солдат, англичане — только 17 тысяч. Тут сказался японский кодекс бусидо, требовавший от военных презрения к смерти, и расточительность командования, беспощадно трагившего недорого стоившие солдатские жизни. Те же покорно шли на смерть, поскольку погибшим в бою синтоистская религия обещала вечное блаженство в иной жизни. Для наступления в сухой сезон 1944/45 года у японцев уже не было ни горючего, ни боеприпасов. Кампания в Бирме закончилась новым наступлением британских войск в октябре 44-го. В начале мая 1945 года японцы сдали втрое сильнейшему противнику бирманскую столицу Рангун, на которую наступали морской десант и сухопутные части с севера. Японское командование было занято в ту пору сражением за Филиппины и не могло послать подкреплений в Бирму. 650 бомбардировщикам и 177 истребителям союзников противостояли всего 50 японских истребителей, так как почти вся авиация Японии вынуждена была отражать американское наступление на Тихом океане. Снабжение же английской армии обеспечивали американские транспортные самолеты.

На советско-германском фронте обе армии готовились к летней кампании 1943 года, рассчитывая достичь успехов на

юге, в районе Курской дуги. Немцы, окончательно отказавшись от планов наступления на Москву, в феврале — марте эвакуировали Ржевско-Вяземский плацдарм. Ни для СССР, ни для Германии планы противника не были загадкой. Советская Ставка не без колебаний решила дать возможность вермахту ударить первым, чтобы, измотав неприятеля в оборонительных боях, затем перейти в наступление. Немецкое командование рассчитывало, окружив и уничтожив путем двустороннего охвата несколько советских армий на Курском выступе, высвободить на Востоке достаточные силы для обороны Италии и Сицилии и сорвать советское наступление в летнюю кампанию 43-го года. Теперь вермахт на Восточном фронте не ставил больше перед собой достижение стратегических целей, ограничиваясь оперативно-тактическими. Гитлер после поражений под Сталинградом и в Северной Африке рассчитывал затянуть войну. Фюрер надеялся на изобретение немецкими учеными «чудо-оружия», которое кардинальным образом изменит ход войны, и в меньшей степени на раскол в антигитлеровской коалиции. Он не знал, что гонка по самому главному — атомному проекту Рейхом уже, по сути, проиграна. Перевес же немцев в реактивных истребителях, самолетах-снарядах «Фау-1» и баллистических ракетах «Фау-2» не смог сыграть решающей роли из-за их относительной малочисленности и технического несовершенства. Вошедшие в строй в последние месяцы войны большие подводные лодки, оборудованные специальным устройством для подзарядки аккумуляторных батарей — «шноркелем» и способные к длительному автономному подводному плаванию, могли изменить ход борьбы в Атлантике, но было уже слишком поздно. Если бы эти лодки появились годом раньше, они могли бы если не изменить результат войны, то затянуть ее. Было бы сорвано снабжение союзных армий на Западе, да и Англия могла бы испытать острый кризис снабжения из-за подводной блокады. Как следствие, высадку в Нормандии отложили бы на год, и этот год немцы смогли бы еще удерживать Прибалтику, Белоруссию и Правобережную Украину. В том, что некоторые военные проекты были реализованы слишком поздно, отчасти виноват сам Гитлер, вплоть

до конца 1942 года требовавший отдавать приоритет разработкам, способным принести практическую пользу фронту не позже чем через полтора года. Только в 1943 году, с провозглашением тотальной войны, все силы были брошены на более долгосрочные и масштабные проекты.

Первоначально наступление на Курск немцы предполагали предпринять в мае 1943 года. Однако Гитлер далеко не был уверен в успехе и хотел усилить атакующие группировки максимальным числом новых танков «тигр» и «пантера», превосходивших советские «Т-34» и «КВ». В итоге наступление началось только 5 июля. Германский план изначально был нереалистичен, поскольку предполагал окружение одновременно 8—10 советских армий. Столь сильные группировки немцы никогда не окружали даже в 1941 году. Кроме того, советское командование заранее готовилось к сражению в районе Курской дуги и сосредоточило на Курском выступе большие запасы боеприпасов и продовольствия. Поэтому, даже если бы немцам удалось невероятное и они все же окружили бы здесь советские армии, те имели все шансы продержаться в течение длительного времени и дожждаться необходимых подкреплений для прорыва окружения.

В целом же операция «Цитадель», повторю, преследовала ограниченные цели: срезать Курский выступ и нанести советским войскам такие потери, чтобы они были не в состоянии до конца 1943 года предпринять генеральное наступление. Тем самым немцы надеялись получить возможность перебросить часть соединений с Восточного фронта в Италию, чтобы отразить ожидавшееся вторжение западных союзников.

Две группировки, 9-я армия с севера и 4-я танковая армия вместе с оперативной группой «Кемпф» с юга, двигались на Курск по сходящимся направлениям. Северная группировка к 11 июля смогла продвинуться лишь на 10—15 км, а южная — на 40—50 км. Немцам не удалось завершить прорыв советской обороны, когда 11-го числа началась разведка боем войск Западного и Брянского фронтов против Орловского плацдарма, в наступление на который они перешли на следующий день. Через три дня к ним присоединились поне-

ские большие потери в оборонительном сражении войска Центрального фронта. Уже 12 июля немецкое командование вынуждено было прекратить наступление группы армий «Центр» и бросить войска ударной группировки на помощь 2-й танковой армии, оборонявшей Орел. Еще 11 июля, когда советские войска начали мощную разведку боем на северном фазе Курской дуги, в дневнике Верховного Главнокомандования вермахта появилась запись: «В ходе операции «Цитадель» русский ударный клин был сужен и фронт у Белгорода очищен. 9-я армия продвинулась только на 2—3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максимальный урон противнику». То, что соединения Центрального фронта перешли в наступление в невыгодной группировке сил, сложившейся еще в ходе оборонительного сражения, и недостаточная глубина планировавшегося охвата противника привели к тому, что окружить орловскую группировку немцев не удалось, она была только постепенно вытеснена с плацдарма. Красная Армия освободила Орел 5 августа 1943 года.

На южном фазе Курской дуги 12 июля 2-й танковый корпус СС разбил в танковом сражении у Прохоровки 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова. В этом крупнейшем танковом сражении 273 немецким танкам противостояли 850 советских. 2-й танковый корпус СС потерял безвозвратно не более 5 танков, а еще 38 танков и 12 штурмовых орудий были повреждены. Безвозвратные потери 5-й гвардейской танковой армии достигли 334 танков и САУ. Число поврежденных советских танков по-разному оценивается различными источниками — от 100 до 400 машин. Столь неблагоприятное для советской стороны соотношение безвозвратных потерь в бронетехнике объясняется тем, что поле боя осталось за немцами. Кроме того, командование 2-го танкового корпуса СС на основе данных разведки смогло предугадать контрудар и, заблаговременно остановив собственное наступление, встретило атаку неприятельских танков на заранее подготовленных позициях, организовав засады с танками и противотанковыми орудиями. Как признавал в докладной записке

Сталину о танковом сражении в районе Прохоровки член Военного Совета Воронежского фронта Н.С. Хрушев, «противник при отходе специально созданными командами эвакуирует свои подбитые танки и другую материальную часть, а все, что невозможно вывезти, в том числе наши танки и нашу материальную часть, сжигает и подрывает. В результате этого захваченная нами поврежденная боевая часть, поврежденная материальная часть в большинстве случаев отремонтированы быть не могут, а могут быть использованы как металлолом, который мы постараемся в ближайшее время эвакуировать с поля боя». Столь невыгодное для советской стороны соотношение потерь в танках объяснялось более низким уровнем подготовки наших танкистов и плохим управлением со стороны командующего 5-й гвардейской танковой армией и командиров ее корпусов. В частности, танки 29-го корпуса, понесшего наибольшие потери — 150 танков и САУ из 212, в том числе 117 безвозвратно, вводились в бой массированно, а не по эшелонам. Танки мешали друг другу и становились хорошей мишенью для «тигров», пробивавших броню «тридцатьчетверок» на большой дистанции. После Прохоровского сражения немецкие дивизии продолжали медленно продвигаться на Курск с юга вплоть до 16 июля. Теперь они преследовали только цель нанести советским войскам максимальные потери, чтобы ослабить их возможности для становившегося уже неизбежным контрнаступления.

На более значительные потери советских танков в Курском сражении повлияло то обстоятельство, что еще 19 сентября 1942 года Сталин издал специальный приказ, действовавший до конца войны и предписывавший танкистам «атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того, что стрельба получится не всегда прицельной. Стрельба из танков с ходу должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и, прежде всего, на его главную силу». Поскольку стабилизаторы, позволявшие вести прицельный артиллерийский огонь с ходу, появились только в 1950-е годы, стрельба из танковых пушек

с движения хотя и отличалась большей интенсивностью, чем стрельба с места, но означала лишь бесполезную трату снарядов в белый свет как в копеечку. Кроме того, вплоть до конца войны в Красной Армии полноценные радиостанции ставились только на танки командиров подразделений, тогда как на остальных танках стояли только радиоприемники. Если танк командира выходил из строя, никто другой не мог взять на себя управление подразделением.

Советское командование значительно преувеличивало как немецкие силы, участвовавшие в «Цитадели», так и потери противника. Так, в докладе Военного Совета Воронежского фронта от 24 июля 1943 года о результатах оборонительного сражения под Курском утверждалось, что против войск фронта действовало до 4 тысяч немецких танков. В число участвовавших в боях Ватутин и Хрущев включили даже 24-й танковый корпус, разрешение на ввод которого в сражение Манштейн так и не смог получить от Гитлера до окончания немецкого наступления на Курск. В действительности же к началу Курской битвы во всей группе армий «Юг» насчитывалось только 1303 танка, 190 устаревших танков и 253 штурмовых орудия, из которых более 100 машин не принимали участия в «Цитадели». Так же и данные о безвозвратных потерях немецких войск в танках и самолетах были очень далеки от действительности. Советские летчики доносили о 3700 уничтоженных неприятельских самолетах в ходе всей Курской битвы, включая советское контрнаступление. Между тем, по немецким архивным данным, общие безвозвратные потери люфтваффе за июль и август 1943 года составили 3213 боевых самолетов, из которых на Восточном фронте было потеряно только 1030 машин. Безвозвратные потери противника в танках командование Воронежского фронта в период оборонительного сражения определяло в 2644 танка и 35 штурмовых орудий, а командование Центрального фронта — в 928 танков и 32 штурмовых орудия. В действительности войска группы армий «Центр» во время наступления на Курск безвозвратно потеряли 87 танков и штурмовых орудий, а группа армий «Юг» — 161 танк и 14 штурмовых орудий. Советские же безвозвратные потери в танках во время

обороны Курска составили на Центральном фронте в период до 15 июля 651 танк и САУ, а на Воронежском фронте до 16 июля — 1204 танка и САУ. До 23 июля войска Воронежского фронта безвозвратно потеряли еще 395 машин. Советские потери более чем в 7 раз превысили немецкие.

В обороне под Курском советское командование действовало совершенно беспощадно по отношению к собственным солдатам. Инвалид войны Павел Соловьев вспоминает такой эпизод Курской битвы: «Мне было 17 лет, когда я попал на фронт. Около года я был на переднем крае этой войны, где смерть ежесекундно висела над головой и человеческая жизнь не стоила ломаного гроша. Это была гигантская мясорубка, перемалывающая миллионы человеческих жизней. Причем надо признать установленный факт, что немцев погибло около пяти миллионов, а наших в пять раз больше... Мы стояли в обороне. Ночью со стороны противника слышался гул моторов, который становился все громче. Пополз слух, что это немецкие танки. И действительно, только рассветло, показались танки. Это было первое появление немецких «тигров». Они медленно приближались, стреляя на ходу. Позади танков шли автоматчики. У нас на огневой, как назло, не оказалось бронебойных снарядов, были только осколочные. Командир приказал мне сбегать в тыл и поторопить доставку. Я сломя голову без оружия и пилотки побежал выполнять приказание. Тут я заметил, что по всему полю, пятясь, отступает пехота. Среди отступающих я заметил капитана, который, матерясь, пытался остановить солдат. Причем он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я бежал прямо на него. В этой ситуации я не мог объяснить причину, зачем я бегу и куда. Он подбежал ко мне: «Где твое оружие, сволочь?» — и в упор выстрелил в меня. Пуля просвистела над ухом. Я упал на землю и с ужасом ждал контрольного выстрела. Но капитан был уже далеко от меня. Он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я поднялся и побежал на передовую в свой расчет. Снаряды нам подвезли. Мы отбили танковую атаку, потеряв 2/3 своего батальона. После боя меня бил озноб. Смерть тебя ждала не только впереди, но и сзади. О войне написано много. Но вся правда еще не написана.

Для меня правдиво о войне писали только писатели Вячеслав Кондратьев, Василь Быков да еще Виктор Астафьев».

В свете этого свидетельства можно предположить, что и жуковская шифрограмма № 4976 за те десять дней в сентябре — октябре 41-го, пока она действовала, успела претвориться в жизнь. Как и приказ № 270, она призвана была запугать бойцов и командиров, но без реального претворения в жизнь угроза действует слабо. До семей пленных, конечно, добраться не успели, а вот расстрелять несколько десятков красноармейцев, обвиненных в том, что побывали в плену, вполне могли.

16 июля, в связи с началом советского наступления на Донбасс, на фронте реки Миус командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн вынужден был прекратить наступление и начать отвод войск на позиции, которые они занимали до 5 июля. Танковый корпус СС был выведен с фронта и предназначался для переброски в Италию. Однако в итоге туда отправилась лишь одна дивизия. Две других были возвращены на Восточный фронт и совместно с двумя дивизиями 3-го танкового корпуса нанесли контрудар по советскому плацдарму за Миусом. Ко 2 августа плацдарм был ликвидирован, и советские войска потеряли здесь 18 тысяч пленных и 700 танков. Резервный же немецкий 24-й танковый корпус, который Гитлер так и не позволил Манштейну использовать для развития наступления, теперь пригодился, чтобы остановить советское наступление на Северском Донце юго-восточнее Изюма. Однако под натиском втрое превосходящих сил Красной Армии немцы вынуждены были к 23 августа оставить Белгород и Харьков и начать отход к Днепру. 29 августа в руки советских войск перешел Таганрог. К середине сентября немцы потеряли Мелитополь, а к концу месяца вынуждены были отойти за Днепр на всем протяжении реки к югу от Киева. Хотя новая позиция и была названа Гитлером неприступным «Восточным валом», отсутствие системы долговременных укреплений и недостаток войск и боевой техники не позволяли надеяться на длительное удержание вермахтом Днепровской дуги. К середине октября немцы также эвакуировали Таманский полуостров. Людские

ресурсы Германии к тому времени уже истощились. Вермахт не мог уже восстанавливать потери, которые несла действующая армия. В результате ее численность с 1 июля по 1 октября 1943 года сократилась на 390 тысяч человек. Рейх больше не в состоянии был выдерживать борьбу на Востоке и в Италии. После же открытия второго фронта во Франции в июне 1944 года германскую армию постигла катастрофа на всех фронтах.

В результате летней кампании 1943 года на советско-германском фронте немецкие войска лишились последних плацдармов, с которых они могли бы угрожать стратегически важным советским районам. О наступлении на Востоке вермахту пришлось забыть навсегда. Теперь все больше внимания приходилось уделять западным театрам военных действий, хотя события там еще не оказывали прямого влияния на ход событий на Восточном фронте. В частности, высадка на Сицилии англо-американских войск отнюдь не являлась решающей причиной прекращения операции «Цитадель».

Потери Красной Армии в 1943 году убитыми и ранеными были столь же велики, как и прежде. Вот только один пример. В ходе наступления в период с 27 февраля по 15 марта 1943 года 60-я стрелковая дивизия полковника Игнатия Кляро потеряла убитыми и пропавшими без вести, даже по значительно преуменьшенным данным, 740 человек, или в среднем около 44 человек в день. Действия дивизии были признаны успешными, так как ее командир за эти бои получил генеральское звание. Вся же германская сухопутная армия за март 1943 года потеряла убитыми и пропавшими без вести, согласно данным централизованного учета военкоматов, 43 323 человека. Можно предположить, что около 40 тысяч из этих потерь приходилось на Восточный фронт, остальные же — на бои в Тунисе. В тот момент на Востоке, если принять группировку на 1 июля 1943 года, Германия располагала примерно 165 дивизиями (без учета 10 охранных и 8 учебно-полевых и резервных дивизий, не принимавших участия в боях, а также 12 авиаполевых, организационно входивших в состав люфтваффе). Средние потери одной дивизии на Восточном фронте за март 43-го можно оценить в 242 чело-

века, а средние ежедневные потери — в 8 человек, т. е. в 5,6 раза меньше, чем в советской 60-й дивизии. Но надо принять во внимание общий недоучет потерь в 60-й дивизии за указанный период, который, если судить по динамике численности личного состава и пополнений, составлял не менее 182 человек, причем, скорее всего, почти все они были убиты и пропали без вести. Тогда средние ежедневные потери дивизии Кляро поднимаются до 55 человек, и соотношение с потерями среднестатистической немецкой дивизии на Восточном фронте составит 7:1.

После капитуляции итало-германских войск в Тунисе союзники начали подготовку к высадке на Сицилию. Она началась 10 июля 1943 года с высадки воздушного десанта на побережье залива Джела. Десантники понесли большие потери. Из-за сильного ветра и огня зенитной артиллерии противника американские парашютисты высадились с разбросом на территории около 50 миль в диаметре. Британские десантники высаживались со 134 планеров, 17 из которых упали в море. Тем не менее появление большого числа неприятельских парашютистов в тылу вызвало панику в рядах итальянских войск. Итальянцы оказали лишь слабое сопротивление морским десантам, хотя располагали 4 пехотными дивизиями и 6 дивизиями береговой обороны. 4 немецкие дивизии, напротив, оказали упорное сопротивление и только 17 августа переправились через Мессинский пролив в Италию, сохранив почти всю материальную часть. В связи с вторжением союзников на Сицилию Муссолини был 25 июля арестован по приказу короля. Новое правительство маршала Бадольо начало тайные переговоры о сепаратном мире, о которых, однако, довольно скоро стало известно немцам. Когда 8 сентября было объявлено о выходе Италии из войны и заключении перемирия, на Аппенинском полуострове немцы располагали уже 15 дивизиями и смогли быстро разоружить итальянскую армию. Специальный отряд немецких десантников освободил Муссолини из-под ареста. Дуче провозгласил Италию республикой и возглавил фашистское правительство, обосновавшееся в курортном городке Сало на севере страны. Это правительство не обладало почти никакой ре-

альной властью и находилось в полной зависимости от немцев. Немецкие войска под командованием фельдмаршала Кессельринга смогли остановить продвижение союзников к северу от Неаполя. Поскольку протяженность линии фронта была очень невелика, немцы сумели создать здесь очень плотную оборону, преодолеть которую лобовой атакой не могли даже имевшие значительное численное и техническое превосходство англо-американские войска, которыми командовал британский фельдмаршал Александер. Поэтому союзники широко использовали высадку морских десантов в тылу врага. С помощью подобного охвата с моря им удалось захватить и удержать в январе — феврале 1944 года плацдарм в районе Анцио, откуда они могли угрожать Риму.

Не имеет однозначного ответа вопрос, возможна ли была в 1943 году более полномасштабная высадка союзников не в Италии, а во Франции — подобная той, что произошла в июне 1944 года. То, что вплоть до 1942 года высадка с Британских островов на французское или бельгийское побережье была невозможна, сомнений не вызывает. Союзное командование мотивировало невозможность десанта во Францию в 1943 году отсутствием необходимого количества специальных десантных судов, способных высаживать людей и технику на необорудованное побережье. Англичане и американцы предполагали, что немцы постараются особенно упорно удерживать порты Ла-Манша, что крайне затруднит снабжение высадившихся войск. Однако следует учесть, что в 1944 году ряд портов во Франции союзникам удалось довольно быстро поставить под свой контроль. К тому же они обладали большим количеством высадочных средств и подавляющим превосходством в воздухе. Поэтому англо-американские войска были бы в состоянии и тогда получать какое-то время снабжение по воздуху или с помощью мелких судов, способных подходить к побережью. Безусловно, тогда бы операция содержала больше элементов риска и могла бы привести к более значительным потерям в рядах союзных войск. Союзники не решились тогда пойти на риск и возможные большие потери. Но выигрышем бы стало приближение как минимум на год времени окончания войны. Тогда

бы германские фронты на Востоке и Западе рухнули не летом и осенью 1944 года, а не позднее конца 1943 года. Вероятно, в этом случае англо-американские и советские войска встретились бы не на Эльбе, а где-то восточнее, быть может, в районе довоенной германо-польской границы. Однако это вряд ли повлияло бы на намерение стран антигитлеровской коалиции совместно оккупировать Германию и Австрию, разделив их на зоны оккупации.

Высадка англо-американских союзников в Сицилии, а потом в Италии показала руководству Рейха, что второй фронт в Европе стал реальностью. В конце сентября 1943 года Геббельс заявил Гитлеру, что Германия не выдержит войны на два фронта. Правда, благодаря небольшой протяженности линии фронта продвижение союзников в Италии удалось остановить севернее Неаполя, и вплоть до высадки в Нормандии вермахт смог удерживать Рим. При этом с Восточного фронта сюда были переброшены лишь сравнительно небольшие силы авиации и одна танковая дивизия СС. Но ни Гитлер, ни его генералы не заблуждались насчет того, что основные силы западных союзников весной или летом 1944 года непременно высадятся во Франции. А сил, чтобы отразить высадку, у вермахта уже не было. переброска туда даже одних только резервов, не говоря уже о снятии дивизий с Восточного фронта, грозила катастрофой в России.

В октябре 1943 года советские войска захватили ряд плацдармов за Днепром. Попытка использовать для этой цели две воздушно-десантные бригады окончилась провалом. Из-за недостатка транспортной авиации и неопытности экипажей часть десантников попала прямо в Днепр, а часть — прямо на немецкие позиции. Парашютисты оказались рассредоточены на большой территории и не смогли организовать для действий в составе подразделений. Большинство их погибло или попало в плен, так и не сумев захватить плацдарм. Тем не менее сухопутным войскам удалось захватить два плацдарма севернее и южнее Киева. Столица Украины была освобождена 6 ноября 1943 года. В ходе последовавшего контрудара немецким войскам удалось приостановить продвижение противника и вернуть Житомир. Однако новое наступление советских войск, начавшееся в конце декабря,

заставило немцев оставить Приднепровье. Последняя группировка вермахта, оборонявшаяся на Днепре в районе Черкас и Корсунь-Шевченковского, попала в окружение и лишь с большими потерями вырвалась из него к 20 февраля 1944 года. Из 58 тысяч окруженных к своим пробилось лишь около 35 тысяч человек. 12 тысяч попало в плен, остальные погибли. В руки советских войск перешел также район Никополя с залежами стратегически важных марганцевых руд, который Гитлер требовал оборонять особенно упорно. В окружение попали также 23 дивизии 1-й танковой армии в районе Черновиц и Каменец-Подольского, но им удалось соединиться с деблокирующим танковым корпусом СС и в начале апреля без больших потерь в людях, но с тяжелыми потерями в материальной части выйти в район Станислава. В апреле — мае 1944 года Красная Армия освободила Крым. Немецкие и румынские войска понесли большие потери во время эвакуации из Крыма от действий советской авиации и подводных лодок. Одновременно в апреле армии 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли к границам Румынии. В январе 1944 года была снята блокада Ленинграда, а немецкая группа армий «Север» оказалась отброшена к рубежу: река Нарва — Чудское озеро — река Великая. На западном направлении немцы были оттеснены к границам Белоруссии, но им удалось удержать важные железнодорожные узлы Витебск и Оршу, которые войска Западного фронта безуспешно пытались захватить в результате 11 наступательных операций в период с октября 43-го по март 44-го года. В результате образовался так называемый «белорусский балкон», угрожавший флангам советских войск, наступающих на Украине и в Прибалтике. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования решила именно в Белоруссии предпринять генеральное наступление в летней кампании 1944 года.

В целом перед высадкой союзников в Нормандии германские войска на Востоке понесли ряд тяжелых поражений и вынуждены были оставить половину территории, завоеванной в 1941—1942 годах. Однако им удалось избежать уничтожения в окружении своих крупных группировок и сохранить боеспособность.

Руководители СССР, Англии и США все вместе встрети-

лись впервые в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Сталин, Черчилль и Рузвельт обсуждали вопрос об открытии второго фронта — высадки союзников во Франции. Рузвельт и Черчилль обещали осуществить ее в мае 1944 г. и на этот раз сдержали обещание.

6 июня 1944 года армии союзников высадились в Нормандии. Перед этим, 4 июня, германские войска в Италии вынуждены были оставить Рим. Немцы сосредоточили во Франции 59 дивизий, в том числе 9 танковых, общей численностью около 900 тысяч человек с 1552 танками и 310 штурмовыми орудиями. Но немецкое командование ожидало основной удар в Па-де-Кале, а не в Нормандии. Англо-американская армия вторжения имела подавляющее превосходство в людях, танках и самолетах. Правда, самолетам приходилось действовать с аэродромов в Англии, что уменьшало количество боевых вылетов, которые они могли совершить. Кроме того, высадившиеся войска испытывали определенные трудности снабжения, осуществлявшегося судами через Ла-Манш. Только к концу июля союзникам удалось совершить прорыв под Авраншем и вырваться на оперативный простор. Значительная группировка немецких войск оказалась в «котле» у Фалеза, и только половине окруженных удалось прорваться. Немецкие «тигры» и «пантеры» превосходили по своим боевым качествам английские и американские танки, но это преимущество с лихвой компенсировалось господством союзников в воздухе. Германская бронетехника уничтожалась ударами англо-американской авиации. К концу августа Франция была освобождена. 3 сентября союзники взяли Брюссель, а 4 сентября английские танки овладели Антверпеном. В ноябре союзные войска вышли к германской границе. 19-я немецкая армия оказалась в полуокружении в Эльзасе, где она продержалась до 10 февраля 1945 года, когда смогла отступить к верхнему течению Рейна.

17 сентября 1944 года союзники начали крупную воздушно-десантную операцию в районе Арнема на нижнем Рейне. Здесь была высажена 1-я английская воздушно-десантная дивизия, чтобы захватить плацдарм за Рейном. На соединение с ней должна была наступать 1-я канадская армия. Одна-

ко наступление канадцев провалилось. На помощь десанникам была брошена польская парашютная бригада. К своим смогли прорваться только 3 тысячи из 10 тысяч английских десантников. Польская бригада также была почти полностью уничтожена. Главнокомандующий союзными силами в Европе американский генерал Дуайт Эйзенхауэр вынужден был отложить планировавшееся вторжение в индустриальное сердце Германии — Рур. Единственным успехом стал захват 20 сентября частями 82-й американской воздушно-десантной дивизии при поддержке британской бронетанковой дивизии моста через Рейн у Неймегена. Как отмечает Джон Фуллер, если бы союзники не ограничились высадкой воздушных десантов, то могли бы достичь гораздо большего: «Говорили, что если бы не погода, которая с 19 сентября была скверной, то в Арнем были бы переброшены сильные подкрепления и его можно было бы удержать. Конечно, человек не командует ветрами. Однако англичане и американцы господствовали на морях. Поэтому позволительно спросить, почему эту смелую и явно рискованную операцию не поддержали высадкой морского десанта в Фрисландии? Если бы непосредственно перед выброской воздушного десанта там высадили на берег хотя бы 15—20 тысяч человек, разве такая неожиданная диверсия не заставила бы немцев, учитывая незначительность германских гарнизонов в Северной Голландии, действовать на двух направлениях вместо одного?»

К моменту советского наступления в Белоруссии, начавшегося 21 июня 1944 года, численность германской армии на Восточном фронте сократилась до 2,25 миллиона человек по сравнению с 2,6 миллиона к 1 октября 1943 года. За это время на Востоке стало на 30 дивизий меньше. Необходимость перебросить на Запад дополнительно 34 дивизии (из них 21 была вновь сформирована, а 11 передано с других театров) не позволила восстановить численность Восточной армии хотя бы до уровня осени 43-го. Кроме того, после начала вторжения на Запад туда был переброшен находившийся на пополнении в Польше танковый корпус СС, что лишило германские войска на Востоке последнего подвижного резерва. На

фронте группы армии «Центр» 38 немецких дивизий (из них 4 — в резерве) сражались против советских 156 стрелковых и 12 кавалерийских дивизий, 2 стрелковых бригад, 10 танковых и 2 механизированных корпусов, 15 танковых, 1 механизированной и 2 самоходно-артиллерийских бригад, а также против 4 пехотных дивизий, 1 танковой и 1 кавалерийской бригады 1-й армии Войска Польского. 700 тысячам немецких солдат противостояли более 2,5 миллиона советских, а в боевых частях перевес Красной Армии был еще заметнее. Даже если бы все солдаты немецкого Восточного фронта были переброшены в Белоруссию, равновесия сил все равно бы не наступило. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш предлагал оставить далеко выдающиеся в неприятельские позиции выступы у Витебска и Бобруйска и сконцентрировать войска для обороны на Березине, что позволило бы значительно сократить протяженность линии фронта и увеличить плотность обороны. Но Гитлер запретил отход. Немецкой разведке было известно, что в летнюю кампанию 1944 года главный удар советское командование планирует нанести в Белоруссии, а вспомогательный — на львовском направлении, причем предполагает, что одновременно в Варшаве вспыхнет антигерманское восстание. Однако кардинальным решением мог быть только отход со всего «белорусского балкона» с одновременным отступлением группы армий «Север» как минимум — до рубежа Западной Двины, а более вероятно — до границ Восточной Пруссии. Такой отход пришлось бы осуществлять в мае и начале июня. Но в этом случае летнюю кампанию 44-го года вермахту пришлось бы начинать на Буге и Немане, что приблизило бы Красную Армию к сердцу Рейха. Теперь Гитлер боролся только за выигрыш времени, поэтому требовал от войск как можно более долгой обороны территорий, прикрывавших границы Германии. Отход из Белоруссии в данном контексте становился бессмысленным.

В ходе наступления фронт группы армий «Центр» был прорван в нескольких местах. Крупные немецкие группировки были окружены в Витебске, Бобруйске и в районе восточнее Минска. 57 600 захваченных там пленных были про-

ведены через Москву 17 июля 1944 года. В начале августа в Варшаве действительно вспыхнуло восстание, подготовленное Армией Крайовой — вооруженными силами находившегося в Лондоне польского правительства в изгнании. Однако Сталин остановил наступление своих войск с захваченных на Висле плацдармов до тех пор, пока немцы не разобьют повстанцев. Германское командование это быстро поняло и в середине августа перебросило 5 танковых дивизий из-под Варшавы на север, чтобы прорубить коридор и восстановить сухопутную связь между группами армий «Север» и «Центр». Эта операция теряла смысл в случае советского наступления на Варшаву. Ослабленные немецкие силы не смогли бы его сдержать, а тем более удержать на севере фронт от Латвии до Одера. Но войска 1-го Белорусского фронта на Висле не сдвинулись с места, пока немецкая 3-я танковая армия пробивалась к Балтийскому морю у Тукумса. В результате группы армий «Север» и «Центр» вновь на короткое время соединились. Но Гитлер отказался дать разрешение на отход из Прибалтики, мотивируя это необходимостью сохранения морских коммуникаций со Скандинавией, а также возможным неблагоприятным воздействием на позицию Финляндии, которая после начала в июне советского наступления на Карельском перешейке все более склонялась к выходу из войны. Финское правительство все равно в начале сентября прекратило боевые действия против Красной Армии, а в октябре советские войска вновь вышли к Балтике и перерезали сухопутную связь группы армий «Север» с Германией. Впоследствии она была оттеснена в Курляндию, где и продолжала сопротивление до конца войны.

В сентябре советские войска заняли пригород Варшавы Прагу на правом берегу Вислы, но восстание поляков уже агонизировало. В начале октября остатки повстанцев, оттесненные от берега реки, капитулировали. В ноябре попытки армий 1-го и 3-го Белорусского фронтов форсировать Вислу севернее Варшавы и вторгнуться в Восточную Пруссию потерпели неудачу.

Зато полный успех сопутствовал Красной Армии в Румынии. Начавшееся 21 августа наступление в Молдавии 2-го и

3-го Украинских фронтов ускорило переворот в Бухаресте. Король Михай арестовал диктатора страны маршала Иона Антонеску и разорвал союз с Германией. Румынские войска повернули оружие против вермахта. Главные силы группы армий «Южная Украина» были окружены в районе Ясс и Кишинева. Только ее штаб и резервные и тыловые части смогли отступить в Трансильванию. В плен попало более 180 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров. От Германии отпала и Болгария, правительство которой 8 сентября 1944 года объявило войну Рейху. Но это не предотвратило вторжения Красной Армии в Болгарию. 9 сентября в Софии произошел коммунистический переворот. Правительство возглавил бывший глава Коминтерна болгарский коммунист Георгий Димитров. Болгарская армия вместе с советскими войсками начала боевые действия в Венгрии. В декабре 1944 года Красная Армия окружила Будапешт.

Осенью 1944 года, когда безнадежность положения Рейха мало у кого вызывала сомнение, Гитлер говорил своему врачу Эрвину Гизингу: «В июне 1941 г. я начал борьбу с молохом большевизма, и я доведу ее до победного конца. Единственный противник, хоть в какой-то мере достойный меня, — это Сталин. Я высоко оцениваю его за то, что он сделал из России... и за его военные достижения. Но в конечном итоге волна большевизма разобьется о стальное национал-социалистическое мировоззрение, и я растопчу это восточноазиатское отродье. Два моих других противника — Черчилль и Рузвельт — не представляют собой никакой силы ни в политическом, ни в военном плане. Англия окончательно рухнет, и от ее мировой империи не останется ничего. Америка поглотит все то, что еще останется, а английская империя будет вычеркнута из истории. Я не могу понять глупости этих людей. Они совершенно не видят, какую опасность представляет большевизм, и не понимают, что рубят сук, на котором сидят. Мне хотелось бы, чтобы обе эти державы признали, пока еще не поздно, что они борются не на той стороне, и я отчетливо вижу тот момент, когда стану... стрелкой весов между русскими и англо-американцами. Провидение под-

сказало мне... что не может быть никаких соглашений с большевизмом, и я никогда не подам руки России».

Поражения, поставившие Рейх на край пропасти, заставили его руководителей обратить более пристальное внимание на РОА и попытаться с помощью генерала Власова и его соратников избежать тотального разгрома. Еще 16 апреля 1943 года, вскоре после создания командования восточных войск, ведавшего коллаборационистскими формированиями, начальник штаба группы армий «Север» генерал Кинцель, критикуя уставы, предназначенные для этих формирований, писал командующему восточными войсками генералу Гельмиху, что в них обходится главный вопрос: «Что будет с их, бойцов восточных войск, Родиной после войны?», поскольку совершенно неверно думать, что они «сражаются на стороне Германии из благодарности за освобождение от большевизма». «Для бойцов восточных войск на самом деле вопрос стоит так: перейдем ли мы из большевистского рабства в рабство германское или мы боремся за свободу и независимость своей Родины?» Для того чтобы такого рода предположение получило хотя бы формальное одобрение, потребовался разгром немецких войск во Франции и Белоруссии летом 1944 года. 14 сентября Власов был принят Гиммлером. Командующему РОА было обещано сохранение России в границах на 1 сентября 1939 года при условии широкой автономии для нерусских народов и казачьих областей. Гитлер и Гиммлер согласились на формирование 1-й дивизии РОА (600-й пехотной). В январе 1945 года начала формироваться и 2-я дивизия РОА (650-я пехотная). Тогда, осенью 1944 года, Германия готовилась к контрнаступлению в Арденнах, рассчитывая нанести решающее поражение западным союзникам и принудить их к сепаратному миру. После этого рассчитывали бросить все силы на Восток и разгромить Красную Армию. Здесь-то и должны были сыграть свою роль дивизии РОА. К тому времени мечты о «жизненном пространстве» на Востоке стали химерой. Гиммлер обещал Власову власть в России, но понимал: генералу никогда не бывать в Кремле. Участие солдат РОА в боевых действиях, по замыслу немцев, должно было деморализовать красноармей-

цев, вызвать массовое дезертирство и тем облегчить положение вермахта, позволить германским войскам затянуть войну. Но в бой власовские дивизии вступили всего лишь в апреле 1945 года, когда перебежать из Красной Армии на сторону немцев и РОА могли либо сумасшедшие, либо те, кто, не зная о ялтинских договоренностях, надеялся укрыться на территории, занятой англо-американскими войсками. Да и сами власовцы очень скоро ушли с фронта, рассчитывая сдать западным союзникам. По пути туда они 6 мая вошли в Прагу, оказав помощь чешским повстанцам, сражавшимся с эсэсовскими частями. Но узнав, что Прагу займет Красная Армия, бойцы РОА покинули столицу Чехословакии. Почти все они во главе с Власовым и другими генералами были выданы Советскому Союзу Англией и США. Из более чем 50 тысяч власовцев не более 10 тысяч избежали выдачи. Та же печальная судьба постигла донских и кубанских казаков, сражавшихся на стороне Германии.

Тем временем еще в октябре 1944 года Гитлер принял решение о проведении в декабре широкомасштабного наступления в Арденнах с участием двух танковых армий. Целью наступления был захват порта Антверпен. Расчет был на то, что с падением Антверпена условия снабжения союзных войск резко ухудшатся. Немцы надеялись захватить также Брюссель и большую часть бельгийской территории, разгромив более одной трети всех действовавших на Западном фронте американских дивизий. Американские войска обладали меньшим боевым опытом, чем британские, и немецкое командование полагало, что с ними будет легче справиться. К началу октября 1944 года вермахт располагал на Западе 28 пехотными дивизиями, 3 парашютными дивизиями, 3 моторизованными дивизиями, 4 танковыми дивизиями, а также боевыми группами и остатками ранее разгромленных соединений, чья сила была эквивалентна примерно 4 дивизиям. Кроме того, в стадии формирования находились 6 пехотных дивизий из запасных частей. В Италии немцы имели 20 пехотных и горнострелковых дивизий.

Наступление началось 16 декабря, когда установилась ненастная погода и союзники не могли воспользоваться сво-

им превосходством в воздухе. В первые дни боев 200 тысячам немецких солдат и офицеров противостояли только 83 тысячи американских. Наступающие обладали также двукратным превосходством в танках. Немцам к 21 декабря удалось захватить важный транспортный узел Сен-Вит, разбить 106-ю и 99-ю американские пехотные дивизии и окружить в Бастони, где находились крупные склады горючего, которого так не хватало немецким танкам, 101-ю американскую воздушно-десантную дивизию. Однако стойкость защитников Бастони, важного узла дорог, сорвала немецкие планы быстрого продвижения к Маасу. 21 декабря с улучшением погоды начала активно действовать союзная авиация, в конце концов остановившая продвижение германских танковых колонн. 1 января 700 немецких самолетов бомбили аэродромы союзников в Бельгии, Голландии и Франции, уничтожив 156 машин. В тот же день началось немецкое наступление в Эльзасе. В первые два дня оно имело успех, но уже 4 января немцы были остановлены контратакой союзных войск. На следующий день перешла в наступление группа армий «Верхний Рейн», которой номинально командовал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, и оттеснила необстрелянные американские части, только что прибывшие на фронт, почти до самого Страсбурга. Здесь американские резервы остановили неприятеля. Наступление же 19-й немецкой армии от Кольмара было остановлено французскими войсками в 30 милях от Страсбурга у последнего моста перед городом. 4 января немецкие танковые дивизии начали отходить от Бастони, чтобы помочь 6-й танковой армии СС, подвергавшейся сильным контрударам. Уже 8 января Гитлер санкционировал вывод с фронта четырех ее дивизий для переброски на Восточный фронт, где ожидалось советское наступление. Однако они предназначались не для его отражения, а для контр наступления в Венгрии с целью деблокады окруженного Будапешта. В середине января англо-американская авиация вывела из строя железнодорожные пути и подвижной состав, а также много танков и автомашин. К концу месяца немцы отступили на исходные позиции как в Арденнах, так и в Эльзасе. Потери американцев составили 19 тысяч убитыми, 15 тысяч

пленными и 47 тысяч ранеными. Англичане потеряли 200 убитых и 1200 раненых. Потери французских войск составили несколько сот убитыми и ранеными. Сколько-нибудь достоверных данных о потерях немцев в Арденнском сражении нет, но можно предположить, что они были не меньше, чем потери союзников. По американской оценке, немецкие потери в Арденнах составили около 90 тысяч человек.

Поражение в Арденнах положило начало процессу деморализации германских войск на Западе. 1 февраля 1945 года командующий группой армий «Г», защищавшей подступы к Баварии, генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер доносил главнокомандующему Западным фронтом фельдмаршалу Герду Рундштедту: «Совместное расположение с разбитыми соединениями действующих частей, пополнение их недостаточно обученным личным составом оказали неблагоприятное воздействие на внутреннее состояние войск. Далее, ввиду большой протяженности линии обороны воздействие командиров частей и соединений, а также офицеров по национал-социалистическому руководству на личный состав зачастую в требуемом объеме стало невозможным. Поэтому возросла опасность увеличения числа перебежчиков на сторону противника и потребовалось принять профилактические меры. До сведения личного состава доведены меры в виде ареста родственников. При этом следует принять во внимание, что угроза ареста родных потеряла свою действенность в отношении тех солдат, семьи которых находятся в занятых врагом областях Германии». Хауссер требовал: «По перебежчикам немедленно открывать огонь. Тот, кто не будет стрелять, подлежит наказанию. Каждое отделение, каждый взвод, каждая рота несет коллективную моральную ответственность за поведение каждого своего солдата». Примерно такие же меры предпринимало советское командование в самые тяжелые моменты 1941—1942 годов.

Кампания 1944 года на Тихом океане ознаменовалась почти полным уничтожением японского флота. Японское командование сосредоточило все силы для удержания Филиппин. Здесь в сражении в заливе Лейте 23—26 октября было потоплено 3 авианосца, 3 линкора, 10 крейсеров и 9 эс-

минцев из состава эскадры японского адмирала Куриты. Почти все они стали жертвами атак с воздуха. Американский флот лишился 3 авианосцев и 3 эсминцев. После битвы в заливе Лейте против американского флота действовали почти исключительно летчики-«камикадзе», но они не смогли нанести противнику значительных потерь. У пилотов-смертников было мало шансов прорваться к неприятельским кораблям сквозь мощный зенитный огонь и истребительное прикрытие. К тому же бронированные палубы американских тяжелых авианосцев способны были выдержать прямое попадание таранящего самолета с бомбовой нагрузкой.

В последние недели войны немцы также собирались воспользоваться услугами пилотов-смертников, которые должны были таранить англо-американские «летающие крепости», но из-за полного господства в воздухе союзной авиации, отсутствия у люфтваффе как горючего, так и, самое главное, добровольцев-смертников была предпринята всего одна такая попытка. Геббельс отмечал в дневнике 15 марта 1945 года: «Фюрер согласился использовать примерно 300 смертников с 95-процентной гарантией самопожертвования против групп вражеских бомбардировщиков, с тем чтобы при любых обстоятельствах один истребитель сбивал один вражеский бомбардировщик. Этот план был предложен еще несколько месяцев назад, но его не поддержал Геринг». И, кстати сказать, совершенно правильно сделал. Пилоты германских истребителей на Западе и так, по сути, были смертниками, поскольку имели очень мало шансов пробиться к цели сквозь огонь пулеметов «летающих крепостей» и сквозь пушечный огонь прикрывавших их тяжелых истребителей «Р-47» «Тандерболт». В этих условиях тем меньше шансов у них было совершить таран, если и на дистанцию прицельного выстрела выйти можно было лишь с огромным трудом. Единственная попытка применить массовые тараны была предпринята люфтваффе 7 апреля — в день прекращения массированных налетов союзной авиации на германские города. Геббельс вынужден был признать в записи от 8 апреля, что при применении истребителей «для таранного боя» «успехи не столь велики, как хотелось бы». А 9 апреля уточнил: «Первые опе-

рации наших истребителей таранного боя не привели к ожидаемому успеху. Это объясняют тем, что соединения вражеских бомбардировщиков шли небольшими группами и с ними пришлось вести борьбу поодиночке. Кроме того, из-за сильного заградительного огня вражеских истребителей нашим истребителям лишь в немногих случаях удалось осуществить таран». Союзники, похоже, вообще не заметили атаки «камикадзе фюрера» и никак не отразили их в своих отчетах о воздушной войне против Германии. Геббельс надеялся, что таранные атаки повторятся с гораздо большим успехом, но у люфтваффе уже не было ни самолетов, ни горючего, ни пилотов для этой цели. «Me-262» расходовать таким варварским способом было бессмысленно, поскольку предполагалось, что каждый из них способен уничтожить гораздо больше, чем одну машину противника. Немногочисленные же самолеты более старых типов уже не имели ни горючего, ни реальных шансов прорваться сквозь плотный заградительный огонь.

7 апреля бомбардировки городов Рейха по площадям были прекращены, поскольку почти все города уже лежали в развалинах. Теперь англо-американская авиация обрушивала бомбы только на конкретные стратегические и военно-промышленные объекты, еще уцелевшие корабли германского флота, аэродромы (тот же Геббельс сетовал, что во время одного налета на земле было уничтожено 100 новейших реактивных истребителей «Me-262», с которыми ни один английский, американский или советский истребитель не мог соревноваться в скорости), укрепленные позиции, а также отступающие колонны войск и беженцев на дорогах.

На тихоокеанском театре американцы 9 января 1945 года высадились на острове Лусон. 18 февраля капитулировал 4-тысячный гарнизон крепости Коррехидор, а к концу апреля Филиппины были в основном очищены от японских оккупантов. Уцелевшие японские части были оттеснены от побережья, и во внутренних районах страны вплоть до конца войны с ними боролись филиппинские партизаны. Далее настал черед острова Окинава, с которого можно было воздействовать на морские пути из Северного Китая и Кореи в

Японию. Другой целью был остров Иводзима, расположенный на полпути между Марианскими и Японскими островами. Оттуда можно было более эффективно осуществлять бомбардировки Японии. 19 февраля 1945 года две дивизии американской морской пехоты высадились на Иводзиму и к середине марта заняли весь остров. В ходе боя пришлось использовать еще одну дивизию морской пехоты и другие подкрепления. Из 23-тысячного японского гарнизона 4,6 тысячи человек были убиты и 15,3 тысячи ранены. Лишь 200 человек сдались в плен. Потери американцев превысили потери японцев и составили 19 тысяч ранеными и 7 тысяч убитыми и умершими от ран. Единственным успехом японцев в борьбе за Иводзиму стало потопление «камикадзе» одного неприятельского авианосца и повреждение второго. Американцы восхищались мужеством неприятеля, продолжавшего в течение месяца упорно обороняться в безнадежной обстановке. На Окинаве была более мощная группировка японцев, насчитывавшая 67 тысяч человек регулярных войск и примерно 35 тысяч местных ополченцев и моряков, влившихся в ходе боя в состав регулярной армии. 1 апреля началась высадка на Окинаву 6 американских дивизий 10-й армии, насчитывавшей 182 тысячи человек. На Окинаве базировались значительные силы японской авиации, препятствовавшие американским «летающим крепостям» вести прицельное бомбометание укрепленных позиций основательно зарывшейся в землю пехоты.

Японские войска без большого сопротивления оставили север Окинавы, но повели упорную борьбу за южную, хорошо укрепленную часть острова. Здесь американцев ждали доты, блокгаузы и укрепленные артиллерийские позиции, соединенные друг с другом траншеями и подземными ходами сообщения. От бомбардировок обороняющиеся прятались в многочисленных пещерах. 6 апреля японцы нанесли контрудар силами авиации и флота. Перед этим летчикам-смертникам удалось повредить 39 американских кораблей, в том числе 2 линкора и 1 эскортный авианосец. В день начала наступления «камикадзе» потопили 2 эсминца к северу от Окинавы, а потом, когда 200 самолетов прорвались к побере-

жью острова, был потоплен еще один эсминец, а также танкодесантное судно и два корабля с боеприпасами. 22 судна получили повреждения. Правда, почти все японские самолеты были сбиты истребителями и зенитной артиллерией. Последний гигантский японский линкор «Ямато» (его брат-близнец «Мусаси» водоизмещением 64 тысячи т погиб в битве в заливе Лейте), легкий крейсер и 8 эсминцев пытались уничтожить американские транспортные суда, но почти все были потоплены в результате массированных воздушных налетов с авианосцев. Лишь 4 эсминца вернулись в базу. «Камикадзе» в дальнейшем смогли повредить авианосцы «Хэнкок», «Энтерпрайз» и «Банкер Хилл». Были повреждены и 4 английских авианосца, прикрывавших высадку на Окинаве. Американская авиация наносила удары по аэродромам на Кюсю, однако из-за их удаленности, многочисленности и хорошего зенитного прикрытия не смогла нейтрализовать все взлетно-посадочные полосы. Но к 10 июня кадры «камикадзе» истощились, а американские войска смогли перейти в последнее наступление. 21 июня было объявлено о захвате острова. На следующий день командующий японскими войсками генерал Усидзима и члены его штаба покончили с собой в бункерах на юге острова. 11 тысяч японцев сдались в плен, остальные погибли. Погибли также 24 тысячи мирных жителей Окинавы, ставшие жертвами союзной артиллерии и авиации. Американцы потеряли 13 тысяч убитыми и 15 кораблей. Еще примерно 200 судов получили повреждения, причем многие из них уже не подлежали ремонту. С захватом Окинавы была завершена блокада Японских островов и захвачен плацдарм для будущего наступления.

12 января 1945 года началось давно готовившееся наступление Красной Армии с плацдармов за Вислой. По утверждению тогдашнего начальника Генштаба германских сухопутных сил, «превосходство русских выражалось в соотношении: по пехоте 11:1, по танкам — 7:1, по артиллерии — 20:1. Если оценивать противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и по меньшей мере о 20-кратном превосходстве в воздухе». Если не на всем советско-германском фронте, то

на направлениях главных ударов перевес Красной Армии, возможно, был близок к цифрам, названным Гудерианом. В конце декабря он безуспешно добивался переброски дополнительных сил с Западного фронта на Восточный. Гитлер, поддержанный Йодлем, отказался, заявив: «На востоке мы еще можем жертвовать территорией, а на западе нет». Фюрер надеялся, что новое наступление вермахта в Эльзасе парализует активность союзников и поможет немцам удержать Рур. Напрасно Гудериан доказывал, что Рурский промышленный район уже выведен из строя действиями англо-американской авиации и поэтому рассчитывать теперь можно только на промышленные районы Востока — Моравию и Верхнюю Силезию.

Когда началось советское наступление в Польше, немецкий фронт был легко прорван. Немецкие дивизии хотя и избежали окружения, но понесли очень большие потери и откатывались к Одеру. 16 января 1945 года Гитлер снял с Западного фронта 6-ю танковую армию СС, но перебросил ее не в Польшу, а в Венгрию для деблокады Будапешта. Он мотивировал свое решение необходимостью удержать венгерские нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы, оставшиеся после уничтожения «летающими крепостями» почти всех заводов по производству синтетического бензина единственными источниками горючего для Германии. Контрудар в Венгрии у озера Балатон имел лишь частичный успех, и прорваться к Будапешту армии Зеппа Дитриха не удалось. 13 февраля 1945 года 180-тысячная германо-венгерская группировка в Будапеште капитулировала. В Польше же советские войска 20 января достигли германской границы. 10 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков составил план Берлинской операции, собираясь начать наступление на столицу Рейха 19—20 февраля. Между Одером и Берлином немецких войск было мало. Однако Сталин перенацелил войска на Померанию и Восточную Пруссию. После войны Жуков объяснял это решение опасением, что немцы нанесут контрудар из Восточной Померании во фланг его фронту. Такой контрудар, не достигший большого успеха, действительно состоялся у Арнсвальде 16 и 17 февра-

ля, но участвовало в нем только 6 дивизий, тогда как Жуков располагал 6 армиями. Вероятно, действительной причиной «поворота на Север» стали подозрения Сталина, что союзники, вопреки договоренностям, достигнутым на встрече руководителей СССР, США и Англии в Ялте 4—11 февраля 1945 года, захватят Померанию и Пруссию, может быть, при содействии самих немцев. Из-за этих беспочвенных страхов (никаких следов планов «броска на Кенигсберг» в англо-американских архивах не обнаружено) была упущена реальная возможность захватить Берлин в феврале 45-го и тем самым приблизить конец войны.

Внезапная остановка советского наступления на Берлин породила у Гитлера надежду на сепаратный мир с Советами. 5 марта Геббельс записал в дневнике: «Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжать войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушителем спокойствия в Европе. Если бы она была окончательно изгнана из Европы, то мы жили бы по крайней мере известный период времени в условиях спокойствия. Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с востока приходят и откатываются, а Европа должна с ними справляться».

В политической дальновидности Гитлеру и Геббельсу не откажешь. С советским вторжением 45-го года Европа справилась менее чем за полвека — к началу 90-х. Только вот расчеты на сепаратный мир со Сталиным были построены на песке. Советский вождь не питал никакой любви к Англии и Америке, как и руководители этих стран — к нему, но начать разборки со своими вынужденными союзниками собирался только после сокрушения Рейха. Также Черчилль, Рузвельт и сменивший Рузвельта Трумэн, не испытывая ни малейшей симпатии к коммунизму, отвергали идею сепаратного мира с Гитлером. Потенциально Германия была более опасным врагом для них, чем Советская Россия.

Чувствуя, что конец войны приближается, лидеры союз-

ных держав сочли необходимым встретиться, чтобы наметить контуры послевоенного устройства Европы. Встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина состоялась в Ялте 4 февраля 1945 года и длилась восемь дней. Здесь обсуждали судьбу Германии и послевоенный раздел Европы. Западные лидеры фактически согласились на преобладающее советское влияние в Восточной Европе, но настаивали, чтобы в Польше, Венгрии и других странах были проведены свободные выборы. Тогда же были определены границы зон оккупации в Германии и Австрии и достигнуто соглашение, что советско-польская граница пройдет по линии Керзона. Взамен Польша должна была получить приращение за счет германских земель. Тем самым был предreshен вопрос о грядущем расчленении Германской империи. Будущее германское государство должно было сильно уменьшиться в размерах и стать мононациональным. Более того, предусматривалось изгнание немецкого населения из ряда восточных районов, даже тех, где немцы и до 1939 года находились в абсолютном большинстве. В Ялте стороны также обязались репатриировать граждан союзных государств, оказавшихся в их зонах оккупации.

Еще до завершения Ялтинской конференции на Западе союзники 8 февраля начали генеральное наступление к Рейну и за Рейн. 23 февраля американские войска форсировали Рур. К 8 марта немцы были повсеместно оттеснены за Рейн, а 9 марта американцы захватили плацдарм на восточном берегу реки, у Ремагена, благодаря тому что в их руки попал неповрежденный мост. В ночь с 22-го на 23-е марта был захвачен еще один плацдарм, южнее Майнца. Наступая с этих плацдармов, союзники 1 апреля овладели Падерборном и замкнули кольцо вокруг Рурского промышленного района, где в окружении оказались основные силы группы армий «Б» — более 300 тысяч солдат и офицеров. Путь с запада в центральные районы Германии был практически открыт: перед англо-американскими войсками была лишь одна 12-я армия генерала Венка. Создалась почти такая же ситуация, как под Москвой в октябре 41-го, только в зеркальном отображении. Тогда основные силы трех советских фронтов

были окружены у Вязьмы и Брянска и между передовыми постами вермахта и Москвой почти не было соединений Красной Армии. В обоих случаях только сопротивление окруженных да распутица сдерживали продвижение неприятельских войск к столице. Но у Советского Союза еще оставались огромная территория, резервы на востоке страны и недоступный для ударов люфтваффе Уральский промышленный район, не говоря уже о таких мощных союзниках, как Британская империя и США. У Германии же в апреле 45-го, после катастрофы на Западе, оставался не менее грозный противник на Востоке, готовый вот-вот ринуться к Берлину, да и распутица в стране, где была хорошо развита сеть шоссейных дорог и автострад, не слишком мешала продвижению войск. 17 апреля, на второй день Берлинской операции, окруженная в Руре группировка прекратила сопротивление. В плен сдалось 317 тысяч человек, в том числе 24 генерала и 1 адмирал.

Черчилль предлагал Эйзенхауэру идти на Берлин, но главнокомандующий союзными войсками в Европе предпочел главные усилия сосредоточить на юге, где Гитлер планировал оборонять Альпийскую крепость, и на севере, чтобы захватить балтийские порты. Действительно, в тот момент на флангах германского фронта как на западе, так и на востоке были сосредоточены более значительные силы вермахта, чем в центре. Эйзенхауэр считал, что первоочередной разгром более сильных группировок вынудит Германию капитулировать, а Берлину уже не придавал стратегического значения. Действительно, Гитлер предполагал сосредоточить основные усилия на обороне Альпийской крепости в составе Австрии, Баварии, крайних северных районов Италии и Чехии. Туда фюрер планировал перебраться из Берлина и здесь же сосредоточил наиболее сильную группировку войск. Только уже после начала советского наступления на Берлин Гитлер, осознав безнадежность положения, предпочел смерть в столице Рейха гибели в какой-нибудь безвестной альпийской деревушке, о чем прямо заявил командующему обороной Берлина генералу Гельмуту Вейдлингу, предложившему фю-

перу вместе с гарнизоном прорваться из уже окруженной Красной Армией столицы Рейха.

В последние месяцы войны германское командование пыталось заставить войска сражаться столь же суровыми мерами, как и командование Красной Армии. Особенно неблагоприятной была ситуация на Западном фронте, где немецкие солдаты, зная, что Англия и США соблюдают Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, сдавались в плен гораздо охотнее, чем на Востоке. В конце 1944 года фельдмаршал Кейтель издал приказ, где потребовал: «Немедленно открывать огонь из всех видов оружия по каждому солдату, явно переходящему на сторону противника. При возникновении подозрения о том, что солдат перебежал к противнику, необходимо тотчас же на месте организовать судебное разбирательство. Следствие проводить немедленно и добросовестно. Если в результате расследования будет установлен факт перехода к противнику, то судебное разбирательство следует закончить приговором к смертной казни и приговор утверждать. Семья приговоренных к смерти перебежчиков отвечает за преступления осужденного имуществом, свободой или жизнью. Мера ответственности в каждом отдельном случае определяют рейхсфюрер СС и начальник германской полиции... При отсутствии неопровержимых фактов перехода на сторону противника следствие надлежит закончить соответствующим актом... О смертном приговоре или наказании семьи в каждом отдельном случае необходимо немедленно поставить в известность части дивизии или соответствующего ей соединения». Также и германские заградотряды должны были всеми средствами посылать солдат обратно в бой, не останавливаясь перед расстрелами, но при этом непременно требовалось созвать предварительно военный суд. Здесь было принципиальное различие с советской практикой бессудных расстрелов бойцов и командиров. Для германских солдат и офицеров могли иметь авторитет только репрессии, освященные судебным приговором. Для красноармейцев же, привыкших жить в страхе, военно-политическое руководство считало наиболее действенным средством заставить сражаться массовые бессудные казни на месте и

правых, и виноватых. Подобным же образом после объявления осадного положения в Москве в октябре 1941 года грабителей предписывалось расстреливать на месте. В Берлине весной 45-го с приближением фронта прошли погромы пекарен, но их зачинщиков казнили только по приговору суда и с обязательным утверждением гауляйтера Берлина Гебельса.

В последние месяцы войны немцы ввели ускоренные военно-полевые суды вследствие развития массового дезертирства, но это уже никак не могло повлиять на ход и исход войны. 14 марта 1945 года Йозеф Геббельс записал в дневнике: «Фюрер говорил мне, что теперь под руководством генерала Хюбнера начали действовать летучие военно-полевые суды. Первым был приговорен к смерти и двумя часами позже расстрелян генерал, повинный в том, что он не взорвал Ремагенский мост. По крайней мере хоть какой-то проблеск. Только такими мерами еще можно спасти Рейх. Расстрелян и генерал-полковник Фромм (участник заговора против Гитлера, после неудачи покушения на фюрера арестовавший и расстрелявший Штауффенберга и некоторых других заговорщиков, что, однако, не спасло его самого от расстрела. — *Б. С.*). Я настойчиво прошу фюрера и дальше действовать в том же духе, чтобы заставить наконец наших высших офицеров подчиняться приказам. Один генерал, который не захотел заставить принять решительные меры одного национал-социалистического руководящего офицера (после 20 июля 1944 года такие офицеры стали своего рода комиссарами при генералах сухопутных войск. — *Б. С.*), тоже будет предан теперь суду военного трибунала и, вероятно, приговорен к смерти.

Перед новым наступлением англо-американцев мы имеем на Западном фронте полтора миллиона солдат. Рундштедту не удалось создать из них необходимого числа боевых подразделений для полного укомплектования 60 дивизий. Таким образом, тотальная война велась здесь, очевидно, лишь весьма поверхностно. Это настоящий позор, когда задумываешься о последствиях».

Однако ничто уже не могло спасти гибнущий Рейх. Мно-

гие солдаты и офицеры, причем отнюдь не только безусые новобранцы, не видели смысла продолжать очевидно проигранную и неумолимо шедшую к трагическому для Германской империи концу войну и решали мучительный вопрос, кому из противников лучше сдаться в плен. Особенно много бойцов вермахта сдавались в плен на Западе, справедливо полагая, что там им все-таки будет лучше, чем в советской Сибири. К тому же Англия, Франция и США, в отличие от СССР, подписали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, и в английском, американском или французском плену солдаты и офицеры чувствовали себя хоть как-то защищенными международными законами ведения войны. В СССР же немецкие пленные зависели от произвола режима, еще более тоталитарного, чем тот, который они защищали. Поэтому Гитлер в последние месяцы войны размышлял о том, не следует ли Германии заявить о выходе из Женевской конвенции и об отказе применять ее положения к английским и американским пленным. В качестве ответного шага Гитлер ожидал ужесточение отношения к немецким пленным в Англии и США, что должно было побудить немецкие войска на Западном фронте к большей стойкости. Однако эта мера так и не была осуществлена. Геббельс писал в дневнике 27 марта 1945 года: «Шлезина (сотрудник министерства пропаганды. — Б. С.) описывает беспорядочное бегство на Саарском фронте, которое поистине было ужасно. Как известно, американцам удалось зайти в тыл нашим войскам, оборонявшимся на Саарском фронте. Сражавшаяся на Западном валу армия была отведена слишком поздно, и значительная часть ее попала в плен. Все это определило и моральное состояние солдат. Но еще хуже обстояло дело с гражданским населением, которое в ряде случаев выступило против своих же войск и помешало им держать оборону. Даже большинство возведенных в тылу противотанковых заграждений захвачено противником без боя. Я упрекаю Шлезину в том, что на Западе не выкристаллизовалось ни единого символа сопротивления, наподобие тех, какими на Востоке являются, например, Бреслау или Кенигсберг. Он объясняет это тем, что население западных областей в результате вра-

жеских воздушных налетов, длившихся **месяцами** и годами, до такой степени измотано, что **предпочитает** ужасный конец ужасу без конца. Я полагаю, что **это связано** также и с тем, что население западных районов по своей природе не столь способно к сопротивлению, как население восточных. Оно ведь живет в соседстве с Францией, сверхцивилизованной страной Европы, в то время как восточное население находится ближе к Польше и России, более примитивным странам Европы... Развитие событий на Западе носит гораздо более благоприятный характер, нежели на Востоке. Теперь уж, конечно, никто не выдвинет мне наперекор — как это было еще несколько недель тому назад, — с позволения сказать, аргументы, согласно которым наш выход из Женевской конвенции вызвал бы крах морального духа наших войск на Западе. Я считаю, что если бы мы действовали более радикально в вопросах обращения с военнопленными, то немецкие солдаты и офицеры не отправлялись бы в англо-американский плен в таких больших количествах, как это имеет место сейчас. В настоящий момент военные действия на Западе являются для противника не более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность **разъезжать повсюду**».

Как и Сталин осенью 1941 года под Москвой порой самолично решал вопрос о наступлении отдельных подразделений, так и Гитлер весной 1945 года под Берлином порой занимался вопросом боевого применения отдельных рот. Геббельс 3 марта 1945 года отметил в дневнике: «Зепп Дитрих жалуется, что фюрер дает слишком мало свободы своим военным соратникам и это уже-де привело к тому, что теперь фюрер решает вопрос даже о введении в действие отдельной роты. Но Дитрих не вправе судить об этом. Фюрер не может положиться на своих военных советников. Они его так часто обманывали и подводили, что теперь он должен заниматься каждым подразделением. Слава богу, что он этим занимается, ибо иначе дело обстояло бы еще хуже».

На самом деле то, что Сталин и Гитлер разбирались с ро-

тами и батальонами, лишь вносило сумятицу в управление войсками. Но у Сталина, кроме рот, которые сражались под Дедовском и Красной Поляной, были еще десятки дивизий, срочно перебрасывавшиеся под Москву с Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. У Гитлера же не было никаких резервов, чтобы подкрепить расползавшиеся по швам фронты на Западе, Юге и Востоке.

9 марта 1945 года Геббельс в своем дневнике одобрительно отозвался о практике командующего группой армий «Центр» в Чехословакии фельдмаршала Фердинанда Шернера: «Шернер — настоящий полководец. То, что он докладывает мне в деталях о своих методах поднятия морального духа, просто великолепно и свидетельствует не только о его широком политическом кругозоре. Он действует совершенно новыми, современными методами... Он взял под прицел солдат, отстающих от своих частей. К ним он относит тех солдат, которые в критической ситуации всегда стремятся отстать от войск и исчезнуть под каким-нибудь предлогом в тылу. Он довольно жестоко обходится с такими лицами, заставляя вешать их на ближайшем дереве и прикреплять щит с надписью: «Я дезертир, отказавшийся защищать германских женщин и детей». Это, конечно, весьма страшит других дезертиров, настоящих и потенциальных».

В последние месяцы войны обозначился экономический крах Рейха. Так, 14 марта 1945 года министр вооружений Альберт Шпеер говорил Геббельсу, что «в экономическом отношении война проиграна. Германская экономика сможет продержаться на нынешнем уровне производства еще четыре недели, а потом постепенно развалится». Как отметил Геббельс, «мысль Шпеера о сохранении жизненного базиса германского народа верна. Он резко критикует концепцию выжженной земли. Он заявляет, что в нашу задачу не может входить разрушение жизненных артерий германского народа в снабжении продовольствием и в экономике, это является целью наших врагов. Шпеер возражает и против уже подготовленных взрывов мостов и виадуков в Берлине. Если это произойдет, то, считает он, столица Рейха погибнет от голода в самое короткое время. Я давно уже выступаю против

этих запланированных взрывов и дал указание своим сотрудникам в Берлине подготовить по этому вопросу еще один, более подробный доклад...»

Тем не менее 19 марта 1945 года Гитлер издал приказ, где говорилось: «Борьба нашего народа за свое существование вынуждает нас к использованию на территории Рейха всех средств, ослабляющих боевую силу нашего врага и препятствующих его дальнейшему продвижению. Подлежат использованию все возможности прямо или косвенно нанести долгосрочный ущерб его боеспособности... На территории Рейха подлежат уничтожению все военные объекты, промышленные предприятия, транспорт, предприятия по снабжению населения, а также материальные ценности, которые могут использоваться врагом». Военные объекты должно было уничтожать армейское командование, а гражданские — гауляйтеры и имперские наместники.

Сам Шпеер в мемуарах признавал: «Я... стремился наладить как можно более тесное сотрудничество с промышленниками. Мы думали уже не о войне, а о мире и на совещаниях обсуждали проблему перехода к экономике послевоенного периода». Приказ Гитлера о проведении тактики «выжженной земли» на территории Германии успешно саботировался как военными, так и промышленниками и гражданскими властями и фактически не был претворен в жизнь. Тот же Шпеер вспоминал: «Польша, Чехословакия, Франция и Норвегия, вопреки намерениям Гитлера и его окружения, в условиях оккупации сохранили и приумножили свой промышленный потенциал, так что даже самые ярые поборники тактики «выжженной земли» ничего не могли сделать. Если же удастся восстановить промышленность, то волей-неволей приходится сохранять основы хозяйственной жизни, то есть кормить людей, шить для них одежду и платить им зарплату.

Так обстояли дела на ранее оккупированных территориях. И единственной предпосылкой для этого... было сохранение основных производственных мощностей. Именно этим я и занимался в конце войны, отбросив какие бы то ни было идеологические и национальные предрассудки».

В начале марта 1945 года Шпеер посетил Рур, перед са-

мой его оккупацией англо-американскими войсками. Он свидетельствует: «Тамошние промышленники больше всего были озабочены тем, что даже если шахты и сталелитейные заводы сохранятся в целости, но будут разрушены все мосты, то прервется весь технологический цикл. В тот же день я поехал к фельдмаршалу Моделю... Модель был настолько недоволен приказами Гитлера, что сразу же согласился с моими предложениями и обещал в ходе предстоящих боев за Рурскую область постараться сохранить все коммуникации, а особенно железнодорожные мосты». Ранее аналогичной договоренности Шпееру удалось достичь с генералами, оборонявшими Силезский промышленный район. Министр также убедил начальника Генштаба генерала Гудериана издать приказ, категорически запрещающий взрывать здания и сооружения, если это может повлечь уничтожение систем жизнеобеспечения населения.

Откровенный саботаж Шпеером тактики «выжженной земли» вызвал недовольство Гитлера, который собирался заменить министра вооружений его заместителем Карлом Отто Зауром, но так и не осуществил это намерение. Геббельс 28 марта 1945 года записал в дневнике: «Фюрер противопоставляет Шпееру Заура как более сильную личность. Заур — твердый человек, который выполнит данный ему приказ, применив для этого все необходимые меры, вплоть до насилия. В известном смысле он антипод Шпеера. Шпеер в большей мере художественная натура. У него, конечно, большой организаторский талант, но политически он слишком неопытен, чтобы в это кризисное время на него можно было целиком положиться. Фюрер страшно негодует по поводу последних соображений, которые представил ему Шпеер. Шпеер поддался уговорам своих промышленников и теперь постоянно утверждает, что у него просто рука не поднимется перерезать артерию, питающую немецкий народ. Это могут сделать только наши противники. Он же, по его словам, такую ответственность на себя не возьмет. Фюрер объяснял ему, что мы так или иначе должны нести ответственность и что теперь речь идет о том, чтобы довести борьбу нашего народа за жизнь до успешного завершения, а тактические во-

просы играют сугубо подчиненную роль... Более всего фюрер хотел бы, чтобы Шпеер прекратил свои откровенно пораженческие разглагольствования. Шпеер был также в числе тех, кто выступал против выхода из Женевской конвенции. Правда, среди них был и Борман. Сейчас Борман тоже далеко не в лучшей форме. В частности, по вопросу о радикализации наших методов ведения войны он занял совсем не ту позицию, какую я от него, собственно, ожидал».

Однако Гитлер отказался от замены Шпеера после меморандума, который тот направил ему 29 марта, после состоявшегося накануне напряженного разговора между ними: «Вчера во время нашей беседы вы провели различие между реальным осознанием положения, в результате которого можно прийти к убеждению, что войну уже нельзя выиграть, и все еще имеющейся верой в то, что все еще может кончиться хорошо. Вы задали мне вопрос, надеюсь ли я еще на дальнейшее успешное ведение войны, или же моя вера в это поколеблена трезвыми констатациями в той специальной области, которой я занимаюсь.

Моя вера в благоприятный поворот нашей страны оставалась несломленной до 18 марта. Это могут подтвердить все мои сотрудники и все благожелательно настроенные ко мне политики и солдаты...

Я художник, и поэтому поставленная задача казалась мне совершенно чужда и тяжела. Я сделал для Германии много. Без моей работы война, вероятно, была бы проиграна еще в 1942/43 гг. Я справился с этой задачей не в силу моих специальных знаний, а благодаря качествам, присущим художнику... Я верю в будущее немецкого народа. Я верю в Провидение, справедливое и неумолимое, а значит, верю в бога.

Мне было тяжело на сердце, когда в победные дни 1940 года я видел, как мы в широчайших кругах нашего руководства потеряли свою внутреннюю выдержку. Это было то время, когда мы должны были порядочностью и внутренней скромностью выдержать испытание перед лицом Провидения. Тогда победа была бы за нами.

В эти месяцы судьба взвесила нас на своих весах и нашла слишком легковесными. В результате страсти к комфорту и

лености мы упустили целый год драгоценного времени для наращивания производства вооружений и конструирования новой техники, и из-за этого в решающие 1944—1945 годы многое стало для нас уже слишком поздно. Любое из новшеств годом раньше — и наша судьба была бы другой! Словно Провидение само хотело предостеречь нас, но с того времени все военные события вели нас к неслыханной беде. Еще никогда ни в одной войне внешние условия (скажем, погода) не играли такой решающей и несущей несчастье роли, как именно в этой, самой технизированной из всех войн: мороз под Москвой, туман под Сталинградом и голубое небо над зимним наступлением 1944 года на Западе (в Арденнах. — *Б. С.*).

И тем не менее я убежден, что судьба все же избавила нас от самого последнего следствия всего этого и что однажды все же появится возможность обеспечить нашему народу его существование. Ибо этот народ, проявивший исторически беспрецедентное мужество и героизм на фронте и в тылу, не может прийти к своему горькому концу. Эта внутренняя вера, которая позволила мне, несмотря на все влияния и осознания, продолжать быть сильным самому и вселять веру в других, оставалась непоколебимой до нескольких последних дней.

Когда я 18 марта передал вам мое письмо, я был твердо уверен в том, что выводы, сделанные мною из нашего положения насчет сохранения нашей народной силы, безусловно получат ваше одобрение. Ведь вы однажды сами констатировали, что задача государственного руководства при проигранной войне — уберечь народ от героического конца. Однако вечером вы обратились ко мне со словами, из которых, если я вас правильно понял, ясно и однозначно следовало: если война проиграна, пусть погибнет и народ! Эта судьба, сказали вы, неотвратима. Нечего считаться с теми основаниями, которые нужны народу для его самой примитивной дальнейшей жизни. Наоборот, мол, лучше самому разрушить их. Ведь народ показал себя более слабым, и поэтому будущее принадлежит исключительно более сильному народу

Востока. Те, кто уцелеет после этой борьбы, все равно малоценны, ибо все ценные — погибли!

Услышав такие слова, я был сначала потрясен. Когда же через день я получил ваш приказ о разрушении (от 19 марта. — Б. С.), а вскоре и бескомпромиссный приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги к осуществлению высказанных вами намерений.

До тех пор я всем сердцем верил, что конец этой войны будет хорошим для нас. Я надеялся, что не только наши новые виды вооружений и боевой техники, но и прежде всего наша фанатическая вера в свое будущее сделают народ и его руководителей способными на самые крайние жертвы. Сам я тогда твердо решил совершить на планере налет на русские электростанции и своим личным примером помочь повернуть судьбу (где должен быть министр вооружений? впереди всех — на лихом планере! — Б. С.).

Но я больше не могу верить в успех нашего благого дела, если одновременно мы в этот решающий момент планомерно разрушаем основу нашей народной жизни. Это такая несправедливость по отношению к нашему народу, что судьба больше уже не сможет благоприятствовать нам. Мы не имеем права разрушать то, что построено целыми поколениями. Если же это делает враг, тем самым истребляя немецкий народ, то он должен взять на себя историческую ответственность за это. Я убежден в том, что Провидение покарает тех, кто посягает на наш храбрый и порядочный народ.

Я могу работать с чувством внутренней порядочности, с убежденностью и верой в будущее только в том случае, если вы, мой фюрер, как и прежде, останетесь приверженным сохранению нашей народной силы. Поэтому я не вдаюсь в подробности того, что ваш приказ о разрушении от 19 марта 1945 года в результате поспешных мер должен лишить нас последних возможностей промышленного производства и что его опубликование вызовет у населения величайшее смятение. Все это такие вещи, которые хотя и являются решающими, но обходят принципиальные вопросы.

Поэтому прошу вас не делать самому этот шаг к разрушению народа. Если же вы в какой-либо форме решили бы

отказаться от этого, я бы вновь обрел веру и мужество, чтобы с величайшей энергией работать дальше. Поймите то, что происходит в моей душе! Я не могу трудиться в полную силу и пользоваться необходимым доверием со стороны подчиненных, если одновременно с моим призывом к рабочим обеспечить высокую производительность труда готовится разрушение нашей жизненной базы.

Наш долг — приложить все усилия, чтобы до предела повысить сопротивление врагу. И я не хочу стоять в стороне.

Военные удары, которые Германия получила в последние недели, сокрушительны. Не от нас теперь зависит, куда повернет судьба. Только более ясное предвидение может изменить наше будущее. Мы еще сможем твердым поведением и непоколебимой верой внести свой вклад в вечное будущее нашего народа.

Боже, огради Германию!»

Очевидно, Гитлер понял, что, настаивая на проведении в жизнь приказа о «выжженной земле», он рискует остаться без поддержки своих ближайших соратников, что приведет к развалу правительственного аппарата и только ускорит конец. Поэтому за саботаж приказа «Нерон» от 19 марта никто так и не был наказан.

А 29 марта Геббельс негодовал: «К настоящему времени, как заявляет Эйзенхауэр, англо-американцы захватили в плен на Западном фронте 250 тыс. человек. Это совершенно постыдное для нас число, от которого у каждого немца должна броситься в лицо кровь. Если бы в свое время последовали моему совету и вышли из Женевской конвенции, то дело приняло бы совершенно другой оборот. Да и наше население встречало бы англо-американцев не совсем так, как сегодня. Американцы сообщают, что жители Лимбурга, например, встречали их цветами и дружескими манифестациями. Я лично предполагаю, что эти сообщения сильно преувеличены, как и вообще все сообщения с Западного фронта, в том числе и наши; тем не менее, как кажется, лимбуржцы не забросали американцев камнями. Как показывает опыт, борьба против оккупационных властей начинается лишь тогда, когда население более или менее приходит в себя.

Отрадно слышать, что назначенный англо-американцами бургомистр Ахена Оппенхоф расстрелян в ночь на среду, 28 марта, тремя немецкими партизанами... И все-таки я недоволен деятельностью нашей организации «Вервольф». Ее акции разворачиваются уж очень медленно... Я постараюсь добиться, чтобы руководство этой организацией перешло в мои руки. Я придам ее действиям совсем иной размах, чем было до сих пор».

Однако никакого влияния на ход войны отряды «Вервольфа» не оказали. Партизанское движение в Германии так и не успело развернуться, хотя с начала апреля Геббельс организовал вещание радиостанции «Вервольф» и издание одноименной газеты для будущих партизан, где упор делался на «революционные методы» борьбы, без какой-либо оглядки на международное право и внешне- и внутривнутриполитические последствия. Территория Германии слишком быстро оказалась под контролем союзников, чтобы успеть провести там необходимую подготовку к партизанской деятельности. К тому же наиболее подходящие для партизан горно-лесистые районы южной и центральной Германии были захвачены союзниками только в последние недели войны, частично — уже после капитуляции. На Западе население вообще не выражало особого желания бороться с англичанами и американцами, видя в них гарантию от оккупации этой части Германии большевиками. На Востоке же, где население испытывало ужас перед большевиками, основная масса немецкого населения ушла за Одер, так что партизанскую борьбу на территории к востоку от этого рубежа вести было практически некому. Район же между Одером и Берлином был занят лишь в последние две недели войны, и ни о какой партизанской активности здесь, естественно, и речи не могло быть.

30 марта министр пропаганды вынужден был признать: «Положение на Западе характеризуется падением морального духа как среди гражданского населения, так и среди войск. Это для нас серьезная угроза, поскольку народ и войска, не желающие больше сражаться, уже нельзя спасти никаким наращиванием численности солдат или оружия. В Зигбурге у городской военной комендатуры состоялась демонстрация

женщин, которые требовали сложить оружие и капитулировать... Прямо-таки позор, что... бургомистр Мангейма сообщил американцам о капитуляции города по телефону... Моральный дух на Западе сейчас еще ниже, чем он был в свое время на Востоке... Наши солдаты и население ожидают от англо-американцев более гуманного обращения, чем от большевиков. Да если бы мы тогда по моему предложению вышли из Женевской конвенции, положение было бы другим».

31 марта Геббельсу пришлось констатировать: «Немецкий народ стал считать англо-американцев гуманнее Советов... Антиангло-американская пропаганда — важнейшее требование момента. Если мы разъясним народу, что англичане и американцы будут обращаться с ним так же, как и большевики, то он займет по отношению к противнику на Западе совсем иную позицию. Если нам удалось ожесточить немецкий народ и наполнить его ненавистью к большевикам, то почему же нам не удастся сделать это и по отношению к англо-американцам?»

На выход из Женевской конвенции Гитлер так и не решился, опасаясь, что это может спровоцировать массовую сдачу в плен на Западном фронте, когда солдаты и офицеры вермахта будут торопиться успеть сложить оружие до того, как в тылу СС успеет предпринять репрессии против англо-американских пленных и тем спровоцировать ужесточение отношения к пленным немцам.

К концу марта общее число беженцев в Германии достигло 19 млн. человек, и сколько-нибудь планомерная эвакуация столь большой массы людей стала невозможна. Беженцы из Пруссии и Силезии бежали на запад страны, беспощадно уничтожаемой союзной авиацией, в то время как англо-американские войска вторглись в Рур. Беженцы же из Рура и других западных территорий, попадая в восточные провинции, оказывались под ударами Красной Армии.

Вслед за волнениями на Западе возникли беспорядки и в Берлине. 4 апреля 1945 года впервые с начала войны толпа в 200 человек в берлинском районе Рансдорф разгромила две булочные (это вообще был первый случай подобных беспорядков на территории Германии с 1939 года). Двое зачинщи-

ков беспорядков, мужчина и женщина, были обезглавлены по приговору военно-полевого суда, о чем было объявлено населению столицы Рейха. Больше голодных беспорядков в Берлине не возникало. Зато в Вене в начале апреля часть населения и военнослужащих австрийцев присоединилась к советским войскам, штурмовавшим город.

23 марта 1945 года Геббельс констатировал полный провал тактики «выжженной земли» на Западе: «Фюрер еще раз отдал категорический приказ об эвакуации населения из западных областей, которые находятся под угрозой захвата противником. Практически этот приказ вообще невыполним, потому что люди просто не уходят, а сил, которые бы их к этому принудили, в нашем распоряжении нет».

В последние месяцы и даже годы войны люфтваффе уже не могло на равных противостоять англо-американской авиации. 17 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «К концу февраля военная авиация имела всего 30 тысяч тонн бензина. Часть бензина сохраняется как последний резерв на крайние случаи. Поступление значительного количества бензина ожидается лишь осенью. До этого времени с нынешнего дня бензин расходоваться больше не будет, за исключением полетов для обеспечения войск. В соответствии с наличием бензина из нашей программы вооружений будут исключены все типы самолетов, за исключением пяти. Это 1) реактивный истребитель «Me-262», вооруженный четырьмя пушками калибра 30 мм, 2) «He-162» (еще не испытан), 3) одноместный истребитель «Ta-152», 4) «Арадо-234» и 5) ночной истребитель «Ю-88». За последние недели потери наших истребителей в воздухе составили примерно 60 процентов. Производство самолетов в ближайшие месяцы должно составить (ежемесячно): 1) 1000 самолетов «Me-262» с резервом в 500 самолетов и наличием 800 самолетов на фронте, 2) 500 самолетов «He-162» с резервом в 1000 машин, 3) 500 самолетов «Ta-152», 4) 80—100 самолетов «Арадо-234» и 5) 50 машин «Ю-88». Главное внимание, по решению фюрера, будет уделяться производству «Me-262», способного находиться в воздухе 70 минут и использовать нечто вроде дизельного топлива, которого у нас имеется 44 тысячи тонн и

запасы которого можно пополнить. Министр Шпеер сделает все для обеспечения первоочередного производства «Me-262». Подготовка к его серийному выпуску настолько продвинулась вперед, что через два-три месяца эти самолеты смогут начать широкую борьбу с вражеской авиацией. На основе опыта их использования можно сделать вывод, что соотношение сбитых самолетов составляет 5:1 в нашу пользу. 23 самолета «Me-262», недавно поднявшиеся в воздух, достоверно сбили 7 бомбардировщиков и предположительно еще 4 бомбардировщика и 4 истребителя, а наши потери составили лишь 1 самолет. Прямые попадания с «Me-262» просто разрывают «москито». Чтобы сбить такой бомбардировщик, требуется четыре попадания... Промышленность вооружений может без трудностей наладить выпуск узлов и деталей самолета. Началось сооружение стартовых полос — без применения бетона и с использованием автострад. Самолеты замаскированы на лесных стоянках, окруженных земляными валами и покрытых примитивными крышами, так что даже при бомбардировке по площадям нельзя вывести значительное число этих машин. Принимается в расчет также возможность предательства генерального конструктора Манке. Противнику для производства самолетов типа «Me-262» требуется два года».

Однако в действительности немногочисленные реактивные истребители «Me-262» не могли ничего сделать с армадами «летающих крепостей». И уже 19 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Вчера в полдень был совершен массированный налет на столицу Рейха... Американцы атакуют 1300 бомбардировщиками в сопровождении 750 истребителей, а мы можем противопоставить им всего 28 самолетов «Me-262», которые могут продержаться в воздухе лишь от 30 до 45 минут... После налета, который длился два часа, столица являет собой привычное жуткое зрелище. Из окна я могу видеть пожары во всем правительственном квартале... Фюрер полагает, что наши самолеты «Me-262» кое-чего добились, но число сбитых самолетов противника пока не установлено. Я не думаю, что 28 истребителей, какими бы быстросходными они ни были, могут добиться чего-то существ-

венного против 1300 вражеских бомбардировщиков, сопровождаемых 750 истребителями».

Гитлер, однако, все еще верил (или делал вид, что верит) в «чудо-оружие». 22 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Сейчас фюрер возлагает огромные надежды на реактивные истребители. Он даже называет их «машинами германской судьбы». Он верит, что благодаря реактивным самолетам удастся — по крайней мере оборонительными действиями — подорвать превосходство противника в воздухе. Но он добавляет, что они, надо надеяться, будут получены не слишком поздно. Стрелка часов приближается к двенадцати, если уже не перевалила за двенадцать... Счастливым обстоятельством при использовании реактивных самолетов является то, что им не нужен высококачественный бензин, что они могут летать чуть ли не на помоях. Так что с проблемой горючего мы справимся».

В тот же день Гитлер сравнил моральное состояние вермахта на Востоке и на Западе отнюдь не в пользу Западного фронта. Геббельс записал в дневнике: «Наши войска на Западе уже не воюют как надо. Их моральный дух сильно упал, поэтому у них нет больше энергии, совершенно необходимой, чтобы оказывать сопротивление в этой критической ситуации. Моральный дух населения тоже, конечно, в огромной степени снизился, если не достиг нуля... Фюрер чрезвычайно доволен нашей антибольшевистской пропагандой. Ведь она оказала свое влияние, заставив наши войска на Востоке вновь обрести сравнительно хорошую форму».

На Западе население и войска были сильно деморализованы как ковровыми бомбардировками, так и осознанием того, что в случае слишком упорного сопротивления им грозит опасность попасть в плен к идущей с Востока Красной Армии. Такая перспектива побуждала многих солдат и офицеров сдаваться в плен западным союзникам. На Восточном же фронте немцы были напуганы как пропагандой, кричавшей о большевистских зверствах, так и информацией, поступавшей с занятых советскими войсками германских территорий. Поэтому они сражались упорно и старались не попасть в плен. Да и воздействие советской авиации даже в послед-

ние месяцы войны было не столь эффективным, как удары англо-американских «летающих крепостей». К тому же на Востоке люфтваффе еще оказывало хоть какое-то содействие своим войскам с помощью штурмовиков «Ю-88» и даже снабжало по воздуху окруженных в Глогау и Бреслау. На Западе же все свелось к безнадежной борьбе немногочисленных немецких истребителей с армадами англо-американских бомбардировщиков.

В связи с этим Геббельс 24 марта 1945 года записал в дневнике: «Воздушная война — это альфа и омега всего происходящего на Западе. Постоянно подчеркивается, что если бы мы дали врагу хотя бы какой-то отпор (в воздухе. — *Б. С.*), то проблему создания и удержания стабильного рубежа обороны можно было бы легко разрешить. Население в районах, оккупируемых англо-американцами, как откровенно признают гауляйтеры, в ряде случаев вывешивало белые флаги. Но это следует объяснять тем, что люди не хотят терять последние остатки своих домов и квартир. Правда, о капитуляции в настоящий момент даже на Западе никто не говорит, однако каждому хочется, чтобы война, если уж она подошла к его дому, как можно скорее прогромыхала дальше.

О таких же настроениях сообщают отделы пропаганды из всех районов Рейха. Вера в победу у большинства немецкого народа окончательно улетучилась (давно пора. — *Б. С.*). Люди задают себе вопрос, возможно ли вообще какое-то контрнаступление на Востоке. О нашей обороне в воздухе складывается мнение, что она не имеет больше никаких шансов».

25 марта 1945 года в Берлин прибыл гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Он утверждал, что там «наши дивизии сражаются с беспримерным мужеством, но продержаться долго они не смогут, потому что у них нет боеприпасов, а также продовольствия. Запасы артиллерийских снарядов настолько скудны, что отдельные орудия в лучшем случае могут делать по три-четыре выстрела в день». По мнению Коха, «Советы понесли в Восточной Пруссии чрезвычайно большие потери в миллион убитых». Геббельс счел эту цифру «изрядно преувеличенной», но согласился, что «завоевание Восточной Пруссии обходится Сталину недешево» и что «сейчас

основным должно стать наше стремление вынуждать врага нести максимально тяжелые жертвы».

Почему Гитлер предпочел остаться в Берлине, а не улетел еще до окружения столицы Рейха или с последним самолетом Ханы Рейч и риттера Роберта фон Грейма, последнего фельдмаршала люфтваффе, улетевшим из полностью блокированного Берлина 29 апреля, за день до самоубийства фюрера? Гитлер так объяснил это в своем политическом завещании: «После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей Рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами, кого уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль».

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собой разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов отчизны, оставаясь верными заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества».

Сегодня, в начале XXI века, фюрер порадовался на небесах не только тому, что растет и крепнет неонацистское движение в Германии, особенно на землях бывшей ГДР, но и что его поклонники появились теперь в немалом количестве даже в России, стране, когда-то беспощадно борющейся с национал-социализмом, идеи которого несли на своих штыках германские захватчики.

Коменданту Берлина Вейдлингу, согласно показаниям последнего, данным в советском плену, Гитлер, отвергнув 28 апреля план прорыва из окружения, гораздо более прозаически объяснял свое желание остаться в Берлине: «Фюрер долго размышлял. Он расценивал общую обстановку как безнадежную. Это было ясно из его длинных рассуждений, содержание которых вкратце можно свести к следующему: если прорыв даже и будет успешным, то мы просто попадем из одного «котла» в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом или в крестьянском доме и ожидать конца. Лучше уж он останется в имперской канцелярии».

Гитлер предпочел безвестной гибели в какой-нибудь глухой альпийской деревушке смерть «на миру» — в рейхсканцелярии, в центре Берлина, в сердце Третьего рейха.

Как и люфтваффе, подводный флот Деница потерпел поражение в битве за Атлантику задолго до окончания боевых действий. А вот германские сухопутные силы сохраняли определенное тактическое превосходство над противником едва ли не до самого конца. Это доказывается успешным (в первые дни и даже недели) наступлением вермахта в Арденнах в декабре 1944 года и в Венгрии в январе и марте 1945 года, в условиях подавляющего превосходства противника в воздухе и в численности пехоты, орудий и танков. Этот феномен не может быть объяснен одним только качественным превосходством немецких танков, особенно ощутимым на Западе, где у союзников так и не появилось танков, сравнимых с «тиграми» и «пантерами». Здесь успешно бороться с германскими танковыми соединениями союзники смогли только с помощью своей авиации. Но и на Востоке «королевский тигр» пробивал броню самого мощного советского тан-

ка «ИС-2» на такой дистанции, на которой 122-миллиметровое орудие «ИСа» не могло поразить его броню. Дело здесь прежде всего в уровне боевой подготовки германских сухопутных сил. Ведь в Германии основной упор исторически всегда делался на развитие сухопутной армии, а армия и флот начали воссоздаваться только с 1935 года и не могли в полной мере наверстать отставание от Англии и США. Напротив, западные противники Германии начали создавать массовые сухопутные армии только после начала Второй мировой войны (Америка — вообще с 1942 года), и их дивизии уступали в опыте и боевой подготовке немецким. Зато авиация и флот западных союзников, всегда являвшиеся главным фактором обеспечения их безопасности, превосходили военно-морские и военно-воздушные силы немцев. Что же касается СССР, то его авиация и флот, сильные количественно, по качеству кораблей и самолетов уступали американским и английским, а в определенной степени — и германским. И еще больше был разрыв в уровне подготовки личного состава. Но еще большим этот разрыв был в сухопутных войсках. Русская императорская армия была разрушена в 1917 году, а заменившая ее Красная Армия не имела ни многовековых традиций, ни моральной спайки, ни опытных командиров. Сталин и его генералы предпочитали бросать в бой почти необученную пехоту, чтобы закидать врага трупами, купить победу любой ценой. Потому и соотношение потерь СССР и Германии было таким, каким оно обыкновенно бывает только в колониальных войнах великих европейских держав с местным населением. Возможно, Сталин учитывал то обстоятельство, что высокопрофессиональная армия часто пытается играть политическую роль и может создать угрозу его диктатуре. А с другой стороны, такую армию невозможно заставить выполнять карательные функции по отношению к собственному народу. Поэтому Верховный Главнокомандующий предпочитал иметь вооруженные силы числом поболее, а ценою подешевле. Не в смысле стоимости техники — здесь Сталин не скупился, а в отношении уровня и качества общеобразовательной и профессиональной подготовки личного состава. Поэтому и в конце войны Красная Армия

воевала довольно плохо. Так, в апреле 1944 года командир 65-го стрелкового корпуса Западного фронта генерал-майор В.А. Ревякин откровенно признавался: «У нас все еще до сих пор не научились воевать, воюем по шаблону, немец об этом уже знает, делает вывод и организует оборону, как ему надо». А только что назначенный командующим 4-м Украинским фронтом генерал армии А.И. Еременко записал в дневнике 4 апреля 1945 года, всего за месяц до победы: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом».

Еще 16 июня 1941 года Йозеф Геббельс записал в дневнике: «Фюрер считает, что акция против России продлится примерно 4 месяца, я считаю, что меньше. Большевизм рухнет, как карточный домик. Мы стоим перед беспрецедентным победоносным походом... Фюрер говорит: правы мы или не правы, мы должны победить. Это единственный путь. И он правильный, нравственный и необходимый. И если мы победим, то кто спросит нас о методах? На нашей совести столько всего, что мы должны победить, иначе весь наш народ и мы во главе всего того, что нам дорого, будем уничтожены».

С этой сентенцией замечательно перекликается запись в дневнике 16-летнего берлинца Дитера Борковского, датированная 15 апреля 1945 года. Там речь идет о встрече с ветераном-фронтовиком в вагоне городской электрички: «Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два Железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать», — кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. «Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот,

кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька».

Возмездие действительно пришло. Но очень часто оно обрушивалось на ни в чем не повинное мирное население. Так, 13—14 февраля 1945 года в массированной бомбардировке Дрездена — крупнейшей по масштабам за всю войну участвовало 1350 английских и американских бомбардировщиков, в том числе «летающие суперкрепости» «В-29». Они сбросили более 6 тыс. т бомб. По разным оценкам, погибло от 60 до 135 тысяч жителей города. Существуют и более крайние оценки — 25 тыс. или 250 тыс. погибших. Полностью разрушенными оказались 27 тысяч жилых домов и 7 тысяч административных зданий. К тому времени ПВО Германии была выведена из строя, и союзные самолеты действовали практически безнаказанно, как и российские самолеты в Грозном. Немецкий писатель Герхарт Гауптман вспоминал: «Я лично пережил гибель Дрездена под грохот Содомы и Гоморры английских и американских самолетов».

А о том, как вели себя в Германии советские солдаты и офицеры, дает хорошее представление отчет начальника политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Галаджева заместителю начальника Главного политуправления генерал-лейтенанту Шикину от 31 мая 1945 года об отношении советских военнослужащих к немецкому населению:

«Настроение военнослужащих с изменением нашего отношения к немцам и продовольственного снабжения немецкого населения.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования об изменении отношения к немецкому населению подавляющей массой личного состава частей фронта понята правильно, в результате отношение военнослужащих Красной Армии к мирному населению Германии в последнее время заметно изменилось...

Проводимые на территории Германии мероприятия по восстановлению нормальной жизни и организации продовольственного снабжения большинством военнослужащих расцениваются положительно.

Несмотря на то что в сознании каждого воина Красной Армии воспитана жгучая ненависть к немецко-фашистским захватчикам, большинство бойцов, сержантов и офицеров ведет себя сдержанно, не позволяет делать то, что часто происходило в первый период пребывания войск фронта на территории Германии. Сейчас можно нередко наблюдать примеры, когда отдельных бойцов, допускающих бесчинства по отношению к немецкому населению, призывают к порядку их же товарищи. Среди бойцов можно часто встретить такой разговор: «Товарищ Сталин приказал изменить отношение к немецкому населению, а ты что безобразничаешь». Такое товарищеское замечание положительно действует даже на людей, отличающихся своей недисциплинированностью. Сила авторитета указаний товарища Сталина об изменении отношения к немецкому мирному населению настолько велика, что даже люди, которые от рук немцев потеряли все — дом, родителей, жену, детей, и те сейчас не допускают актов мести, которые отмечались до директивы Ставки. Изменение отношения к немцам большинством военнослужащих расценивается как мудрая и дальновидная политика нашего правительства, которое не ставит перед собой цели уничтожения немецкого народа. Люди понимают, что идеология Красной Армии, созданной и воспитанной партией Ленина—Сталина, такова, что воины Красной Армии не могут глумиться над мирным населением. Они понимают, что политика, которая проводится в настоящее время в отношении к немцам, необходима и выгодна для нас, она поднимает авторитет и укрепляет позиции нашей страны...

«Надо помнить, что грубые, хулиганские выходки к немцам противоречат нашей политике, принижают достоинство Красной Армии. Мы, представители социалистической Родины, должны быть на высоте положения». (Гв. сержант Беляев.) «Были они немцами, немцами и останутся. Но пусть посмотрят, как надо по-человечески относиться даже к таким людям, как они. Ехал я на днях по Берлину, смотрю, немцы стоят у магазинов за хлебом. Значит, думаю, продажа продуктов организована. И такая гордость меня взяла. Ду-

маю, такими великодушными и справедливыми людьми могут быть только советские люди». (Ст. сержант Меньшиков.)

Такие высказывания по вопросу изменения отношения к немецкому населению сейчас характерны для подавляющего большинства личного состава войск фронта. Это, однако, совсем не означает, что мы за короткий срок уже смогли добиться абсолютного перелома в отношениях военнослужащих к немецкому населению. Надо прямо сказать, что в частях фронта еще есть такие люди, которые никак не могут смириться с изменением отношения к немцам. Это в первую очередь те люди, семьи которых сильно пострадали от зверств немцев и которые имеют к ним личные счета мести. Для этой группы военнослужащих характерны такие настроения...

«У меня немцы сожгли дом, убили всю семью. Теперь у меня ничего не осталось. Война кончилась, и я не знаю, куда идти, где найти родной уголок. Я бы убил каждого немца. Просто обидно, зря им дают хлеб. Пусть бы они померли. Они этого заслужили». (Ст. лейтенант Корнийченко.)

Особо распространены настроения, выражающие недовольство тем, что для немецкого населения установлены высокие нормы снабжения. Говоря об этом, бойцы и офицеры ссылаются на то, что немцы в Берлине сейчас получают хлеба и других продуктов больше, нежели некоторые семьи военнослужащих в Советском Союзе...»

А 3 апреля 1945 года уполномоченный Совнаркома СССР по делам репатриации Ф. И. Голиков докладывал Г. М. Маленкову о преступлениях бойцов и командиров Земландской группы войск в Восточной Пруссии: «4 февраля заместитель по строевой части командир 298 ап 192 сд майор Слюнтяев и командир дивизиона этого же полка майор Мубараков во время выбора места для КП дивизиона обнаружили в бараче господского двора 8 мужчин и одну женщину. Последняя, хорошо владевшая русским языком, рассказала, что она латышка, насильно угнанная из-под Риги, а мужчины — французы.

Вечером Слюнтяев и Мубараков организовали выпивку и пригласили их к себе в блиндаж. Подвыпивший майор Слюн-

тятьев взял красноармейцев Чавкина и Романова, произвел у французов обыск, изъял ценные вещи, а их приказал расстрелять. Красноармейцы открыли огонь из автоматов, а Слюнтяев — из пистолета. Вернувшись в блиндаж, все указанные военнослужащие по очереди изнасиловали латышку.

5 февраля в бараке были обнаружены три трупа французов, а остальные пять человек, по-видимому, уцелели и скрылись.

Боясь, что женщина донесет о случившемся, майор Мубараков приказал расстрелять и ее, что и было выполнено красноармейцем Чавкиным.

12 марта майоры Слюнтяев и Мубараков осуждены на 10 лет, разжалованы в рядовые и направлены в штрафной батальон. Красноармейцы Чавкин и Романов приказом командира дивизиона направлены в штрафную роту...»

Если старшие офицеры и подчиненные им красноармейцы столь сурово расправились с союзниками французами и соотечественницей латышкой, вся вина которых была в том, что их угнали на работу в Германию, можно представить, что приходилось терпеть от них собственно немецкому мирному населению. Неудивительно, что немцы предпочитали сдаваться в плен англичанам и американцам.

В той же докладной Ф. И. Голиков приводил столь же жуткие примеры, относящиеся к сражавшимся в Силезии войскам 1-го Украинского фронта: «27 февраля в с. Гуш-Вонен неизвестный старший лейтенант-танкист подъехал на лошади к девушкам, работавшим по сбору зерна, слез с лошади и спросил девушку Гриценко Анну из Днепропетровской области, откуда она. Гриценко ответила. Ст. лейтенант приказал ей подойти, девушка отказалась, тогда он выстрелил из пистолета, тяжело ранил ее в грудь и скрылся. Гриценко была направлена в госпиталь. И целый ряд других аналогичных фактов».

О многочисленных насилиях над только что освобожденными от нацистской неволи советскими девушками и женщинами писал в своей докладной записке Г. М. Маленкову от 29 марта 1945 года секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов. Она была основана на докладе помощника начальника полит-

управления 1-го Украинского фронта по комсомольской работе Цыганкова. Там, в частности, отмечалось, что в славном для русской истории городе Бунцлау (там похоронено сердце Кутузова) общежитие, где находилось более 100 соотечественниц, освобожденных из германской неволи, регулярно подвергалось нападениям со стороны красноармейцев и командиров: «...Имеют место многочисленные факты издевательств, оскорблений и даже изнасилования женщин, проживающих в общежитии, со стороны отдельных военнослужащих, которые, особенно в ночное время, врываются в общежитие и буквально терроризируют девушек...

5 марта, поздно вечером, в общежитии находилось до 60 человек военнослужащих, главным образом из 3-й гвардейской танковой армии. Большинство из них были в пьяном виде, приставали к девушкам, оскорбляли их. Несмотря на категорический приказ коменданта покинуть общежитие, группа танкистов продолжала дебош, угрожая оружием, учинила драку. Высланный караулом наряд никого из хулиганов не задержал. Лишь утром удалось обнаружить в общежитии одного мертвеца пьяного танкиста, у которого ночью украли обмундирование и пистолет. Девушки заявляли, что «такие факты повторяются почти каждую ночь»...

Еще хуже и возмутительнее обстоит дело в военной комендатуре города Ельс. Здесь заместитель коменданта по политчасти капитан Балаян смотрит на освобожденных женщин и девушек как на нечто «второсортное». Он, например, заявил: «Пусть они ведут себя, как хотят, и спят, с кем хотят, лишь бы это было без шума»... Ни комендант города, ни его заместитель по политчасти не принимают никаких мер в отношении фактов дикого и возмутительного произвола со стороны отдельных военнослужащих к освобожденным женщинам и девушкам, не организуют охрану их общежитий, не наказывают виновников хамского отношения к ним.

В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов фронтовых курсов младших лейтенантов в количестве 35 человек явилась в пьяном виде на фольварк Груттенберг и начала творить дебош и насилия над находящимися там женщинами и девушками.

В ночь с 14 на 15 февраля в один из фольварков, занимаемых гуртом скота (начальник гурта капитан Каримов), явилась штрафная рота во главе со старшим лейтенантом (фамилия не установлена), оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего общежитие. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке освобожденных советских женщин и девушек. Только утром вся группа была задержана и арестована...»

28 марта 1945 года Геббельс отметил в дневнике: «Конти (министр здравоохранения. — Б. С.) издал наконец распоряжение для немецких врачей, разрешающее прерывать беременность у женщин, изнасилованных большевиками. Эта проблема в будущем окажется довольно важной, тем более что очень многие немецкие женщины заражаются от советских солдат венерическими болезнями».

Это распоряжение носило в основном пропагандистский характер хотя бы потому, что почти все изнасилованные оставались на территориях, занятых советскими войсками. Но не вызывает сомнения, что немцам на занятых Красной Армией территориях приходилось еще хуже, чем освобожденным из нацистской неволи советским гражданам или гражданам стран антигитлеровской коалиции. Неудивительно, что поток стихийных беженцев в 1945 году шел только с востока на запад, но не наоборот. Советское командование во многом попустительствовало актам насилия. Лишь малая часть проштрафившихся военнослужащих привлекалась хоть к какой-то ответственности. И тут была, на мой взгляд, одна глубокая причина. Террор против мирных жителей вынуждал их покидать те районы Германии, которые должны были отойти к Советскому Союзу, или к полностью подконтрольной Москве Польше, или к советской оккупационной зоне Германии. Таким образом, здесь значительно уменьшалось немецкое население и возникало меньше проблем с ним у оккупационных властей. То, что благодаря этому основная часть немцев концентрировалась в Западной Германии (будущей ФРГ), Сталина в тот момент не слишком волновало.

Советское наступление на Берлин началось 16 апреля.

Красная Армия имела над противником пятикратное превосходство в людях и еще более значительное — в танках и самолетах. Наиболее тяжелые бои развернулись на Зееловских высотах, где наступал 1-й Белорусский фронт. Немцы узнали о времени начала атаки и отвели свои войска на обратные склоны высот, так что они не понесли больших потерь при артподготовке. Также бесполезны оказались и примененные по инициативе Жукова мощные прожектора. Они должны были, по замыслу, ослепить противника, но не могли пробить пелену пыли, поднявшуюся у германских окопов от снарядов и бомб. Скорее от прожекторов был вред для самой Красной Армии, поскольку их свет освещал немцам боевые порядки наступающих. Прорвать оборону на Зееловских высотах удалось лишь на третий день наступления. Потери советских войск здесь были столь огромны, что от гор трупов, выросших перед окопами, некоторые немецкие солдаты буквально сходили с ума. До меня, в частности, дошел рассказ одного командира, положившего весь батальон в атаке на печально знаменитые Зееловские высоты. Когда он пробовал возразить, что немецкая система огня не подавлена и надо еще поработать артиллерии, ему пригрозили расстрелом, если немедленно не поведет бойцов в атаку. Когда остатки батальона уже собирались отступить, дзот внезапно замолчал. Когда командир с немногими уцелевшими солдатами (офицеры были выбиты почти все) ворвался в дзот и пристрелил второго номера, то выяснилось, что первый номер просто сошел с ума, увидев перед собой такую гору трупов. Иначе Красная Армия воевать не могла. И об этом предупреждали эмигранты. Видный военный теоретик русской эмиграции полковник Арсений Зайцов еще к 16-й годовщине РККА писал: «Желание во что бы то ни стало иметь... политически благонадежный командный состав покупается ценой резкого понижения его общей и чисто военной подготовки... Полная зависимость командного состава от органов компартии подрывает его престиж и... развивает в нем инстинкт приспособляемости и стремления угодить всецельному политическому начальству. Да и как проявить самостоятельность или свободно мыслить в стране, где даже наука

введена в жестокое русло «марксистско-ленинского метода» и где инакомыслие равносильно политической неблагонадежности и беспощадно и немедленно карается властью?» Более успешно действовал 1-й Украинский фронт маршала Конева, уже в первый день наступления взломавший немецкую оборону по реке Нейсе. В дальнейшем с санкции Сталина началась гонка танковых армий двух фронтов к Берлину. В результате германскую столицу брали войска как Жукова, так и Конева. Берлинский гарнизон, состоявший из 56-го танкового корпуса генерала Вейдлинга, был окружен. В другом «котле» к югу от Берлина, в районе Франкфурта-на-Одере, оказались основные силы 9-й немецкой армии. Войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского к северу от Берлина, форсировав такую серьезную водную преграду, как нижнее течение Одера, теснили противника к Эльбе. В Берлинской операции каждый советский фронт практически имел против себя только по одной неприятельской армии. 15 апреля на Эльбу с Запада вышли американские войска. Им пришлось 10 дней ждать встречи с Красной Армией. Эйзенхауэр запретил им наступать на Берлин, чтобы не углубляться слишком далеко в будущую советскую оккупационную зону. Он предполагал сосредоточиться на очистке Рура и захвате южных и юго-восточных районов Германии. Трудно сказать, какими могли бы быть последствия иного решения. Очень вероятно, что американцам и англичанам удалось бы достичь Берлина за 2—3 дня, как считал командующий 9-й американской армией генерал Уильям Симпсон, т. е. еще тогда, когда советские войска дрались на Одере. Падение Берлина было бы, безусловно, ускорено, и Красная Армия избежала бы тех больших потерь, которые она понесла при штурме города. Однако при таком развитии событий было бы вероятно, что Гитлер предпочел бы покинуть Берлин, который с запада оборонять было просто нечем, и отойти вместе с частью войск в Альпийскую крепость. Это могло бы продлить сопротивление группы армий «Центр» в Чехословакии, Австрии и Баварии. Кстати, командующий американской группой армий генерал Омар Брэдли оценивал возможные потери при наступлении

от Эльбы до Берлина в 100 тысяч убитых и раненых. Предположение, что за свою столицу немцы будут сражаться особенно ожесточенно и бросят на ее защиту все силы, стало одной из побудительных причин для Эйзенхауэра отказаться от удара на Берлин и сосредоточиться на уничтожении основных группировок неприятельских войск. Между тем союзники значительно преувеличивали возможности противника по прикрытию Берлина с Запада. Войска на Одере уже были связаны начавшимся наступлением Жукова и Конева и не могли быть быстро переброшены на Запад. На Эльбе стояла лишь недавно сформированная 12-я немецкая армия генерала Венка численностью немногим более 100 тысяч человек. Она при всем желании не могла ни остановить американцев, ни нанести им сотысячные потери. Предпринятое Венком 16 апреля наступление с целью деблокады окруженной в Гарце 11-й армии закончилось катастрофой. Две дивизии 12-й армии столкнулись со вторым эшелоном 9-й американской армии и к 21 апреля были уничтожены в районе к северу от Брауншвейга.

По приказу Гитлера оставшиеся 5 дивизий армии Венка 22 апреля после того, как они ликвидировали неприятельский плацдарм за Эльбой к югу от Магдебурга и локализовали другой в районе Барби, были повернуты на восток и двинулись на выручку Берлина. Между тем 25 апреля войска Конева соединились с частями 1-й американской армии на Эльбе в районе Торгау, окончательно разрезав немецкий фронт на две изолированные группировки — северную и южную. Войска Венка наступали на Ютеборг для соединения с 9-й германской армией, чтобы потом вместе ударить на Берлин. 1 мая примерно 30 тысяч солдат и офицеров под руководством командующего 9-й армией генерала Буссе осуществили прорыв и в районе Белица встретились с частями 12-й армии. Это произошло уже после самоубийства Гитлера, застрелившегося в бункере рейхсканцелярии 30 апреля, и накануне капитуляции берлинского гарнизона 2 мая. Несколькими днями ранее, 29 апреля, капитулировали немецкие войска в Италии, причем условия капитуляции также вступили в силу 2 мая. Советские войска от Берлина были

переброшены в Чехословакию и 9 мая освободили город, где началось антигерманское восстание. Ранее, 7 мая 1945 года, в Ставке Эйзенхауэра в Реймсе начальник штаба оперативного руководства генерал Йодль от имени правительства преемника Гитлера гросс-адмирала Деница вынужден был подписать акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил на всех фронтах. 8 мая боевые действия прекратились, но отдельные стычки с германскими частями, не получившими известия о капитуляции, продолжались вплоть до 15 мая. По требованию Сталина, который не был извещен заранее о капитуляции в Реймсе, подписанный там акт решено было считать предварительным, а окончательное подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии произошло в берлинском пригороде Карлсхорсте 8 мая 1945 года. Группа армий «Центр» была вынуждена сдаться в плен Красной Армии, после того как американское командование в Западной Чехии отказалось принять ее капитуляцию. Немецкие войска в Северной Германии, отступавшие перед фронтом Рокоссовского, вместе с войсками в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии, под общим руководством фельдмаршала Буша сдались в плен англичанам, так же как и группа армий «Австрия». Остатки немецких войск в Курляндии и Восточной Пруссии сложили оружие перед Красной Армией. 23 мая во Фленсбурге союзники арестовали правительство Деница. Всего в период массовой сдачи вермахта в плен с конца апреля до середины мая 1945 года союзные войска взяли в плен около 4 миллионов немецких солдат и офицеров, а советские войска — около 1,4 миллиона. Кроме того, на завершающем этапе войны в Европе, с июня 1944 года по апрель 1945 года, союзные армии пленили 2 миллиона германских военнослужащих, а советские войска — 1 миллион.

Вскоре завершились боевые действия на последнем театре Второй мировой войны — тихоокеанском. 22 июня 1945 года, на следующий день после падения Окинавы, император Японии Хирохито предложил правительству начать мирные переговоры. Капитуляция Германии и выход союзников на ближние подступы к Японским островам создали страте-

гически безнадежную обстановку для Страны восходящего солнца. Почти весь ее военный флот был потоплен, поставки нефти прекращены, а промышленное производство из-за отсутствия энергии и сырья, а также американских бомбардировок сократилось в несколько раз. 26 июля правительства США, Великобритании и Китая в Потсдамской декларации выдвинули условия мира с Японией. От вооруженных сил требовалась безоговорочная капитуляция. От Японии должны были быть отторгнуты все ее колонии, а страну планировалось подвергнуть оккупации до тех пор, пока в результате свободных выборов не будет создано «склонное к миролюбию правительство». 10 днями раньше в США прошли успешные испытания атомной бомбы. В течение июля 500 и более бомбардировщиков ежедневно бомбили Японию. 10 июля самолеты с авианосцев вывели из строя все аэродромы в районе Токио. Англо-американской эскадрой были также потоплены или тяжело повреждены все японские военные корабли. 30 июля были разбомблены аэродромы и промышленные предприятия в центральной части острова Хонсю. Американское командование планировало в ноябре 1945 года захватить Кюсю, а в марте 1946 года высадиться в районе Токио. Но атомная бомба и вступление в войну Советского Союза значительно приблизили японскую капитуляцию. 6 августа атомная бомба была сброшена на Хиросиму, а 9 августа — на Нагасаки, вызвав гибель сотен тысяч мирных жителей. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии. На рассвете 9 августа Красная Армия вторглась в Маньчжурию, а на следующий день — в Корею. В ночь на 11 августа японское правительство решило согласиться на безоговорочную капитуляцию при условии, что в стране сохранится власть императора. Через Швейцарию и Швецию об этом тотчас же сообщили союзникам. Те ответили согласием, но с двумя оговорками: император должен подчиняться главе оккупационных сил и судьбу монархии должен будет решить японский народ. Пока японцы раздумывали над принятием этих оговорок, 3-й американский флот нанес удар по северу острова Хонсю и Курильским островам, а 13 августа бомбардировал Токио. 14 августа японский кабинет согла-

сился на капитуляцию, и 15 августа боевые действия были прекращены. Строго говоря, Квантунская армия, располагавшаяся в Северном Китае, уже никак не могла быть переброшена для защиты Японских островов из-за отсутствия горючего и транспортных средств, поскольку почти весь японский торговый флот был уничтожен подлодками и авиацией союзников. Но в моральном отношении наступление Красной Армии было для Японии сильнейшим ударом, продемонстрировав безнадежность ее положения. Советские войска заняли Маньчжурию, Внутреннюю Монголию (туда вошли и войска Монгольской Народной Республики) и Северную Корею, американские — Южную Корею. 18 августа советские десанты высадились на Курильских островах, где встретили упорное сопротивление, продолжавшееся 5 дней. 1 сентября без боя были заняты Южно-Курильские острова, никогда прежде не входившие в состав России. Во время боев на Курилах советские потери составили до трех тысяч человек, японские — 1 тысячу человек. Напротив, в Маньчжурии и Корее японские безвозвратные потери превышали советские. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» в Токийской бухте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Япония, делавшая основной упор на развитие военно-морского флота, уступала своим потенциальным противникам в авиации и сухопутных силах. Японские летчики имели в целом достаточно высокий уровень подготовки, что и продемонстрировали в Перл-Харборе. Но их было слишком мало, и по числу пилотов Страна восходящего солнца значительно уступала США и Англии. Японская авиационная промышленность также не смогла угнаться за американской и во второй половине войны проигрывала противнику и в количестве, и в качестве боевых машин. Также и судостроение Японии не выдержало конкуренции с американскими верфями. Японская сухопутная армия ориентировалась на борьбу с таким слабым соперником, как армия Китая, и имела мало танков. Недостаток техники и опытных кадров японское руководство пыталось компенсировать фанатичным самопожертвованием своих солдат и офицеров. Не случайно

в «камикадзе» брали в основном новобранцев, тогда как опытных пилотов стремились сохранить. Роль «камикадзе» выполняли, по сути, и миллионы советских солдат. Техники, правда, у них было в избытке, но управляться с ней как следует не умели и оттого несли неоправданные потери. Кроме того, в Красной Армии большое число танков и самолетов сочеталось с острой нехваткой средств связи и транспортных средств, что во многом сводило на нет преимущество в авиации и бронетехнике.

Потери всех стран, участвовавших во Второй мировой войне, убитыми, умершими от ран, ставшими жертвами репрессий, умершими от голода и болезней составили более 60 миллионов человек, в том числе около 6 миллионов евреев и более 300 тысяч цыган, погибших в результате нацистского геноцида. По нашей оценке, основанной на соотношении числа убитых и раненых в Красной Армии в 1942 году, советские вооруженные силы потеряли погибшими в боях, умершими от ран, болезней и несчастных случаев, а также расстрелянными по приговорам трибуналов приблизительно 22,4 миллиона человек. Кроме того, из 6,2 миллиона советских военнопленных примерно 4 миллиона умерли от голода, эпидемий, репрессий. Еще около 16,9 миллиона мирных жителей СССР пали жертвами военных действий, репрессий со стороны германских оккупационных властей, умерли от голода и болезней. Общие безвозвратные потери Советского Союза составили около 43,3 миллиона человек (точность оценки — плюс-минус 5 миллионов), что превышало потери всех других государств — участников войны вместе взятых.

Советский Союз призвал в ряды своих вооруженных сил наибольшее число людей по сравнению со всеми другими странами — участницами Второй мировой войны. По официальным данным, с учетом численности армии мирного времени, всего было призвано 34,5 миллиона человек, из которых 3,6 миллиона было отозвано для работы в промышленности и военизированных формированиях различных ведомств. Для сравнения — в Германии было мобилизовано 17,9 миллиона человек, из которых 2 миллиона человек впоследствии отзывали для работы в промышленности. Од-

нако в официальные цифры советской мобилизации не включен многочисленный местный призыв, проводимый непосредственно воинскими частями на освобождаемых (или оставляемых) территориях. А этот призыв составлял очень значительную величину. Так, только в сентябре 1943 года и только один Южный фронт пополнился за счет местных ресурсов на 115 тысяч человек. Как проходил этот призыв, хорошо описал генерал Петр Григоренко: «К осени 1944 года... людей в стране уже не было. Готовилась мобилизация 1927 года, т. е. семнадцатилетних юнцов. Но нам и этого пополнения не обещали. От 4-го Украинского фронта требовали изыскания людских ресурсов на месте — мобилизации воюющих возрастов на Западной Украине, вербовки добровольцев в Закарпатье и возвращения в части выздоравливающих раненых и больных. Нехватка людей была столь ощутима, что мобилизацию превратили, по сути, в ловлю людей, как в свое время работорговцы ловили негров в Африке. Добровольчество было организовано по-советски, примерно так, как организуется стопроцентная «добровольная» явка советских граждан к избирательным урнам». Всего, по моим расчетам, в Красной Армии в годы войны служило около 46,5 миллиона человек, из которых, если верить официальным данным, для работы в промышленности и военизированные формирования других ведомств было отозвано 3,6 миллиона человек. Тогда чистый призыв составит 42,9 миллиона человек против чистого призыва в Германии в 15,9 миллиона человек, что составляет, соответственно, 20,5% от общей численности населения СССР в 1941 году и 19,7% от населения Рейха в 1939 году. Из 42,9 миллиона призывников около 12 миллионов должны составлять ополченцы и люди, призванные на местах непосредственно в части.

Судьба этих местных призывников с оккупированных территорий была особенно трагична. На них смотрели как на потенциальных изменников Родины и бросали в буквальном смысле на убой, чтобы у НКВД после войны было меньше работы по выявлению «неблагонадежных». Одну из бессмысленных и беспощадных к собственным людям атак, предпринятых в декабре 1943 года в Белоруссии пополнением, посту-

пившим из только что освобожденной Орловской области, хорошо запечатлел бывший командир взвода лейтенант Валентин Дятлов: «Мимо, по ходу сообщения прошла цепочка людей в гражданской одежде с огромными «сидорами» за спиной. «Славяне, кто вы, откуда? — спросил я. — Мы с Орловщины, пополнение. — Что за пополнение, когда в гражданском и без винтовок? — Да сказали, что получите в бою...»

Удар артиллерии по противнику длился минут пять. 36 орудий артиллерийского полка «долбили» передний край немцев. От разрядов снарядов видимость стала еще хуже...

И вот атака. Поднялась цепь, извиваясь черной кривой змейкой. За ней вторая. И эти черные извивающиеся и двигающиеся змейки были так нелепы, так неестественны на серо-белой земле! Черное на снегу — прекрасная мишень. И немец «поливал» эти цепи плотным свинцом. Ожили многие огневые точки. Со второй линии траншеи вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Цепи залегли. Командир батальона орал: «Вперед... твою мать! Вперед!.. В бой! Вперед! Застрелю!» Но подняться было невозможно. Попробуй оторвать себя от земли под артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем...

Командирам все же удавалось несколько раз поднимать «черную» деревенскую пехоту. Но все напрасно. Огонь противника был настолько плотным, что, пробежав пару шагов, люди падали как подкошенные. Мы, артиллеристы, тоже не могли надежно помочь — видимости нет, огневые точки немцы здорово замаскировали, и, вероятней всего, основной пулеметный огонь велся из дзотов, а потому стрельба наших орудий не давала нужных результатов». Потери среди этих пополнений были наиболее велики, а их учет — наименее налажен.

Подчеркну, что определить, сколько Красная Армия потеряла в войну убитыми на поле боя, а также умершими от ран, болезней, несчастных случаев, в плену и по другим причинам, чрезвычайно сложно. Учет же безвозвратных потерь (погибшими и пленными) — задача исключительно трудная сама по себе для любой армии мира. Во Второй мировой войне счет убитых шел на сотни тысяч и миллионы, еже-

дневно гибли тысячи и тысячи солдат и офицеров. Командиры, не успев сообщить по инстанциям обо всех погибших и пропавших без вести, часто сами оказывались убитыми или ранеными. Не все донесения о потерях доходили до высших штабов, не все учитывались в итоговых сводках. Чем более высоким был уровень потерь, тем хуже их считали. Особенно неблагоприятным положение с учетом безвозвратных потерь было в Красной Армии. Она потеряла больше солдат и офицеров, чем все другие армии Второй мировой войны вместе взятые. В сталинской системе человек был винтиком, жизнь которого не стоила практически ничего. На декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 году заместитель наркома обороны маршал Кулик пренебрежительно заметил: «Я слушал выступления политработников и несколько их не понял. В своих выступлениях они останавливались на отдельных случаях недисциплинированности или перегибов в применении дисциплинарных прав. Такой-то выпил, а такой-то — ударил ломом по голове, такой-то — пристрелил. Из их выступлений можно было понять, что если бы не было нового Дисциплинарного устава с его статьей, разрешающей командиру применять силу и оружие, то не было бы никаких перегибов... Нам дан новый устав, новые установки, и мы должны не агитировать друг друга, а конкретнее перестраивать нашу работу так, как требует ЦК партии, как требует Народный комиссар. Есть пословица: там, где лес рубят, там щепки летят. Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то кого-то пристрелили, не стоит». Григорий Иванович не знал, что очень скоро сам превратится в одну из щепок и будет расстрелян.

В начале войны рядовые красноармейцы не имели ни удостоверений личности, ни именных медальонов. Это, кстати сказать, облегчало работу неприятельским лазутчикам. Им достаточно было раздобыть красноармейскую форму и знать номер хотя бы одной из расположенных на данном участке частей, чтобы спокойно вести разведку в прифронтовой полосе. 15 марта 1941 года, в преддверии готовившегося нападения на Германию, приказом наркома обороны было введено в действие Положение о персональном учете потерь

и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время. Оно предписывало к 1 мая 41-го «снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени, а штабы военных округов — бланками извещений и форм именных списков». После каждого боя командир подразделения или части обязан был проверить личный состав и немедленно донести вышестоящему начальнику о безвозвратных потерях. В штабах полков персональный учет потерь должен был производиться «по именным спискам персональных потерь в подразделениях, входящих в состав полка... и на основании проверки личного состава некоторых подразделений на выборку». Далее списки направлялись по команде вплоть до Управления по укомплектованию войск, которое должно было «вести персональный учет потерь Красной Армии за отдельные части и соединения (дивизия, бригада, корпус, армия, фронт) и справочную картотку потерь личного состава Красной Армии во время боевых действий».

На бумаге все выходило гладко. В жизни же стройной и бесперебойно действующей системы учета безвозвратных потерь создать так и не удалось. Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 года, однако еще в начале 42-го далеко не все красноармейцы их получили. К тому времени многие бойцы и командиры не были снабжены и медальонами со сведениями о военнослужащих. Например, соответствующий приказ до войск Южного фронта был доведен только в декабре 41-го. А 17 ноября 1942 года новым приказом наркома обороны эти медальоны были вообще отменены. Приказ был издан потому, что на многих бойцов и командиров сам вид медальонов действовал угнетающе, заставлял думать о близкой смерти. Нередко красноармейцы даже отказывались их брать. В результате учет безвозвратных потерь еще больше запутался. Командирам подразделений разрешили предоставлять донесения о потерях с указанием только общего числа, а не имен убитых, раненых и пропавших без вести. Стало гораздо проще занижать цифры потерь, особенно безвозвратных, в чем командиры были кровно заинтересованы. Ведь чем меньше потери, тем лучше подразделение воюет.

Главное же, чем меньше были потери в донесениях, тем больше людей на бумаге оставалось в строю, а на мертвые души можно было исправно получать продовольственные пайки и распределять их среди оставшихся в живых.

Ответственный секретарь «Нового мира» во времена Твардовского Игорь Александрович Сац в годы войны командовал ротой разведчиков. Кстати, его, знавшего польский язык, взяли в просоветское Войско Польское, где Сац считался как бы поляком. После войны он рассказывал критику Владимиру Лакшину, как именно составлялись донесения о численности личного состава роты: «Можно поехать в Подольский архив и там найти три моих донесения, помеченных одним и тем же числом. В одном я пишу, что в моей разведроте 38 активных штыков, в другом — 65, а в третьем — 93. Как так? А просто в первом случае меня запрашивали, не могу ли я передать в другую роту часть своего личного состава. Не могу, у меня всего 38 бойцов. Во втором требовалась справка на обмундирование и боевое снаряжение — тут точно 65, ни больше, ни меньше. В третьем же случае выдавалось пищевое довольствие — его бы хорошо получить на 93-х — разведчика надо кормить. А военный историк пусть выбирает цифру, какая ему нравится». Причем манипуляции происходили чаще с безвозвратными потерями, поскольку раненых учитывали еще и санитарные учреждения, и здесь простора для командирских фантазий было поменьше.

В руководстве наркомата обороны нисколько не заблуждались насчет полноты учета безвозвратных потерь. В приказе от 12 апреля 1942 года заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко, ведавший кадрами, отмечал: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попав-

ших в плен еще более далеки от истины». К концу войны положение не улучшилось. За два месяца до победы в приказе наркома обороны от 7 марта 1945 года указывалось, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь. На практике ни Жуков, ни другие советские военачальники не знали, сколько в действительности в данный момент личного состава в подчиненных им войсках и какие они понесли потери.

Лишь в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» Министерство обороны России наконец опубликовало официальные данные о безвозвратных потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Они оказались равны 8 668 400 человекам убитыми и умершими от ран, болезней, несчастных случаев, в плену, покончившими с собой или расстрелянными по приговорам трибуналов. Однако невооруженным глазом видно, что эта цифра очень далека от действительности. В тех немногих случаях, когда данные о потерях в отдельных операциях, приведенные в книге «Гриф секретности снят», поддаются проверке, выявляется их полная несостоятельность. Так, 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта, которыми командовал Рокоссовский, насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человек. К моменту перехода Красной Армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда насчитывала 1300 человек, стрелковая — от 1500 до 3000 человек. С учетом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать не менее чем 700 тысячами человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были примерно на 55 тысяч больше, чем утверждает официальная статистика. Не могло

же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неведомо куда, да еще в условиях ожесточенных боев!

Ясно, что официальными данными для определения подлинного размера безвозвратных потерь Красной Армии в Великой Отечественной войне пользоваться нельзя. Нужно пойти другим путем. В 1993 году Д.А. Волкогонов опубликовал сведения о безвозвратных потерях советских вооруженных сил в 1942 году с разбивкой по месяцам. Всего они составили 5888 тысяч человек (по сравнению с 3258 тысячами в книге «Гриф секретности снят»). Между числом убитых и раненых существует зависимость, близкая к прямо пропорциональной. Сколько именно было раненых в Красной Армии во время войны, точно неизвестно до сих пор. Однако в книге Е.И. Смирнова «Война и военная медицина» приведен график помесечных потерь ранеными с июля 41-го по апрель 45-го (в процентах к среднемесячной величине).

Отмечу, что даже данные Волкогонова существенно занижают величину безвозвратных потерь. Так, в мае 1942 года безвозвратные потери составили всего 422 тысячи человек и даже уменьшились по сравнению с апрелем на 13 тысяч. Однако как раз в мае немцы взяли около 150 тысяч пленных на Керченском полуострове и около 240 тысяч — в районе Харькова. Значит, необходимо выбрать такой месяц, когда убитые были учтены наиболее полно и не было больших потерь пленными. По ряду соображений я остановился на ноябре, когда безвозвратные потери достигли 413 тысяч человек, а число раненых составило 83 процента от среднемесячного уровня за войну в целом. Если распространить эту пропорцию на весь военный период, то общее число погибших можно очень грубо оценить в 23,3 миллиона человек. Из этого числа надо вычесть 940 тысяч окруженцев, числившихся пропавшими без вести, но после освобождения оккупированных территорий вновь призванных в армию. Останется около 22,4 миллиона погибших в бою, умерших от ран, болезней и иных причин. К этому числу надо еще прибавить умерших в плену.

По послевоенным немецким данным, вермахт на Восточ-

ном фронте захватил в плен 5754 тысячи военнопленных. Однако в этом документе число пленных 41-го года определено в 3355 тысяч человек. Между тем в других немецких документах отмечается, что тогда было взято в плен 3,8—3,9 миллиона человек. С учетом этого общее число советских пленных можно оценить в 6,3 миллиона человек. Из них около 1,8 миллиона было освобождено Красной Армией или, сражаясь уже в рядах вермахта, вновь попало в плен, уже в советский. 250 тысяч, а может быть, и больше предпочло остаться на Западе после окончания войны. Какое-то число смогло бежать из лагерей военнопленных еще до окончания войны. Всего, по моей оценке, в плену погибло около 4 миллионов бойцов и командиров Красной Армии, главным образом в суровую зиму 41-го, когда их почти не кормили и держали в лагерях едва ли не в открытом поле. Хоть как-то заботиться о выживании пленных немцы начали только после окончательного провала блицкрига.

Безвозвратные потери Красной Армии в Великой Отечественной войне я оцениваю в 26,4 миллиона человек. Оценка эта, конечно, весьма грубая, с точностью, не превышающей плюс-минус 5 миллионов. Боюсь, однако, что более точной цифры мы уже никогда не получим. Свыше полувека прошло с момента окончания войны. При том несовершенном персональном учете, который был в Красной Армии в военные годы, надеяться сегодня поименно установить всех погибших — абсолютная утопия. И даже определить их общее число с большей точностью, например, плюс-минус 1 миллион, вряд ли когда-нибудь удастся.

Кроме того, примерно 17 миллионов мирных советских граждан погибли в годы войны в ходе боевых действий, были казнены оккупантами или скончались от голода и лишений. Общие безвозвратные потери населения СССР в период Великой Отечественной войны я оцениваю в 43,3 миллиона человек.

Можно ли попытаться как-нибудь проверить число 26,4 миллиона погибших красноармейцев? В принципе, можно. В первой половине 90-х годов поисковыми отрядами в России было обнаружено примерно 5 тысяч трюпов советских

воинов, которых удалось идентифицировать. Наиболее полный банк данных о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне, есть в музее на Поклонной горе. Здесь почти 19 миллионов имен. Однако из упомянутых 5 тысяч погибших, чьи имена поисковикам удалось установить, примерно 30 процентов в банке данных отсутствовали. Если предположить, что 19 миллионов попавших туда военнослужащих — это примерно 70 процентов всех погибших и пропавших без вести, то их общее число можно оценить в 27,1 миллиона человек. Если вычесть отсюда окруженцев и оставшихся в живых пленных, то общее число погибших составит около 24 миллионов. Однако данная оценка может несколько занижать величину потерь, поскольку основана на данных о тех 5 тысячах погибших, у которых сохранились документы, позволяющие установить личность. У этих людей вероятность попасть в банк данных была существенно выше, чем у среднестатистического погибшего. Поэтому окончательная оценка по этому методу может оказаться еще ближе к 26,4 миллиона.

Потери среди офицеров в Красной Армии считали гораздо точнее, чем среди рядовых. После войны группа сотрудников Главного управления кадров Министерства обороны в течение более 7 лет считала безвозвратные потери офицерского состава. К концу 1960 года они были определены в 1028 тыс. человек, в том числе в сухопутных войсках — в 973 тысячи человек. Безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск составили в 1941—1944 гг. для вермахта на Востоке 65,2 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного, медицинского, ветеринарного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 754 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 11,6:1. Если сравнить 754 тыс. погибших офицеров с официальными безвозвратными потерями сухопутных сил по книге «Гриф секретности снят», то получится, что на одного погибшего офицера в наземных войсках приходилось немногим

больше, чем семь солдат. Получается, что в Красной Армии всеми отделениями командовали офицеры! Тут уж любой фронтовик подтвердит, что это не так. В германских сухопутных войсках на Востоке на 1 погибшего офицера приходилось 36 рядовых. В действующей же армии Германии на одного офицера приходилось 33 рядовых и чиновников. Вряд ли в Красной Армии соотношение было существенно другим.

У немцев персональный учет потерь был поставлен в целом неплохо и по точности превосходил численный, анонимный учет. Оценки, основанные на данных персонального (поименного) учета, дают примерно 4 миллиона погибших военнослужащих (из них около 800 тысяч умерло в плену). Конечно, точность здесь тоже отнюдь не абсолютная. В последние полгода войны учет потерь в вермахте разладился, и для этого периода существуют только очень приблизительные оценки. Но в целом, я думаю, цифра в 4 миллиона недалека от действительности, и ее точность лежит в пределах плюс-минус полумиллиона человек. На Восточном фронте погибло в бою и умерло от ран и болезней около 2,1 миллиона германских солдат, еще примерно полмиллиона скончалось в советском плену. Это приблизительно в 10 раз меньше, чем число погибших в рядах Красной Армии. Интересно, что, по данным поисковых отрядов, занимающихся поисками и захоронением погибших, соотношение останков военнослужащих Красной Армии и вермахта на территории Российской Федерации как раз и составляет 10:1. Даже если принять, что часть своих потерь советские войска понесли в борьбе против союзников Германии и бывших советских граждан, сражавшихся в рядах вермахта и СС, суммарное соотношение снизится до 8:1, но все равно останется разнопорядковым. Общее же соотношение потерь, с учетом раненых и пленных, будет несколько благоприятнее для советской стороны. До конца апреля 1945 года Красная Армия взяла в плен около 2 миллионов немецких военнослужащих. Раненых с советской стороны было, по разным оценкам, в 3 или в 4 раза больше, чем с германской, а по больным соотношению было равным.

На советско-германском фронте столкнулись армии двух разных эпох. В вермахте было налажено успешное взаимодействие родов войск, обеспечивалось высокое качество подготовки солдат и офицеров, вооружение и боевая техника использовались с максимальным эффектом. Руководство Красной Армии стремилось бросить в бой как можно больше людей и техники, лишь во вторую очередь заботясь о взаимодействии и боевой подготовке. Советские войска побеждали за счет огромного численного превосходства в людях и технике, истощали противника непрерывными атаками.

В этих атаках не жалели ни людей, ни технику. На врага бросались тысячи, десятки тысяч танков и самолетов с плохо подготовленными экипажами. Между тем люфтваффе до самого конца сохраняло высокие стандарты в подготовке пилотов, да и танкистов, прежде чем пускать в бой, даже в конце войны основательно гоняли на полигонах.

Из-за чудовищно высоких потерь в Красной Армии почти не оставалось опытных солдат, которые могли бы помочь новобранцам освоиться в боевой обстановке. Да что солдат, командиры взводов и рот очень недолго оставались в строю до того, как быть убитыми или ранеными. Пополнения бросались в бой необученными, а часто и невооруженными. Для того чтобы воевать не числом, а умением, нужны были независимо мыслящие личности как среди солдат, так и среди генералов. А такие люди представляли потенциальную угрозу существованию советской тоталитарной системы. Они были обречены либо на гибель, либо на то, чтобы поглубже спрятать свое «я», подчиниться диктуемым сверху правилам игры.

Потери германских вооруженных сил убитыми, умершими от ран, болезней и несчастных случаев, расстрелянными по приговорам трибуналов и умершими в плену можно оценить примерно в 4 миллиона человек, из них 2,6 миллиона на Востоке (в том числе 0,5 миллиона — в плену) и 1,4 миллиона — на Западе и других театрах (в том числе 0,3 миллиона — в плену). Потери гражданского населения Германии и Австрии можно оценить в 2,5 миллиона человек. Они пали жертвами бомбардировок и наземных боевых действий на

территории Германии. Из общих потерь военнослужащих и гражданского населения в 6,5 миллиона человек на долю Австрии приходится около 350 тысяч человек. Следует также отметить, что в 4-миллионные безвозвратные потери вооруженных сил входят не только австрийцы, эльзасцы, поляки и чехи, служившие в германских вооруженных силах, но и некоторое число бывших советских военнопленных, служивших в вермахте и СС в качестве «добровольных помощников» (Hi-Wi) в тылу или солдатами и офицерами в боевых частях. Конечно, далеко не все они учтены в немецкой статистике потерь, и сколько их погибло, точно неизвестно. Вряд ли, однако, это число превышало несколько десятков тысяч человек, так как бывшие военнопленные в основном были «добровольными помощниками» и находились далеко от передовой. Все советские военнопленные, погибшие в германской армии, включены в 4 миллиона погибших в плену советских граждан. Потери США составили 302 тысячи погибших и умерших от ран, болезней, несчастных случаев и по другим причинам. Британские вооруженные силы, включая войска Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Индии, потеряли около 400 тысяч погибших. Кроме того, на Британских островах от бомбардировок и ракетных обстрелов погибло несколько десятков тысяч мирных жителей. Потери Италии достигли 330 тысяч погибших военнослужащих, 70 тысяч погибших партизан и несколько десятков тысяч человек гражданских лиц. Гораздо более значительными были безвозвратные потери Японии. Только вооруженные силы потеряли около 2 миллионов человек погибшими, включая войну с Китаем, начавшуюся еще в 1937 году. Кроме того, потери среди мирного населения можно оценить величиной от 0,5 до 1 миллиона человек. Франция потеряла погибшими 190 тысяч военнослужащих и еще 20 тысяч партизан. Безвозвратные потери Польши составили 140 тысяч в армии и до 5 миллионов человек среди гражданского населения, главным образом за счет евреев. Потери югославской армии, включая партизанскую армию Иосипа Броз Тито, оцениваются в 300 тысяч человек, а гражданского населения — более чем в 1 миллион. Румынская армия поте-

ряла около 300 тысяч человек, в том числе 50 тысяч, воюя на стороне антигитлеровской коалиции. Вооруженные силы Венгрии потеряли убитыми и умершими 200 тысяч человек, а Финляндии — 84 тысячи. Потери вооруженных сил Китая, как гоминьдановских, так и коммунистических, в борьбе с Японией в 1937—1945 годах можно очень приблизительно оценить в 1 миллион погибших. Они во много раз превышали потери японцев на Китайском фронте. Значительными были и потери гражданского населения Китая. Иногда их вместе с потерями армии оценивают в 7 миллионов человек, но достоверность этой цифры весьма сомнительна.

Во Второй мировой войне выявилась стойкость тоталитарных режимов, их способность заставлять свой народ драться в безнадежных или кажущихся безнадежными условиях. Это относится прежде всего к Советскому Союзу и Германии. Также и военно-авторитарный режим, опирающийся на традиционный японский менталитет, в Японии проявил выдающуюся способность к сопротивлению. Капитуляция последовала только после применения американцами ядерного оружия и вторжения Красной Армии в Маньчжурию, когда были исчерпаны все возможности к сопротивлению. Только фашистский режим в Италии, где тоталитаризм был выражен значительно слабее, сравнительно легко свергла в 1943 году королевская власть, которую поддержала и часть фашистов. Позднее же республиканское правительство Муссолини могло существовать лишь с опорой на германские штыки. Соответственно СССР, Германия и Япония понесли наибольшие потери (если брать только потери вооруженных сил) во Второй мировой войне. Западные демократии в целом смогли мобилизовать свои ресурсы для достижения победы, хотя быстрый крах Франции показал их уязвимость в критических условиях. Но тут большую роль играл и чисто географический фактор. Англия устояла не только благодаря высокой боеспособности и моральному духу армии и народа, но и вследствие того, что располагалась на островах, которые Германия, не имея сильного флота и стратегической авиации, не смогла захватить. Напротив, Франция очень быстро прекратила борьбу не только из-за слабости армии и нежела-

ния большинства французов нести тяготы войны, но и по причине того, что территория французской метрополии легко могла быть оккупирована в ходе всего одной военной кампании. Также и Советский Союз от краха спасла не только численность населения и устойчивость правящего режима, но и, не в последнюю очередь, обширность территории. Все главные политические и военно-экономические центры страны в принципе не могли быть заняты неприятелем в ходе одной военной кампании, а далее в дело вступал и собственный людской и экономический потенциал, и помощь союзников.

Вторая мировая война также опровергла известный постулат о том, что главное — это разгром вооруженных сил неприятеля, а оккупация территории приложится. Красная Армия за всю войну потеряла погибшими примерно в 10 раз больше, чем противостоявшие ей соединения вермахта. Даже с учетом потерь союзников Германии на Восточном фронте соотношение потерь оказывается на уровне 8:1, а принимая более благоприятное для советской стороны соотношение раненых, больных и пленных — до 5:1. Немцы многократно уничтожили всю Красную Армию, находившуюся на фронте, но не добились победы. Так, к концу 1941 года вышло из строя около 90 процентов кадровой советской армии и имевшейся в ее распоряжении боевой техники. Однако коммунистический режим имел практически неограниченные возможности для мобилизации и сделал невозможным создание каких-либо организованных групп, выступающих, как во Франции, за прекращение войны даже в казавшемся безнадежным положении. Так же и германская территория была оккупирована союзниками раньше, чем были полностью ликвидированы боеспособные соединения германской армии. Сопrotивление стало безнадежным после утраты основных промышленных районов в Руре и Силезии.

Итоги Второй мировой войны в Европе были подведены на встрече руководителей СССР, Великобритании и США в Потсдаме. Она началась 17 июля 1945 г. и продлилась семнадцать дней. Вместо умершего Рузвельта приехал его преемник Гарри Трумэн. Уже в ходе конференции Черчилля

сменил лидер победивших на парламентских выборах лейбористов Клемент Эттли. Накануне конференции Черчилль писал Трумэну: «Железный занавес опускается над фронтом русских. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться, что весь район восточнее линии Любек — Триест — Корфу будет в скором времени полностью в их руках». В Потсдаме был решен вопрос о репарациях — выплатах Германией ущерба странам — жертвам агрессии. Был создан Контрольный совет для управления оккупационными зонами до создания в Германии демократического государства. СССР была передана часть Восточной Пруссии с ее столицей — Кенигсбергом. Союзники фактически признали все территориальные захваты, осуществленные Сталиным в 1939—1945 гг., и его гегемонию в Восточной Европе, однако воспротивились ее дальнейшему распространению. Они отказались удовлетворить территориальные претензии СССР к Турции и требование о размещении в черноморских проливах советских военных баз. Отвергли они и поддержанные Сталиным претензии Югославии на югославский Триест и сохранение советской оккупации Северного Ирана. Не был окончательно решен вопрос о западных границах Польши, оставленный для будущей мирной конференции. Сталин предлагал провести их по Одере и Западной Нейсе, отдавая полякам Бреслау (Вроцлав) и Штеттин (Щецин). Его партнеры настаивали отодвинуть границу к Восточной Нейсе, оставив эти города немцам. Фактически был установлен сталинский вариант германо-польской границы. Более 8 миллионов немцев были депортированы из Судет, Румынии, Венгрии, а также с территорий, отошедших Польше и СССР.

Уже на Потсдамской конференции проявились разногласия между западными союзниками и СССР, постепенно в 1946—1947 году перешедшие в противостояние, названное «холодной войной». Для немедленного броска к Атлантике у Сталина не было ни сил, ни средств. Пока в Европе находилась американская армия и мощная авиационная группировка союзников, которые в любой момент можно было подкрепить новой немецкой армией из бывших пленных (ведь две трети вермахта сдалось западным союзникам) и атомной

бомбой, любой поход к Пиренеям был для Красной Армии авантюрой, обреченной на разгром. Но и США с Великобританией не собирались идти в новый крестовый поход для освобождения Восточной Европы от коммунизма и воссоединения Германии и Австрии. Во-первых, ни правительства, ни население, только что перенесшие ужасы Второй мировой войны, не были ни морально, ни материально готовы начать новую войну со вчерашним союзником. В Восточной Европе не было каких-либо жизненно важных для Запада пунктов или регионов, контроль над которыми стоило бы добывать ценою военных действий.

В результате Второй мировой войны Советский Союз поставил под свой контроль Восточную Европу, Китай, Северный Вьетнам и Северную Корею. Однако эти успехи в геополитическом отношении были более чем компенсированы объединением большей части побежденной Германии и других стран Западной Европы в 1949 году в военно-политический блок НАТО во главе с США. Несопоставимость экономических потенциалов западного блока, к которому тесно примыкала Япония, и коммунистического блока (их ВВП в 80-е годы соотносились как 10:1 и даже в еще большей пропорции) обусловила победу Запада в «холодной войне», ставшую очевидной с воссоединением Германии в 1990 году. Советско-китайская ссора в середине 60-х годов не сыграла в исходе этой войны сколько-нибудь существенной роли, прежде всего по причине очень низкого военно-экономического потенциала Китая в то время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Германская империя в своей истории сосуществовала с двумя другими великими континентальными империями — Австро-Венгерской и Российской (Советской). Но ее век оказался на удивление короток — всего 74 года. К тому же значительную часть этого периода, точнее, в 1919—1933 годах, во времена Веймарской республики, Германия фактически не может считаться империей. Ведь тогда не только в составе страны не было территорий с преимущественно негерманским населением, но и официальная (и, что еще важнее, действительная) политика германских властей не была направлена не только на захват чужих территорий, но даже на возвращение прежних имперских владений. Речь шла лишь о территориях, где немцы преобладали, — о Данциге или Мемеле. Только с приходом Гитлера к власти официальным лозунгом стало возвращение всех утраченных в 1919 году земель и курс на мировое господство «германской расы». Так что реальное бытие Германской империи насчитывает всего-то 57 лет. Это по сравнению с почти пятью веками Дунайской монархии Габсбургов (если считать от разделения владений австрийских и испанских представителей этой династии в середине XVI века) и как минимум с тремя столетиями российско-советской империи, если считать от Петра Великого до Михаила Горбачева. Некоторые же историки, замечу, не без основания считают Россию империей, начиная с Ивана Грозного. Ведь именно тогда в состав России были включены территории с нерусским, точнее, не с восточнославянским населением — Поволжье и Сибирь и впервые была предпринята широкомасштабная попытка оккупации обширных районов Прибалтики, причем на пике своих успехов в Ливонской войне армия Ивана Грозного контролировала почти всю Ливонию и значительную часть террито-

рии Литвы. Почему же Германская империя, наиболее мощная в военном и экономическом отношении и наиболее однородная в этническом отношении по сравнению с двумя другими, оказалась наименее долговечной? Причины, наверное, следует искать прежде всего в том, что империя Гогенцоллернов возникла позже всех других империй на земле. Она оказалась последней империей потому, что возникла слишком поздно. Эпоха империй была уже на излете. Интернационализация экономической жизни, установление действительно мировых хозяйственных связей привели к тому, что на место прямого административного и военного господства над теми или иными территориями, населенными иными народами, пришло господство экономическое. В этих условиях самое мощное государство планеты в финансово-экономическом отношении — Соединенные Штаты Америки — оказалось объективно заинтересовано в распаде империй. Кроме того, каждая из империй исторически стремилась к доминированию в Европе, а в XX веке сильнейшая из них Германская империя попыталась обрести гегемонию во всем мире. Однако поскольку всегда существовало несколько великих держав (не всегда — империй), то соперники всегда рано или поздно объединялись против очередного претендента на мировое господство и, привлекая к борьбе еще ряд более мелких государств, наносили ему сокрушительное поражение. Такова была судьба Габсбургской империи, против которой в Тридцатилетнюю войну объединились Швеция, Франция и протестантские германские княжества. Так произошло с Османской империей в конце XVII века, после разгрома турецкой армии под Веной. Так случилось с Францией, в начале XVIII века проигравшей войну за испанское наследство. Точно так же коалиция великих держав в конце концов поставила на колени Наполеона. А четыре десятилетия спустя Франция, соединившись с Англией и другими своими бывшими противниками, нанесла поражение Российской империи в Крымской войне, что почти на столетие оттеснило нашу страну в разряд второстепенных великих держав. Таким же в принципе был исход и двух мировых войн, когда были сокрушены кайзеровская империя и

империя Гитлера. Об этом подробно говорилось в данной книге. Если же продолжить этот ряд, то стоит вспомнить совсем недавнее прошлое — «холодную войну», в ходе которой коалиция Запада во главе с США одолела Советский Союз, что вызвало распад последней из оставшихся на земле империй.

Как мы убедились, схемы упадка и крушения империй не сильно менялись на протяжении веков. Но всегда, когда одни империи исчезали, другие сохранялись или возникали вновь. Ситуация принципиально изменилась с окончанием Второй мировой войны, в огне которой сгорели три империи — Германская, Японская и Итальянская. Но державы-победительницы Франция и Англия за какие-нибудь полтора десятилетия после победы утратили свои колониальные империи. Советский Союз смог сохраниться дольше — четыре с половиной десятилетия, но его судьба все равно была предопределена с самого начала его противостояния с Соединенными Штатами — из-за колоссального неравенства экономического и научно-технического потенциала. Показательно, что после Второй мировой войны ни одна из европейских держав более не предпринимала попыток территориальной экспансии. Соперничество сводилось теперь к экономической и политической конкуренции за влияние в различных регионах мира. Политические империи умерли, уступив место империям экономическим. Тот же Евросоюз возник как экономическое объединение, и даже сейчас, в начале XXI века, когда он постепенно приобретает черты политической конфедерации, главной основой ЕС остается тесная экономическая интеграция. Советский Союз, с его коммунистической мессианской претензией, которую он до последних десятилетий своего существования пытался реализовать в странах «третьего мира», но не достигший действительно глубокой экономической интеграции даже со странами-сателлитами в Восточной Европе и все более проигрывавший экономическое соревнование с «золотым миллиардом», был обречен.

Но точно так же в новых условиях оказалась принципиально невозможной и реставрация Германской империи.

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

И не только потому, что она была расчленена и оккупирована державами-победительницами, интегрировавшими оба германских государства в собственные военно-политические структуры. И не только оттого, что немецкое общество смогло, пусть и с помощью и по прямому требованию оккупационных держав, осудить национал-социалистическое прошлое. И даже не вследствие того, что вновь объединенная Германия — важная часть ЕС и НАТО, во многом определяющая лицо и свойства этих организаций. Главное — сегодня немцы озабочены не имперской идеей, а собственным преуспеянием, и невозможно найти силу, которая заставила бы их отказаться от комфорта общества потребления ради войны с неосязаемыми целями и негодными средствами. Здесь — надежная гарантия от германского реваншизма.

ЛИТЕРАТУРА

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. I—III. М.: Соцэкгиз, 1940—1941.

Бюлов Б. Воспоминания. М.—Л.: Соцэкгиз, 1935.

Вильгельм II. Мемуары. События и люди, 1878—1918. М.—Л.: Изд-во Л.Д. Френкеля, 1923.

Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз /Под ред. Рейнгарда Рюрупа. Берлин: Argon-Verlag GmbH, 1992.

Геббельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.

Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996.

Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-Око, 1992.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1, 2. М.: Наука, 1973.

Дьяков Ю.Л., Бушueva Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1923. М.: Сов. Россия, 1992.

Каутский К. Как возникла мировая война. М.: Красная новь, 1924.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 1, 2. М.: Госиздат, 1924.

Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1996.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.

Руге В. Гинденбург: портрет германского милитариста. М.: Мысль, 1981.

Соколов Б.В. Сто великих войн. М.: Вече, 2001.

Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1992.

Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983.

Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М.: Наука, 1977.

Чубинский В.В. Бисмарк: Политическая биография. М.: Мысль, 1988.

Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. М.—Л.: Госиздат, 1923.

Шпеер А. Воспоминания. М.: Прогресс; Смоленск: Русич, 1997.

Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид; Миф, 1996.

Якобсен Г.-А. 1939—1945: Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995.

Hitler's Secret Conversations. N. Y., 1953.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое империя	5
Часть первая. РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ.	13
«Железом и кровью»: накануне	13
«Железом и кровью»: австро-пруссско-датская война	17
«Железом и кровью»: австро-прусская война	21
Создание Северогерманского союза.	25
«Железом и кровью»: франко-прусская война	28
Часть вторая. ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПЕРВЫЙ МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД.	33
Время Бисмарка	33
Германские колонии: благо или обуза	54
«Культуркампф»: борьба против католиков	57
«Исключительный закон»: борьба с «красной опасностью»	61
Время Вильгельма II	65
Часть третья. ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	101
Как возникла Первая мировая война	101
Первая мировая война: от триумфа к гибели	126
Революция 1918 года: почему проиграли левые	184
Почему Германия проиграла войну: взгляд обанкротившейся элиты.	191
Версальский мир: горе побежденным.	199
Почему распались империи	204

Часть четвертая. МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: У ОРЛА ОТРАСТАЮТ ПЕРЬЯ. 1919—1933 ГОДЫ.	207
Веймарская интермедия: после поражения	207
Как Советский Союз вооружал Германию в 1922—1933 годах	213
Гитлер: могильщик республики и империи	230
Почему национал-социалисты пришли к власти	257
Последний прыжок к мировому господству: подготовка	261
Сталин и Гитлер — близнецы-братья	281
Евреи — главный враг в мире и в собственной стране	293
Расовая политика национал-социалистов	303
Религиозная политика Гитлера	317
Часть пятая. ТРЕТИЙ РЕЙХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	325
Как возникла Вторая мировая война	325
Вторая мировая война: последний парад Германской империи	330
Заключение	470
Литература	474

Борис Соколов

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ БИСМАРКА ДО ГИТЛЕРА

Ответственный редактор *П. Уляшов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Л. Гусева*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «ШАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.09.2003.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 25,6.

Тираж 3 000 экз. Зак. № 8329.

ISBN 5-699-04272-5



9 785699 042722 >

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИМПЕРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Борис Соколов ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Германская империя просуществовала 74 года: с 1871 г. по 1945 г., хотя она и восходит к империи Карла Великого и Священной Римской империи.

Созданная волей «железного канцлера» Бисмарка, она объединила разрозненные немецкие земли в сильное централизованное государство, которое разбило Францию, захватило ряд колоний. Но уже в начале XX века потерпело поражение от стран Антанты. В дальнейшем Третий рейх под водительством Гитлера попытался взять реванш—он подчинил себе почти всю Европу, но, неосмотрительно напав на Россию, подписал себе смертный приговор.

Так на протяжении менее столетия германская нация, возмечтавшая править миром вследствие фашистской идеологии, была низвергнута с прежних высот.



ISBN 5-699-04272-5



9 785699 042722 >

ЭКСМО